В. А. СЕРОВ

ПЕРЕПИСКА

«ИСКУССТВО»

ВАЛЕНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ

СЕРОВ

1865—1911

ВСЕРОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ
1937

ПЕРЕПИСКА

1884—1911

Вступительная статья и примечания
НАТАЛИИ СОКОЛОВОЙ

«ИСКУССТВО»
ЛЕНИНГРАД 1937 МОСКВА

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

2011096117

Портрет В. Серова работы худ. И. Репина
1901 г.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

„Переписка“ охватывает почти все годы творческой жизни крупнейшего русского художника-реалиста Валентина Александровича Серова—(1884—1911 гг.).

„Переписка“ разбита на две части: „Письма В. А. Серова“ и „Письма к В. А. Серову“. Внутри каждой части письма расположены в хронологическом порядке, по адресатам, что дает возможность проследить постепенный рост личности Серова как художника. Этот принцип соблюден и в расположении писем к каждому адресату.

Особенности орфографии и пунктуации В. А. Серова и его корреспондентов всюду сохранены, за исключением изменений, внесенных новой орфографией.

В квадратные скобки заключены даты, установленные при редактировании писем.

В такие же скобки заключены слова или окончания слов, введенные в текст при его обработке.

В „Приложениях“ даны некоторые официальные материалы, написанные В. А. Серовым.

Примечания, помещенные в конце книги, дают фактические сведения, необходимые при чтении писем, которым предпосылается статья общего характера о Серове и его переписке.

В. А. СЕРОВ И ЕГО ПЕРЕПИСКА

Переписка художника В. А. Серова впервые издается в столь полном объеме. Она охватывает широкий круг людей, с которыми Серов был связан личными и деловыми узами. Переписка, приводимая в настоящем издании, относится к самому интересному периоду жизни художника: начиная от середины 80-х годов XIX в., периода его творческого формирования, и кончая годом его смерти (1911 г.) в расцвете славы и таланта.

В письмах к О. Ф. Трубниковой и И. С. Остроухову с особенной полнотой раскрывается жизненный облик Серова, эволюция его личности, его художественных интересов, особенности его творчества, бытовая и профессиональная обстановка его жизни и работы.

В письмах Репина и Чистякова, крупнейших деятелей художественной культуры эпохи, и особенно самого Серова к Чистякову затрагиваются творческие вопросы, важные для понимания художественной практики Серова.

В переписке Серова с Дягилевым, Александром Бенуа, Бакстом — основными представителями „Мира искусства“ — дается богатый и живой материал, иллюстрирующий ту напряженную борьбу

на художественном фронте, которая велась в 90—900-х годах.

Наконец, особое место занимают письма и телеграммы учеников Академии и Училища живописи Серову, проливающие свет на ту общественную роль, которую играл Серов как художник и педагог.

Переписка Серова облегчает понимание сложного психологического и творческого облика крупнейшего живописца дореволюционной России и художественной культуры его эпохи.

В настоящее издание вошли письма из архивов О. В. Серовой, Гос. Третьяковской галереи, Гос. Русского музея, а также Ленинградского отделения Центрального исторического архива. При обработке писем и составлении комментариев были использованы ценные указания О. В. Серовой. За содействие в работе автор примечаний выражает глубокую благодарность О. В. Серовой и сотрудникам вышеуказанных архивов: А. Н. Щекотовой, В. Н. Петрову, Н. Г. Галкиной, А. И. Бродскому, Э. И. Ремус, а также С. А. Детинову.

В. А. Серов принадлежал к той категории художников очень большого творческого напряжения, вся жизнь которых определяется выбранной ими профессией. Личная жизнь Серова и искусство — одна живая ткань. Будучи еще ребенком, он уже готовится стать художником, он играет, рисуя. Юношей, осознав в себе художника, Серов подчиняет свои личные переживания, свои мечты о личном счастье — задачам усовершенствования себя на избранном пути. Вся окружавшая его с детства обстановка толкала его на единственный

путь — путь искусства. Раз вступив на трудный и увлекательный путь живописца, Серов без колебаний, без малейшего отступления в сторону идет по этому пути с редким упорством и целеустремленностью. Поэтому-то так поучительна жизнь этого художника, почти лишенная ярких захватывающих событий, но вся посвященная искусству. Поэтому-то так интересна его переписка прежде всего художнику; в ней не так-то уж много непосредственных высказываний об искусстве, но в каждом письме ощущается прежде всего художник — работает ли он над портретом, едет ли он с розой (непременно с розой) в руках в Ватикан, смотрит ли в Испании бой быков, волнуется ли в Биаррице от непрекращающегося шума океана, страдает ли от разгрома русской революции. Он весь в думах о своем мастерстве; презирая николаевскую действительность, он полон мечтой о свободном творчестве, он насыщен очарованием великих произведений искусства прошлого.

Серов был профессионалом-художником в лучшем значении этого слова. „Художником был он не только прежде всего, но и исключительно, — писал о Серове Валерий Брюсов, — у него была душа художника, глаза художника, руки художника".

Но это вовсе не значит, что Серов был ограниченным, узким специалистом. Напротив, скитаясь из страны в страну, из музея в музей, с ненасытной жадностью расширял и расширял он свои познания в области общеевропейской художественной культуры. Родившись в отсталой стране, он хотел быть наследником лучших созданий человеческого гения. Серов много читал, по-настоящему любил и знал музыку, знал театр, глубоко интере-

совался историей, изучал в подлинниках античное, итальянское, французское, немецкое, английское, испанское искусство, знал и любил русскую старину, в последние годы увлекался старинной иконой. Серов творчески овладевал наследием, копируя Веласкеза и Тициана, зарисовывая Микель-Анджело, привлекая к работе широкий музейный и археологический материал. Тем интереснее и дороже Серов советскому художнику — подлинному наследнику мировой культуры. Тем глубже вдумается советский художник в те вдохновенные строки, которые Серов, обычно молчаливый и скромный, очень осторожный в своих оценках, посвящает в своих письмах мастерам итальянского Возрождения или испанским реалистам. Он находит слова настоящей нежности и любви, когда, как о близких себе людях, говорит о Тициане, Веласкезе или о похищенной Джиоконде. Серов был гуманистом в том значении слова, которое применяется сейчас у нас в отношении лучших мастеров европейской культуры. В этом была сила и слабость Серова: мечтая всю жизнь о свободе индивидуальности, о безграничном развертывании творческих сил человека, Серов не искал выхода в активной политической борьбе. Но он задыхался в условиях николаевской России, он глубоко страдал от всей системы угнетения человеческой личности, с чем он сталкивался на каждом шагу на родине.

В парламентарной Европе, далекий от ее классовой борьбы, Серов находил иллюзию личной свободы. Но и там, во дворцах и музеях, очарованный Римом, Элладой или испанской экзотикой, он несет в себе тоску и боль за униженную родину, за разгромленную революцию.

Он тосковал о подлинной и великой школе искусства, которой не было в России и которую он тщетно искал за границей. Рожденный в эпоху разложения реализма в России, он с необычайной для буржуазного художника чуткостью прозревал и в Европе нарождавшийся кризис буржуазной культуры. Этот кризис он чувствовал прежде всего как художник. В его письмах встречаются очень резкие оценки современной ему европейской архитектуры, оперы, балета, музыки, живописи (письмо 155 и др.).

И нет сомнения, что, доживи Серов до наших дней, он пережил бы и кризис и крах буржуазного гуманизма с той остротой, которая характерна для лучшей части европейской буржуазной интеллигенции, и вместе с ней нашел бы в себе мужество отречения во имя идеалов социализма.

Реалист, необычайно ясный и логичный в каждом своем художественном решении, Серов представлялся современной ему критике фигурой загадочной и трагичной. Сложность и противоречия художника Серова — несомненны. Только в свете нового мировоззрения, обнажившего социальные корни и судьбу буржуазного гуманизма конца XIX — начала XX вв., может быть раскрыта загадка этой крупной творческой индивидуальности, безнадежно тосковавшей о больших и действенных людях, о больших идеях, о великом, правдивом искусстве, о прекрасной, как искусство, жизни.

Сложные и подчас трагические явления, которые протекают сейчас в буржуазной европейской культуре периода ее величайшего кризиса, намечались в той или иной степени и в эпоху Серова. Сейчас они очевидны и на-

шли свое логическое завершение. Тогда они были скрыты, но уже давили на сознание наиболее восприимчивых художественных индивидуальностей.

Врубель, Серов глубоко страдали от неясного сознания своей обреченности и обреченности своей культуры. Чувство неудовлетворенности постоянно сопровождало их творческий процесс. Отсутствие подлинной традиции, отсутствие школы, отсутствие устойчивых „вечных“ принципов, которые можно было бы положить в основу своей художественной практики, — тяготило крупнейших мастеров 90—900-х гг. XIX в. Одиночество художника стало обычным психологическим ощущением каждого крупного мастера. Оно стало бытовым явлением. Врубель, легко отрываясь от современности, уходил в фантастические „искусственные“ миры. Серов как реалист сохранял во всех своих эстетических перипетиях связь с живой действительностью, в той или иной мере откликаясь на общественную борьбу его эпохи. Однако и он чем дальше — тем больше отгораживался от жизни искусством, утончая свое восприятие, эстетизируя свои художественные образы. Искусство становилось надежным заслоном, прикрывающим и затушевывающим острейшие противоречия действительности, а сам художник, „весь российский кошмар втиснув в грудь“, погружался в созерцание прекрасного, превращался „в артиста чистой воды“ (письма 56 и др.).

Такова была трагедия русских гуманистов 90—900-х гг., противопоставлявших жизни отвлеченные идеалы.

В письмах Серова весь этот процесс нашел свое конкретное, живое отражение. Эти письма правдивы, искренни. Серов писал, не рассчитывая

на будущего читателя. Даже письма к невесте лишены всякого намека на позу или юношеское кокетство. Серов откровенно, без прикрас, рассказывает о своих мыслях и настроениях. В письмах к друзьям это прежде всего — художник, активный участник художественной группировки „Мир искусства“.

Переписка, устанавливая определенный круг людей, соединенных друг с другом личными и общественными связями, проливает свет на взаимоотношения основных фигур „Мира искусства“ друг к другу, на роль и значение в этой группе Серова, опровергает целый ряд неверных утверждений о разрыве позднего Серова с группой, о сочувствии его „Союзу русских художников“ и т. п. Все эти утверждения основывались на поверхностном анализе художественных явлений, подгонявших живую, в противоречиях развивающуюся, действительность под априорные „удобные“ схемы.

Вместе с тем становится более ощутимой и существенная разница между Серовым и типичными „мирискусниками“. Эта разница резко бросается в глаза во взаимных упреках, которые вождь „Мира искусства“ А. Бенуа бросает Серову, а Серов — Бенуа. Бенуа ядовито высмеивает творческий метод реалистов, Серов осуждает бегство Бенуа от революции. Таким образом разногласия намечались и по политической линии, и по линии творчества.

В письмах и телеграммах Серова к Остроухову встречаются любопытные детали, освещающие художественную политику, которую вели члены совета Третьяковской галереи — Серов, Остроухов, А. П. Боткина (урожденная Третьякова), и тот общественный резонанс, который эта поли-

тика, отражающая мирискусническое направление и вкусы, находила в московских думских кругах.

В переписке Серова рассыпано множество интереснейших черточек, характеризующих тяжелое экономическое и бытовое положение художника в буржуазном обществе, тяжелую материальную и моральную его зависимость от денежного мешка заказчика, от прихотей заказчика. Картина в глазах собственника была купленным им товаром, который он волен отпустить на ту или иную выставку по просьбе автора, а волен и попридержать по своему усмотрению. Крупнейший, признанный и у нас и в Европе, художник Серов, выполнивший огромное количество работ, постоянно нуждался и принужден был „перехватывать" взаймы. Таким образом, переписка Серова, важная для уяснения интимного облика самого художника, вырастает вместе с тем в один из интереснейших документов художественной жизни 90—900-х годов.

Валентин Александрович Серов родился в середине 60-х годов XIX в., а умер незадолго до империалистической войны (1865—1911). Его жизнь — четверть века его художественной деятельности — протекала между двумя великими историческими рубежами: отмена крепостного права, с одной стороны, крушение всей буржуазной системы в России — с другой. За это время русская буржуазная культура завершила круг своего развития, а в плане художественной идеологии прошла все стадии развития и разложения реализма.

Социальная история рода Серовых тесно связана с процессами перерождения дворянства в условиях новых буржуазных отношений. Происходившие из

купцов предки Серова заслужили дворянство и дальнейший путь прошли в рядах служилого привилегированного сословия. И для будущего композитора А. Н. Серова, отца художника, готовилась традиционная для дворянства бюрократическая карьера. А. Н. Серов вместе с В. В. Стасовым окончил Училище правоведения и ко времени рождения сына состоял чиновником особых поручений при почтовом департаменте в чине статского советника и цензором по иностранной литературе. Но служба тяготила его, он тянул служебную лямку как известную дань семейным требованиям и завоевал себе место в жизни и истории искусства как профессиональный музыкант, композитор и музыкальный критик. Автор опер „Рогнеда", „Юдифь", „Вражья сила", он был одним из первых пропагандистов в России музыки Рихарда Вагнера, порой крайне непоследовательным носителем новых музыкальных идей, формировавшихся в его эпоху в буржуазной Европе.

Композитор Серов сложился как человек и художник в 40—50-х гг. XIX в. И в 60-х гг., когда он женился на будущей матери художника Серова, он продолжал жить идеалами 40-х годов, увлекался Шеллингом и Шиллером, проливал слезы над „Ундиной" Ламотт Фуке, наслаждался живописью Брюллова, находил Сусанина живым лицом, „Записки охотника" Тургенева считал апогеем знания народа*. Судя по всем его высказываниям, А. Н. Серов был типичным либералом из дворян, безусловно настроенным против крепостного права.

---

* См. Воспоминания В. С. Серовой. Серовы Александр Николаевич и Валентин Александрович. Изд. „Шиповник", СПБ. 1914, стр. 48.

В социальных условиях бесславного, казарменного режима Николая I коренились начала той дворянской либеральной фронды, которая определила собой мировоззрение А. Н. Серова.

Для него типичны славянская романтическая героика, народный колорит, идеализованная трактовка народных масс, стремление показать народ в действии, насытить музыку народными мотивами и драматизировать самое существо оперы.

Незадолго до реформы 1861 г. А. Н. Серов женился на шестнадцатилетней ученице консерватории, талантливой пианистке Валентине Семеновне Бергман, происходившей из бедной еврейской семьи. Бергман увлеклась романтическим обликом маститого музыканта, его вдохновенными речами о великих музыкантах, его фрондированием против официальной консерваторской учебы.

В своих письмах художник Серов не раз говорит об отце и матери. Еще ярче образ В. С. Серовой раскрывается в ее собственных статьях, посвященных пропаганде музыки среди крестьян, и в ее автобиографических записках — „Воспоминаниях о А. Н. и В. А. Серовых". Это был яркий, художественно одаренный человек. Воля к полноценному раскрытию и утверждению своей художественной индивидуальности — такова была внутренняя движущая сила ее духовного развития. В маленькой женщине с суровым и решительным лицом таились родники необычайной энергии. Движение вперед к цели, к культуре было ее обычным душевным состоянием. Развиваясь в эпоху 60-х годов, всей душой отдаваясь демократическим идеалам передовой интеллигенции эпохи, она на всю жизнь была опалена мечтой о бескорыстном служении обществу, народу и в первую очередь — крестьянству.

Четкой политической платформы у нее никогда не было. Ее „народнические“ тенденции не выходили из рамок „культуртрегерства“. Чернышевский, Глеб Успенский воспринимались ею чисто-эмоционально. Михайловский, проповедь либерального народничества играли более значительную роль в формировании ее мировоззрения. Как примирить увлечение музыкой, сознание своих недюжинных способностей в этой области с идейным, беззаветным служением народу и можно ли приносить пользу, не порывая с искусством, — такова была для юной Серовой основная жизненная проблема. Ее совместная жизнь с А. Н. Серовым была насыщена музыкой, занятиями по композиции, композиторством мужа, общением с музыкантами, актерами, певцами, литераторами, театральными деятелями, художниками.

А. Н. Серов становится ее руководителем, расширяя ее художественное образование, вводя ее в обетованную страну искусства. Он прививает ей вкус к немецкой классике и старается увлечь, зачаровать Вагнером. На первых порах молодому стихийному материализму Серовой, ее реальному мышлению был чужд весь строй мыслей и чувств далекой германской героики. Но композитор терпелив и настойчив в своих привязанностях. Опытный агитатор, полемист, музыкант, он обвораживает ее стихийностью вагнеровской музыки и чем дальше, тем больше втягивает ее в круг своего увлечения, пока Валентина Семеновна не становится той убежденной вагнерианкой, с которой знакомят нас письма ее сына. Несмотря на свою юность, разночинка Серова гнет и свою линию. В художественной атмосфере серовской гостиной она собирает кружок прислуг и занимается с ними чтением. Она даже временно бросает музыку

и склоняется над микроскопом, чтобы овладеть тайнами естественных наук, необходимых как фундамент в материалистических теориях 60-х годов: эпоха требовала жертв. Впоследствии, когда муж умер, а сын подрос, В. С. Серова примиряет свое мировоззрение и свои художественные способности в самоотверженной культурной музыкальной работе в деревнях.

В этой артистической среде, где, сталкиваясь, уживались идеалы дворянского либерализма и мелкобуржуазной демократической романтики, в атмосфере художественной богемы протекали детские годы будущего художника В. А. Серова. Старый композитор скоропостижно умер, когда сыну не исполнилось еще пяти лет, а Валентине Семеновне — двадцати двух. Вся дальнейшая детская и юношеская жизнь будущего художника была связана с матерью, под непосредственным влиянием которой он рос. После смерти композитора В. С. Серова с головой уходит в свои музыкальные занятия, как бы освободившись от давления более сильной музыкальной индивидуальности. Она спешит в Европу, чтобы вдохнуть аромат подлинной культуры, чтобы получить настоящую музыкальную школу. В этом отношении она уже всецело стояла на позициях европеизма, характерного для буржуазной эстетики нового времени.

Маленький Серов поневоле подкидывается матерью к чужим семейным гнездам. Отдавая дань своим народническим идеалам и связям, она поселяет сына временно в одной из тех модных тогда „коммун“, в которых, опростившись, интеллигенты „садились на землю“.

Когда „коммуна“ распалась, Серова отвезли к матери за границу, где она продолжала серьезно

заниматься музыкой. Шестилетним ребенком Валентин Серов следует по пятам за своей матерью, бродит по картинным галереям Мюнхена, Парижа и Рима, нередко засыпает в ложе театра.

По натуре В. А. Серов довольно сильно отличался от матери, но унаследовал ее художественную одаренность, соединенную с редкой целеустремленностью, прямоту и правдивость характера, чувство долга и непреоборимую веру в высокую миссию художника.

Серов очень рано стал серьезно заниматься рисованием. Его детские рисунки были направлены для оценки скульптору Антокольскому, одобрены последним, и семилетний мальчик начал брать уроки рисования у немецкого гравера Кёппинга. „Кёппинг был нам очень предан, — писала об этом периоде мать Серова, — уроки с Тошей [Валентином] длились два года, и первый курс рисования был пройден серьезно, систематически, хотя и суховато. Особенно ценны были его обходы с нами картинных галерей: его указания не прошли для ученика бесследно. Тоша зажил очень односторонней жизнью, наложившей печать на всё его дальнейшее существование...“ Судя по письмам, и Серов любил своего детского учителя; уже взрослым, вернувшись в Мюнхен, он прежде всего разыскивает Кёппинга, и оба художника возобновляют свои прогулки по музеям Рано сложившемуся хорошему вкусу в оценке художественных произведений Серов, повидимому, был обязан первоначальному воспитанию Кёппинга.

Очень рано Серов постигает власть искусства, завоевывая своими рисунками восхищение окружавших его ребят. Мать даже находит нужным отвлекать сына, „тяготевшего уже в силу своей исключительной талантливости к определенной

специальности". В те годы, когда его сверстники мечтали о карьере трубочиста, извозчика или почтальона, азартно меняя идеалы, Серов совершенно твердо, бесповоротно оформлял свои будущие планы: „когда я буду художником..." Мечта с тех пор довлеет над ним, как неотвратимый радостный долг, от которого не уйти, к которому ведут все дороги. Бытовая обстановка, встречи с крупнейшими художниками эпохи, ранние впечатления в музеях, собственные ярко выраженные наклонности толкали Серова в одном единственном направлении. Наблюдательность его очень остра. Он рисует то, что любит в жизни. Фиксировать жизнь с помощью карандаша становится его потребностью. Смотрит ли он в окно на движущуюся парижскую толпу, прислушивается ли к игре заезжих музыкантов, ходит ли в любимый им зверинец, — он набрасыв ет в альбом контуры окружающих его предметов и животных.

Когда Репин однажды подсадил его к столу в салоне художника Боголюбова, где расположились взрослые мастера, делая наброски по памяти, маленький Серов берет карандаш и, не смущаясь, уверенно выводит конские морды и копыта мчащейся тройки. И впоследствии Серов не боялся таких неравных соревнований и охотно состязался с крупнейшими художниками его времени.

После двухлетнего пребывания за границей Серова с сыном возвращается на родину. Судьба Валентина Александровича решена. Он с неохотой посещает гимназию и бросает ее, не окончив курса. Напротив, занятия по специальности делаются более систематическими. Серову выпадает редкая удача: Илья Ефимович Репин — первый художник России — становится его учителем. Выбор учителя для сына не был простой случайностью. В. С. Се-

рова совершенно сознательно, в силу своих убеждений, тянулась к художникам идейного реализма. Дом И. Е. Репина оказался одним из тех очагов, у которых пригревался Серов в течение своего походного, богемного детства. Письма Репина к Серову, овеянные нежностью, сдобренные иногда отеческой воркотней, говорят об интимных, дружеских отношениях обоих художников. Репин привил Серову основы реалистического мировоззрения и считал ученика своим непосредственным преемником в области реалистической живописи. Репин был в расцвете сил и таланта. Серов жадно впитывает его речи, его мысли, его художественные приемы. Они вместе работают в Абрамцеве,— имении крупнейшего русского мецената,—пишут одного и того же нат рщика — знаменитого горбуна из репинского „Крестного хода в Курской губернии"; вместе едут на Украину и, любуясь радостной южной природой, пишут залитые солнцем степи и запорожцев. Позднее, конкурируя друг с другом, они работают над портретом красавицы Драгомировой.

Серов мальчиком переписал все пейзажи из окон репинской квартиры, усердно работал над натюрмортами, по заданию учителя стараясь овладеть тончайшей цветовой гармонией поставленных перед ним предметов, почувствовать „материю" вещей, фактуру медного таза, винограда, черного хлеба, костяного ятагана. Он рисует с гипсов, копирует в Эрмитаже старых мастеров, копирует работы самого Репина. Серов живет в атмосфере репинской мастерской, наблюдает живого, темпераментного учителя, жадного к жизни, к ее борьбе, к ее страстям, отражающего в своем искусстве волнующие идейные проблемы эпохи.

Перед Серовым, как мечта, как необходимый каждому мастеру профессиональный этап, маячит Академия художеств. Репин поддерживает в своем ученике активный интерес к академической учебе. 15 лет Серов был зачислен вольнослушателем на живописное отделение Академии художеств. „Дело Серова“, хранящееся в архиве Академии, шаг за шагом отражает формальную сторону его учебы. 15 августа 1880 г. Серовым подано прошение о зачислении его „вольнослушающим“. В августе 1882 г. Серов перечисляется в академисты. В 1885 г. оканчивает научный курс, будучи удостоен серебряной медали второго достоинства за этюд с натуры и получив выговор — за эскиз на историческую тему. В сентябре 1885 г. академист Серов уезжает в Одессу, не взяв из Академии отпускного свидетельства. В 1886 г. Академия художеств выдает своему бывшему ученику его документы. В 1898 г. „за известность на художественном поприще признает и почитает академиком“. В 1903 г. выбирает его в свои действительные члены. В 1905 г. „высочайшей“ резолюцией, на основе собственного заявления художника, отчисляет его из состава действительных членов. В 1907 г. предлагает ему должность руководителя мастерской. В 1911 г. посылает венок на его могилу.

Академия 80-х годов переживала длительный и затяжной кризис. Продолжая оставаться цитаделью дворянского официального искусства, она старалась сохранить и культивировать былые художественные традиции. Ее возглавлял в качестве президента великий князь Владимир. В административном отношении она находилась в сфере министерства двора. Ее преподаватели проходили всю лестницу чиновнической иерархии, получали соответствующие их продвижению по службе чины

и ордена. Несмотря на освежающую бурю, которая пронеслась над Академией в 60-х годах, когда она штурмовалась демократической разночинной молодежью, Академия и в 80-х годах продолжала работать по старым учебным программам, внеся в них незначительные поправки. Как завершение академической системы преподавания, конкуренты на медали выполняли большие декоративные композиции на евангельские, мифологические и историко-патриотические сюжеты.

В 1883 г. Академия проводит чествование Рафаэля, в связи с 400-летием со дня его рождения; в Рим, в Пантеон направляется серебряный венок, в стенах Академии после доклада о жизни и творчестве великого мастера Возрождения исполняется хорал Палестрины. Такого рода вечера в совокупности с античной героической сюжетикой должны были стимулировать интерес к классическому миру и его возрождению. Но и извне и изнутри Академии, подтачивая ее традиции, просачивались художественные требования, истоки которых коренились в демократическом движении 60-х годов; глубокие сдвиги, происходившие в стране, оформление и утверждение буржуазной идеологической системы обусловливали дальнейшее разложение канонических и схоластических принципов, положенных в основу академической школы. На рубеже 80—90-х годов против Академии выступили художники нового направления, требуя субъективной, чисто эстетской трактовки мира в искусстве. Серов, отстаивая реалистическое направление в искусстве, попал в полосу этой борьбы, и в его переписке приводятся любопытные факты из истории столкновений Академии с новой художественной группировкой „Мир искусства“. Вместе с тем и Репин, продолжавший дело демократической реформы

живописи, штурмовал Академию, борясь за реализм.

В одном из своих писем Серову Репин дает академическому начальству лаконическую и убийственную характеристику: „Трудно вывести из Академии этих крепко вцепившихся клопов старого закона“ (письмо 222). При всех своих недостатках Академия 80-х годов имела для Серова и свое положительное значение. Из арсенала деградирующей школы Серов умудрился вобрать в себя целый ряд важных художественных навыков в области композиции, построения объемной формы, и — что самое главное для понимания всего процесса его творчества — овладел принципами серьезного академического рисунка. В настоящем издании приведено только два письма профессора Академии П. П. Чистякова В. А. Серову, уже известному тогда живописцу. Но и в этих немногих строчках чувствуется подлинная любовь и уважение, которые престарелый, затравленный академическим начальством учитель Серова питал к своему бывшему ученику. И обратно — письма Серова Чистякову, исполненные глубокой признательности ученика, проливают свет на художественные принципы, лежавшие в основе чистяковского преподавания живописи и столь ценимые Серовым. Известный художник, автор полотен академического направления, П. П. Чистяков славился как талантливый педагог, имевший огромное личное влияние на крупнейших живописцев конца XIX в. Направляя Серова в Академию, Репин особенно усиленно рекомендовал ему учиться у Чистякова. Помимо официальных занятий, Серов работал у Чистякова и в его частной мастерской на дому. Отправляясь от уроков брюлловской академической системы, стремясь к открытию „вечных законов формообра-

зования", Чистяков культивировал то внимательное и систематическое изучение натуры, анатомии и перспективы, которое нашло отражение в академических рисунках Серова, четко построенных, но не лишенных известного налета натурализма. В короткой записке Серову Чистяков благодарит его за письмо, которое он рассматривает, как похвальный „диплом" за свои труды по обучению молодых живописцев. „У меня есть еще два таких диплома от Г. И. Семирадского и В. М. Васнецова". Чистяков мог бы значительно увеличить список своих „дипломов"; ему охотно выдали бы дипломы Репин, который доверил ему своего любимого ученика, и Врубель, который в своих письмах к сестре посвящает восторженные строки своему профессору. Серов, от Репина перешедший к Чистякову, писал О. Ф. Трубниковой: „Сейчас буду хвастать: рисовали мы, Васнецов и я, с Антокольского и представь, у меня лучше. Строже, манера хорошая и похож, или если и не совсем, то во всяком случае похожее васнецовского. Антокольский хвалил, особенно за прием — это последнее меня очень радует, что прав Чистяков и его манера (это и передай Дервизу)" (письмо 1). Виктор Васнецов, Семирадский, Репин, Врубель, Серов — столь разные художественные индивидуальности, шедшие разными и подчас прямо враждебными друг другу путями, — тем не менее в „системе" Чистякова находили отправные точки для полноценного раскрытия своего таланта, своей собственной творческой физиономии. Это говорит, конечно, о таланте и педагогической одаренности Чистякова, умевшего прививать свои художественные принципы, не подавляя личного своеобразия каждого ученика. „Живое отношение к природе" — это был лозунг,

явно нарушавший законы академической нормативной эстетики. В устах Врубеля эта формулировка, очевидно, скрывала понятие личной субъективной трактовки натуры. В устах реалиста Серова — это означало бы нечто другое, выраженное им в его ранних портретах конца 80-х годов. Это означало глубокое личное проникновение в законы объективного мира природы. Это означало личное проникновение в предстоящую ему натуру, раскрытие ее объективных, неповторимых качеств. Это „живое отношение к природе" нашло свое блестящее выражение в сверкающей светом, напоенной воздухом, пронизанной подлинной жизнью картине природы, которую создал Серов в портретах М. Я. Симонович и Веры Мамонтовой, неоднократно упоминающихся в письмах художника. В художественную концепцию Чистякова уже просачивались влияния импрессионизма, что нашло свое отраженное развитие и в раннем Серове. А. П. Иванов, исследователь творчества Врубеля, говорит о другой черте в чистяковской системе: о стремлении „примитивизировать", „упрощать" формы видимого мира. Это упрощение, ставшее в конце концов, на иной ступени развития, одним из принципов стиля модерн, сочеталось у Чистякова с пропагандой брюлловского построения формы и с изучением старых мастеров. Эта установка на „вычитывание" у старых мастеров закономерностей в построении художественной формы, собственные поиски этих „закономерностей", которые преображали бы данную в опыте действительность, — и привлекали к Чистякову художников нарождающегося декоративного искусства, в частности Врубеля.

П. П. Чистяков, согласно своим академическим „брюлловским" принципам, проповедовал свобод-

ное, бескорыстное служение музам, расценивал „истинное искусство“ как внеутилитарную деятельность, лишенную тенденциозности. И в этом отношении художники 90-х годов находили в своем профессоре идейную опору.

Здесь опять намечается идейная перекличка между Чистяковым, носителем нормативной эстетики старой Академии, и апологетами новой буржуазной художественной культуры 80—90-х годов. Эта перекличка находила свои социальные обоснования в условиях русского исторического процесса, в котором дворянство продолжало играть доминирующую роль.

Письма В. А. Серова к О. Ф. Трубниковой, впоследствии ставшей его женой, и к пейзажисту И. С. Остроухову, близкому приятелю, отражают наиболее интересный период в жизни и творческом росте Серова: автору первых писем — всего 19 лет. Он делит свое время между Академией и Абрамцевым — своеобразным художественным „салоном“, одним из рассадников нового буржуазного искусства. С Абрамцевым тесно связана родословная нового русского искусства.

Савва Иванович Мамонтов, который постоянно упоминается в переписке Серова, промышленник, учредитель железных дорог и меценат, один из наиболее ярких представителей русского грюндерства 80—90-х годов, купил старинную усадьбу Аксаковых и на новый лад старался поддерживать художественные традиции знаменитого дворянского гнезда. В стенах старого абрамцевского дома, видевших когда-то цвет русской интеллигенции 40-х гг. с Гоголем во главе, поселяётся теперь многочисленная семья Мамонтовых, сюда стягиваются художники нового времени, с яркой национальной окраской,

враждебные традиционному академическому искусству.

Во всех областях художественной культуры 80—90-х годов с большой остротой стояла проблема создания нового, национального стиля, который в художественной форме отражал бы лицо новой, пореформенной России. В борьбе с феодально-дворянской Русью русская буржуазия выступала как носительница „исконных" начал, тесно связанная с крестьянскими народными толщами. Поэтому одним из основных источников, откуда художники, группировавшиеся в Абрамцеве, черпали свои мотивы, было народное крестьянское творчество.

Другим центром тяготения был итальянский Ренессанс. Развиваясь в условиях правительственной и дворянской опеки, русская буржуазия всеми силами старалась имитировать весь круг представлений и чувствований, сложившихся в иные времена, во времена расцвета и господства торговых итальянских республик.

В 1884 г., которым датированы первые письма Серова из Абрамцева, он еще не оформился как художник. Он вдумчиво прислушивается к беседам, которые ведутся в мамонтовском кругу. Внушения Репина, художественное воспитание, которое Серов получил, еще очень сильны. В спорах В. Васнецова с Антокольским Серов принимает сторону последнего. Он восхищается умом, начитанностью Антокольского, высоко ставит его художественные идеалы и особенно ценит его „серьезное" отношение к искусству. „Нравится мне тоже, — говорит об Антокольском Серов, — что он не стоит за западное пошлое бессодержательное направление искусства и бранит его" (письмо 1). Ничто в высказываниях Серова не предвещает художника нового времени. Под влиянием того же Антоколь-

ского Серов усиленно принимается за чтение, за самообразование, старается выработать в себе столь же „серьезное“ отношение к искусству. В его письмах начинают мелькать прочитанные им книги. Наряду с классиками выступают писатели-демократы — Салтыков-Щедрин, особенно ценимый Серовым, Глеб Успенский, которого, по свидетельству матери, Серов очень выразительно читал, и Шевченко. Несмотря на некоторую случайность в чтении Серова, в общем процессе его развития можно проследить и определенную закономерность. В 900-х годах место классиков займут типичные мастера модерна — Оскар Уайльд и Габриэль д'Аннунцио.

Конец 80-х годов — наиболее светлая, беззаботная пора в жизни Серова. Вместе с абрамцевской молодежью он веселится, танцует, участвует в любительских спектаклях в качестве актера и декоратора (см. письма к Трубниковой). Однако уже и в эти юные годы в Серове происходит сложная внутренняя работа и складывается тот замкнутый, с виду суровый человек, который смотрит с поздних автопортретов Серова. Он очень чувствителен, особенно к музыке; сыгранные кем-то в Абрамцеве симфонии Бетховена уносят его далеко от окружающего, случайный разговор с такой болезненной осязательностью напоминает ему образ умершего, близкого ему ребенка, что ему становится дурно и он с трудом овладевает собой. Среди общего веселья он вдруг впадает в задумчивость, хандрит. По большей части, — и это типично для Серова, — эта хандра обусловлена недовольством собой как художником. „Работаю понемногу, сделано очень мало. Часто по этому и другим поводам мучает совесть“. „Во мне точно червяк какой-то, который постоянно сосет мне душу, а что за

червяк трудно определить. Постоянное недовольство собой, что ли; кажется, что так. Избавиться от него нельзя, да может быть и не нужно" (письмо 14).

Абрамцево было обращено к Серову своей интересной, привлекательной стороной. Оно было одним из тех „очагов", которые манили его своим уютом, своей семейственностью, своим „эстетским" оформлением быта и, наконец, культурной художественной атмосферой, питавшей его ум и чувства, помогавшей ему оформить еще неясные ему самому тяготения к новым художественным берегам. Савва Мамонтов, сам одаренный дилетант, терял в Абрамцеве свое обличье купца, предпринимателя, дельца и становился в глазах художников российским „Лоренцо Великолепным". Как видно из писем, Серова тяготило „нахлебничество" у Мамонтовых, и он оправдывался перед самим собой, перед матерью, перед невестой тем, что своими живописными работами он становится в состоянии отплачивать за гостеприимство.

В процессе роста новых общественных отношений и оформления буржуазной эстетики 90—900-х годов, объявившей непримиримую борьбу демократической эстетике передвижников, и в Серове заметно назревает кризис его юношеского мировоззрения. Один за другим начинают блекнуть былые авторитеты. Меркнет Антокольский, когда-то казавшийся великим мастером и философским умом. Между Серовым и его матерью усиливаются разногласия. Серов замахивается на самого Михайловского, властителя дум либерально-демократической интеллигенции 80-х годов. В период обострявшейся борьбы марксистов с народниками Серов одинаково отворачивается и от тех и от других, в своей политической наивности смешивая Маркса с Михайловским.

Эпоха реакции 80-х годов не только ограничивала политические горизонты буржуазной интеллигенции, она воспитывала тот новый тип художника-эстета, который отталкивался от социально-демократических идеалов 60—70-х годов во имя „свободного" искусства и „артистизма" избранных художественных натур. Законченным типом этого нового художника был Врубель, имевший большое влияние на молодого Серова.

Серов ввел Врубеля в свой личный кружок, в семью своих друзей Симонович, о которых неоднократно упоминается в письмах, и в среду Мамонтовых.

Полились воспламенявшие и смущавшие Серова речи. Образованный, изысканный, талантливый, блестящий Врубель становился живым символом, конкретным носителем новых идей. В семье Симоновичей протекали те же процессы столкновения двух враждебных мировоззрений, что и в семье Серова. Старики поддерживали передвижников, идейное, „тенденциозное", как говорили тогда, искусство. Молодежь, во главе с Врубелем, выдвигала проблемы формы, проблемы „красоты" в искусстве. Наиболее крупными художественными событиями были тогда выставки Товарищества передвижников. На них безраздельно царил Репин. Вокруг его картин горели споры. „Крестный ход в Курской губернии", столь близкий Серову, подвергался резкой критике Врубеля: „Форма, главнейшее содержание пластики, — в загоне... Художник не вел любовных бесед с натурой, весь занятый мыслью поглубже запечатлеть свою тенденцию в зрителе *. Серов прислушивался к этим отзывам, изредка вставляя и свое слово. К этим годам

* М. А. Врубель. Письма к сестре. Л. 1929, стр. 81.

относится наибольшая духовная близость его с Врубелем. Вместе с третьим академистом В. Д. Дервизом (о котором постоянно упоминается в письмах) они нанимают мастерскую, чтобы самостоятельно писать; они работают там акварелью натурщицу в обстановке „Ренессанс". Ведущее значение Врубеля понимал, влияние его испытывал не один Серов. Очень скоро Врубель становится символом новаторских дерзаний, знамением времени. И Станиславский, новатор в области театра, и Петров-Водкин в своих воспоминаниях рассказывают, как они останавливались перед этой фигурой, очарованные странными, влекущими в „неведомое" образами. Но и Станиславский и Серов в основном оставались в пределах реалистического толкования действительности, отдавая дань импрессионизму и частично модернизируя свои художественные психологические решения. Нет в нем этого „натиска восторга", — с горечью говорил впоследствии Врубель * о своем академическом приятеле, неясно сознавая реалистическую суть миропонимания Серова.

Развитие капитализма в России, выдвигавшее насущную необходимость установить тесные экономические связи с Европой, проблема „выучки у капитализма", пропагандируемая буржуазными идеологами, находили свое отражение во всех областях буржуазной культуры и в стремлении нагнать упущенное за период длительной реакции 80-х годов с ее патриархальными, узко-националистическими лозунгами. Ранние передвижники тосковали за границей, горели желанием вернуться

---

* С. Яремич. Врубель. Изд. Кнебель, стр. 170.

в Россию и обратиться к родной, национальной тематике; даже Репин, наиболее европейский мастер 70—80-х годов, в Париже писал „Садко". Напротив, художники нового времени рвались за границу; она казалась им настоящей родиной, путеводной звездой, на которую следовало ориентироваться и в смысле политических реформ и в смысле освоения художественной культуры. Единственным „залогом прогресса" они считали непосредственную связь с передовыми капиталистическими странами. Серов, так же как и вся группа художников „Мира искусства", неудержимо стремится в Европу и, так же как они, он едет на свой счет, по своей инициативе, а не как стипендиат и подотчетное лицо Академии. Более того: он противопоставляет Европу Академии, рассчитывает найти там что-то другое, чего не могла ему обеспечить русская школа.

Врубель также устремлялся за границу, но его обетованная земля — Италия, наследство, которым он мечтает овладеть, — итальянские примитивы; молодой Александр Бенуа тяготеет к романтике средневековья; Серов, в противовес им, помня уроки Репина и Чистякова, делает ставку на Голландию и Испанию XVI—XVII вв., ориентируется на старых мастеров буржуазного реализма.

„Я больше чем хочу тебя видеть, — пишет он любимой девушке,— я тоскую по тебе"... но представляется возможность побывать в Европе — и Серов, не простившись с невестой, уезжает с матерью в Мюнхен. Не разбрасываясь, не отвлекаясь, Серов сразу и твердо намечает план деятельности: он должен скопировать портрет Веласкеза. В мюнхенской Пинакотеке он находит „чудный портрет" молодого испанца с нежным и строгим лицом, мерцающим на глубоком черном фоне. Портрет испанской школы приписывался Веласкезу, и именно

это, конечно, решило выбор Серова. Серов увлечен и работает с энергией, ежедневно, с восьми до трех, систематически, как немец (см. письма к Трубниковой).

За Мюнхеном следует Голландия. Там Серов впервые, но он чувствует себя как дома, лучше, чем дома. Он в восторге от искусства маленьких голландцев, которых уже знал по Эрмитажу. Его пленяет и сама страна — старая, буржуазная Голландия. Он восхищен даже той недвижностью быта, которая делает современную ему Голландию как две капли воды похожей на страну Остаде и Терборха.

Усвоение художественного наследия было для Серова настоящим творческим процессом, необходимым этапом на пути к собственной художественной практике. Основной вывод, который он сделал из своей поездки в Европу, иллюстрирует это положение: „Видел я, — пишет он, — действительно по своей части, т. е. картин, массу и я знаю, чувствую, что ч е р е з э т о работать буду смелей и пожалуй лучше“ (письмо 15).

По возвращении из Европы Серов еще больше втягивается в сферу новых художественных течений. Внутренний кризис кончается полным отвращением к Академии и бесповоротным решением „похерить“ ее (письма 5, 81). Увлекаемый Врубелем, Серов мечтает о свободной Академии, организованной из состава близких по духу художников. Серов так и не сделал над собой усилия, чтобы сдать выпускной зачет по специальности, „рисунок бросил за неделю, а этюд — за день до экзамена“. Порвав с официальной школой, Серов переселяется в мастерскую, устроенную С. И. Мамонтовым. Там он рисует с натуры, занимается фехтованием, пишет плафон на античный мотив. В ма-

стерской постепенно группируются художники — импрессионисты, символисты — Коровин, Врубель, и получается как бы своеобразный „салон независимых“, ищущих новых путей в искусстве. И Гелиос, взлетающий на своей пламенеющей колеснице, — тема плафона Серова, — и прекрасные натурщицы, позирующие в мастерской, и уроки фехтования, и дилетантствующий меценат, обуреваемый художественными замыслами, — вся эта имитация итальянского Возрождения уносила воображение Серова далеко за пределы его бедной и грубой родины.

С Академией покончено, в кармане 700 рублей, дополученных за „Гелиоса“, — и Серов, почувствовавший себя настоящим профессиональным живописцем, вместе с Остроуховым и двумя сыновьями Анатолия Мамонтова устремляется в Италию. По характеру эта поездка сильно отличается от предыдущей. На этот раз Серов совсем не походит на методического немца из мюнхенской Пинакотеки, выискивающего секрет черных тональностей испанской школы. Развалившись в гондоле, он плывет по венецианским каналам, опьяняется итальянским вином и еще больше — впечатлениями от дворцов и галерей. Он хочет быть столь же свободным и радостным, как великие мастера Возрождения. Тициан вытесняет Веласкеза. Художник дает себе слово отныне — в противовес тогдашним передвижникам — писать только „отрадное“ (см. письмо 21). В этот 1887 г. Серову все улыбалось. Заряженный Италией, он все же сохраняет полностью свою свободную, простую реалистическую манеру письма. За границей он ни на минуту не соблазнился „итальянщиной“. Пример тому — его пейзажи, написанные им в Венеции, его абрамцевский пруд, его „девочки“, освещенные

солнцем. Колористический блеск этих работ в известной мере мог быть результатом творческого изучения мастеров Ренессанса.

Италия повысила жизненный тонус художника; итальянские мастера заразили Серова чувством жизни, глубоким, ясным оптимизмом, которые он в них так живо, так непосредственно ощутил, когда давал себе слово писать, как они, и быть столь же радостным, как они.

Два года спустя Серов предпринимает поездку уже в Париж, в самый центр современного ему европейского искусства, в город, вскормивший импрессионистов. Серов сразу расширяет свой кругозор. Старые мастера принуждены потесниться. Париж открывает Серову новый источник увлечения. Серов на этот раз уделил исключительное внимание пейзажу, и это было первым признаком поворота художника в сторону импрессионизма. Веласкез на время забыт. На первом плане появляются Бастьен Лепаж, Руссо, Добиньи, Коро... Началось серьезное освоение проблем современного французского искусства. Недаром свой собственный пейзаж Серов шутя называет „Добиньи-Руссо“.

„Я всегда говорил тебе, что я жестокий, негодяй, который кроме своей живописи ничего знать не желает“,—писал Серов своей невесте, и это — в период своего наибольшего увлечения, почти накануне свадьбы. И действительно, вне своей профессии Серов немыслим. Он гордился одним единственным своим качеством — качеством живописца. Он хотел чувствовать себя своим среди мастеров своего великого цеха и в глубине души лелеял термин „артист“, ставший специфическим в эстет-

ской среде русских модернистов, овеянных очарованием современной им французской культуры. „Артист“—этот лейтмотив серовской художественной личности — достаточно отчетливо звучит уже в раннюю пору его творчества, когда, еще не остыв от итальянских впечатлений, свободной и радостной кистью он пишет Веру Мамонтову на фоне светлой комнаты и окон, обращенных в сад. С этих пор в жизнь Серова входят чисто-профессиональные заботы и радости. Организуются конкурсы, выставки, надо включаться в какие-то художественные организации, связываться с широким кругом художников, выставляться или у „передвижников“ или на „периодической“, поспевать к определенным срокам, оценивать свои работы, пересылать их из одного места в другое, заказывать рамы, ждать покупателей, замирать от волнения под острым взглядом П. М. Третьякова и ждать, ждать успеха, признания, славы. Очень простые, деловые письма Серова к Остроухову, собрату по профессии, переполнены всеми этими переживаниями молодого живописца, впервые входящего в круг мастеров. Успех пришел сразу, премия за портрет Мамонтовой получена, замелькали сочувственные заметки в газетах, сам Третьяков покупает портрет Симонович, скромно обозначенный в каталоге как „этюд“. Ни Остроухов, который придумал это название, ни сам автор „Девушки, освещенной солнцем“ сразу не отдали себе отчета в этапном значении ранних работ Серова не только для него самого, но и для всего русского искусства, вступившего на путь европеизации.

Несмотря на все эти головокружительные события и переживания, по вечерам Серов просиживает в Публичной библиотеке, обложенный то-

мами по истории искусств, изучая Ассирию, так как близок юбилей композитора Серова, готовится к постановке в Мариинском театре „Юдифь“ и Серову-художнику заказаны эскизы костюмов. Серов уже как профессиональный художник втягивается в театральную среду, беседует с директором, постановщиком, обсуждает свои эскизы и планы постановки, делится всеми этими событиями в письмах к Остроухову. Одновременно он работает над большим портретом отца, стараясь по памяти и семейным преданиям воссоздать образ композитора, которого сам он только смутно припоминал. Чтобы воспроизвести духовный облик отца, Серов читает его критические статьи. С помощью матери он восстанавливает обстановку, в которой жил и работал отец, покупает на толкучке конторку, точь-в-точь такую, за которой писал композитор. Репин помогает советами, подыскивает натурщика, внешностью напоминающего композитора. Таким образом, натура восстановлена до мелочей, остается только писать в пределах этой внешней правдивости. Судя по переписке, Репин не одобрил портрета, он даже не был уверен, возьмут ли его на „передвижную“. Серов, волнуясь, бродит среди посетителей выставки, чтобы поймать чье-нибудь замечание, но портрет не привлекает внимания публики. И действительно, в портрете отца, не в пример портретам Мамонтовой и Симонович, много черт непреодоленного натурализма, цветовой несвязности. Эта работа имеет большое историческое значение, освещая один из путей в творческих исканиях раннего Серова.

В свое время опера „Юдифь“ вызвала оживленную дискуссию в музыкальных кругах. Молодой Мусоргский, видевший „Юдифь“ в первой постановке, дает ей беспощадную отрицательную

оценку. Не одобрял ее и В. В. Стасов. Сам А. Н. Серов искал причин резкой критики в личной неприязни к себе композиторов „Могучей кучки“. На самом деле причины лежали значительно глубже: в разных мировоззренческих и творческих установках Мусоргского и его сотоварищей—ярых реалистов в музыке, с одной стороны, и романтика А. Н. Серова—с другой. Мусоргский возражал против „готических“ хоралов в духе католической церкви, исполнявшихся в опере евреями вопреки исторической правде. Он возражал против нежной, „идеальной“ инструментовки в той сцене, где Юдифь, „баба хоть куда—с размаху рубит голову Олоферна“. „К чему же здесь арфы?..“ —возмущался Мусоргский. Художник Серов, работая над ассирийскими костюмами, а впоследствии и над декорациями для „Юдифи“, нашел свою индивидуальную, среднюю между обоими враждующими сторонами, позицию. Он совершенно избегнул „идеальной инструментовки“, стараясь добросовестно овладеть историческим материалом, вместе с тем он и не усиливал натуралистической трактовки.

В 1889 г. роман в письмах кончился, и Серов женился. Ольга Федоровна Трубникова, предмет его долгой любви и мечтаний об уютном „голландском“ быте, была честной, строгой к себе, трудолюбивой девушкой, воспитанной в традициях идейной интеллигентской семьи. В ее лице Серов обретает надежную хранительницу семейного очага. Красивое старинное поместье Тверской губернии Домотканово, купленное академическим приятелем Серова В. Д. Дервизом, не раз привлекало под свою гостеприимную сень В. А. и О. Ф. Серовых, о нем неоднократно упоминается в переписке.

Политический подъем, охвативший страну

в 90-х годах, сказался в оживлении земской деятельности. Домотканово, находившееся в сфере влияния передового, либерального земства, было одним из центров интенсивной культурной работы, оживавших в интеллигентских кругах общественных тенденций. Эта сторона домоткановской жизни привлекла туда и мать Серова, которая занялась там музыкальной работой среди крестьян, и ее сестру Аделаиду Семеновну Симонович, с которой был очень дружен Серов; о ней с большим почтением отзывается он в своих письмах. Энергичный идейный педагог, А. С. Симонович работала там по организации народной школы. Идейная культуртрегерская деятельность создавала ту специфическую трудовую атмосферу, в которую втягивались и молодая жена Серова и он сам. Однако сам Серов рвался в Домотканово по другим причинам. Его очаровывала красота старинного именья, прелесть тихих деревенских пейзажей, глубокая непосредственная близость к природе. „Да, а хорошо теперь в деревне",— не раз мечтает Серов о Домотканове— „...хотя если начнешь работать, опять каторга и опять-таки не работать еще того хуже..." (письмо 28). Мучительное творческое раздумье не покидает Серова и в Домотканове. Гуляя по полям и лесам, он пишет пейзажи и задумывает и начинает осуществлять свой цикл рисунков к басням Крылова

Под влиянием политического оживления 90-х годов и голода, разразившегося в 1891—1892 гг., Серов испытывает серьезную идеологическую встряску. Из всех событий социального значения 90-х годов он острее всего переживает именно голод в деревне. Рабочие стачки, волнения — предвестники будущей революции — не оставляли столь глубоких следов в сознании молодого художника.

Мать В. А. Серова, живо захваченная событиями, едет в Симбирскую губернию — на голод. Она организует столовые для голодающих, ясли для ребят, налаживает среди крестьян музыкальную работу. В этой работе она находит себя, вкладывает в нее всю свою энергию. Крестьяне платят ей доверием, ходят советоваться, зовут „мамашей“. И Серов едет к Валентине Семеновне в ее симбирскую глушь, посещает ее в ее каморке, любуется ее деятельностью. „Да, цель этого дела и доверие со стороны народа,— писал он оттуда жене,— завлекают и увлекают очень, настолько, что, *если бы я счел нужным* отдаться этому делу, то, пожалуй, отдался бы ему почти так же ретиво, как и мама“ (письмо 33). О том, как Серов сердцем умел чувствовать мужицкую нужду, говорит его рисунок, изображающий безлошадного крестьянина, сделанный под впечатлением голода 90-х годов. Не принимая личного участия в политических событиях, Серов дал очень эмоциональное изображение прощания ссыльного с женой. Но и в Симбирской губернии, в центре голодного района, Серов тосковал, не умея применить себя ни к какой общественной работе, кроме чисто-художественной.

Серов быстро завоевывал известность. Отчасти этому способствовали знакомства, которые он завязывал с помощью Мамонтова. По заказу Мамонтова в 90-х годах Серов написал ряд портретов иностранных актеров, которые гастролировали в Москве в его — Мамонтова — опере. Певица Ван-Зандт, певцы Мазини и Таманьо, крупнейшие силы европейской сцены позировали молодому художнику. Работая над портретами Мазини и Таманьо, Серов опять погружался в мир сладостных для него воспоминаний об Италии. Мазини поднял

упавшую кисть художника, и у Серова немедленно мелькает ассоциация: Карл V и Тициан (письмо 30). И в пылком черноглазом и черноволосом Мазини и в рыжем венецианце, знаменитом „Отелло" — Таманьо, несколько грузном, полнокровном, с лоснящейся розовой кожей,— Серов сумел разглядеть необычайную внутреннюю собранность, волевое начало, а у Мазини — любимца московских дам — странную для итальянского премьера скорбную задумчивость. Оба певца, столь непохожие друг на друга, поняты были Серовым, как великие артисты; отсюда — и гордый поворот головы, и сосредоточенный умный взор, и блеск глубокого, сияющего колорита. И в других портретах 90-х годов — в нежном, одухотворенном облике Левитана, в легком, изящном Пушкине, в черномазом, кровь с молоком, красивом, ленивом, небрежно развалившемся без сюртука Константине Коровине, приятеле и художнике,—Серов улавливал то артистическое нутро, которое он сам ценил в человеке превыше всего. Для воплощения этого артистического начала Серову не нужны были внешние атрибуты. Только в портрете Коровина, написанном в мастерской художника, фигурируют холсты-пейзажи и открытый ящик с красками. Пушкин мечтает в осеннем саду, комната Левитана погружена в полумрак, Таманьо и Мазини даны на нейтральном фоне. Вся суть этих образов раскрывалась изнутри, сложность характеристики сочеталась с выразительностью рисунка и колорита.

Значительно суше и элементарнее решал Серов свою задачу, когда подходил к официальным заказам. Самая слабая из портретных работ Серова — „Александр III с семейством", написанная в этот же период, следом за Таманьо и Мазини. Банальность

композиции сочеталась с банальностью поз и характеров. После трехлетней работы в 1895 г. портрет Александра III с семьей был окончен, и молодой Серов небрежно, с шапкой на голове и папиросой в зубах, демонстрировал свой труд архиерею Амвросию (письмо 34). Судя по письмам, портрет стоил художнику много хлопот и писался, как скучный, официальный заказ, без тени радости и удовлетворения. Написав его, художник испытал чувство освобождения от давно висевшего над душой долга. И только. Но с этих пор Серов начинает получать заказы от всякого рода „сиятельных“ заказчиков, вплоть до Николая II. Появляются работы Серова, которые должны были возвращать русское искусство к импозантным придворным портретам XVIII в. Их он пишет в шикарной, поверхностной манере, освежая академические традиции умеренным импрессионизмом. Таковы портреты великого князя Павла, дегенеративного офицера с ничтожным лицом, с узорным зализом на лысеющей голове, написанный по заказу лейб-гвардии Конного полка, или Александра III для гренадерского Астраханского полка и др. В портретах близких людей Серов интимнее и реальнее. В этой другой манере — портрет согретой солнечным светом М. Я. Львовой, урожденной Симонович, той самой Маши, которая семь лет назад позировала ему под деревом и о судьбе которой он часто справляется в письмах; в этой же манере даны — подслеповатая старуха Морозова в сочных, реалистических тонах, живое воплощение сценических образов Островского; сморщенная, сутулая старуха Львова; изящная, улыбающаяся Л. А. Мамонтова и целый ряд лирических пейзажей („Октябрь“). В 1900 г. Серов пишет самого Николая, запросто, в тужурке, и приступает к целой серии

семейных портретов князей Юсуповых. Серов начинает блистать. Диапазон его очень широк. К 90-м годам относится сотрудничество Серова с художником К. Коровиным, с которым они встретились и сдружились еще в 80-х гг. в Училище живописи, ваяния и зодчества, где Серов недолго посещал вечерний натурный класс. В 90-х годах Серов с Коровиным ездили в Кострому, где они оба, заработка ради, писали церковную картину, и на север, по командировке С. И. Мамонтова, откуда они привезли много пейзажей. Творческая близость Серова и Коровина не прошла бесследно для обоих. Богатство коровинского колорита, его последовательный импрессионистический метод сильно облегчали Серову его собственное продвижение по пути импрессионизма.

90-е годы в творческой биографии Серова—один из крупнейших этапов. Окончательно определяется его специальность портретиста и его направление — своеобразный реализм, ассимилирующий элементы импрессионизма, академизма и модерна. К этому периоду относится зарождение новой художественной группировки „Мир искусства“, в которую и вступает Серов, чтобы в рядах ее художников пройти путь борьбы за новую эстетику. В 1897 г. была устроена „выставка английских и немецких акварелистов“, осенью того же года—„скандинавская“, а в январе 1898 г.—выставка рисунков „финляндских художников“, на которой экспонировался уже и Серов. Все три выставки были устроены С. П. Дягилевым, организатором „Мира искусства“, к которому Серов, по свидетельству Бенуа, относился с необычайным восхищением. В сущности эти выставки уже были первыми вестниками нового объединения и серии выставок „Мира искусства“ под непосредственным наблю-

дением Дягилева и Бенуа. Впоследствии сам Бенуа так формулировал установки, положенные в основу нового объединения, притянувшего с первых своих шагов и Серова: „Нас инстинктивно тянуло уйти от отсталости российской художественной жизни, избавиться от нашего провинциализма и приблизиться к культурному Западу, к чисто-художественным исканиям иностранных школ, подальше от литературщины, от тенденциозности передвижников... подальше от нашего упадочного академизма“ *. Эта формулировка характерна для идеологов группы „Мир искусства“ и типична для Бенуа, „по-барски“ пренебрежительно отзывавшегося о передвижниках и смешивавшего их с представителями традиционного академизма, приклеивая тем и другим ярлык „провинциализма“. Знакомство Серова с Бенуа началось еще в 1895 г., когда последний собирал русские произведения на выставку в Мюнхен. Уже тогда Бенуа безошибочно выделил из круга передвижников художников, которые выставлялись затем в новой художественной организации, в частности Левитана, Нестерова, В. Васнецова и Серова. В начале 1898 г. Серов был снова привлечен Дягилевым и Бенуа к участию в „Русско-финляндской выставке“—первой широкой демонстрации русско-финляндского модерна. Список экспонентов был дополнен К. Коровиным, Головиным, Поленовой и Малютиным. Таким образом, Серов вошел в сферу художников новой формации и обретал твердую опору в своих новых исканиях. Выставка „Русских и финляндских художников“, где фигурировали среди прочих Галлэн, Эрнефельдт и Энкель, сразу заслужила славу „декадентской“. „И эта кличка,—

* А. Бенуа. Возникновение „Мира искусства“.

писал Бенуа,—прилипла теперь сразу и безоговорочно к нам, несмотря на то, что среди нас были такие „несомненные здоровяки", как Серов, Малявин и Левитан" *. Очень характерно, что центральной серовской работой на „аристократической" выставке „Мира искусства" был „великосветский", „академический" портрет великого князя Павла с лошадью, который впоследствии получил премию на парижской выставке, как блестящий образец репрезентативного официального портрета.

О том, как резко столкнулись между собой художники „Мира искусства" с идейным реализмом и Академией, свидетельствуют выступления Репина, Стасова, с одной стороны, выступления Совета Академии — с другой. „Это направление — декадентство в буквальном значении,—писал Репин в своей статье по адресу „Мира искусства".— Его идеал — атавизм в искусстве. Дилетантизм ставится в принцип школы. Их гений — финн Галэн. Это — образчик отсталости художника. Его идеи — бред сумасшедшего, его искусство близко к каракулям дикаря. В скульптуре их гений – Роден... Бенуа, Сомов, Малютин и другие недоучки с благоговением изучают манеры этих бойцов за невежество в искусстве. Их враги — академии. Традиции, знания, логические наблюдения законов форм и колорита природы клеймятся ими, как самый большой порок в искусстве" **.

С такими же страстными отповедями новому художественному объединению выступил и В. В. Стасов. Начались настоящие схватки, которые были перенесены затем в стены самой Академии. Самое тяжелое для Репина было видеть в числе „дека-

* А. Бенуа. Возникновение „Мира искусства", стр. 30.
** И. Е. Репин. По адресу „Мира искусства", „Нива". 1899.

дентов“ своих бывших талантливейших учеников — К. Сомова и особенно, конечно, Серова. И Стасов с недоумением встречал среди „чумного сектантского задворка русских декадентов“ „справедливый и верный талант“ Серова, который, впрочем, по его мнению, чем дальше, тем больше изменял принципам правдивой передачи натуры. Переписка Серова с А. Бенуа и Философовым, одним из учредителей „Мира искусства“ (впоследствии сблизившимся с кружком поповствующих мистиков Мережковских), проливает свет на этот период утверждения „Мира искусства“, поднявшего знамя воинствующего идеализма и индивидуализма, уводившего искусство с реалистических позиций в сторону „чистого искусства“. Любопытно, что „справедливый и верный талант“, выученик Чистякова и Репина, чувствовал себя в среде мирискусников, как рыба в воде. Он не только не стыдился клички „декадент“, которая обижала Бенуа, напротив, он с некоторым задором носил ее, хотя она относилась не к нему, а к типичным мирискусникам. В кругу художников „Мира искусства“ Серов находил поддержку и обоснование своей тяге к освоению западной культуры и преданной любви к старым мастерам. В кругу художников „Мира искусства“ он находил поддержку своим тяготениям в сторону декоративного искусства, теоретические обоснования своим формальным проблемам.

Среди членов группы было достаточно своих присяжных философов и идеологов, своих вождей и литераторов, но мало было художников-практиков, людей дела, связанных с широкими кругами московских художников; залучить к себе Серова, Коровина, Левитана — это значило сразу обессилить враждебный лагерь, т. е. „Товарищество передвижников“. Вступивший в „Мир искусства“ Серов

немедленно нагружается множеством организационной работы; на первых порах Дягилев делает попытку перетянуть от передвижников и Репина. Серов в этом отношении мог быть самым надежным посредником. С другой стороны, „декаденты“ подверглись ожесточенным нападкам „Нового времени“, травившего не только революционеров, но и либералов. И тут Серов, „справедливый талант“, человек либерально-демократических убеждений, европеец и гуманист, презиравший подхалимскую газету Суворина, символ реакции и российского хамства, — и тут Серов был надежным защитником. Что касается демократических настроений Серова, то здесь Бенуа рассчитывал на свой художественный и теоретический авторитет.

Короткие, деловые, в тоне дружеских приказаний, письма Дягилева Серову как раз и освещают организационную деятельность художника в связи с выставками и всей художественной политикой „Мира искусства“. Дягилев действовал в Петербурге, Серов под его руководством — в Москве. „На тебе лежат хлопоты о москвичах, т. е. ты, во-первых, дорогой друг, во что бы то ни стало...“—в таком духе начинает обычно свои письма к Серову Дягилев, а затем следуют поручения, в исполнении которых отчитывается Серов. Серов по указаниям Дягилева должен съездить к Малявину и убедить его выставить что-нибудь новое на „Мире искусства“, он должен объездить целый ряд художников — Виноградова, Пастернака, М. Мамонтова, с тем, чтобы „вырвать их из когтей 36“ — новой, опасной, конкурирующей с „Миром искусства“ московской выставки (см. письмо 240). Затем он должен завербовать художественную молодежь, ибо в 1902—1903 гг. уже вырастали новые кадры, которые ставили перед собой новые

задачи и могли со своей стороны угрожать „Миру искусства“; он должен был объездить художников помельче с целью высмотреть, нет ли у них чего нибудь „порядочного“, достойного украсить собой Дягилевскую выставку и тем самым расширить сферу влияния „Мира искусства“; он должен был выполнить еще множество организационных хлопот по подысканию помещения для выставки, по отправке вещей из Москвы в Петербург, по уплате по счетам, по рассылке выставочных бланков; он должен был провести дипломатические переговоры с художниками, подкапывавшимися под „Мир искусства“, и так далее и тому подобное.

И все это Серов выполнял с величайшей, свойственной ему, добросовестностью, понимая, что дело идет об утверждении новых, становящихся ему все ближе, художественных принципов. Пока Серов обрабатывает „москвичей“, Дягилев ведет наступление на Академию — оплот реакционного дворянского искусства, в 90-х годах перестроившуюся и впустившую в свои стены группу демократических художников. Таким образом, наступая на Академию, Дягилев имел в виду сразу досадить двум основным своим врагам. Поэтому он решил добиться устройства выставки „Мира искусства“ в залах Академии и, зайдя в глубокий тыл противника, разложить его на его собственной территории. Академики и передвижники поняли маневр. В. В. Стасов сразу раскусил, зачем Дягилеву понадобились академические стены. Совет Академии решительно протестовал, не желая видеть дягилевскую „декадентщину“ в школе. Мирискусники же, заручившись поддержкой вице-президента Академии, либерала графа И. И. Толстого, врезались в самый центр враждебного лагеря. Серов, находившийся в это время в Москве, с огромным напряжением следит за исхо-

дом борьбы. „Ну, что же, чорт возьми, Академия с действительными ее членами? Дайте же знать, ведь любопытно", — взывает он к Бенуа. „...Начинаю думать, что мы все герои — нас гонят" (письмо 168), и с задором, шутя подписывает письмо к Бенуа „академик В. Серов", да еще спрашивает, будет ли на открытии выставки „Мира искусства" в Академии художеств играть духовой оркестр, который своими победными звуками окончательно взбесил бы академиков.

Несмотря на дружную совместную работу, Серов в кружке основоположников „Мира искусства" сохранял своеобразие. В среде дилетантов и денди это был подлинный профессионал. В постоянно разгоравшихся спорах и стычках в редакции журнала „Мир искусства" Серов сохранял спокойствие и, прислушиваясь к дебатам, чертил в своем альбоме меткие, остроумные и подчас злые карикатуры. В крупных столкновениях он — справедливый, объективный судья. На выставках он поражает спокойной, законченной зрелостью мастерства. На осеннем „левом" парижском салоне типичные мирискусники с Сомовым во главе затмили собой Серова. Он оставался в тени, овеянный почтительным холодом, как „академик". Но дело было не только в академизме. Серов сохранял реалистическое миропонимание, в то время как новое европейское буржуазное искусство и русские модернисты в частности круто повернули к субъективному идеализму. Царила формула: „мир — мое представление". Начался процесс разложения цельности реального образа „левыми группировками".

Рационалисту Серову была чужда эмоциональная подоснова новой эстетики. Он модернизировал свои образы извне, находил новые эстетические формы логически и реально воспринятому миру.

Серов был близок со многими художниками круга „Мира искусства“ и особенно с Дягилевым. Бенуа не раз упрекал Серова, что он прощает Дягилеву его грубость, его барство, его нахальство, его деспотизм. Серов сознательно закрывал глаза на отрицательные качества Дягилева, но в нем он видел человека действия. И каждый раз, когда Серову приходилось сталкиваться с волевой индивидуальностью, он умел показать, умел художественными средствами раскрыть действенное начало образа. И лучшие портреты Серова полны волевой сосредоточенности. Потому таким неотразимым очарованием полно изображение трагической Ермоловой, Мазини, Таманьо, Качалова и др. И потому до самой смерти Серов не мог расстаться с образом Петра I. Серов был аналитиком. Мир в его представлении распадался на ряд замкнутых в себе, ограниченных образов. Каждый человек в его портрете — есть самостоятельное, изолированное явление. Его герои — одиноки и трагичны в борьбе (Петр I). Их действие встречает противодействие окружающей среды. Отсюда — своеобразие в трактовке героической темы и человека в портретах Серова. Но самое тяготение к героическому и волевому началу в человеке, мучительные поиски раскрытия этого начала в портретном образе, резко выделяющие Серова из круга русских декадентов, приближают его к нашим задачам, к подлинно героической, подлинно действенной эпохе.

Признаки загнивания буржуазной культуры, которые смутно ощущали такие крупные художники, как Врубель, Блок или Брюсов, в 900-х годах стали приобретать и для широких слоев буржуаз-

ной интеллигенции отчетливые, осязаемые формы. Благодушная атмосфера, царившая в Абрамцеве в дни юности Серова, рассеялась под ударом кризиса и финансовой катастрофы, постигшей С. И. Мамонтова. В одном из своих писем Серов рассказывает Остроухову, как ему во время сеанса у Николая II удалось замолвить слово за Савву Ивановича, которому угрожала долговая тюрьма.

Страна жила тревожно и напряженно. Чувство страха за будущее охватило и Серова. На гребне растущего рабочего движения всплывала буржуазная оппозиция. В среде художников „Мира искусства", в качестве одного из признаков классовой самозащиты, обнаружился сильный крен в сторону феодальной дворянской культуры. Александр Бенуа, соратник Серова и его ближайший друг, возглавлял реставраторское течение в искусстве 900-х годов. Годы пребывания Серова у князей Юсуповых в старинном, Екатерининском поместьи — Архангельском (см. письма к Трубниковой) совпали с этим периодом, окрашенным апологией старины. И сам Серов, уезжая в Архангельское, рассчитывал, что в стильной обстановке дворца смутно носившиеся в его воображении исторические образы Петра, Елизаветы, Екатерины легче облекутся в плоть и кровь реального изображения.

Но в сущности этот поворот к старине в его мирискусническом варианте, столь характерный для дворянской части интеллигенции, обусловленный всей совокупностью социальных противоречий эпохи, для самого Серова вовсе не был закономерным. Напротив, здесь большую роль играли внушения Бенуа.

Портреты живых Юсуповых, образы окружавшей действительности заслоняли в сознании Серова образы — далекие, подернутые исторической дымкой (см. письмо 42).

И вместе с тем Архангельское, воспетое Пушкиным, Архангельское, с его стильной архитектурой, с его мраморами, с его старинным французским парком, Архангельское, в котором „циркуль зодчего, палитра и резец“ „в волшебстве состязались“, — очаровало Серова. Временами холодное великолепие и чинный распорядок жизни Юсуповых навевали на него скуку. Бродя по п рку, он натолкнулся на пушкинский бюст и прочел написанный на пьедестале отрывок из оды, посвященной поэтом бывшему владельцу имения Н. Б. Юсупову, „где говорится о благородной праздности сего предка“. „Недурно“, иронически прибавляет художник. Ироническое отношение Серов усваивает и по отношению к потомкам „вельможи“. „Князь скромен, — пишет Серов о Юсупове, хозяине дворца, которого он рисует верхом на отменном арабском коне: — хочет, чтобы портрет был скорее лошади, чем его самого“... и лукаво прибавляет: „вполне понимаю“. Серов с усмешкой сообщает жене, что „высокопоставленные“ гости Юсупова пожелали „милостиво обозревать“ его произведения, как затем они изволили с ним беседовать „о святом искусстве разумеется“ (письма 42 и след.).

Этот иронический тон и небрежная „салонная“ манера поддерживать разговор на „высокие“ сюжеты, — все это было формой самозащиты художника, стремившегося сохранить чувство собственного достоинства, удержаться на равной ноге с „сиятельными“ заказчиками, будь то Юсуповы, великие князья или сам Николай II. Эстетическое чувство Серова — „артиста“, вопреки его разуму, охотно подчинялось внешней прелести изысканной обстановки Архангельского, но внутри что-то сосало, и однажды, вспоминая в письме, как он уса-

живался за столом между великокняжескими сыновьями, Серов, как бы извиняясь, приписал в скобках: „безобразие"...

Таким же замечанием „в скобках" кажутся и две испуганные фигурки странников, которых Серов нарисовал сбоку в своей элегантной „царской охоте". В центре, хрупкие и беззаботные, мчатся всадники — Елизавета и Петр II, а на дороге, кланяясь, жмутся друг к другу от царских коней убогие калики перехожие. Эти странники нужны были художнику, чтобы подчеркнуть противоречия эпохи, социальное неравенство. И Серов крепко держался за этот мотив, спорил с редактором Бенуа и затем усилил тему, сделал ее основным идейным и композиционным стержнем в другой работе — „Охота с борзыми".

Аналогичная идея, заостренная как политическая проблема, — самодержавие Петра I и народ — руководила Серовым в его историческом цикле 1910—1911 гг.

Работая над портретами семьи Юсуповых, Серов старался быть объективным и правдивым. Он охотно писал хозяйку дома, так как ему нравилась ее обходительность, ее высокие оценки его работ, ее улыбка, которую он старался передать на портрете. Но как только дело касалось его профессии, он спорил с заказчицей, был упрям и настаивал на своем. Изящная хозяйка Архангельского, далекая от „мещанских будней", которые так презирали мирискусники, посаженная в свою красивую теплицу, понималась и изображалась Серовым беззлобно, как хрупкое растеньице, не отмеченная ни мыслями, ни серьезными чувствами. Удался ее „смех", как писал Серов, — и художник доволен. Философствовать здесь, в связи с такой натурой, нечего, судить ее за ее барство

бесполезно. Но когда в изображении Серова появляется целая серия таких портретов, от них начинает веять холодом пустоты, увядания, смерти. И прав М. Морозов*, когда в своем очерке о Серове говорит, что, будучи реалистом, Серов сумел показать величайший декаданс, обреченность буржуазно-помещичьей России.

С мужскими образами Серов расправлялся значительно резче. Так и чувствуется, что, когда Серов писал старшего сына Юсуповых, безличного студента-белоподкладочника, он подавлял зевоту скуки. Когда писал князя на коне — арабский жеребец, подарок султана, удался на славу; изысканный конь стоит во всем великолепии породистых голубоватых ног и разузоренной морды. А князь, тщедушный отпрыск пушкинского современника, сибарита и вольтерьянца, сидит смирно и скучно, как рядовой солдат наряженный в генеральский мундир. И художник не то протестует, не то извиняется за свой реализм, „князь скромен, хочет, чтобы портрет был скорее лошади, чем его самого“... И добавляет: „Оказывается, я совсем не могу писать казенных портретов — скучно“. И это звучит, как приговор, в данном случае — как социальный приговор художника. И опять-таки каждый из портретов, взятый в отдельности, красивый и изящный, как будто бы никого и не разоблачает, но собранные подряд эти лысеющие кавалергарды, меланхолические полковники, закручивающие ус „отцы города“, благодушествующие адвокаты — все вместе, они обнаруживают величайшее социальное разложение, деградацию. Эту социальную деградацию своих современников, по-

* „Обзор искусств“, 1935, № 7.

томков родовитой русской знати, отчетливо видел и Дягилев, объезжавший поместья в поисках портретов старых мастеров. Но Дягилев, наперекор историческому развитию, пытался возродить былое величие предков; Серов, с известной долей иронии, а подчас и гротеска, развернул целую галерею „потомков“, роковым образом обреченных на вымирание. Эта деградация развивалась из рода в род. Петр I на картинах Серова — царь-мастеровой — своей упрямой волей переворачивает Русь и мчится, постоянно в работе, из края в край великой страны. Александр III стоит неподвижно и тупо, его тучное тело браво затянуто в мундир, лицо лоснится здоровьем. Сам он при шпаге и орденах, а за спиной — шеренги солдат и казаки. Николай II в изображении Серова растерял атрибуты самодержца и воина, а фон на его портретах — все признаки социального величия. Николай сидит у себя дома, — может быть, в гостиной, может быть, в спальне. На нем домашняя тужурка. На лице блуждающая, как будто виноватая улыбка. Через несколько лет, когда за улыбками и негой увяданья художник разглядел тупое и страшное лицо николаевского режима, он резко оборвал свои визиты во дворец и со свойственной ему прямотой и правдивостью, подстегнутый негодованием после жестоких расправ с революцией, — рисовал злые карикатуры на царя, царицу, казаков и офицеров, получавших ордена за расправу над революционным народом.

Но пока что Серов и сам, далекий от классовой борьбы своей эпохи, менял одну теплицу на другую. Порой его сильно тяготило юсуповское великолепие, он торопился окончить портреты, чтобы вернуться домой и полной грудью вдохнуть самостоятельности и свободы.

Иллюзию бытовой свободы Серов обретал в мечтах о своем собственном доме, со своим небольшим хозяйством, подальше от городской суто-локи, поближе к природе, к морю и к той стране, которая под гнетом России сохраняла известную долю самобытности и самостоятельности. Такой страной, хранившей в те времена стремление к свободе от царской России и гостеприимно укрывавшей русских политических эмигрантов, была соседка Петербурга — Финляндия. В Финляндии строили себе дачи Репин, Леонид Андреев, В. В. Матэ, гравер и приятель Серова, мечтавший о введении конституции в России, и множество других российских интеллигентов, писателей, художников — по преимуществу модернистов. Такой хуторок завел себе и Серов в 1901 г. в Финляндии, вблизи финского селенья Ино.

Но, построив себе свою собственную теплицу, обзаведясь большой семьей, весь в хозяйственных хлопотах, возлагая все свои надежды на мудрые советы Матэ, сам Серов на Ино — только дачник. Ино поглощает много денег, за свою „свободу" и благополучие семьи художнику приходится дорого расплачиваться. Серов не вылезает из долгов, хотя работает с огромным напряжением и устраивает свою домашнюю жизнь очень скромно.

Профессиональные интересы поглощают Серова целиком. Он — не только портретист, мучительно работающий над каждым образом, над каждой деталью, ставящий себе все новые художественные проблемы, он вместе с тем — художник-общественник в профессиональном значении слова. В 1902 г. он избирается в Совет Третьяковской галереи. Вместе с Остроуховым и дочерью Павла Третьякова — А. П. Боткиной Серов призван продолжать дело охраны и соби-

рания произведений живописи. Серов понимает свою новую роль, как высокую миссию, и исполняет ее, как сам выражается в письме, „по совести“. Он — самый авторитетный член Совета. Он очень требователен в покупке новых в щей. Он старается быть объективным и не упустить ни настоящего Левицкого, ни Врубеля. Он борется со всем посредственным, будь то предложение купить картину, будь то пожертвование. Несмотря на множество работы, на множество домашних хлопот, на тяжелую болезнь, обрушившуюся на него в 1903 г., Серов развивает энергичную деятельность в Третьяковке и близко к сердцу принимает все интересы галереи. Тревога за галерею, забота о ней пронизывает многочисленные письма Серова к Остроухову и Бенуа. Третьяковская галерея была по существу одним из форпостов, на территории которых велась борьба за новое искусство 90—900-х годов. Остроухов, Серов и находившаяся под их влиянием А. П. Боткина в покупке картин проводили определенную художественную политику „Мира искусства“. Левицкий, Рерих, Врубель, Сарьян, Борисов-Мусатов, Тархов, Сомов, — вот за кого ратует Серов в своих письмах и телеграммах, кого продвигает в галерею, за кого принимает бой с „отцами города“, с одной стороны, с самим Репиным — с другой. Борьбу за Третьяковку Серов проводит с настоящей страстью; но черпает силы для этой борьбы в сознании высокой миссии художника, высокой миссии искусства, в которую так пламенно с ранней юности уверовал.

В 1902 г. Серов с матерью едут в Байрейт, специально для того, чтобы послушать цикл вагнеровских опер. Серову хотелось услышать своего любимого композитора непременно в Байрейте, в маленьком баварском городке, в театре самого

Вагнера, где в 70-х годах впервые прозвучал весь цикл, под руководством самого автора. Вагнера давно не было в живых, так же как и Серова — композитора. Но так же, как много лет назад его отец, и Серов — художник был потрясен вагнеровской музыкой, хотя оба воспринимали вагнеровские образы по-разному. Судя по письмам художника, „Парсифаль“ с его мистической основой и „Лоэнгрин“, когда-то особенно захвативший отца, — сына-реалиста оставили равнодушным: Серов признается, что не понял „Парсифаля“, собирался пойти второй раз, проверить себя, разобраться. В. А. Серов был захвачен другим — героическим циклом Нибелунгов и в частности образом Зигфрида. Стихийное волевое начало вагнеровской музыки, раскрытое в мистических образах, живое столкновение страстей, титаническая борьба света и тьмы, жизни и смерти, — вот что потрясало воображение и сознание Серова, потрясало до того, что он едва сдержал охватившее его волнение, и мать с ужасом смотрела на его осунувшееся, угрюмое лицо.

Начало 900-х годов — переломная пора в жизни Серова. Былой оптимизм уступил место глубокому душевному кризису. Серов направляет свои творческие искания в сторону большей утонченности, изысканности образов.

Но и в этих его опытах, сквозь нежность и хрупкость внешней формы, сквозь стилизаторские ухищрения, навеянные мирискусничеством, пробивались искания пути к большому стилю, к большим действенным образам.

В 1903 г. Серов долго и тяжело болел. Менялись доктора, созывались консилиумы, навещал его лейб-медик С. С. Боткин, личный друг художника,

осматривал известный тогда берлинский профессор Лейден, но диагноза установить не удавалось. Серов все время был в сознании и жил в мучительном предчувствии смерти. Мало было прожито, много роилось еще не выполненных замыслов, много дела и творческого труда было впереди; тяготила и необеспеченность разросшейся семьи. С болезнью явился досуг, и можно было в тишине заново проверить себя, осмыслить свое отношение к жизни, к творчеству, к своей современности. Приговор был беспощадным — навещавший больного Философов записал в своем дневнике: „Приходится молча выслушивать мысли, чувства и жалобы сознательно умирающего художника, не умеющего и не желающего простить уродства жизни“. Сознавая „уродства“ окружающей действительности, Серов сурово отрицал компромиссы: он не желал прощать. Серов любил Льва Толстого. Повидимому, и в философии великого реалиста, в его пресловутом „непротивлении“, художник чувствовал великую тоску, близкую себе, и искал каких-то возможных выходов. Но революционный период 1904—1905 гг. повеял неожиданной для Серова радостной надеждой; казалось, „уродства жизни“, социальное неравенство, вековое российское рабство и хамство будут сметены народным восстанием — и воцарится новая, светлая, свободная жизнь. „Толстовство“ Серова как рукой сняло. В то время как великий писатель, в согласии со своими теориями о непротивлении злу, выносил осуждение революции, Серов, безоговорочно осудив насилие угнетателей, радостно двинулся навстречу революционной буре.

Тяжелая болезнь Серова была ликвидирована операцией. Смерть на время отодвинулась. У дверей клиники Чегодаева, где лежал художник, тол-

пилась публика, ожидая известий об исходе болезни. С разных концов от друзей, художников, учеников приходили телеграммы. Доктор Березкин не сразу решился на операцию, мотивируя это тем, что „личность больного исключительная, слишком дорогая и для родного искусства и для всего общества“.

Серов в это время был уже известным портретистом и преподавателем в Училище живописи, ваяния и зодчества. О том, какую освежающую струю внес он в Училище, как боролся с педагогической рутиной и как независимо держал себя с начальством, требуя реформ Училища, — рассказывает в своих интересных (еще не опубликованных) воспоминаниях художник Н. П. Ульянов.

Неудачи японской войны, растущая земская оппозиция, крестьянские волнения, забастовки рабочих. В этот период Серов входит в круг влияния „Художественного театра“, его репертуара, пронизанного идеями бунта одиноких и сильных героев. В 1904 г. он знакомится с Максимом Горьким, пишет его и приобщается к тому революционному брожению, которое охватывает всю страну. Серов, поистине воскресший к новой жизни, переживает небывалый прилив творческих сил. Независимость его характера, его неуменье и нежелание гнуть шею перед начальством, — все черты, имевшие прежде личное значение, приобретают общественные, политические основания. С 1903 г. Серов числился действительным членом Академии художеств. Теперь, когда Россия пережила „9 января“, а во главе контрреволюционных войск, громивших демонстрацию, оказался Владимир, он же „августейший покровитель“ искусств и президент Академии, Серов написал свое знаменитое, приводимое в настоящем изда-

нии, письмо графу И. И. Толстому — настоящий вызов Академии, Владимиру и, в сущности, самому царю; письмо не было оглашено, и Серов демонстративно вышел из состава „действительных членов Академии художеств“.

„Он даже обратился ко мне с письмом, — писал по этому поводу Репин, — убеждая разделить его решение“ (выйти из состава действительных членов. — *Н. С.*).

„Мне особенно было жаль терять его из круга академиков. Я спорил с ним и советовал не выходить. После этого случая он почти прервал со мной всякие отношения... Серов упрекал Академию... в недостатке уважения к высшим интересам пробудившейся жизни русского общества. Из окон Академии художеств он был случайным зрителем страшной стрельбы в толпу на 5-й линии В. О. С тех пор даже его милый характер круто изменился: он стал угрюм, резок, вспыльчив и нетерпим; особенно удивили всех его крайние политические убеждения, появившиеся у него как-то вдруг; с ним потом этого вопроса избегали касаться“ *.

Серов в своих письмах выговаривал Бенуа, как тот мог покинуть революционную родину. Сам Серов полон событиями. Революция поворачивается к нему своим трагическим лицом, казни, расстрелы, усмирения, все виды насилия над народом и отдельной личностью заставляют его с презрением и ненавистью отвернуться от самодержавия.

Однако Серов и после уроков революции не составил себе четкой политической программы. Судя по письмам, он не разделял убеждений „край-

---

* И. Е. Репин. Воспоминания о Серове. „Нива“. Ежемесячные литературные и научно-популярные приложения, 1912, № 12.

них", т. е. социалистических партий, он не понимал целей вооруженного декабрьского восстания, но он жаждал свободы для Финляндии и парламентарных свобод для своей страны, он оставался гуманистом и на революционном знамени готов был написать лозунг о правах человека и гражданина.

В эпоху реакции, в мае 1907 г., Серов путешествовал по Греции. Он был увлечен совершенством Парфенона, античными мраморами, архаикой. Но ни очарование Эллады, ни особые, только ею вызываемые ассоциации не могли заглушить в эстете Серове тяжелых воспоминаний о далекой, „кровью умытой" родине. На острове Корфу среди легких, светлых пейзажей Греции, как кошмар, „втиснутый в грудь", давят художника вести из России, о разгоне Думы, о новом избирательном законе, „на руку помещикам и собственникам", о новых казнях и о том „равнодушии", которое охватило истерзанную страну (см. письма к жене). Эго равнодушие наполняет его горечью, ибо оно говорит о бессилии, а может быть, и рабской покорности его родной страны. Серов не подозревал, конечно, о революционных силах, загнанных в подполье, как не дождался их победоносного выхода наружу, совершившегося через 10 лет после его письма с Корфу... Но то, что Серов клеймил равнодушие, говорит о воле к борьбе, которая таилась в нем.

В 1905 г. в помещении Таврического дворца, где впоследствии заседала Государственная дума, Дягилев развернул грандиозную историческую выставку русского портрета. Эта выставка венчала собой реставраторскую деятельность „Мира искусства", ибо основной акцент экспозиции был сделан на старых мастерах. Выставка была большим художественным событием. Из писем Бори-

сова-Мусатова Серову мы узнаем о том впечатлении, которое она произвела и на него. Для Серова же она показалась откровением. В широких декоративных концепциях старых мастеров, в их уменьи показывать сквозь призму эмпирических фактов глубокие социальные обобщения Серов находил опору собственным исканиям большого портретного стиля. Его увлекала и формальная законченность каждого портрета и тот блеск и элегантность отделки, которые были свойственны старой академической школе и которые утратила современная Серову новая живопись, искавшая общих, суммарных, субъективных впечатлений. Особенное внимание Серова привлекли Левицкий и Брюллов. Под впечатлением выставки Серов написал портрет Карзинкиной, о котором идет речь в письме Бакста. Бакст, как и вся группа мирискусников, давал новой работе Серова отрицательную оценку; Бенуа так и говорил, что это „смазливая“ живопись. Предназначенный Серовым на Парижскую выставку 1906 г. портрет Карзинкиной был отстранен друзьями художника, которые боялись дискредитировать крупнейшего русского портретиста в глазах французских модернистов. Серов, обычно столь строгий по отношению к своим работам, на этот раз протестовал по поводу остракизма, которому подвергли его портрет „в стиле“ Левицкого. Он смутно ощущал этапное значение этой работы в своем закономерном движении к стилю.

В эпоху реакции „артистизм“ Серова приобретает специфическую социальную окраску: „абсолютную свободу“ личности и творчества художник бросает как резкий вызов „обществу“. С горечью и болью он теряет свои либеральные иллюзии. Он находит известное удовлетворение в личной

независимости и борется упорно и искренно каждый раз, когда видит посягательство на права человека. В 1907 г. Академия художеств предлагает Серову руководство мастерской. Серов соглашается неохотно, боится потерять свободу, связать себя с академической школой. Предварительно он ставит ряд условий, которые обеспечивали бы ему независимость, он подчеркивает, что согласен работать „по вольному найму", ведать только своей мастерской и участвовать на экзаменах своих учеников, пользоваться неограниченным правом принимать или не принимать учащихся в свою мастерскую и т. д.

При баллотировке в совете Академии условия большинством голосов были признаны неприемлемыми, как нарушающие устав. Альянс Серова с Академией не состоялся.

В 1908 г. в ответ на свою просьбу заниматься рисованием в Училище живописи, ваяния и зодчества Голубкина, тогда уже известный скульптор, получила грубый отказ: в виду ее неблагонадежности в прошлом, попечитель школы — он же московский генерал-губернатор — признал ее ходатайство, поддержанное Серовым, не заслуживающим внимания. И Серов, окруженный огромным уважением и любовью учеников, сам увлеченный реформой школы, бросает новый вызов и демонстративно уходит из училища (см. письмо 268) И такого рода партизанскую войну за права человека и гражданина, за личную независимость, вел Серов весь остаток своей недолгой жизни. Видя российское хамство, некультурность, недобросовестность, грубость, произвол, он жестко и с укором бросает: „а еще конституцию хотите ввести в России", или „когда же люди будут добросовестны, наконец, ведь это ужасно" (письмо 189 и след.).

В комфортабельной Европе, в модных парижских студиях, которые он посещает как рядовой художник, в Ватикане, в собственном ателье, устроенном в Париже в старинном аббатстве, Серов себя чувствует европейцем, космополитом и вкушает иллюзии творческой свободы. „А приятно утром купить хорошую, свежую душистую розу и с ней ехать на извозчике в Ватикан, что ли, или в Farnesin'у",—пишет он домой. В элегантном сером костюме, отдохнувший и радостный, с розой в зубах, встречает Серов в Риме у входа на выставку 1911 г. своего друга и учителя Репина. Серов привез из своего „аббатства" недавно законченный портрет Иды Рубинштейн, который он до того скрывал от любопытных глаз, как свою тайну. Сейчас, вынутая из ящика, Рубинштейн предстала перед изумленным учителем „как Венера из раковины" *.

Весь творческий путь Серова от старых испанских реалистов к модерну 900-х годов промелькнул в воображении Репина. Он „стоял с языком, прилипнувшим к гортани". „Знаешь, — говорил он Серову, — если бы я не видел сейчас тебя и не слышал ясно твоего голоса, я бы не поверил..." В лице Репина русский реализм предъявлял счет художнику, далеко отошедшему от своих собственных исходных позиций. Беседуя с Репиным, Серов 900-х годов как бы беседовал с самим собой. В этой знаменательной встрече, в этом живом столкновении двух художников, последних реалистов на почве дореволюционной России, нашли свое живое отражение внутренние противоречия серовского творчества.

---

* См. воспоминания Репина о Серове, журн. „Путь", 1911, № 2, стр. 37—39.

Серов умер, не сказав своего последнего слова в искусстве, подойдя к новому, решающему этапу своего развития. В последние годы жизни, несмотря на постоянное недомогание, он создал ряд капитальных вещей — как портретов, так и картин декоративного характера. Тенденция к монументально-декоративному искусству характерна для творчества Серова после революции. Античная мифология в новом варианте модернизированной Эллады опять воскресает в его творчестве. Вместо раннего академического „Гелиоса“ появляется интимная, стилизованная, пламенная по колориту „Европа“. Но модерн 1910 г. был только этапом, от которого совершенно явственно наметился возврат к реализму и к неклассическому парадному портрету. Недоконченный портрет княгини Щербатовой, на котором художника застигла смерть,— образец неоклассики, перекликавшейся с соответствующим архитектурным течением 900-х годов (Желтовский, Фомин). Рисуя Г. Гиршман в тюрбане, Серов ориентировался на Энгра и Рафаэля.

Серов был единственным живописцем своего времени, который на практике нащупывал пути к итальянскому классицизму и русскому искусству XVIII в. Это составляло его специфическую особенность среди мирискусников, отразивших с бóльшей ясностью упадочные тенденции эпохи.

Русская буржуазия, заключившая сделку с реакционными силами страны, не смогла, однако, дать своим художникам социальных стимулов для нового классицизма. Единичные архитектурные здания, перерабатывавшие ампир и итальянскую классику, последние работы Серова — оставались отдельными фрагментами на пути к стилю, который в данных конкретных условиях русского империализма так и не мог родиться. И Серов, евро-

пейски известный художник, продолжал в великих муках искать воплощения своим замыслам. Каждый портрет был для него, по его словам, „целая болезнь“. Анализ его творческой личности, его мировоззрения убеждает в том, что реалистический портрет, как жанр, наиболее полно раскрывающий проблему личности, был для Серова не случайным, а закономерным жанром.

Противоречия империалистической культуры, нивелировка и ущемление личности, потеря веры в объективную реальность, утрата перспектив — уводили искусство от реализма, от объективной образной системы.

Серов оказался последним великим портретистом, певцом человека, женской красоты, детской прелести. Последний трубадур буржуазного реализма, он и запечатлел черты деградации дворянства и нашел жизнь и волю в людях творческого труда. Сам мастер культуры, он оказался настоящим певцом творческой художественной интеллигенции.

Конец XIX — начало XX вв. отмечены разложением портретного жанра, возрождающегося на новых началах только в послеоктябрьскую эпоху.

Живописец, переписавший портреты крупнейших капиталистов и представителей знати, лежал в гробу в скромной комнате с холщевыми занавесками, куда надо было подниматься по узкой деревянной лестнице. Несколько еще не проданных полотен составляли все его наследство. Молодежь Училища живописи, ваяния и зодчества, узнав о смерти Серова, прервала занятия, волновалась и на похоронах пыталась устроить демонстрацию.

Независимый, гордый с начальством, Серов становился знаменем „свободного“ от николаевского режима искусства, художником, место которого, как говорили его ученики, не в казенной

правительственной школе, а в иной, только чаемой тогда, свободной школе.

„Выясняя правду и добиваясь справедливости,— говорилось в некрологе Серову,—он готов был итти до конца, ничего не боясь. „Все равно"—этого он никогда не знал. Сегодня умер большой художник. Но сегодня умер и большой, благородной души человек, который своею работою и своею жизнью возвышал и звание художника и достоинство человека".

Наталия Соколова

ПИСЬМА В. А. СЕРОВА

ОЛЬГЕ ФЕДОРОВНЕ ТРУБНИКОВОЙ [1]

1

Абрамцево [2] [1884 г.]

Дорогая Лёличка!

Я уже здесь (в Абрамцеве) около 2-х недель. Не знаю, что тебе написать о лицах, меня окружающих. Ты, ведь, всетаки мало от меня слышала о Мамонтовых [3]. Буду говорить лучше о лице, более или менее, тебе известном — об Антокольском [4]. Сегодня он только уехал, а то все время был тут. Виделся конечно каждый день. Часто беседовали об искусстве конечно. Часто просто слушал, как он спорил об искусстве же с Васнецовым [5] (он здесь живет, ты не знаешь его?) и другими. Умный он и начитанный (Аарон), но нетерпимый и в споре почти невозможен. Знаменитые люди часто, если не всегда, такие. Он прекрасно, серьезно относится к искусству, так же как я хочу относиться, и работает, ты сама знаешь, видела его работы. Нравится мне тоже, что он не стоит за западное пошлое, бессодержательное направление искусства

и бранит его. Странно, хотя мне и нравится это, он по приезде моем запретил мне работать и сказал, я понимаю его, что до тех пор пока мне нестерпимо не хочется работать — не работать, т. е. морить себя голодом, чтобы потом с удвоенным или утроенным аппетитом приняться за пищу, а здесь за работу. Я послушался и недели полторы ничего не делал, т. е. не писал, а принялся по его же совету за чтение (советовал то же не стеснять себя выбором, читать все: научное, беллетристику, путешествия и т. д...) Я откопал „Фрегат Паллада", и несмотря на скуку, которой там все-таки порядком, хотя она и прекрасная вещь и много в ней красивого, я все же с удовольствием кончил это длинное путешествие. Читал еще Шевченко и еще что-то. (Видишь, я тоже перечитываю те книги, которые читал или читаю — как и ты). Работать начал только теперь. Начал этюд пейзаж (не веселенький). Ах! нарисовал портрет Антокольского. Сейчас буду хвастать: рисовали мы, Васнецов и я с Антокольского и представь, у меня лучше. Строже манера хорошая и похож или, если и не совсем, то во всяком случае похожее Васнецовского. Антокольский хвалил, особенно за прием — это последнее меня очень радует, что прав Чистяков [6] и его манера — (это передай Дервизу) [7]. Тем не менее все-таки портрет особенного ничего из себя не представляет — увидите сами. Да, между прочим, ты меня, говоришь, любишь, но, конечно, „за будущее не можешь поручиться" — какая предупредительность, право мне очень нравится. Ну что делает В. фон-Дервиз. Пишет-ли он что? Как его романсы? Он кажется тебе все больше и больше нравится? О! я этому чистосердечно радуюсь, как его истинный друг. Ну, да впрочем к черту. Ты вот что мне скажи: когда вы едете в Питер? Мне

это нужно знать и об этом, прошу, напиши мне. Проездом видел Адю [8], Сашу [9], Леопольда Ивановича [10]. Мне было их приятно видеть и разговаривать с ними — вовсе уж они не такие, как мы их представляем зимой или на Пасху, когда они обыкновенно собираются к вам гостить. Живу я в свое удовольствие. Здоров, иногда чувствую себя очень бодрым и веселым, на все смотрю бодро и все мне нравится. Конечно не всегда это бывает, но все же довольно часто. Тебя хорошо помню и не было, да, кажется, не было дня, чтоб я тебя не припоминал. Ну, прощай, обнимаю и целую тебя. Прошу поцеловать маму [11] и Надю [12]; ну там еще кого хочешь, пожалуй хоть Дервиза, впрочем, его лучше не надо. Пиши мне скорей. Прости за беспорядочность, никакой последовательности в письмах, в этом в особенности. Твой В. Серов.

2

[Абрамцево. 1884 г.]

Лёлька дорогая моя!

Прости меня — что так долго не писал. Ох, я сам знаю, что я негодяй. Приехать к вам в Ясски [13] теперь уж не придется. Осталось каких-нибудь пять шесть дней до вашего отъезда из деревни. Я решил вот как: ведь ты, кажется, собираешься сюда в Москву погостить к своим. Я тебя здесь повидаю, а потом мы вместе отправляемся в Питер — неправда-ли это будет чудесно. Право устрой так и напиши мне когда и где тебя можно уви-

деть — ты не знаешь до чего хочу я видеть тебя. Скоро и вас всех повидаю, ведь уж времени осталось не бог весть сколько. Потом Академия.[14] Ах, что это Дервиз затеял, что с ним. Он мне что-то такое написал, что я и не понял, понял одно, что он бросает Академию, а для чего, почему и что он хочет с собой сделать потом — вот загадка. Это ваше письмо, не последнее, а предпоследнее, просто мне душу надрывало. Ты хандрила — а Дервиз плел мне про какую-то Америку — я после него как опущенный в воду ходил. А здесь, если бы ты могла представить, какая яркая противоположность всему тому что делается у вас и здесь. Театр, репетиции, водевиль, обольстительные танцы, которые я устраиваю, одним словом, чорт знает что такое. Ну да это бешеное время уже прошло, да и слава богу. Как нибудь расскажу, жаль что вы не знаете ни одного из здешних лиц, не будет интересно. Мне все же очень жалко, что я не попал к вам в деревню. Вчера здесь один господин играл симфонию Бетховена. Боже мой до чего он меня перенес к вам, я почти чувствовал вас около себя — и как мне хотелось обнять вас всех. Как живет Адел[аида] Сем[еновна] [15] не мучают ли ее воспоминания. Мне почему то часто вспоминается то время. Кто то здесь стал рассказывать про больного ребенка, я быстро вспомнил Мишу [16], его смерть, мне почти сделалось дурно, сердце страшно билось и заныло я чуть не вскрикнул. Ну довольно. Работаю понемногу — сделано очень мало. Часто по этому и другим поводам мучает совесть, иногда и хандра бывает, но вообще весел. Да, Маша [17] пишет, что вы сдружились как-то особенно — понимаю. Скажи ей, что о причине дружбы могу догадаться и что, конечно, Надю, как девочку в таких делах ничего не понимающую, можно по

боку и это понимаю. Она пишет тоже, что ты очень любишь Дервиза. Смотри, не разлюби меня. Твой В. Серов.

3

[Петербург] 14 февраля [1885 г.]

Дорогая моя Лёлька!

Мы понапрасну, как оказывается, ругаем друг друга за то, что редко пишем. На самом деле каждый из нас написал уже другому как раз по три письма. Это четвертое с моей стороны. Судя по письмам ты и Маша чувствуете себя хорошо — я рад этому очень. Впрочем я говорю по последним письмам, в первых вы больше тосковали и вам почти хотелось уехать. А то, после одного из ваших писем, где особенное внимание обращается на обстановку, нас сильно покоробило и мы стали совещаться что делать с вами, увозить вас и куда. Но на другой или на третий день получают письмо, где говорится про солнце, хорошую погоду, о прогулках — это успокоило малость, к тому же, и правда, везти вас теперь куда бы то ни было, хотя бы хоть в Крым, не имеет смысла, погода теперь везде нехорошая, приходится ждать, а ждать все-таки, я думаю, лучше в Одессе чем в Питере, например. Да, а в Питер ты не хочешь жестокая? и меня видеть не хочешь? Впрочем, виноват, ты пишешь, что ты бы хотела в Петербург разве только для того, чтобы со мной повидаться, да я думаю, это ты написала для того чтоб не обидеть меня, а? Милая моя голубка, (эх! не могу

я тебя ни обнять, ни целовать, все на словах приходится, как-это скучно). Ну, все равно, хоть на словах тебе скажу, что крепко люблю тебя, что ты всех для меня дороже, что часто, очень часто тебя вспоминаю. Ну, а мне пора, иду в Академию, без 10 пять. Прощай пока дорогая, окончу после. Про себя могу сказать, что работаю охотно и энергично. Ах, сегодня забавно право: Ты, ведь, знаешь, что я еще за полтора месяца до Рождества принялся хлопотать о дозволении копировать Мурильо[18] и вот сегодня, наконец 14 февраля, получаю разрешение, отправляюсь, радостный, к смотрителю музея с письмом от Исеева[19], чтоб мол мне дозволить копировать. Вхожу в залу, где теперь развешана галлерея и — о ужас, о горе мне, она эта самая картина висит у самого потолка, а снимать ее нельзя ни под каким видом, разве по особому разрешению Совета или самого великого князя — вот тебе и раз — опять хлопоты. Впрочем, я не унываю, обратился сейчас же к ректору, тот обещался помочь.

4

[Петербург] 19 февраля [1885 г.]

Вижу, вижу, дорогая моя, что любишь и помнишь меня. Спасибо, что пишешь мне часто. И на этот счет больше упреков не услышишь от меня. Впрочем, упрекнул я тебя уж давно и совсем напрасно, потому что ты еще не успела получить этого упрека (о том, что редко пишешь), как на меня посыпались один за другим твои письма. Еще раз спасибо за них. Я очень люблю, придя домой,

находить на столе или на отцовской конторке твои письма — это очень приятно.

Однако это нехорошо, что у вас в Одессе погода дурная, но я думаю, к этому времени она уж изменилась. У нас здесь стоит отличная, солнечная, каждый день солнце, хотя иногда и морозная. А знаешь, я как подумаю, что свидеться нам только осенью — тоскливо станет. Теперь вот, сколько прошло с тех пор, как вы уехали, месяц, не больше, а уж как долог он, этот месяц, не правда-ли? А впереди, ведь, не месяц и не два. Этак не на шутку затоскуешь. Еслиб вы еще возвратились в мае или к концу мая, тогда еще есть надежда повидаться, а то ведь вы хотите чуть ли не все лето прогостить на юге. Да о чем я хлопочу? И полтора месяца еще не прошло с вашего отъезда, а я уж напоминаю вам о возвратном пути, и смешно, и грустно, право. Я до некоторой степени, так сказать, сделался учителем рисования. Учу у Корсовой[20], учу одного мальчика (за что я получаю правильно каждую субботу один рубль, этот рубль очень смешит Аделаиду Семеновну) и наконец взамен Влад[имира] Дмитр[иевича] учу у вас в школе[21], где и ушастого, несносного Оскара также приходится учить. Т. е. до чего они, эти школьники, несносны, удивительно, впрочем я теперь немного уж свыкся и они уж не так меня злят. А то, я помню, в первый день, я просто готов был некоторым надрать уши и пребольно, Оскару в особенности — так они мне досадили. Эта еще, как ее („Здластвуй Леля, Тоша, Маша" и т. д.) Соня, говорю ей чтоб она вот это рисовала — „Нет Тоша миленький, голубчик, хороший, я это не хочу лисовать, что нибудь длугое, Тоша миленький, голубчик" и т. д. — извольте радоваться! и при том еще лезет чуть не на шею — тоже раз-

досадовала порядком. Владимир Дмитр[иевич] начинает поправляться, сегодня навещу его и поклонюсь от тебя и от мамы. Мама моя просит вас написать ей (Угол Петровки и Газетного переулка д. Хомякова, меблирован[ные] комнаты). У нее дела идут хорошо — репетиции Акосты [22] идут успешно и она счастлива, как она пишет. Сюда приехала Миша Карловна [23]. Я ее еще не видал, на днях увижу. Открылась Передвижная выставка [24]. Репин [25] первенствует, имеет огромный успех. Как публика полюбила эти ежегодные выставки, она валит туда тысячами. Смотрели Юлия Цезаря, ожидали большего, но все-таки хорошо и очень. Вот тебе пока все новости. Прощай моя дорогая. В. С.

5

[Петербург. 1885 г.]

Дорогая моя!

Благодарю тебя за твое письмо. Только что его читал. Сегодня возвращаясь от Корсовых (наконец-то я был у них) я чувствовал, вернее знал, что найду у себя твое письмо — и не ошибся. Ты просишь меня торопиться писать тебе. Я недавно написал тебе и отправил по адресу, такому же какой стоит у тебя в письме — одно только, я адресовал на имя Фанни Мироновны Симонович [26], с передачей тебе, конечно, а не Иоахима Пузиса (какое странное, между прочим, имя). Ах — Лёлька, я тоскую так без тебя, тяжело мне не иметь твоей ласки, некого и мне приласкать.

Я слегка теперь оправился, покончил с работами и как то легче стало. А покончил я так: проработал я почти целый месяц, рисовал и писал, но не шло и то и другое, т. е. не так как бы я хотел, охота пропала, ну и все пропало, но я тянул почти до конца месяца, рисунок бросил за неделю, а этюд за день до экзамена, одним словом не подал ни рисунка, ни этюда и экзамен прошел помимо меня. Теперь, я знаю это, примусь, снова с новой энергией. Счастлив я, что могу пренебрегать медалями (а ты не знаешь до чего пагубны эти ухищрения, эти погони за медалями). Могу работать как сам хочу, вверяя себя только Репину и Чистякову. Но что за пытка работать, когда то, что делаешь не нравится и то с чего делаешь надоело — все тогда становится несносным, противным, сам себе противен, товарищи противны, разговоры их пошлы, стены, Академия — все, решительно все противно. Единственное спасение — хоть на время для меня: это твоя ласка, или книга, которая бы сразу завладела мной и перенесла к другим совсем людям, в другую обстановку. Но на этот раз мне пришлось плохо: тебя нет у меня, в Чайльде-Гарольде Байрона отрадного тоже немного. Тяжело мне было; теперь отлегло немного, но часто тоскую я, что уехала ты. Пересылаю тебе иероглифы профессора Спиро, вчера полученные.

А какие дни стоят Лёлюшка, немножко хочется в деревню. Но в смысле работы мне здесь оставаться хорошо и целесообразно: I) никто мне не мешает, не развлекает; в Эрмитаже [27] тоже удобно, народу мало, светло.

II) День длиннеет. Встаю я не особенно рано, около 8, иногда раньше, иногда позже, самовар готов, затем пишу, ухожу обедать, опять пишу

и наконец иду чай пить, часов в 12 ложусь, читаю немножко Щедрина — и засыпаю.

Ну до свиданья, дорогая, как ты себя чувствуешь, пожалуй, что хорошо, если такие стремительные планы выдумываешь.

Итак ты уже „почти окончательно решила". Забавно ей богу, ну целую тебя. В. С.

6

[Петербург] 6 мая [1885 г.]

Дорогая моя девочка!

Как бы мне хотелось быть теперь в Крыму подле тебя и это случилось бы, если б я не сам променял Крым на заграницу. Что скажешь об этом? Не думаю я, чтоб ты заподозрила меня в нежелании тебя видеть. Нет, я более чем хочу тебя видеть, я тоскую по тебе, никто об этом не знает — но это так. И не видеться с тобой еще столько, сколько мы уже не видимся — очень, слишком горько. Не говорю, что ехать мне заграницу теперь необходимо, но есть возможность попасть туда, а этого упускать не нужно, потому что такие случаи представляются не часто. Едем с мамой в Мюнхен. Она будет заниматься своим — музыкой, я — своим. Но летом надеюсь переправиться через Альпы в Италию (Ах я вспомнил „Эх, Саша, Саша, или „Эх, Ваня, Ваня, — в Грецию б нам, в древнюю Грецию и т. д.). Впрочем там Греция, а не Италия. Иные говорят мне — что рано ехать туда, что надо выждать и т. д., а я выжидать не хочу, можно

ехать, так и с богом, неправда-ли? А когда будет не рано, так можно опять отправиться и второй раз (тогда надеюсь, на казенные деньги). Ты ведь согласна со мной? А все-таки грустно подумать — четыре месяца, нет, немножко меньше 3½, мне не видать тебя, и мне не хочется ехать тогда. Эту неделю проживем еще здесь, а потом и отправимся. Но представь, радости я еще не ощущаю.

Аделаида Семеновна еще пугает меня, что ты и зиму останешься в Одессе и тогда мы увидим тебя года через полтора. Нет, послушай, это уж чересчур, это выходит бог знает, что! ровно ни на что не похоже. А я все-таки буду крепко надеяться на осень. Уж как-нибудь, а нужно будет свидеться и свидимся, а иначе, повторяю, выйдет чорт знает что! В Одессе, думаю так, тебе одной довольно тяжело будет среди этих [*зачеркнуто*] Смирновых и т. д. (а уж он поверь, не скоро отстанет от тебя и каша у вас в серьез заварится). Мне здесь без тебя опять не хорошо, право нехорошо. Раскидало нас как осенние листья ветром. Владимир Дмитр[иевич] тоже хмурится; ему приходится ехать на воды лечиться. Тоже заграницу, в какой-то Францискбад. Все его планы на лето, покупка имения и т. д. пошли прахом. Надежда Алекс[андровна] весьма плоха, да верно об этом уже знаете. Ну будет, грустное, хотя его много — в сторону, ведь все равно ничего не поделаешь. Рад за вас, что вам кажется хорошо там в Крыму. Маша все еще продолжает писать акварелью при заходе солнца? Пусть она лучше рисует кого нибудь, хоть тебя — будь ей натурщицей. Целую тебя очень крепко. Ох, не скоро еще я на самом деле поцелую тебя. В. Серов.

7

[Петербург] 15 мая [1885 г.]

Дорогая моя Лёличка!

Последний раз тебе пишу (не бойся, здесь в Питере, у Коли [28] в комнате) завтра или послезавтра в пятницу мы с мамой уезжаем. Аделаида Семеновна с Варей и Сашей и Надей [29] и еще Сашей отправляются сегодня. Вы еще не знаете, что квартира эта теперь уже не ваша. Здесь теперь и вещей вовсе нет — все сложены в особый склад. Да-с, итак Кирочная, собственно, не будет существовать Осенью, в августе, Аделаида Сем[еновна] ищет с Колей здесь квартиру, хотят на Песках (еще дальше от Академии, впрочем если тебя здесь не будет, так уж мне будет все равно. Вот что, голубка, моя, (ты все еще моя?!) пиши мне, слышишь? Пиши мне пока в Мюнхен, как? я тебе в конце письма напишу адрес. Я ж тебе оттуда непременно писать буду. От тебя уж давно не имел письма, ты верно подумала, что нас уж нет здесь. Как всегда перед отъездом кто-нибудь или что-нибудь задержит, тут вышло и то и другое. Из Мюнхена, можешь себе представить, я еду в Амстердам (впрочем пока еще не наверно, но весьма вероятно), к моему старинному мюнхенскому учителю рисования, ты верно слышала, Кеппинг [30], буду там в музеях работать, музеи там чудные, с удовольствием буду копировать, к тому же я, кажется, никогда ничего хорошего и серьезно не копировал.

Бедные девочки, вы как не ждали к себе Адел[аиду] С[еменовну], а она, как вам уже верно известно, теперь не приедет—ждите ее летом. Было бы

хорошо, если б Лёля Трощина приехала на лето в Крым, вам бы обоим веселей было. Или вы может быть вдвоем и не скучаете? а? Посмотрел бы я на вас, так со стороны за каким-нибудь буком, чтоб вы меня не видели, и смотрел бы, какие вы стали, все бы наблюдал. Впрочем долго бы не вытерпел — бросился бы тебе на шею.

Да! на этот раз мы, действительно, разлучены. Не забывай только меня, Лёлька (хотя это и смешно требовать, да я и не требую, я прошу) — тогда еще ничего, и пиши мне, а то отвыкнуть можно, а этого и я, да ведь и ты не хочешь, не правда-ли? Я тут было захворал бронхитом. почти неделю провалялся или просидел дома — теперь, кажется, проходит.

Ну-с Лёлька, моя, прощай, целую твои ручки (постарайся как нибудь сама себе их за меня расцеловать). Ты от меня поцелуй Машу в лоб. В Мюнхене отправлюсь в почтамт, и чтоб письмо там было, потому что ты напишешь до востребования.

Ну, прощай еще раз, не влюбись в кого-нибудь и в себя не влюби. Твой В. Серов.

München (сначала Бавария, Мюнхен по русски конечно) Poste restante M·eur Seroff (как важно — не правда-ли?)

8

Мюнхен 30 мая по русскому [1885 г.]

Милая! милая моя Лёлечка, спасибо тебе, что написала мне, сегодня был на почте, где и нашел твое письмо — еще раз спасибо. Я рад был ему, мне стало как-то уютнее на душе, когда читал его.

Ты мне отсюда кажешься еще дальше, конечно, чем из Питера, а образ твой стал мне еще дороже и еще жгучей стало желанье видеть тебя. Да! вот я и в Мюнхене и уж вторую неделю проживаю здесь. Ты верно думаешь, что я просто захлебываюсь заграничной жизнью — нет, ты знаешь какой я старик и как я скуп на восторги. Впрочем еще в Питере, я кажется писал тебе, да оно так и было, что меня не особенно тянет в Мюнхен. Конечно, приятно проходить по знакомым улицам, разыскивать дома, в которых 10 лет тому назад жили, видеть знакомые здания, извозчиков, говор баварский, баварское пиво, виртшафты и т. д., но, ведь привыкаешь ко всему этому и если бы не работа в музее (впрочем это главное) я бы здесь тосковал порядком. Пишу я копию с Веласкец [31], чудный портрет, пока идет, как будет дальше не знаю, но работаю с энергией. Эту галлерею, хотя я и был в ней когда-то, я совершенно забыл, так что она была новостью для меня — есть много, очень много интересного, хотя уступает нашему Эрмитажу. Рембрандт [32] здесь особенно плох. Зато здесь много Рубенсовских [33] вещей и хороших. В эту галлерею хожу почти каждый день (наз. Пинакотека) и пишу приблизительно так от 10 до 3. Что значит все таки Европа; мне например ровно никаких хлопот не нужно было, чтоб мне позволили копировать, а у нас там, в распрекрасном Петербурге, я полгода шлялся, просил, умолял, просто чтоб дали копировать этого злосчастного Мурилльо — и ведь так-таки и не дали. Никаких трудов не стоило изъясниться с ними, дать сторожу несколько монет и все готово — и разрешение и мольберт и скамейка — бери холст и краски и пиши, как я сейчас же и сделал. С немецким языком освоился и для общежития достаточно, разговор могу по-

нять и ответить на вопрос, но, вообще, поддерживать беседу пока еще не могу. На днях хочу пойти к своим давнишним знакомым, хорошее немецкое семейство, куда я мальчиком отправлялся на целый день, правильно на каждое воскресенье. Интересно какова будет встре[ча].

Вот что голубка, получено письмо из Яссок, в котором Варвара объявляет, что будто бы Аделаида Сем[еновна] не знает вашего адреса, правда это или нет?

А мне здесь довольно часто приходилось побывать в зелени. Несколько раз был загородом — тут очень милые окрестности. Были с Koepping'ом и на том самом месте, где 10 лет тому назад жили подряд два лета, где и познакомились с ним, были на Штарнбергском озере — это недалеко оттуда, куда я тогда еще отправлялся брать уроки плаванья. Славно мы там жили, сколько помнится. Там же я и принялся немножко серьезнее порисовывать. Собирал тоже под руководством того же Koepping'a коллекцию бабочек. Через 3 недели буду опять здесь, опять буду копировать и буду с мамой ходить в театр — к тому времени начнутся Вагнеровские оперы — это интересно, тем более, что здесь даются те из них, кот[орых] у нас в России никогда не видали да и не увидят. Они даются только здесь и в Байрейте [34].

Прощай моя девочка, не сердись на меня за короткое письмо, целую твое личико — прощай. Машу поцелуй. Мама вас тоже целует. Еще и еще раз прощай, я всегда целую тебя когда ложусь спать — вот и теперь также, сейчас тушу лампу — прощай. Твой как всегда В. Серов.

9

Мюнхен 20(7) июля [1835 г.]

Милая, дорогая моя Лёличка. Очень был я рад, прочитав, что вы двое поправляетесь — да и пора: уж порядком гостите на Юге ведь не даром же вас туда отправили. Если б я мог взглянуть на тебя раз, я бы наверное нашел, что и на вид ты поздоровела — или все такая же худышка? Ну-с а я все еще, как видишь, нахожусь в Мюнхене, хотя теперь уж не долго мне осталось здесь быть — в среду еду в Амстердам (решено и подписано). Наш „взаимный“ друг Koepping здесь, гостит у нас 4-й день. Завтра едет он с курьерским, я же после завтра. Мой учитель все такой же, т. е. немец художник, с теплой хорошей душой. Удивительно, какую он сохранил к нам привязанность. Жалко, он теперь ходит озабоченный, у него там с работой возня, не дают, не позволяют ему почему то работать в амстердамском музее, (делать офорт с одной картины Рембрандта). Но все таки он милый. Да! странно, дико было ему вдруг увидеть меня не тем прежним мальчуганом Valentin'ом, другим, взрослым с бородой (она ему очень мешает) и если не совсем высоким, то широким „молодым человеком“. Итак на днях отправляюсь в Голландию, мне здесь малость таки приелось, я рад, что уезжаю, тем более, в Голландию, которую путешественники посещают редко. Koepping хочет, если ему только позволят дела, объездить ее со мной. Говорят, что эта маленькая страна, как и я себе представлял, очень интересна по части художества. Вся она не велика и просмотреть ее не трудно и недорого. Да! очень интересно, Голландия, а потом, бог даст, и в Испанию как-

нибудь попаду — это две мои заветные страны. В Амстердаме мне готовится еще одно (и весьма для меня большое) удовольствие — там прекраснейший (второй после лондонского) зоологический сад — это меня, представь, почти столь же радует, как и чудные картины в галлереях, о которых я слыхал от Koepping'a. Мне хочется расцеловать тебя Лёлька — можно? Ну, а тот москвич, действительно тебя хорошо написал? Интересно, как это он тебя написал. Ты, кажется, не скучаешь, — это хорошо. Пожалуйста, меня только не забывай — слышишь? Мне иногда кажется, знаешь, что ты меня не любишь и письма пишешь только так — впрочем виноват — это глупо писать — больше не буду. Познакомился здесь с одним русским, он академист здешней Академии, родом из Одессы, молодой, очень милый и очень талантливый господин, вернее юноша. Ему страшно хочется провести каникулы дома, в семье в Одессе — но мать не может выслать ему денег, он несчастный горюет. Познакомился здесь еще с одним немцем умным чудаком, но об нем расскажу как нибудь в другой раз — слишком долго. Мама все хочет, чтоб я свою Академию питерскую бросил и остался бы на зиму или здесь в Мюнхене, или в Париже. Я еще не знаю на что решиться. Собственно Академии почти везде одинаковы, т. е везде есть свои недостатки и если я вздумаю бросить питерскую, то только потому, что надоела обстановка, одни и те же натурщики, стены, лица и т. д. Ну об этом еще подумаю, когда буду в Амстердаме, а отправляемся так через неделю, кажется мама тоже едет: она хочет повидать Виардо [35] (она живет на полдороге в Амстерд[ам] во Франкфурте на Майне) и Кеппинга, моего учителя, к которому я еду.

Мне пиши так: München, Politechnicum Herrn Feuermann Г-ну Серову. Отсюда уже перешлют куда следует. Ведь здесь живет, ты кажется не знаешь, а может быть и знаешь так называемая тетя Таля (Коган [36]) с детьми, мы с мамой у них обедаем, у них превесело. На днях ждем сюда Дервиза, он будет здесь проездом, он едет в Францискбад лечиться, затянулась таки у него эта гадость.

Почему вы переезжаете из Саяни, а? Управляющий надоел, что-ли? ты не пишешь. Вообще-то вы живете благополучно? Ты много читаешь? Да, это очень похвально, что ты меня слушаешься и позволяешь Маше с себя рисовать (может быть лепить, не знаю), я б тоже с удовольствием тебя порисовал, нет, я б писал тебя, я так об этом давно думал. Ну прощай, моя голубка, как я рад, что ты меня не забываешь — об тебе я всегда помню. Целую тебя крепко. Машу тоже, она очень мила что написала мне что-то. Спешу в галлерею, еще раз целую тебя, моя дорогая. Твой В. Серов.

10

[Мюнхен. 1885 г.]

Лёля, милая, дорогая моя, пишу тебе знаешь откуда — из деревни. Я тоже в деревне, тоже послан лечиться, у меня уже более месяца тянется катарр в легких, бронхит; то легче то хуже, какое-то скучное положение — не то здоров, не то болен и лечиться как-то странно, когда аппетит как следует, цвет лица и все вообще преблагополучно и вдруг надо остерегаться того-другого.

Надоело, а иногда грудь не на шутку побаливает — ну будет, а то становится похоже на ваши первые письма, хотя спору нет они нужны были. А в самом деле, не шутя как ваше здоровье? Кашля твоего нет, вовсе? Маша тоже, совсем поправилась? Изволь мне об этом написать. Хотелось бы мне на вас хоть одним глазком поглядеть, какие такие вы стали теперь, ведь я ей богу давно не видал вас, позволь, теперь уже сколько: февраль, март, апрель, май, да-с, пятый месяц идет-с недурно. Разлука (глупое слово), кажется более трех, четырех месяцев никогда не тянулась у нас, а тут вдруг восемь и то еще, если осенью свидимся — свинство, невольно приходится почесать в затылке. Да, а тут нет таких людей, которые чешут у себя за ухом — здесь все чистейшие немцы, баварцы и ходят вот в этаких костюмах [*рисунок*]. Местечко здесь удивительно миловидное, чисто немецкое. Тут и полосатые холмики, все аккуратно обработанные, и фруктовые, небольшие, садики, сквозь которые выглядывают чистенькие, беленькие, акуратные домики с зелеными ставнями; тут река, быстрая с холодной горной водой, отсюда видны горы, хотя далеко, есть и леса, и монастырь с тополями, огородами, в которых мелькают бритые, лысые [монахи] в коричневых с капюшоном назади халатах, есть конечно и Wirtschaft и не одно, а несколько. Может быть ты не знаешь, что такое виртшафт: это что-то вроде наших постоялых дворов или вернее трактиров, но они гораздо приятнее наших российских провинциальных грязных до невозможности трактиров; во-первых это чистый большой дом с большим двором, с погребом, перед домом несколько больших тенистых деревьев, обыкновенно каштанов, (здесь они прекрасно растут), под ними устроены столики деревянные с скамьями

по бокам,—вот здесь то в жаркий день удивительно приятно сидеть и пить пиво, хотя я и небольшой охотник до пива. Да уж пиво здесь—ну, ну, ты об этом не имеешь, да и не можешь иметь понятия, постоянно, то и дело привозятся огромные фуры с колоссальными лошадьми, (таких лошадей у нас нет, это что то поражающее) все увешено боченками пива.

Здесь придется пробыть недели две, и потом в Амстердам. Там буду тоже копировать и учиться у Кеппинга делать офорты (нечто схожее с гравюрой но в тысячу раз живописней, художественней). В Мюнхене копию не окончил. После на возвратном пути постараюсь еще поработать. Здесь пока ничего не делаю, нет впрочем сижу за немецким учебником, делаю переводы. Глупо что я кроме учебника ничего не взял из Мюнхена, а здесь так можно читать, комнатка у меня премилая. Жду сюда маму, обещалась приехать. Прощай, целую тебя и Машу. Твой В. Серов.

11

Haag 1 августа [1885 г.]

Дорогая моя Лёля, я долго тебе не писал, прости меня, единственное оправдание и то не совсем извинительное,—это то, что я теперь путешествую. В данную минуту я нахожусь в Голландии в городе Гааге (Haag). Вы, кажется, основательно проходили географию в гимназии и вероятно помните это имя. Да, теперь я имею, если не полное, то все же весьма достаточное понятие о Голландии. Совершенно оригинальная и милая страна.

Целую неделю прожил в Амстердаме. Вчера был в Haarlem'e; сегодня в Haag'e, завтра увижу еще один голландский городок, а затем в Бельгию в Антверпен, Брюссель и если хватит денег, так еще в Гент и Брюгге и тогда уже домой, т. е. в Мюнхен. Пока путешествие шло как нельзя удачнее, не знаю что будет дальше. Почти все это время я был вместе с Koepping'ом, жили и бродили по музеям вместе. Многое удалось повидать и такого, чего в другом месте не увидишь, я говорю про самую обстановку голландскую и голландскую живопись. Относительно последней я могу сказать, что этих самых картин ты, конечно, не увидишь нигде, но подобных по достоинству и даже лучше ты можешь найти в других галлереях, как в Дрезденской например (я там еще не был, но буду, и знаю от Koepping'a). Странное дело я думал всегда что тут, на месте действия, я наверно увижу много и хороших вещей Рембрандта и вдруг в музее в Амстердаме вижу всего 5 картин, из которых только две действительно прекрасны, остальные же ничего особенного из себя не представляют. Я все время вспоминаю и удивляюсь как много у нас в Эрмитаже чудных портретов Рембрандта. Хотя собственно это история не новая. В Крыму у нас то же самое, только не с живописью, а с виноградом: хорошего винограда, если ты только не знакома с хозяином виноградника, достать в Крыму труднее чем в Петербурге.

Чего здесь в галлереях много, впрочем и в других тоже, это маленьких голландских картин, между которыми попадаются действительно замечательные. Да но что всего занимательнее так это то, что ты видишь на картине, ты видишь на улице или загородом. Те же города, те же каналы, те же деревья по бокам, те же маленькие уютные, выложен-

ные темно-красным кирпичем невероятно чистенькие домики, с большими окнами, с черепичной красной крышей, вообще тот же самый пейзаж: с облачным небом, гладкими полями, опять-таки изрезанными каналами, с насаженными деревьями, с церковью и ветреною мельницею вдали, и пасущимися коровами на лугу. Просто удивляешься как умели тогда голландцы передавать все что видели.

Я не говорю про лица, ты опять-таки можешь их, в натуре, встретить. Многое и в костюме уцелело. Головной белый убор почти не изменился. Вообще, Голландия не изменилась за эти два столетия, это-то и делает то приятнсе впечатление. Во всем видно довольство, видно, что голландцы ни в ком и ни в чем не нуждаются. Города здесь удивительно миловидны. Я попробую начертить, чтоб дать тебе хоть слабое понятье об них, у всех у них один характер [*рисунок пером*]. Если поймешь, так ладно, а нет, так мы в Питере вместе пойдем в Голландскую школу[37] и я с удовольствием вспомню свою поездку. Сегодня я распростился с Koepping'ом совсем.

А знаешь, в голландском городе я нахожу очень много сходного с Петербургом, с Васильевским островом в особенности, в Амстердаме например я был на берегу моря, ну представь — совершенная Нева да и только. Затем наши три канала, да этой миловидности, этой чистоты в Питере ты не найдешь. На счет чистоты: представь два раза в неделю голландки вымывают, так сказать, дом с ног до головы; т. е. они обливают особыми шприцами стены снаружи; про внутренность и не говорю; проходя по улице ты всегда встретишь Голландку в белом чистом платье, скребущую мокрой щеткой каменный пол, или чистящую окон-

ные стекла, и действительно подобно чистых и блестящих окон я нигде не видывал; и так везде и в самом большом городе, так и в самом последнем местечке. Все домики до того милы внутри и снаружи, в каждом домике готов поселиться, завидуешь голландцам. На улицах так тихо, езды почти нет — все так близко одно от другого, повсюду конка и какая конка, в такие вагончики и толстенькие лошадки можно просто влюбиться. В Амстердаме, представь, я был в той самой португальской синагоге, где произошла известная история с Акостой. Здание очень величественное и красивое, подробности тоже очень красивы. Был еще в одном достопримечательном месте: недалеко от Амстердама находится местечко Саардам, здесь жил Петр Великий и изучал кораблестроенье, его хижина цела и показывается как редкость. Он много привез с собой голландского. Петербург он всецело хотел построить по голландскому образцу.

Тогдашние постройки, как например, университет совершенно в голландском духе. Дворец Петра в Петергофе и павильон в летнем саду опять-таки чисто голландские здания. Затем за городом, туда к морю, за больницей Николая Чудотворца, есть местечко где живут рыболовы немцы, тоже много сходства с Голландией, суда рыболовные те-же, что и здесь.

Ну, а что вы и как вы, и почему от вас нет писем? Да, между прочим, я все более и более убеждаюсь что ты похожа на голландку, мне это очень нравится. Я тебя непременно буду писать (и долго). Ты же ведь мне будешь сидеть? неправда-ли? Не знаешь где Дервиз? если имеешь какие известия, напиши. Напиши мне также о своем и Машином здоровье. Пиши мне в Мюнхен. Тебя, голубка, помню хорошо и крепко люблю и крепко целую

тебя, Машу тоже. Когда-то свидимся — скоро сентябрь. Твой В. Серов.

12

Мюнхен, 16 августа (по заграничному) [1885 г.]

Милая моя, дорогая девочка, не думал я что ты меня так помнишь как я это увидел в твоем письме. Странно я прошу тебя любить, не забывать меня, сам же себя почти всегда не люблю. Ну, не буду писать о себе и эти нескончаемые думы о себе весьма надоели, лучше буду писать о тебе или нас с тобой вместе. Во-первых то, что ты хочешь „непременно" как ты пишешь, на зиму ехать в Одессу — меня сильно смущает. Не понимаю что тебя тянет туда—те же занятия ты можешь найти и в другом месте, а по моему жить там без дорогих тебе людей, да и какие там вообще люди в Одессе! более чем тоскливо. А на счет здоровья, если ты теперь и поправилась, так поправилась не от Одессы а от Крыма. А главное, с чего бы мне, пожалуй, и начать бы следовало: послушай нам опять не видать друг друга бог или чорт знает до каких пор, нет кроме шуток, этак ведь и терпенье лопнет Седьмой месяц мы не видимся, т. е. больше полугода, нет такого скандала еще не бывало между нами. Впрочем, я ничего не знаю. Кто, где, как, вообще что за зима будет. Что будет со школой, т. е. будет ли она существовать — не знаю; что будут из себя представлять Дервиз с Надей [38] — не знаю. Где будет Маша, в Париже или в другом месте — не знаю; и где, наконец, будешь ты — тоже неизвестно.

Одно я могу сказать про себя определенно, что я опять буду находиться при Императорской Академии Художеств в С. Петербурге.

Голубка моя напрасно ты ждешь меня в Крыму— это „авось"...

[Письмо не окончено.]

13

[Мюнхен] 17 августа [1885 г].

Сегодня утром получил твое письмо. Я порадовался — такая ты веселая. Оно положим, есть чему порадоваться — ведь Аделаида Семеновна у Вас (когда получишь это письмо, она уже будет гостить вторую неделю). Да, да, непременно напиши и поскорее, что доктор и как он насчет того, чтоб тебе зиму прожить в Питере. Судя по твоим письмам за последнее время болезни у вас не имеется, может быть ты об этом не хотела писать, но все же мне кажется, что вы обе здоровы. Напиши ка мне о здоровье своем и Машином — слышишь! — пожалуйста. Право, если ты опять не будешь в Питере — нет я и думать не хочу. Не хочу там без тебя быть, слышишь?

[Часть письма оборвана.]

В Россию мы едем через неделю но не через Вену, а через Дрезден и Берлин. Заехать в Крым очень и очень дорого, все равно из Берлина ли или из Вены ехать. Так что если тебя не будет потом в Питере, то повторяю, не видать нам друг друга.

Как видишь, я пишу тебе опять из Мюнхена уж неделя как я здесь, возвратился со своей

двухсполовинно-недельной поездки. Я тебе написал уже кажется в последний день, кот[орый] я проводил в Голландии. Оттуда отправился в Антверпен, в Бельгию значит. В Антверпене, может быть ты слыхала, теперь всемирная выставка. Виноват, не могу — теперь писать, идем в театр слушать „Дон Жуана“ Моцарта; пока бросаю. Целую тебя голубка.

Видишь ли: эту зиму, мы, т. е. я и мама будем жить вместе в Питере у моей прежней хозяйки немки. Летом, верней на лето она, мама, уезжает опять в Мюнхен и хочет тебя взять с собой — это тебе нравится, или нет? Может быть и я поеду тогда, чтоб поступить на время сюда в Академию, но повторяю может быть, не наверно. Да, да, нужно же мне написать хоть немножко о моей поездке: в Антверпене всемирная выставка, ну туда я забрался на целый день, порядочная тоска — все машины, впрочем не так машины, как разных колоньяльных товаров, трудно представить себе сколько всяких этих изделий: там все шкафы от разных фабрик: то с сахаром, то шерсть, то мыло, то свечи, то куклы, ликеры, водки, материи, мебель, музыкальные инструменты, органы, рояли, белье, литейные заводы выставили массами — всего не перечтешь, под конец дня я ног под собой не чувствовал и я рад был наконец уйти. Впрочем несколько машин мне очень понравились, так например, я увидел как делается бумага — все это тут же на глазах, как разрезывается, как особыми машинками делается конверт, как линуется бумага и т. д. — это было действительно очень мило. Художественный отдел был богат, но богат произведениями национальными, т. е. бельгийскими. Французский отдел был тоже не мал, но хороших вещей было немного и все те, кот[орые] я знал по фотогра-

фиям и скажу на фотографиях они мне больше нравились. Две три были очень для меня интересны и я рад что повидал их. Еще рад, что удалось увидеть шведских и норвежских живописцев — работают очень своеобразно. Ах, курьез — русский отдел там тоже есть, и что же я там увидел, или вернее кого, нашего питерского академического сторожа, злосчастного чухонца. Он мне жаловался, что ему плохо тут и кормят плохо — одна картошка, „нет, у нас уж на что лучше". Представь там красуется „Боярский пир" Маковского [39], вообще вещи присланы неважные.

В Антверпене приходилось иногда изъясняться по французски, что ж ничего по маленьку изъяснялся. Остальные три дня употребил на осмотр музеев и вообще древностей. Тебе нужно знать, что Антверпен был почти постоянным местом жительства Рубенса, Ван Дейка [40] и Теньерса [41] — представителей фламандской живописи. Дом Рубенса, конечно переделанный, еще и теперь красуется на одной из главных улиц. Опять не могу не удивляться. В таком городе, как Антверпен, где на площадях красуются статуи этим Рубенсам, Ван-Дейкам и т. д. самих произведений этих господ, в особенности последнего — ты почти не найдешь в музее, тогда как у нас или здесь в Пинакотеке везде музеи переполнены портретами Ван-Дейка. В Антверп[ене] есть главный кафедральный собор, в нем находится несколько больших знаменитых картин Рубенса. Но что до крайности неприятно — представь: эти картины во время богослужения завешаны, когда же богослужение кончается, сторож звонит ключами и, так сказать, приглашает публику выйти; тут же вертятся какие-то два нахала, которые заявляют, что вы должны заплатить 1 франк, чтобы иметь право увидеть эти кар-

тины — безобразие просто. Ну на этом я прекращаю, больше писать нельзя, а то письмо не дойдет. Поцелуй Аделаиду Семеновну, если она еще у Вас. Тебя целую без конца моя дорогая. Твой В. Серов.

Машу тоже поцелуй. Мама просит, когда Аделаида Семеновна будет в Петербурге, чтобы она написала, где ее найти—наш адрес: Васильевск[ий] остров Средний проспект Дом № 22, кв. 7. В Мюнхен больше не пиши, пиши в Питер.

14

[Москва. 1885 г.]

Продолжаю в Москве. Сергей торжествует, да и есть чем. Московский адрес я думаю не стоит высылать. Через полторы недели, нет менее, сегодня уже пятница, я буду уже в Питере. Да! да! не понимаю я, что ты находишь во мне такого, о чем можно говорить с блестящими глазами. Так ты мне пишешь по крайней мере. Я этого в себе не нахожу. Откуда ты взяла что я в Москве должен непременно веселиться до самозабвенья, я здесь скучаю как и везде. Во мне точно червяк какой то, который постоянно сосет мне душу, а что за червяк — трудно определить. Постоянное недовольство собой, что-ли; кажется, что так. Избавиться от него нельзя, да может быть и не нужно — но все же тяжело. Тебя я помню хорошо и крепко люблю, может быть даже больше прежнего, потому что себе самому надоел. Часто здесь вижу маму, она вся поглощена репетициями, кот[орые] идут хорошо, чему она конечно рада. Она так боялась за оркестровые репетиции. Но вчера она была

очень довольна ею, это была вторая. Здесь у Мамонтовых много молятся и постятся, т. е. Елизавета Григорьевна[42] и дети с нею. Не понимаю я этого, я не осуждаю, не имею права осуждать религиозность, и Елизавету Гр[игорьевну] потому что слишком уважаю ее — я только не понимаю всех этих обрядов. Я таким всегда дураком стою в церкви, (в русской в особенности, не переношу дьячков и т. д.) совестно становится. Не умею молиться, да и невозможно, когда о боге нет абсолютно никакого представления. Стыд и срам я так ленив мыслить, и в то же время страшусь думать о том, что будет за — смертью, что эти вопросы так и остаются вопросами — да и у кого они ясны? Ну будет, или вернее, что будет то будет, не правда-ли. Прощай, дорогая моя. Крепко, крепко целую тебя. Твой В. Серов.

15

Петербург 8 сентября [1885 г.]

Лёля милая моя, прости меня, я виноват перед тобой, очень и очень виноват: ведь я тебе месяц не писал — это ни на что не похоже, и я сам знал, что это ни на что не похоже и все-таки не писал. Дорогая моя прости меня, твоего лентяя. Когда увижу тебя я встану на колени и буду целовать твои ножки, твое платье — и ты простишь меня. А что если я тебя увижу гораздо скорей, чем ты думаешь, а? Я с ума сойду от радости. Но голубка моя, это секрет, т. е. пока секрет, так что ты и не спрашивай. Нет, а вдруг через месяц какой-нибудь я буду целовать тебя, что ты на это скажешь?

Как это будет, повторяю, секрет. Чтобы не проговориться, начну о другом. Сюда в Питер я, представь, приехал только вчера утром. Это время, т. е. эти три недели пробыл в Москве и Абрамцеве. Заграница так сказать, отошла уж не знаю на какой план, одним словом далеко, как будто и не выезжал из России. Хотя все впечатления заграничные совершенно отчетливо сохранились, но я их как-будто куда-то спрятал. Как я тебе писал перед отъездом из Мюнхена, так и вышло. В Дрездене пробыли около трех дней и отлично провели время. Блоки [43] были очень милы, если бы ты знала, как они там скучают по нашей России. Какая там галлерея прелесть — когда-нибудь попадем туда вместе.

В Берлине опять-таки нашли такую галлерею и такую греческую скульптуру, что мое почтенье — это мы тоже когда нибудь увидим. Вообще, время провел чудесно и поездку заграничную можно считать очень удачной, тем более, что все устроилось сравнительно на гроши. Видел я действительно по своей части, т. е. картин, массу и я знаю, чувствую, что через это работать буду смелей и пожалуй лучше. На счет художества я правда стал смелей.

Пропустил напр[имер] целую неделю в Академии, писал в Москве портрет с одного испанца — певца, чудесная физиономия [44]. А теперь думаю уже опять, хотя вчера только начал в Академии, ехать отсюда и знаешь куда — нет это секрет, а все-таки ты можешь меня ждать в Одессу. Слышал вчера про ваше житье, про Смирнова также — он меня порядком раздосадовал. Ужели он опять пристает к тебе. Голубка моя, прощай, целую тебя тысячу раз, если я так долго не писал тебе, то это вовсе не значит, чтоб я забыл тебя. Милая, дорогая

девочка, до свидания. Слышишь до свидания. Твой В. С. Пишу тебе мало, скоро опять напишу, еще раз целую тебя, Машу то же.

16

Москва 29 сент[ября 1885 г.]

Девочка моя милая!

Дня три тому назад получено твое письмо от 20 сентября. Ужасно долго, почему-то идут эти письма. Мне все тяжелей и тяжелей становится без тебя, а при мысли, что вместе будем только в январе (как ты говоришь) — уж совсем грустно.

Знаешь, мне немного странно, что ты так охотно остаешься в Одессе. В твоих письмах постоянно встречаются выражения: устраиваюсь на зиму, посмотрю как зимой и т. д. и т. д. — нигде не вижу и не слышу, чтоб ты хотела сюда, наоборот ты, как видно, с удовольствием втягиваешься в школьные занятия, покончить с которыми ты как будто и не думаешь. Да, да! Одессу и школу ты любишь больше меня — ну что ж мне с тобой делать, по письмам с тобой не столкуешься. Я надумал приехать к тебе в Одессу самолично. Поеду в Киев, а там и Одесса недалеко (конечно если достану билет). Есть шансы, что в Киеве выпадет мне кое-что [45]. Оказывается меня ждут туда, до некоторой степени. Увижу. Еду я дня через 3—4. Так что недели через 2 может быть и увидимся. Мне почему-то сдается, что это тебя не радует. Где-то ты устроилась? У Чацкиных [46], ты говоришь, тебе неловко. Куда же ты переехала? Вот что, ты мне напишешь в Киев до востребо-

вания — хорошо? Ты ответишь мне? Напиши где мне тебя увидать — чтоб не заходить к Чацкиным и в школу. Неужели так-та и нет никакой возможности покончить с школой раньше января? — не верю, ты не хочешь этого, это дело другое, — ну, обо всем этом мы переголкуем, когда свидимся. Одно мне больно, повторяю, что ты все больше и больше втягиваешься в эту школу, или вернее, тебя втягивают, потому что такого человека, как ты, не везде сыщешь, вот тебе и обещают на будущее всевозможных благ, а пока заваливают тебя работой, так что тебе и передохнуть нельзя. Может быть они все там и очень милые люди, но уж это всегда так: кто от работы не бегает, тому и взваливают побольше, тем более, что ты с такой охотой принимаешь новые заботы и хлопоты, на кот[орые], впрочем, мне все же жалуешься. Огорчаешь ты меня.

Здорова-ли, ты, девочка моя милая? Изведут тебя там, растаскают на части (ты, ведь, всем хочешь быть нужна, всем решительно — кроме меня).

17

[Москва. 1886 г.]

Дорогая моя, милая, Лёлюшка, прости голубка моя, что я такой негодяй и не писал тебе так долго. Не думай, чтоб я хотел отплатить тебе за твое молчание, нет, я право не знаю, почему я тебе не писал, должно быть потому же, почему и ты мне не писала, а впрочем не стану оправдываться — виноват и прошу прощения. Буду надеяться, что ты простишь меня. Пишу тебе, потому, что

ужасно захотелось видеть, обнять, поцеловать, прижать к себе, приласкать твое дорогое маленькое личико. А я все живу в Москве, и в Питер не еду, и пожалуй в этом году совсем не поеду. Уж очень мне в Академию не хочется. Здесь работы имею достаточно, пишу один дамский портрет и затем портрет с серого рысака и затем еще посещаю здешнюю рисовальную школу (где находится Богоявленский, виноват, Всеволожский) — не смейся, пожалуйста. С удовольствием порисовываю от 5 до 7 как и в Академии. Приятно то, что это не те стены, не те лица. Весной, вероятно, отправляюсь к Саше в Тульскую губернию в Блоковское имение. На счет тебя есть планы на осень. Тебе скоро напишут и подробно обо всем этом, я же собственно, в видах поскорей тебя увидеть. Тебя хотят осенью переманить в Эдимоново[47], где сейчас живет Аделаида Сем[еновна]. Видишь-ли, на зиму переезжает туда мама — нет, пускай лучше мама тебе напишет сама. Она сумеет уговорить тебя, я же могу сказать одно, что мы будем близко друг от друга и я часто буду видеть тебя, так как жить, вероятно, буду в Москве. Мама приехала сюда недавно. Осунулась, похудела немножко. Сейчас пришел домой, теперь час ночи, нашел на столе от тебя письмо. Я целую его, милая Лёлинька, дорогая, прости меня, негодяя. Я хочу тебя, твоей ласки, чтоб ты меня простила, поцеловала, если любишь меня, и прощаешь. Знаешь, дорогая, мне почему то кажется, что ты опять худенькая, бледная — не поправляешься, как следует. Береги себя, маленькая моя, только о том и думай, чтоб быть крепкой, здоровой и за лето должна растолстеть и потом к нам к Москве. Понемножку всех собирают поближе к Эдимонову. Колю хотят поместить в Тверскую реальную гим-

назию, Варвару — в Москву. Дервизы тоже, вероятно будут неподалеку, может быть и ты приедешь? Подумай, голубка моя. Одной Маши не будет, будет работать в Италии. На лето мама хочет поехать с Машей в Мюнхен, это пока еще проэкт.

18

Среда [1886 г.]

[Отрывок]

Я опять бодр и работаю весело. Упиваюсь теперь письмами из Испании Боткина[48]. Ужасно живо и ярко написано, местами просто чувствуешь, что путешествуешь сам — прелесть. Если возможно, разыщи и прочитай с Машей. Книжка эта теперь довольно редкая — так что, когда я рылся в каталоге в своей библиотеке и наткнулся на Боткина, то был очень удивлен и обрадован вместе, потому что еще летом я все домогался добыть ее, но безуспешно.

А пока прощай дорогая, целую тебя и Машу. Твой В. Серов.

19

[Москва] 5-го января [1887 г.]

Да, Лёля, ты любишь меня, слышу я это.

Откуда взяла ты, что я забыл тебя? Недавно еще я видел тебя во сне. Снилось мне: сидишь ты грустная, я подошел к тебе, но ты отвернулась. От твоего письма, не этого — предпоследнего, веяло чем то холодным, и сжимало мне душу (как раз,

когда глухота и боль мучили меня). Успокойся, теперь прошло, т. е. боль, а слышу я как будто лучше; может быть и не придется быть глухим, каким я себя всегда представлял, когда у меня разыгрывается что-нибудь с ушами. Хотя, ведь ты знаешь мое неверье, почему-то мне не кажется, чтоб можно было от чего нибудь хронического излечиться (разве хроническим лечением — чем я и думаю заняться или вернее уже занялся). Впрочем Адел[аида] С[еменовна] в преклонных, сравнительно, летах, однако зрение улучшилось, она читает и пишет. Об Риме я уже давно забыл думать — это был давнишний мамин проэкт, сейчас совершенно заглохший. Во всяком случае до весны я здесь, в Москве. Да, ты все просишь, чтоб тебе написать что я работаю? А ты мне писала, как ты живешь и чем занята? а, ведь, я просил тоже. Пишу я лица — портреты и по заказу и по собственному желанию. Из сериозных Савву Ивановича по его заказу; писал женские лица в мастерской и женское тело (спину с рыжими, прекрасными волосами), сейчас пишу одну девочку, славное личико. До праздников рисовал по академически в школе. Скоро опять начну. В общем, все-таки оказывается, что пишу не особенно мало, но и не много. Картин, да картин — не пишу, хотя какие-то образы и мелькают иногда в душе и в глазах, если можно так сказать. Но, когда-то появится форма для них, т. е. они в форме. В последнюю поездку мою в Питер я был в Эрмитаже, но не в верхнем, живописном, а внизу — в античном. Прежде я бывал в нем только мимоходом, теперь же любовно их обглядел и, давно не получал такого красивого, живого настроения, какое дали мне маленькие греческие фигурки, почти игрушки, но за эти игрушки, пожалуй, можно отдать добрую половину римской,

холодной скульптуры. (Отдел этих фигурок сравнительно недавно прибавлен к Эрмитажу — Сабурова). Что Машина скульптура, (не напишет-ли она мне сама? а?) Напиши мне как ты живешь? Если спросишь, как живу — отвечу: живу я у Мамонтовых, положение мое если хочешь, если сразу посмотреть — некрасивое. Почему? на каком основании я живу у них? Нахлебничаю? Но это не совсем так — я пишу Савву Ив[ановича], оканчиваю и сей портрет будет так сказать оплатой за мое житье, денег с него я не возьму. Второе, я их так люблю, да и они меня, это я знаю, что живется мне у них легко сравнительно, [не] исключая Саввы Ив[ановича] и т. д., что я прямо почувствовал, что и я принадлежу к их семье. Ты ведь знаешь, как люблю я Елиз[авету] Гр[игорьевну], т. е. я влюблен в нее, ну как можно быть влюбленным в мать. Право у меня две матери. Маме, которой временами казалось неприятным и даже унизительным мое житье здесь, по моей вине приехавшей сюда, когда я уже был на ногах (раньше я не давал ей знать о том, что я заболел — она бы сильно напугалась, приехала бы сюда и была бы лишняя, потому что ухаживать за мной ей было бы нельзя) стало легче на сердце при виде ухода и всеобщего внимания ко мне больному. Она здесь в Москве почти неделю навещает меня каждый день. Как только оправлюсь окончательно, примусь за работу. У меня есть заказная и довольно для меня интересная работа. Буду писать плафон — потолок. На четырех-аршинном холсте буду изображать бога солнца Гелиоса, взлетающего на золотой колеснице с четырьмя белыми конями, сдерживаемыми прислужницами бога. Эскиз уже написан, я, и кто видел, тому нравится, я сам, повторяю, доволен. Эскиз этот утвержден заказчиком [49] — на днях полу-

чаю задаток. За работу получу тысячу рублей. К маю должна быть готова картина. Силы для ее выполнения я чувствую достаточно. Буду работать ее в нашей мастерской[50]. Про нее ты вероятно слыхала. Там мы пишем с натуры, там завтракаем, там же с учителем фехтования гимнастируем — одним словом, почти целый день проводим там. В темные не солнечные дни буду кончать портрет Якунчиковой[51]. Меня очень подбодрили видевшие его. Скажи Маше, что очень рад был получить от нее весточку. Работает, кажется энергично, а это главное. Здесь был недавно Антокольский, распрашивал про нее. Он звал меня к себе в Париж, говорит, что мне необходимо одну или две зимы пожить там. Об этом еще подумаю. Заграницу хочется очень. Может быть за это время заработаю и отправлюсь. — Это еще проэкт только. Если поеду так можешь быть спокойна, поеду через Одессу. Да! раньше чем приняться за работу я хочу съездить в Домотканово[52], я их очень давно не видал. Ах, летом там чудесно! Неужели ты не приедешь погостить там у этих восьми прудов. Помнишь, как славно мы туда на телегах съездили и как на возвратном пути продрогли. Мама мне сказала, что будто Сухоручкин томится по тебе. Да, а у Дервизов горе, девочка все никак не выправляется, говорят, все такая же как и родилась, пищу не принимает, а у Нади молока больше чем нужно. Влад[имир] Д[митриевич] весь в хозяйственных заботах, перестраивает верх. Хочется мне повидать их.

Лёля, милая, ну а ты как себя чувствуешь, какое твое самочувствие — бодрое, хорошее? Будь бодра и весела. Скучны ноющие люди. Ну а чирии твои — неужели все повторяются и повторяются? У вас с Машей (как я рад, что она теперь совер-

шенно здорова), кажется, бывают художественные вечера. Что Видгонф — он все еще в Одессе? Напиши мне пожалуйста. Это очень и очень даровитый господин. Бываете у Спиро? Я к нему немножко охладел и терпеть не могу видеть его в обществе девиц, где он размякает, прямо возбуждает гадливое чувство. Я наблюдал это здесь с мамонтовскими девицами. Но все-таки это прекрасный человек. Бываешь ты у Мечникова [53] — нет? Бактерии и всякая всячина. Знаешь, что мне часто в голову приходит, а что если Чацкин сделает тебе предложение — быть ему женой; так ты прекрасно ведешь его детей и он успел полюбить тебя? Да и если ты сама успела влюбиться в него? А?... Серьезно эта мысль меня часто беспокоит. Советую тебе и Маше покупаться часть лета в море, а затем с Машей в Домотканово. Кусочек лета вероятно я тоже там прогощу; уж очень там красиво. Мама хочет на лето поселиться невдалеке от Абрамцева. В этот приезд мама как-то сошлась с Елиз[аветой] Григ[орьевной] более чем когда-либо, так мне кажется, и ей хочется быть невдалеке от Елиз[аветы] Григ[орьевны]. Мама бодра и работает усиленно, кончает свою Марию д'Орваль [54]. Будущую зиму будет хлопотать в Питере о постановке. Аделаида С[еменовна] до сих пор чувствовала себя прекрасно. Глаза совсем выправились, так что она утешалась чтением. Ты, ведь, знаешь что для Ад[елаиды] С[еменовны] книжка — ведь это все. Вот недавно получилось известие, что у нее опять стало что-то слегка побаливать в животе. Может быть это так и пройдет. Варвара, она меня недавно навещала, я ей сказал, что ты мне жаловалась какое она тебе написала письмо. На это она объявила, что, во-первых, ты значит ее не поняла, а во-вторых, ты сама ей что то нехорошее написала, а в-третьих, она

сама была в убийственном настроении. Николай правильно каждую неделю пишет матери. По письмам выходит, что он работает. На самом деле неизвестно, конечно. Прощай, целую тебя в твой лобик, губки, твой острый носик, я отлично знаю твое личико. Машу поцелуй.

20

[Отрывок из письма]

[1887 г.]

...Заграницу тянет нестерпимо. Денежная сторона плафона[55] кажется не представит никаких затруднений, т. е. я хочу сказать, что, как только работа будет окончена, — сейчас же и выдадут следуемое — и тогда, значит, могу ехать куда хочу. Плафон — кто его видел, всем нравится или почти всем. Я сам иногда им доволен, впрочем, вообще — сносно. Как нибудь сниму фотографию и пошлю тебе. Сюжет, ведь, тебе должно быть известен, кажется я писал тебе раньше. Гелиос, взлетающий в небо на своей четверке белых коней, между лошадьми две прислужницы Феба. Прописал почти все — окончено совсем — немного. Знаешь, я иногда вынимаю мой летний этюд с тебя, помнишь, у окна, и с удовольствием на него смотрю, хотя он и черен, но мне нравится, и ты похожа. Мои работы мне всегда начинают нравиться спустя долгое или некоторое время. Где буду лето еще хорошенько не знаю. Месяц с кончиком за границей, немножко в Абрамцеве, немножко еще где нибудь, а может

быть и в Крыму, я бы с удовольствием прожил бы там осенью, если деньги останутся. Видишь: за плафон дополучу я 700 руб.; 400 на поездку, останется 300, из которых на обмундировку истратится 1/3; остается 200—мало что то, — ну там видно будет. В Крым мне очень хочется, тем более что я смогу с тобой повидаться, расцеловать тебя мою дорогую, милую, которую я вовсе не забываю, а даже часто и очень вспоминаю и мысленно, если так можно выразиться, обнимаю и ласкаю; а ты все какую то ерунду мне пишешь на счет развода и т. д. право это скучно. Недели через две-три в Одессе будет Быков Ал. Н. и будет у вас — я велел ему очень вам кланяться. Ну как ты, хорошая моя, поживаешь, о себе ты мне мало пишешь, все больше про развод (брось ты эту тему). Забыть тебя я не могу, понимаешь? Ну чего же тебе? А что я ленив — из этого еще ничего не следует — любить я тебя всегда буду — вот тебе раз на всегда. Когда ты начинаешь ныть и ругаться, ты мне не нравишься, вот тебе еще раз навсегда; моя хорошая, милая и дорогая Лёля — да-с. Скоро опять напишу, прощай, целуй Машу крепко. Твой, твой, твой В. Серов.

21

Венеция числа не знаю [1887 г.]

Милая моя Лёля,

Прости, я пишу в несколько опьяненном состоянии.

Да, да, да. Мы в Венеции, представь. В Венеции, в которой я никогда не бывал. Хорошо здесь, ох как хорошо. Вчера были на Отелло, новая опера

Верди: чудная, прекрасная опера. Артисты чудо. Таманьо[56] молодец-совершенство. Прости я действительно несколько пьян. Видишь-ли. Вчера мы поели устриц, а сегодня наш хозяин гостинницы докладывает, что у него был один несчастный случай, один немец съел пять дюжин этих устриц и умер в холере (здесь, ведь, была холера — ты это знаешь). И во избежание холеры мы достали бутылку коньяку (говорят хорошее средство), по всем признакам холера нас миновала. Лёля милая, дорогая девочка я люблю, очень люблю тебя. А какая славная опера „Отелло", какая страстная, кровавая. Ты любишь меня, а? Знаешь я тебя часто, очень часто вспоминаю. Какая здесь живопись, архитектура, хотя собственно от живописи ждал большего, но все-таки хорошо очень хорошо. Хотел писать тебе вечерком, но сегодня какой-то дождливый северный день — мы сидим дома (ты знаешь кто это мы? нас четверо: Остроухов[57], двое Мамонтовых[58], славные юноши). Если путешествие будет итти таким же порядком, как до сих пор — то я ничего лучшего не знаю. Холера — она прошла, положительно ее больше нет. Прости, прости моя милая хорошая. Вот с как, написал я свой плафон, надоел он мне до некоторой степени. Деньги за него получил и вот я кучу. Езжу по Италии. Славная, целую тебя, моя дорогая. А все-таки другую не буду любить так как тебя моя, моя, моя хорошая. Да, да, ведь ты моя. Ох прости меня, но я люблю тебя. У меня совершенный дурман в голове, но я уверен, что все что делалось воображением и рукой художника — все, все делалось почти в пьяном настроении, оттого они и хороши эти мастера XVI века ренессанса. Легко им жилось, беззаботно. Я хочу таким быть — беззаботным; в нынешнем веке пишут все тяжелое, ничего отрад-

ного. Я хочу, хочу отрадного и буду писать только отрадное. Жаль, сегодня погода дрянь, приятно здесь развалиться в гондоле и ездить по каналам и созерцать дворцы дожей. Прощай, целую тебя без конца. Твой без конца В. Серов.

22

Ярославль 16 ноября [1887 г.]

Дорогая моя, милая девочка, целую тебя во-первых, а во-вторых — это хорошо, что ты теперь скоро отвечаешь, или мы друг другу отвечаем, как порядочные люди, неправда-ли? Радуюсь, что слышите много музыки, — дело хорошее, и чтения твои одобряю, хотя знаешь, для горла твоего это как будто и не совсем хорошо, а? (долгое чтение вслух я разумею) — Хм, ты говоришь Смирнов опять всплыл. Так... Ну-с, а я на днях т. е. в эту субботу и воскресенье был в Абрамцеве, отсюда не далеко, одну ночь ехать, билет у меня был, конечно, даровой — расчудесно. Удивительно, в этом году ведь порядком пришлось поездить и, представь, ни разу в III классе. Каково? Ведь этак в конец избалуешься. Да, очень был рад побывать в Абрамцеве, туда и мама приехала навестить Надю (ты знаешь, она живет там у учительницы). Мама кое-что рассказала о Домотканове. Школа открылась. Анна Дмитр[иевна] учит, Аделаида Сем[еновна] ездит несколько раз в неделю ей помогать и вообще, кажется, хочет взять ее (школу) совсем в свои руки. Она бодра и весела, благодаря именно этой школе, на которую хочет

посвятить себя всецело. С Владимиром Дм[итриевичем] отношения смягчились, хотя старого не воротишь, т. е. времени когда Влад[имир] Дм[итриевич] сам не свой, действительно, не отходил от Адел[аиды] Сем[еновны] — этого правда не воротишь, да и невозможно, чтоб воротилось. Мама скоро опять едет в Киев ставить своего Акосту. Маша писала, что были у нее какие-то недоразумения в школе, но что теперь все хорошо. Она, вероятно, тебе писала. Я, что-же я? я пишу свой портрет, вечерами занят иллюстрированием библии [59], заказ. Верушкин [60] портрет помнишь, я показывал фотографию, в славной дубовой раме и висит в Абрамцеве на почетном месте, вообще, я нахожу всюду теперь себе почет и уважение, чорт возьми, вот теперешний портрет [61], что то того, боюсь, ну да ведь без этого нельзя, как ни легко, а все трудно. Кушаю сладко, а пишу — довольно гадко. Впрочем, ты кажется знаешь, каждый портрет для меня целая болезнь. Ну я здоров совсем и уши мои что то тоже ничего как будто. Прощай моя девочка, маленькая с маленьким, совершенно маленьким носиком. Спиро поклон. Да, что виньетка?

Твой В. Серов.

23

[Москва. 1888 г.]

Лёля, милая, успокойся.

Мое тупое, глупое молчание измучило тебя. Нет, Лёля, я тебя не забыл и не забывал. Каждый день о тебе думал, я знал, что поступаю жестоко, не отвечая тебе — и — все таки молчал. Полюбить —

я никого не полюбил (ты ведь мне веришь, ты должна мне верить). Есть здесь девушки и женщины, к которым я привязан, ты их знаешь, но той любви, о которой ты говоришь или думаешь, здесь нет.

Дорогая моя, прости меня, я чувствую себя очень виноватым перед тобой за свое молчание. Оно возмутительно. Я тебе всегда говорил, что я жестокий, негодяй, который кроме своей живописи ничего знать не желает, которого любить так, как ты любишь, не следует и тревожиться об нем так, право, не стоит. Но, Лёля, милая, откуда ты взяла, что я над тобой насмехаюсь, я просто глупый мальчишка, который по своей распущенности откладывал писание письма на следующий раз. Когда ты меня возьмешь в руки и сделаешь порядочным человеком? Я рад — вижу, что ты меня любишь. Крепко, крепко целую тебя за это. Приезжай в Домотканово, там решим, как нам дальше быть.

Я спешу с этим письмом, чтобы успокоить поскорей тебя. Ты мне ответь поскорей на эту записочку (ну, хоть то, что получила ее) и тогда я в свою очередь постараюсь дать тебе полный отчет моей жизни за эти два месяца. Целую тебя. В. С. Пиши. Москва. Волхонка, д. Воейковой, кв. 7.

24

Абрамцево 6-го августа [1888 г.]

Лёля, милая,

Я думал скоро тебя увидеть. Ехать в Крым и заехать в Одессу. Это оказалось невозможно, причина, конечно, деньги, их нет у меня теперь, а должать боюсь. Итак и в этом году не прихо-

дится попасть в Крым — ну бог с ним. Но когда же мы свидимся? или может быть, ты этого вовсе не хочешь? Лёля, дорогая, прошу тебя приезжай сюда. Прошу тебя не один, тебя все хотят видеть. Отчего тебе не рискнуть прозимовать в Москве. Здоровье твое, мне кажется, позволит тебе жить и вне Одессы, которая тебе все таки надоела до некоторой степени. В сущности, ты совершенно здорова, т. е. как все люди, как я, Маша, Надя и т. д. У всякого есть свое больное место. Отчего ты хочешь порвать со всеми нами? Почему тебе не приехать сюда? Надя, Владим[ир] Димитр[иевич] хотят тебя, чтобы ты пожила у них зиму. Они думали, что может быть, согласилась попробовать учить в их земской школе крестьянских ребят. Хотя это, мне кажется, трудно: иметь дело с 50—60 мальчуганами каждый день от 9—10 и до 2-х — это работа утомительная. Жалование 20 руб. в месяц. Остальное хозяйское.

Еще другой план. Ты уже верно получила письмо от мамы, где она спрашивает желаешь-ли ты жить у нее и учить Надюшу. Советовать тебе что либо не могу, то и другое ты должна сама решить. Одно могу тебе посоветовать, если это совет — приезжай. Хочется тебя видеть. Я точно в таком же положении относительно себя и окружающих, как и ты и решил действовать так, как подсказывает чувство. Все таки нужно быть проще, хотя я знаю по себе, что это очень трудно. Ты верно не веришь, что тебя любят, когда тебя просят приехать, Дервизы, например. Представь, они это чувствуют. Недоверие, в нем есть что-то губящее. И мы с тобой (может быть тебе неприятно, что я приравниваю тебя к себе, но это так) подвержены ему сильнее других. А впрочем, опять таки ничего не знаю, знаю одно, что если бы

ты сейчас пришла ко мне я стал бы тебя крепко обнимать, и, плакать. Приезжай дорогая. Я опять прочел твое письмо, ты говоришь о счастье: поди разбери где счастье, где несчастье. Все мне говорят, что я счастливец, очень может быть, охотно верю, но сам себя счастливым не называю и никогда не назову, точно также как и несчастным, хотя и об одном ухе и с вечной тяжестью на сердце. Не знаю бываешь-ли ты счастлива, т. е. чувствуешь ли ты себя легкой в душе постоянно, нет наверно, хотя собственно это и есть счастье, как я его понимаю. И такие минуты все таки бывают у тебя.

25

Москва 17 сентября [1888 г.]

Лёля, милая девочка моя,

Ты говоришь — я виноват перед тобой—это неправда. Я тебе писал и предлинные письма писал, но ты их оказывается, не получила и в этом, пожалуй, я виноват: поскупился, вернее, не догадался прилепить вторую марку, хотя я потом утешал себя, что, может быть, с тебя потребуют доплатить за них, и что ж узнал, что это делалось раньше, а теперь не всегда. Очень жаль, если ты их не получила, еще обидней, что я тебя так перетревожил, дорогая моя.

Из Домотканова, впрочем, я 13-го написал тебе коротенькое письмо, мне хотелось, чтоб оно скорей дошло и успокоить тебя.

Сюда в Москву я приехал позавчера только, получил от мамы телеграмму, что она ждет меня

немедленно в Москву. Здесь я нашел еще от тебя письмо, тоже ругательное, но более великодушное чем от 6 сент[ября]. Лёля милая я помню тебя и думаю о тебе более чем часто. Лёля, мне хочется чтобы ты была скорее моей. Мама конечно все знает и конечно довольна очень, она говорила, что еслибы я полюбил и женился на другой, ей было бы это совершенно непонятно. Все вообще очень мило относятся к нашей затее. Даже девицы Мамонтовские и Маша (Якунчикова) в особенности, встретили меня так радушно и ласково, давным давно зная все; вначале они, оказывается были огорчены — кричали и вопили, но потом решили, что это собственно эгоизм с их стороны, и что так пожалуй будет для меня лучше.

Теперь Лёля, скажи, пожалуйста, как нам устроиться? Мне все трудней и трудней быть без тебя — слышишь?

В том письме, на которое ответ ты не получила — ты спрашивала какое мое желание — желание мое — чтобы ты скорее приехала.

Теперь скажи что удерживает тебя в Одессе? Деньги? Долги? Если так, то, ведь, это устранимо все-таки. Сейчас здесь мама, она обещается добыть денег на столько, чтоб тебе расквитаться с Одессой. Сколько нужно тебе? По моему расчету рублей 100—150 — тебе довольно. Отчего тебе не побыть со мной в Домотканове первое время? Неужели ты боишься стеснить Дервизов — он мой друг и разве не был бы я рад на его месте. Я помню как то раньше ты мечтала отдохнуть немножко, побыть самой с собой, пожить в русской деревне, читать. К сожалению в этот приезд твой я заметил, что это тебе не улыбается. А затем ты меня еще огорчила желанием твоим

отложить свадьбу нашу на январь и чуть-ли не на июнь и т. д. Неужели ты этого хочешь. Ты говорила чтоб нам потом лучше было — когда потом? Никогда у нас с тобой не будет времени, чтобы вот как раз жениться. По моему чем скорее, тем лучше а чем дольше ты будешь в Одессе, тем труднее будет расстаться с ней. Уезжая, наконец, ведь ты твердо решила оставить Одессу. Чтобы я туда к тебе приехал, ты тоже не хочешь. Мы остановились на Киеве. Я поеду туда дней через 10. Но признаюсь особой надежды не питаю, одно могу сказать — посмотрю. Дело в том, что здесь я все таки как ни как пробился, меня здесь знают и здесь же я решил в этом году выставиться — пора; хотя это и обоюдоострое оружие— ничего не поделаешь, но повторяю опять, если случится действительно найти что нибудь в храме определенное, в смысле заработка, то я не прочь все-таки пожить там. Ах, Лёля, боюсь я одного— будешь ты скучать у меня? Нет? Меня это ужасно смущает и мне кажется, это тебя заставляет отдалять наше будущее сожительство. Если все дело только в деньгах — я спокоен и тогда право ты бы могла приехать, пока еще тепло сюда и первое время побыть в Домотканове. Напиши мне, Лёля, поскорее — повторяю деньги можно будет достать. Напиши сколько тебе нужно. В Киев я поеду через 10 дней, я должен получить от тебя ответ на это письмо. В Киеве я бы пробыл дня 2—3, и тогда смотря по результату, т. е. в случае неудачи ты бы поехала сюда, а если выгорит я бы тебя выписал. Дело в том, чтоб ты устроилась так со школой, чтобы всегда ее можно было бы оставить, если не хочется, чтоб я был в Одессе, да нет лучше и для тебя лучше оставить ее. Я не люблю тебя какою ты приезжаешь

оттуда — ложится на тебя что то, что мне не нравится — пустяки, конечно, потому что там внутри я тебя знаю, какая ты. Да наконец ты же сама говорила, что не любишь Одессу. Мама приехала славная, бодрая такая — написала воспоминания о Серове [62] — очень жизненно, удачно — как подготовление к юбилею в Декабре.

Я вероятно напишу Серова в натуральный рост, но сколько его помню с помощью фотографии и костюма, кот[орый] еще сохранился — фигура может послужить моя собственная. Конечно, это будет проба — но почему же не рискнуть? Ты не говори об этом никому, слышишь, моя дорогая? Записки мамины будут печататься на днях в „Русской Мысли" т. е. их сдадут туда на днях, печататься, они будут позже. В Домотканове я оставил Аделаиду С[еменовну] в большой тревоге относительно Маши, которая до сих пор ей не писала, не знаю как сейчас. Впрочем мама получила письмо от Грюнберга [63], где говорится, что Маша живет на Кирочной и больше ничего, хотя трудно предположить, что бы что нибудь стряслось ужасное, как себе уже представляла Ад[елаида] С[еменовна]. Мама скоро поедет в Домотканово. Надя маленькая, т. е. сестра моя, осталась на Кавказе, где жила мама и куда она поедет ко второй половине зимы, говорит что очень сжилась со всеми и чувствует себя там дома вполне. Целую тебя всю, всю, всю, моя дорогая — ты мучишь меня — прощай. Пиши Мамонтовым: Спасская Садовая.

Твой В. С.

26

Москва 7-го октября [1888 г.]

Лёля, дорогая моя.

Я все еще в Москве, как видишь. Сегодня узнается на счет билета от Киева до Одессы. От Москвы до Киева уже есть. Ты, вероятно, уже получила мое прошлое письмо, т. е. ответила на него мне в Киев. Мама и я получили от тебя письма, из которых я опять вижу, что до января ты не намерена уезжать из Одессы. Хорошо—сам к тебе приеду. Ты, пожалуй, удивишься — я хлопочу здесь о выдаче мне документов, нужных для нашего бракосочетания. Я думаю прогостить у тебя в Одессе недели 2, но видишь, именно у тебя или с тобой, как хочешь понимай. Я право больше не могу без тебя — слышишь Лёля? Ты не можешь приехать сюда ко мне раньше, верю, но отчего же мне не приехать к тебе и нам не повенчаться в Одессе? Скажи, как ты об этом думаешь. Мне кажется, что это возможно. Пожили бы вместе недели две, а потом в декабре ты бы приехала в Москву и Рождество прогостили бы в Домотканове (где, надеюсь, тебе уже не будет стыдно, девочка моя дорогая) а после будет видно: в Киев, так в Киев — узнается.

Ну что ты мне скажешь? Кажется мне почему-то, что ты этому не будешь рада, скорее испугаешься. Ведь так? Я угадал? Знаю я тебя немножко. Резонов на это за исключением разве одного (что тебе будет стыдно) пока не вижу. Стыдно — знаешь Лёля, всюду первое время будет стыдно. Но скажи пожалуйста, как вообще у людей хватает духу венчаться и жить вместе всем на показ — невероятно, но так, ничего не поде-

лаешь, приходится примириться. Вот мы и примиримся — нет? Все, однако, сводится к одному: мне необходимо или нам необходимо свидеться поскорее. С документами разными приходится повозиться. Если возня эта будет слишком продолжительна и потребует моего здесь присутствия — я брошу и поеду на авось. У меня всего из бумаг только имеется: метрика и паспорт от полиции. Говорят что этого недостаточно. Нужно еще иметь настоящий паспорт от дворянства петербургского, так как я потомственный дворянин. Ты ведь тоже дворянка, Лёля? Ну а у тебя этих бумаг достаточно? Приготовь их все-таки. Может быть ты мне в Одессе не откажешь в своей руке...

[Конец письма не сохранился.]

27

СПБ 25 декабря [1888 г.]

Ну, что же, дорогая моя,

Едешь ли ты, или нет, наконец? Опять, пожалуй, какая нибудь отчетность задержала. Итак, если приедешь, то во всяком случае не раньше 29, 30 сюда в Питер. Я считаю, что ты выезжаешь 26 (все таки) вечером с курьерским. (Да, это очень мило со стороны г. Чиховича) [64]. 27 в 12 час. из Киева, 28 вечером в 7 час. в Москве. Переночуешь у Софии Семеновны [65], пойдешь утром на выставку (так)? а затем, вечером по Николаевской. По этой дороге тебе придется ехать уже на свои собственные деньги, так как все возможные агентские билеты, если они не выданы действительно служащим, — не действительны, за этим следят

весьма строго. Итак я считаю, что ты выедешь в $10^{1}/_{2}$ час. вечера из Москвы. Возьми место в спальном вагоне. Приплатишь какие нибудь пустяки, а удобство довольно значительное—у тебя будет собственная лавка. Конечно в дамском отделении. А в пятницу вечером здесь. Могу тебя еще порадовать в смысле своих удач. Представь, Третьяков [66] покупает у меня Машу [67], что летом писал (300 руб., между прочим). Летние труды, значит, не пропали даром. Но я все-таки признаться, не ожидал, чтоб Третьякову ее купить; главное раньше еще выставки. На выставке увидишь 4 моих произведения, из которых 2 знаешь (Машу и пруд) [68], портрет (премия) [69] Верушки и Павла Ив[ановича] Бларамберг [70]. В Питере у меня все то же — портрет отца, кот[орый] за последнее время подвигается не особенно скоро [71]. О „Юдифи“ [72] пока неизвестно определенно будет она или нет, что всего хуже, конечно. Полагаю, что на днях это выяснится. Читаю в Публичной библиотеке критики [73] Серова и нахожу их весьма интересными. Тебе, может быть, будет предоставлена работа над ними, когда начнется дело издания. Была здесь у мамы Чаркова (твоя директорша), она издает журнал „Баян“ [74]. Мама написала ей статьи для январского №. Тебя ждем очень. А с твоей стороны все таки—нехорошо. Обещала быть здесь, или в Домотканове в средних числах декабря, а приедешь к 1 января. Да-с. А затем, всегда нужно уведомлять — получила-ли деньги или нет, впрочем, прости раньше твоего письма последнего от 20 д[екабря] деньги ты еще не могла получить (посланы 15). Маша просит тебя, если сможешь: захвати Я[кову] М[ироновичу] [75] Гигиену так книжек 10 и привези с собой. У Софии Семеновны лежат они. Ну, что же еще.

А я немножко сердит на Аделаиду Сем[еновну] зачем ей вздумалось давать тебе такие советы: не бросать Одессу, в том смысле, что у меня одни только мечты, а место у тебя, за которое и нужно держаться всеми силами. С этим я не совсем согласен. Она же летом советовала бросить Одессу, как провинцию, налагающую известный отпечаток. Как-то мы заживем? Опасаюсь одного немножко, как бы ты не стала жалеть о том видном, так сказать, положении, которое ты занимала в Одессе. Буду надеяться и желаю, чтобы этого не было. Первую неделю поживешь с Машей и мамой и еще Лялей [76], она должна приехать на днях. Может быть и сама Адел[аида] С[еменовна] хотя, навряд-ли, она не хочет оставить Надю [77]. От нее Нади, получено письмо, довольно печальное. Они все находятся под страхом ожидания какого нибудь паралича с Марусей [78]. Экая мерзость, в самом деле! Надо же, чтоб с такой милой девочкой стряслась этакая скверная история! На счет Николая [79] я писал тебе кажется—он женится. Чорт знает что! Ему то уж совсем рано. Ну, до свиданья, надеюсь скорого. Не обманешь же ты меня. Не будешь меня мучить. Дай мне знать, когда ты должна быть здесь. Прощай. Скоро поцелую тебя. В. С.

28

СПБ 14 июня [1889 г.]

Девочка моя,

получила-ли ты мое письмо последнее, я и адресовал весьма рискованным манером, хотя, отчего бы ему не дойти до тебя. Жаль, если оно пропало. Адресовал я на имя, т. е. не на имя, а прямо г. Начальнику полустанции Чуприановка [80], для

передачи тебе, когда ты приедешь с 4-х часовым поездом. Ох, Лёлюшка, тяжело мне с моими работами, вот что я тебе доложу. Ей богу не могу сказать, что они у меня выходят, или не выходят. А когда подумаешь, что всю зиму провозился, так и совсем скверно становится. Вообще, должен заметить, что искусства — вещи весьма трудные-с. Сколько себе крови поиспортишь. Да, а хорошо теперь в деревне. Хотя, если начнешь работать— опять каторга и, опять-таки, — не работать еще того хуже — вот тут и того...

Как-то ты поживаешь? Хорошо ли доехала в Домотканово? Напиши-ка мне скорее. Где то тебя там поместят. Корзина-то твоя оказывается весьма скоро будет на Кузьминке [81] — дня через 3 сказали. Значит она уже на месте. Я думаю послать ключик и дубликат — а? А то придется платить на станции за сохранение.

Да, а здесь все одно и то же, до отвратительности. Нескончаемые конки, прелестный звук. Паршивская кофейня с проклятым тихоходом, я его таки встречаю частенько — экая мерзость, видеть не могу. На сон грядущий почитываю „Пошехонскую старину" и прочел — очень хорошо.

Репин уже изволил уехать. Был у меня на днях Сергей [82]. Звал к себе в Дудергоф [83]. Из Москвы ни от кого известий не имею, хотя писал туда. Семеныч [84] молчит — завертелся. Сергей говорит (сам он на свадьбе не был) что народу было за 100 человек — каково, нас только еще не хватало [85].

Прощай моя дорогая, целую тебя крепко. Пожалей меня Антона горемыку, одинокого. Чем чорт не шутит, может быть скоро и приеду. Целую тебя еще и еще раз бедная, покинутая моя супруга.

Кланяйся всем там и пиши мне поскорей. Твой на веки вечные — В. Серов.

29

[Москва] 27 Д[екабря 1889 г.]

Милая Лёлюшка, как ты голубчик мой, поживаешь? Хочется мне к тебе очень. Я думаю все таки числа 6—7 приехать (7, кажется, мое рождение). До этого нельзя. Как я уже тебе писал нам с Врубелем [86] заказаны декорации [87] к спектаклю 4—5 числа, а их, декораций, четыре; из которых одна только почти написана. Работа интересная и трудная. В мистерии этой придется мне еще играть, хотя и очень немного. Да, мама спрашивает куплены ли экземпляры Иосифа, скажи нет, Савва Ив[анович] подарил их. В мастерскую еще не переезжали, на днях совершится сие наконец. Урок у Мекк [88] начнется завтра. Видел я мальчика, моего будущего ученика, ничего интересного не представляет, я думаю заниматься с ним будет несколько скучновато. Портрет Милуши [89] еще не начинал. Мы с Врубелем в данное время находимся всецело у Саввы Ивановича т. е. днюем и ночуем из-за этих самых декораций. Сав[ва] Ив[анович] и Ел[изавета] Гр[игорьевна] чрезвычайно милы с нами и я рад, что они так ласковы с Врубелем. Вчера открылась выставка [90]. В газетах пока еще ничего нет. Скоро должен быть уже отзыв. Я убежден, что меня проберут и довольно сильно. Вообще, думается мне, портрет этот не понравится. Сегодня зашел на выставку. Зрителей он не привлекает, мнений подслушать никаких не удалось, да под конец немножко совестно стало таковое мое поведение и я уехал. В гостях я бываю мало, если, конечно не считать того, что я здесь у Мамонтовых. Везде порядочная скука. С Врубелем мне интереснее. С Мишей и Юрой

видаюсь довольно редко. Видишь, какой я умник: сегодня в Леонтьевском [91] бал, Парашино рожденье, я приглашен, и мне хотелось поехать, хотя мысль, что приехав я все таки заскучаю, меня останавливала и потом я решил, что буду писать тебе письмо. Все таки как никак, а я становлюсь солиднее, хотя и немного, но все таки. Поцелуй меня, моя девочка. Что у Вас в Домотканове творится, весело или нет. Как проводите праздники, или не проводите их никак? Редко вижусь с Семенычем, какая то неловкость установилась между нами, хотя и принимаем друг перед другом тон непринужденности. Нет-с, обстановка и все такое много значат. Прежде я искал его сообщества, теперь нет. Не знаю, что будет потом. Притом его теперешняя, всегдашняя забота об устройстве дома как можно комфортабельнее и роскошнее положительно наводит на меня тоску. А дом, действительно комфортабелен до неприятности.

Я попрежнему абсолютно здоров и чувствую себя хорошо, но почему-то не нахожу, не чувствую себя способным сделать что нибудь художественно хорошее. Положим самоощущение— вещь преходящая, день так, другой иначе, и теперь еще некоторая опасливость на счет моих произведений, что они вообще мало кому нравятся. Что ты поделываешь Лёлюшка? Как ты проводишь и заполняешь время? Читаете? или, быть может, шьете? Мама написала мне весьма унылое письмо. Пишет, что не чувствует в себе былой силы, считает свою жизнь неудавшейся, жалуется на безденежье вообще, что оно сильно ей мешает. (Да кому оно не мешает). В самом деле, курьез с ее деньгами. Ведь вот, благодаря неаккуратности Веры Семеновны [92] деньги не пропали, это наво-

дит даже на размышление забавного свойства. Скажи маме, что я ей напишу на днях.

Прощай, моя дорогая, целую тебя очень, очень много раз. Кланяйся всем. А все таки письма у нас с тобой выходят спешные, все тебе надо торопиться, чтобы отдать Михайле [93] отнести в Бурашево [94]. Прощай. Твой В. Серов.

30

[Москва] 5 февр[аля 1890 г.]

Лёлюшка дорогая, как я тебя хочу видеть. Еще предстоит два сеанса: во вторник, и должно быть в среду окончательный. Уезжать не кончив было бы не совсем хорошо, да и денег не было бы.

Портрет идет, если не вышел, недурен, т. е. похож и так вообще, немного сама живопись мне не особенно что то, цвета не свободные. Всем нравится, начиная с самого Мазини [95] весьма милого в общежитии кавалера. Предупредителен и любезен на удивление, подымает упавшие кисти (вроде Карла V и Тициана) [96]. Но что приятнее всего это то, что он сидит аккуратно 2 часа самым старательным образом и когда его спрашивают откуда у него терпение, он заявляет: отчего же бы не посидеть, если портрет хорош, если б ничего не выходило он прогнал бы меня уже давно (мило, мне нравится). Оказывается, обо мне все таки есть что то за последнее время в „Русских В[едомостях]“ и „Новом времени“ — значит знает. Уроки продолжаются. Хотят еще заниматься под моим руководством, поздновато немножко. Меккчиша [97] не платит. Оказывается, что барыня сия весьма шальная и мелких долгов

не платит. Хорошо, пожалуй, что портрет на даровщинку ей не написал.

Как-то ты Лёлюшка? Хочу обнять тебя, девочка моя. Подождать необходимо денька 2—3. Купил тебе башмаки, не знаю понравятся-ли. Прощай, до свиданья голубчик мой. Целую тебя и девочку.

Всем поклон. Твой В. Серов. Чаю привезу непременно. Пришлю телеграмму, скажи заплачу, когда буду на Чуприановке.

31

[Москва] 29 марта [1890 г.]

Лёлюшка милая.

Вчера получил от тебя письмо. На счет Варвары я ничего не понимаю. Мальчика криворотого мне жаль, он кажется славный был. Ну-с, Мазини кончен и очень недурно кончен. По моему мнению и других также это лучший из моих портретов. Чувствую, что сделал успехи: он цельнее, гармоничнее, нет каррикатуры ни в формах, пропорциях, ни в тонах. Жаль, что мне нельзя его выставить. На передвижной не имею права, я только экспонент, не член, которые могут беспрепятственно выставлять или приставлять всюду и всегда на всем протяжении путешествия выставки. Так как у них вопрос может [быть] их работа непринята на выставку устранен. С Мазини тут вышел курьёз не с портретом, а с оригиналом, впрочем, отчасти и с портретом. Он, ведь, должен был петь у Саввы Ив[ановича] 4 или 5 раз, как значилось в абонементе [98]. Просидев первую половину поста в отеле с легкой простудой, он насилу решился петь, но спел все-таки „Фаворитку“ [99] два раза. На третий же раз назначено

было „Риголетто". Он является в 7 часов в театр, пробует голос, находит его не совсем хорошим, надевает пальто и уходит домой. Публика вся собралась и ворча разъехалась по домам. Савва Ив[анович] решил с ним покончить, так как с ним каши не сваришь, т[ак] к[ак] и до этого скандальчика, постоянно назначались и отменялись по его милости спектакли. Одним словом они поссорились. Кто прав, кто виноват не разберешь — оба вместе, вернее. Портрет же мой Савве Ив[ановичу] разумеется, теперь уже не нужен и решено его продать какой нибудь богатой психопатке, одержимой г. Мазинием. За это дело взялась Мария Александровна[100] — знаешь? Мать Миши и Юры. Теперь в ее магазине именно таковский люд, а из магазина она будет водить этих Фирсановых, Мекк, Хлудовых[101] и т. д. в залу к себе, где и выставлено мое прекрасное произведение. Если он таким образом не продастся, то решено выставить его в магазине Аванцо[102] на Кузнецком мосту.

Выставка приехала. Надо будет сейчас же заняться рамой. Обивка вещь весьма возможная, я спрашивал.

Эскиз для Костромы [103], большой почти написан, скоро значит отправимся. А вот коли продам Мазини, сейчас к вам, денька на 2—3. Целую тебя дорогая. Будь здорова. Скоро увидимся. Кланяйся всем. Твой В. Серов.

32

[Москва. 1890 г.]

Лёлюшка милая.

Как я рад, что ты чувствуешь себя хорошо. Судя по твоим письмам и маминому рассказу о тебе, ты хорошо высматриваешь.

Девочка наша — здравствует? Чтоже, знаешь я бы с удовольствием на нее посмотрел бы и потрогал щечку. Спишь-ли ты по ночам? Ведет она себя хорошо, не вопит по ночам как тогда?

Относительно крестин: я пригласил Дрюшу [104]. Он очень польщен этим. Савва Ив[анович] говорит, что уж коли крестить, так крестить как следует и чтоб Дрюша ехал бы к тебе в деревню. Что же, это очень мило. Дрюша хороший юноша. Спроси Дервиза, ничего, да, впрочем, конечно, ничего против иметь не может относительно приезда его на денек.

Я совершенно здоров. Кашель еще есть, но вздорный. Да! получил я письмо, когда приехал сюда от Г. Трембовельского. Помнишь, я тебе рассказывал, что вот какой-то господин непременно хочет, чтобы я его учил. Оказывается — учить надо его дочь и на условия мои, т. е. по 5 руб. за урок, он согласен. Я этим весьма горжусь, ибо своими произведениями прельстил и рекомендацией не обязан никому. Сегодня был первый урок. Девица заурядных способностей, но заниматься приятно. Желанье писать большое, ну и все-таки не с азов приходится начинать. У Мекк сегодня был, но не застал ее дома (швейцар врет должно быть). Я напишу письмо.

Кончили мы с Врубелем, т. е. Врубель со мной, затея его, я помогал ему как простой или почти простой поденщик. Каков занавес [105] расскажет мама. Она вчера была в опере у Саввы Ив[ановича]. Здесь опять Прахов [106]. Поздравил меня с такой хорошей вещью как портрет Серова на передвижной, говорит, что это отрадное явление на выставке теперешней. Я очень рад. Ну-с еще приятное. Кузнецов [107] купил у меня этюд, который он увез весной. Оказывается Семеныч, будучи должен Куз-

нецову, должен был передать мне 80 рублей за него, но почему то мне об этом не сказал. Теперь я считаю, что с Семенычем расквитался — 200 франков — 80 руб. Твой В. Серов. Пиши. Целую тебя. Кланяйся Дервизам.

33

Большие Березняки[103] 2 июня [1892 г.]

Ох, да и душно же в здешнем краю, Лёлюшка не знаю как у вас или у нас в Москве. Безвыходное, можно сказать, буквально, положение. Скверный здесь край.

Ну-с, приехали мы сюда в субботу благополучно, в один день отмахали 135 верст, прожарило нас, растрясло нас как следует. Скоро, думается мне, придется трястись обратно.

Что мне тут делать не придумаю. Маму мы застали в превосходном виде как наружном, так и внутреннем, т. е. душевном. Действительно, столько труда устукала она на деревню свою Судосево, так толково все устроила, что работа эта не может не радовать ее. Живет она как всегда в крошечной комнатушке у одной чудесной старой девы. В ней она только отдыхает, больше на воздухе — либо толкует с крестьянами, которые пришли за делом к ней, а главное в столовой. Столовая прекрасная, разумная. Помощники школьники ведут дело отлично и порядково. [*Тут же сделана зарисовка столовой.*]

Помощь оказана действительно большая как этому селу, так и соседним. Вид народ имеет хороший, дети в особенности. Кормятся только дети

и женщины. Мужиков не видать, хотя они могут получить еду, если хотят. Питомник для девочек сироток очень мил, ребятки славные, за ними ходит одна баба, кот[орая] за них душу свою кладет, просто трогательно.

Все зовут маму — мамашей, немножко забавно. Очень ей верят и слушаются. Видел я членов попечителей, старшину и отца благочинного — славные люди. Жаль, нет того учителя, о кот[ором] мама так много говорит и писала. Да, цель этого дела и доверие со стороны народа завлекает и увлекает очень, настолько что еслибы я счел нужным отдаться этому делу, то, пожалуй отдался бы ему почти также ретиво, как и мама. Положение здешних крестьян относительно хлебов лучше чем в прошлом, но все-таки не очень хорошо. Очень здесь сухой жесткий климат. Сухой ветер дует как то томительно, он и бездождие портят хлеб. Хотя дожди были и похоже что будут. Уж очень парит сегодня и не облачно.

Местоположение нельзя сказать, чтобы было очень приятное. Растительности нет почти. Есть хорошая река Сура, но скучна и это в Березняках, а в Судосеве не река, а так что то грязненькое сочится и течет перед домишком (переделанным из бани).

Мне то что делать, я пока не знаю, и думаю, что в наиближайшем будущем уеду во свояси. Сегодня я здесь в Березняках пишу тебе это письмо у маминых знакомых, очень милых людей Салтыковских, окружной чиновник от Удела. Но село самое Березняки дрянь и смахивает на уездный городишко. Пыль здесь да и в Судосеве везде вообще невозможная набивается в глаза, в нос, главное в уши, жара, пыль эта вся прилипает — отвратительно.

Пора бы и от тебя получить письмо или рано еще?

Как поживаете, получили ли мое письмо с парохода?

У Нади просто с желудком было не в порядке.

Мама думает пробыть здесь до августа, до новых хлебов, а затем в Питер, а потом опять приехать в Судосево и устроить с благочинным школы.

За день до моего приезда мама получила 500 р. из комитета наследника. Американская мука получена и пшеничная продана почти на 1000 руб., на кот[орые] покупается русская. Так что запасов, как денежных, так и натурой—пока порядочно и столовые расширяются на Пензенскую губ. Начальство, т. е. мама в ладах со здешними властями. Никаких неприятностей за исключением прежних, когда она только что приехала в село. Барышни в стороне и действуют самостоятельно. До свиданья. Цалую тебя и ребяток. В. Серов.

34

[Борки] 16 июня [1895 г.

Ну-с Лёлюшка,

Кончилась наконец эта история с Борками[109]. Были цари, освятили церковь, были в павильоне, видели мою картину, пили чай, все как следует. Так как в павильоне встречало государя именитое дворянство и т[ак] к[ак] вся затея эта их, то я не решился, хотя граф звал меня, быть в то время когда цари взойдут в павильон, а посему не видел первого их впечатленья, что собственно и было интересно. Потом я был позван туда, первое что мне государь заявил — было: „но, кажется, она еще не совсем кончена“, на что я ответил — да, еще

не совсем. Затем я не помню, что еще спросил государь — помню свой ответ — что я взял раньше. Тут подошел граф представить меня—государь говорит, что уже давно меня знает и больше ничего. Государыня сидит за столом и пьет чай. Рядом возле меня оказывается Ксения и Михаил, я им слегка кланяюсь (потому что в сущности не знаю нужно-ли кланяться или нет). Она кланяется, с Михаилом поздоровались за руку, тут подошел Сергей Ал[ександрович] и тоже поздоровался за руку. Государыня меня так и не видала потому что началось представление местных дворян и дворянок. Ну с так вот в сущности ничего любезного от государя я сам не слышал. Между прочим я готов думать, что автор фразы о неконченности — Сергей Ал[ександрович]. Граф рассказывал, что когда государь вошел, сказал — „Михаил как живой“, затем, „а против перчатки протестую“. Графиня говорит, что государыня говорила Ксении, что papà (т. е. государь) очень хорош и ты (Ксения). Ксения же заявила, что эскиз с натуры лучше. Наследник и Георгий не понравились. С чем я совершенно согласен. Да, так повторяю, с мнениями их я совершенно согласен, но я ждал, что мне скажут что нибудь этакое любезное, что мол хорошо, но жаль, что не кончено, а не просто не кончено (или это быть может подразумевалось). Граф поздравлял с успехом, дворяне тоже. Да, я должен тебе сказать, что дворянство вообще очень довольно и заявляли свое удовольствие еще до прибытия государя. Военные чины и полиция — этого народу там перебывало тьма во время установки картины, чрезвычайно довольно. Духовенство — ох с духовенством вышло довольно занятно. За день до приезда в этот Спасов скит приехал из Харькова архиерей Амвросий — я в фуражке и с папиросой во рту

пребываю в павильоне, стучатся, монах спрашивает, нельзя посмотреть картину преосвященному — я открываю, говорю, что можно. Входит славный старик, худой, смотрит картину, затем оборачивается и говорит мне — это вы написали? Я в шапке и с папироской говорю да — он мне делает ручкой нечто вроде воздушного поцелуя и объявляет, что прелесть, а потом спрашивает, вы русский — я говорю — да. Все улыбаются и уходят, я раскланиваюсь. Оказывается, что я был крайне невежлив — не только что не подошел к руке архиерея, но курил и на голове фуражка. Да, познакомился с Победоносцевым, оказывается он был с отцом в правоведеньи, картина ему нравится (за исключением Михаила). Министру Дурново тоже нравится. После отъезда в павильон пускали решительно всех. В одной стороне дворяне допивали чай и доедали клубнику, а с другой ломился простой народ и подходя к картине крестился... Одним словом, целый день было такое неприятное ощущение—беда, тут еще узнал, что Карно [110] зарезан. Был там и Зичи [111] и Маковский [112]. Картина им обоим нравится, так по крайней мере они заявляли и поздравляли.

Да, подведя итоги, пожалуй, все таки можно сказать, что так называемый успех был. Только двух я заметил, которые ругались. Иконы Маковского многим не нравятся оказывается. Граф говорит, что я его убил.

Одно могу сказать что картинка моя изрядно надоела и эти Борки. И к сожалению теперь мне придется переписывать руку государя, кроме возни с постановкой в дворянском зале. Думаю, начать переговоры с здешним фотографом, кот[орый] стремится со мной познакомиться, чтобы снять картину. Завтра ее сюда перевезут и начнем уж устанавливать окончательно.

Относительно Аделаиды Семеновны говорил с графиней и графом, она напишет попечителю письмо, с которым я явлюсь к нему, или может быть пошлет ему сама, а уж потом я зайду. Обещает, что он вероятно сделает все что будет возможно. Ну до свидания Лёлюшка. Целую тебя и деток, здоровы-ли все? Пора бы уж мне приехать. Руки у меня прошли совсем, не понимаю, что это значит [113]. В. Серов.

35

[Петербург] Суббота [1900 г.]

Лёлюшка маленькая, маленькая, крошечная и т. д. и т. д. как ты бедняжка доехала? Досáда то что я не потребовал от тебя, чтобы ты телеграфировала когда приедешь — а теперь жди вот письма. Поспать думаю не пришлось совсем. Что у нас? Здесь все хорошо. Государь [114] вчера сидел довольно долго, так думаю 3/4 часа. Приходила царица, поймала на месте преступления [115] так сказать, но объяснение было, что этот маленький портрет делается в помощь тому — между прочим царица по русски заметила мне что хорош шотландский портрет [116], а по моему плох. Вчера подвинул много маленький портрет. Утром Михаил Ник[олаевич] [117] был так любезен что надел всю амуницию и простоял в позе тоже около часу, а затем был приглашен к завтраку и кушал промежду его сыновьями — безобразие.

Вот что важней, в конце сеанса вчера я решил все-таки сказать государю, что мой долг заявить ему, как все мы художники — Васнецов, Репин, Поленов [118] и т. д. сожалеем об участи [119] С[аввы]

Ив[ановича] Мамонтова, т[ак] к[ак] он был другом художников и поддерживал, как наприм[ер] Васнецова в то время, когда над ним хохотали и т. д. На это государь быстро ответил и с удовольствием, что распоряжение им сделано уже. И так Савва Ив[анович], значит, освобожден до суда от тюрьмы. Да, на мои слова, что в деле этом как и вообще в коммерческих делах я ничего не понимаю — он ответил — и я тоже ничего не понимаю — затем он заявил, что считает Третьякова и потом Мамонтова за людей много сделавших для русского искусства. Я очень рад, что сделал, т. е. сказал, что у меня было на совести и рад за Сав[ву] Ив[ановича], к которому он относится с добрым чувством. Простился до понедельника и тогда времени у него будет больше свободного — этот... [*неразборчиво*]. Видели вчера Ратьковых [120] не успел я ей заявить, что ты в нее влюблена, как они оба он и она сказали мне, что у меня очаровательная жена и что они в восторге от тебя и что я никуда не гожусь как портретист — им нравился твой портрет у Третьякова, но теперь нет. Придется мне правда сделать твой портрет всерьез. Ну, целую тебя крепко. Приехал Левитан [121] и Семеныч. Едем покупать вещей в галлерею [122]. Жду письмеца. Твой, твой, а то чей же? В. Серов.

36

[Архангельское [123], 1900 г.]

Лёлюшка,

ты уж начинаешь что то сердиться — нехорошо не сердись прошу тебя и жди меня не с нетерпе-

нием, а с терпением, я скоро буду, серьезно. Надо же мне кончить в соборе и как нибудь выяснить с Юсуповым [124] — теперь ли окончить портрет или же потом. 1-го Июня я отправился к нему в Архангельское, старое Екатерининское поместье, холодно-роскошное, ехал долго и под солнцем и под дождем, но ничего не повредил в портрете. Да, за эти дни я сшил себе костюмчик серенький, вот он после дождя стал несколько жованный, да. Ну-с, приехал, князя нет, скоро будет, раскупорили портрет, поставили в комнате, где ему висеть с другими императорами. Потом приехал князь, я погулял по парку. Говорю сколько успел сделать — сделал. Портрет понравился. Княгиня пришла, славная княгиня, ее все хвалят очень, да и правда, в ней есть что то тонкое хорошее. Она заявила, что мой портрет покойного царя вообще лучший из всех его портретов, я говорю, ну это потому что остальные уж очень плохи — смеется, кажется она вообще понимающая. Просила как нибудь зимой (приятное поручение) с фотографии написать ее папашу. Я попросту заявил, что это очень тяжелая и неприятная работа. Она соглашается и с этим. Да, мундир у меня оказался фантастическим и мне пришлось там же его переправлять. Встретил там художника Крачковского [125]. Он состоит при Юсуповых в некотором роде, живет там рядом на даче. Тот самый кот[орый] заявил, что я своими произведениями и в особенности твоим портретом доставляю им художникам большие радости. На следующий день должен был приехать туда государь на спектакль, там особый театр, и бал во-дворце.

Когда я подправлял портрет князь предложил отобедать с ними (не то что... [*неразборчиво*], накормив меня завтраком и чаем. Я отказался и сказал что к вечеру хочу попасть к Мамонтовым [126] в По-

душкино в 12 верстах оттуда... „А вот как, передайте ей вот эту карточку“. Карточка — приглашение на спектакль — ложа на 7 — 8 персон. С этой карточкой пообедав у Крачковского я отправился в Подушкино где и пробыл до сегодня утром. Да, но что я, на следующий день после всяких разговоров и волнений решили всетаки поехать на спектакль и поехали. М[ария] А[лександровна], Танечка, Параша, Григорий Ал[ександрович] Борсков — и я на четверке в ландо в белых платьях и во фраках.

Но спектакль, правда вещь любопытная. Сам театр старомодный как на гравюрах, все по домашнему, но очень чинно — ложа у нас была великолепная, вроде окна со стульями. Из нее (рядом со сценой боковая) сидящая царская фамилия была лучше пожалуй видна чем сцена. На сцене пели со старанием оперу Лалла Рук — Мазини и Арнольдсон и хорошо. Было очень красиво и стильно. Публика — ближайшие придворные, сравнительно немного.

После театра фейерверк, должно быть великолепный, но мы его из за деревьев не видали, а подходить собственно поближе к самому дому не годилось, так как приглашение было посетить театр, затем уехали. Эти два дня я отдохнул. Ездил верхом, гулял. Сегодня работал в соборе, скоро кончу и написав несколько маленьких этюдов с верблюда поеду к тебе супруга моя.

Поручения почти все сделаны, покупки пересылаю с Бяшковым [127], смешные они, они без меня тут спали, как я не пойму. Старуха предлагала белье — что то отказались и без подушек. Целую всех крепко.

37

[Байрейт] 26 июля [1902 г.]

Лёлюшка,

пишу тебе опять пока наскоро т[ак] к[ак] надо торопиться — я как школьник готовлюсь к представлениям[128], т. е. читаю немецкий текст, что не совсем легко, хотя до известной степени преодолеваю. Сейчас получил от тебя первое письмо — спасибо — слава Богу все здоровы. В двух словах скажу о Bayreuth'е — ждал большего так называемого наслаждения. Получил мало. Летучий голландец мне совсем не понравился. Парсиваль — другое дело, но в нем еще не разобрался — надо пожалуй прослушать еще. Есть вещи изумительные — ну, об этом после. Сейчас читаю Валькирии. Вчера был на Рейнгольде, тоже могло быть лучше. В общем пока чувствуется не воодушевление исполнителей, а скорее точная, но не без сухости р а б о т а.

Одним словом, наслаждения, такого, как например от Тристана в Питере (с Решке[129]), — нет и нет пока.

Посмотрим сегодня. Живем здесь втроем — ничего себя. Погода наконец сделалась летней, а то холодновато было, не теплее чем у нас — а у нас, как вспомнишь, недурно право. Еще не знаю, после завтра кончается уже цикл. Возможно, что останусь еще на Парсиваля — а потом и домой, — никуда мне не охота ехать и Германию я знаю. Целую всех вас. Твой В. С. Кланяюсь ребяткам. Пиши Berlin poste restante. Мама и Хессин тебе кланяются.

38

[Bayreith. 1902 г.]

Лёлюшка,

Вчера был Зигфрид и было хорошо. Валькирия тоже не плохо, хотя исполнители были так себе — но зато сам Вагнер был велик — сцена (знаешь) Зигмунда с Зиглиндой с Валькирией Брунгильдой объявляющих ему Зигмунду смерть — я еле выдержал — тут Вагнер гений как драматург и композитор — ужасно. Он нашел что то между жизнью и смертью. А вчера в Зигфриде исполнители были хороши и доставили действительное удовольствие и если бы не Брунгильда (тусклая довольно) то пожалуй было бы и совсем хорошо. Лучше виденных мной до сих пор исполнений этой оперы.

Гибель богов прочел — понял почти легко. Сегодня последний день и завтра едем в Берлин. Заедем в Лейпциг. В общем я все же доволен.

Живем ничего себе. Жары особой нет. Ну будь здорова. Мы с мамой вероятно скоро будем в Петербурге т. е. у нас на Ино [130]. Целую всех вас крепко. Софье Сем[еновне] кланяюсь. Целую тебя. До свиданья. Твой В. С.

39

[Москва]

Лёлюшка,

Приехал хорошо и дешево — пассажирским 6 час. 9 руб. 2 кл[асс]. В Питере видел Бенуа [131], Бакста [132], Нувеля [133] — толковали об затее издать историю Петра В[еликого] с нашими иллюстрациями (по моему только историю и можно иллюстрировать). А хорошую б книгу можно было изготовить.

Текст заказать хотя б Бильбасову[134], (как Екат[ерину] II). Решено действовать.

К Щербатову[135] и Кассиреру[136] в Берлин отписано. Уж очень трудно будет мне опять выканючивать вещи у собственников — не знаю возможно ли что будет собрать. Эти сомнения написал в Берлин. Приехал в Москву — в училище[137], в канцелярию — поздно, до 12 час. только (думал до 2, почему то и поехал пассажирским и дорогой читал — разлюбезное это дело — читать в вагоне). Еду сейчас опять туда. Затем по близости в дом[138] Юсуповых, по телефону вызвал князя — зовет в Архангельское, хотел выслать даже лошадей, но тут вдруг телефон оборвался и шабаш — так что еду туда на извозчике.

Сдается мне, что застряну у них — хотя посмотрим еще. От Лясковского, разумеется, длиннейшее и глупейшее письмо с разными заключениями — Репин да я только и есть портретистов — что заказы гонятся за мною, знает цену моего имени и т. д. и т. д. А все же извольте писать супругу-с, да-с, а впрочем, если по фотографии „лицо моей жены почему либо кажется Вам мало интересным — сказать мне это откровенно: в таком случае я не решусь Вас беспокоить“ — ну не угодно-ли? а? Вчера видел К. Коровина[139], сегодня буду у Соф[ьи] С[еменовны]. Ребятам кланяйся. На счет лодки осторожней — пусть ездят от нас в Лаудоранду[140] и только, на виду. Поеду сегодня же в Архангельское.

40

[Москва. 1902 г.]

Лёлюшка,

Что Сашина[141] нога? Изволь писать мне пока сюда в Москву. Вчера утром послал на имя Але-

ксандра Гельстрем[142] 150 руб. Был у Софьи Сем[еновны] — она отлично выглядит и весьма, говорит, отдохнула за это время. Леоп[ольд] Ив[анович] все в деревне. Потом поехал в Архангельское. Прием был весьма любезен как с его, так и с ее стороны. Она сейчас же с вопросом — „а вы не видали еще что я сделала с вашим подарком“ пошла в свой кабинет и пока я раздумывал какой такой я ей делал подарок (собачку я рисовал кажется), — вышла с большой рамой в руках, в которой вставлена фотография с портрета государя в тужурке (действительно года 2 назад я ей подарил) и на ней внизу подпись Николая II (собственной его имп. вел. рукой) — я объявил, что я подавлен... Оказывается — придется их всех 4-х т. е. его, опять ее и 2-х сыновей написать небольшого формата лица. Таким образом это время не поеду к Лясковскому, теперь, а может быть, если у меня разовьется алчность к деньгам — то в сентябре (хотя почему то мне все кажется, что там природа любопытная).

Но знаешь, Архангельское со статуями и выстриженными деревьями и с отличным видом на другую сторону реки Москвы — все же очень и очень великолепно. После обеда уехал в Москву: хотя княгиня объявила, что комната для [меня] готова. Все значит обстоит хорошо и завтра вероятно еду с пожитками и холстами. С меньшим сыном надо очень поторопиться т[ак] к[ак] он едет на экзамены 9 августа. Оказывается, княгиня недовольна портретом Степанова[143] и уверяла, что мой лучше всех, т. е. голова но что остальное все очень не хорошо.

Ну, будь здорова, целую всех, да скажи, ты разрешила Яше — Саше[144] спать наверху, где детская? Пиши. Твой Серов. Во время беседы княгиня, указывая на князя, сказала — вот кого надо напи-

сать вам. Все соображения относительно моей навязчивости и неловкости исчезли. Кроме того в свободное время с успехом можно заняться Петром В[еликим] и Екатериной. Архангельское того времени.

41

Архангельское. Среда [1902—1903 гг.]

Лёлюшка,

Что у вас — не знаю как добыть от тебя письма. Надо будет съездить в Москву. Приехал вчера только, а уж мне кажется, что я здесь давным давно, так недели $1^1/_2$ — 2 — чудно.

Пишем меньшого Юсупова. Князей самих сейчас нет — они уехали на маневры, где-то здесь не очень далеко — в субботу вернутся.

Здесь, так сказать, полное великолепие, но скучновато малость. С этим юношей мне нужно очень торопиться, ибо он едет на экзамен в Питер. Впрочем я кажется тебе писал об этом. Жаль мы не очень с княгиней сходимся во вкусах. Так к примеру какую куртку графчику надеть и то, что нравится ей, прямо ужасно — голубая венгерка — если ее написать, то тут же может стошнить. Странно. Вот приедут господа посмотрят, что мы написали — уверен, придется не по вкусу — ну что делать — мы ведь тоже немножко упрямы — да.

Оказывается, начиная с Екатерины все цари перебывали здесь; в ознаменование чего здесь поставлены колонны с надписью в саду.

Есть в саду же бюст Пушкина (неприятный, безвкусный), на пьедестале стихи, посвященные предку Юсуповых, где говорится о благородной праздности (недурно) сего предка [145].

42

[Архангельское] Вторник. 12 ав[густа 1902—1903 гг.]

Дорогая Лёлюшка,

Собираюсь съездить в Москву за твоими письмами. Мама вероятно уже у вас — они хотели поехать в воскресенье.

Как поживаете? Хороша-ли погода? Здесь прямо великолепная тепло, хорошо. Чувствую себя хорошо, работаю порядочно. В воскресенье вернулись князья. Кажется вообще довольны моей работой.

Меньшого написал или вернее взял хорошо. Вчера начал князя по его желанию на коне (отличный араб бывший султана). Князь скромен, хочет, чтобы портрет был скорее лошади чем его самого — вполне понимаю. Тоже неплохо кажется.

А вот старший сын не дался, т. е. просто его сегодня же начну иначе. Оказывается я совсем не могу писать казенных портретов — скучно. Впрочем сам виноват, надо было пообождать и присмотреться.

С княгиней не знаю. Она очень не хочет позировать (она права—это скучно и надоело, я порядком ее мучил, этой зимой Степанов). Князь настаивает — ну там видно будет. Меньшой уехал в Питер на экзамены. В Москве распорядился на счет починки подоконников, перил, окон и обоев, хотя не смог еще их выбрать — поеду теперь сделаю.

Странно думал, что здесь в Екатерининской обстановке буду думать больше о Петре[146]—впрочем все же живые портреты не дают времени, а с ними надобно считаться. Целую тебя и всех ребят. Твой В. С.

43

[1902 — 1903 гг.]

Ну, чтоже, конопатчики уже постукивают? так. Ну а лес возят? ну, а Петра работает? и рабочих прислал? ну а рамы делаются? Так, так. Ну, а вот лодочка, как лодочка поживает. Ну и как в ней мальчики катаются? Хорошо-ли — и слушаются-ли они тебя — а? Так, ну хорошо коли слушаются.

Право, смотрю это я на комнату — все превосходно, электричество, красное дерево, умывальный сервиз — ну и чтож — ничего — так, точно я уже давно так тут живу и уже надоело — удивительное дело. Получил ли за тебя деньги Александр? Да, между прочим, Князь Юсупов в разговоре о портретах изволил заметить, что об цене он не спрашивает — сколько я назначу столько и заплатится — вот это так, по княжески, одобряю... а все же много с него не возьму, ну там увидится.

Не знаю где мама и Софья Сем[еновна] не знает. Думал застать ее в Москве.

Ну, будь здорова. Целую всех вас. Пусть мне ребята напишут что нибудь — про лодку, что ли. Твой В. С. Пиши в Москву, я буду наезжать туда.

44

Архангельское [1903 г.]

Лёлюшка, дорогая,

Ну что же, все то же самое. Впрочем, в Москве получил письмо от Малявина [147]. Оказывается он не получил моего длиннейшего письма с объяснениями моими и письмом от Чекато [148] — досадно. Но он все же глуп — спрашивает не сам ли Дягилев [149] уничтожил свой портрет — каков?

Второе удовольствие совершенно неожиданное было в магазине Дациаро[150] — куда заехал за красками — вдруг входит Лясковский — меня не узнает — потом решительно подходит ко мне, он такой быстрый, „какие глупости Вы обо мне думаете, зачем?“ Я: „зачем глупости мне пишете“ (ей богу). Он немного озадачился и спросил действительно ли я свободен в сентябре. Что он мне еще напишет — ну пусть пишет. Здесь работаем. Старший не выходит — бросил, а те два ничего.

Сегодня попробую вечером набросать княгиню пастелью и углем. Мне кажется я знаю, как ее нужно сделать, а впрочем — не знаю — с живописью вперед не угадаешь. Как взять человека это главное.

Ну будь здорова, целую вас всех. Тутушку[151] целую в тепленькую щечку. Скоро опять надо будет в Москву за твоими письмами. Сегодня было в школе какое-то собрание, я поленился не поехал. До свиданья. Твой В. С.

Чувствую себя хорошо. Трояновского[152] не застал.

45

Архангельское, 22 [?] [1903 г.]

Лёлюшка милая,

Не знаю как и быть на счет своего приезда к вам.

Думаю уже ты достаточно знаешь мою систему работать, вернее заканчивать портрет, а? Всегда кто нибудь либо модель (большею частью), либо я должен уезжать и таким образом произведения оканчиваются. Юсуповы остаются здесь в Архангельском до 7-го сентября. Надо написать 3 мас-

ляных портрета (а может быть и 4) и 2 пастелью.

В течение сего времени будут 2 экзамена и заседание Совета Третьяковской галлереи, на что уйдет у меня 3 дня.

Поездка в Питер возьмет также дня 3—4. Таким образом из 2-х недель до конца пребывания Юсуповых здесь у меня останется пожалуй недостаточно времени для того, чтобы окончить меньшого (он вернулся) и отца на лошади, и заново написать старшего, а также изловчиться набросать пастелью княгиню и (по просьбе княгини) князя.

Тут как раз все наезжают гости, которые мешают делу.

Вчера я был в Москве, видел маму. Она очень довольна поездкой к вам. Между прочим она предлагает съездить за вами. Что ты скажешь? Я мог бы дать ей денег, с которыми ты бы могла расплатиться там, а именно за лес Галкину[153] (можно будет отдать все) и Петру[154] руб. 200, мясникам и т. д. я мог бы руб. 700—800 тебе предоставить их. Теперь что же у нас сделано? Полы поправлены, балкон тоже (мой)?

Напиши ка мне все это. На мой взгляд нужно дом проконопатить и обшить это главное, и рамы новые вставить. Крыльцо (подъезд) можно отложить если ты хочешь уезжать 29.

Да спроси ка Вас[илия] Васильев[ича Матэ][155] на счет состава, которым нужно тотчас же покрыть обшивку дома — это важно.

Когда вернется Фрейлейн? Кроме того вот еще что: на квартире у нас я распорядился, а хозяева согласны устроить в печах на верху (в детских) топки. Невозможно в самом деле морить детей холодом. Авось теплее будет. Пожалуй к 29 августа

сделать не поспеют — не обождать-ли вам с приездом, если погода сносная? Комната переклеена вся наверху и девичья внизу. Подоконники красятся, форточки исправлены — но все это подсохнет не сразу.

А какова погода у вас? Здесь недурная стоит. Был я у Трояновских, последние остатки от воспаления легкого прошли, исчезли. Чувствую себя хорошо.

Да так вот изволь мне в точности написать что сделано и что еще нужно сделать, а затем подсчитай сколько мне тебе денег дать. С Майорами[156] расквитались я думаю уже? Аннушка[157] маленько подобралась после моего разноса и теперь чистит ручки и все такое. Ну вот тебе пока все мои размышления. Еще узнаю у Юсуповых может быть у них выйдут какие нибудь дни когда никто из них позировать не сможет тогда съездить к вам — да, но арабский жеребец остается. Посмотрим еще как за эти дни подвину работы. Старший уехал до вторника в Питер — беда.

До свиданья голубчик. Олюшке[158] поклон и мальчикам в лодке тоже. Тутушку в щечку. Твой В. Серов. Искренне и горячо преданный. Да, на счет мамы — напиши хочешь ли чтоб она за вами приехала (она охотно поедет).

46

Архангельское. 27 август[а 1903 г.]

Лёлюшка, дорогая.

Зачем так волнуешься по поводу ремонта и трат — это всегда так бывает.

Главное — береги свое здоровье и детей, вот и все — остальное пустяки — деньги дело нажив-

ное. Ты вот меня просишь приехать хоть на один день (а этот день обойдется мне в четыре) вот денежки-то и того — их будет поменьше.

На счет балкона не понимаю, что такое там, и что опасного. Ведь Петр находил, что все превосходно. Василий Вас[ильевич] что говорит? Мне досадно, что вам приходится тесниться и дышать пылью — если смазку потревожут — кажется мне, будет земля крошиться в нижний этаж. Так как фрейлейн еще нет, то мы решили с мамой что она поедет за Олюшкой.

Дела мои идут хорошо. Два портрета почти готовы. Князь на коне и меньшой сын. Княгиня тоже идет кажется недурно. Сегодня приезжает старший — вот с ним трудно — тем более, что он очень неохотно позирует. Сейчас еду в Москву на заседание Совета Третьяковского.

Если не найду от тебя письма, то мама сегодня же едет к вам. Целую и обнимаю всех вас и опять прошу тебя не волнуйся ты и не расстраивай себя (да и меня тоже) из-за постройки — не стоит. Крыльцо строят? Вот если бы погода у вас была бы такая как здесь было бы хорошо. Удивительный август. Твой В. С.

47

Архангельское. Суббота. [1903 г.]

Лёлюшка, дорогая,

Вчера получил здесь твою телеграмму от 27. Надеюсь, что мама застала Олюшку и фрейлейн, а то выйдет довольно глупо. После 27 в Москве еще не был. Оказывается, что я буду у вас раньше чем предполагал. Юсуповы уезжают 3 сент[ября] и к этому времени я окончу мои работы, т. е.

меньшого сына, самого князя и рисунок с княгини. Старшего сына отложил до зимы, как-нибудь в Питере. Надо эти сработать хорошенько.

Здесь все очень довольны (кажется) работами.

Завтра приезжают сюда Великий князь[159], Елизавета Федоровна[160] и Греческая Королева. Она приехала проведать своих внучат, которые живут у Елизаветы Федор[овны] дети Павла [Александровича][161], кушать чай и, разумеется, будут милостиво обозревать мои произведения.

В Ильинском[162] пишет портрет Сергея Александровича — Богданов-Бельский[163] — кто лучше значит. Самому мои труды оценивать мне трудно — что я сделал, но как будто ничего себе — все три вещи совершенно разные. Жаль погода вот уже второй день как испортилась, а надо бы еще князя и лошадь пописать хоть раз. Ну, а у вас что за погода? Ужели все время плохая? Да, так вот 4-го сент[ября] экзамен и 6 или 7 буду у вас.

Имею письмо от Кассирера, из Берлина — ответ на мое. Провоз и страховка на его счет. Не знаю как приступить теперь к господам владельцам — попробуем.

Что же с постройкой, как у вас? Главное не волнуйся — приедем, увидим.

Был на заседании совета Третьяк[овской галлереи] — видел г. Вишнякова[164] — веселенький старикашка. Что он заискивал у меня, просил любить его, да жаловать(?!) и что он надеется сойтись со мной во вкусах... Так-с... увидим. Цветков[165] по прежнему величествен.

Ну будь здорова. Целую тебя и всех крепко. Твой В. Серов.

48

Москва 4 сент[ября 1903 г.]

Лёлюшка,

Прости, что за эти дни тебе ничего не писал — но, знаешь, у меня почти ни одной минуты свободной не было, а с другой стороны, мама была у нас.

Сегодня приехал из Архангельского — (Юсуповы тоже сегодня уезжают) прямо на экзамен в училище и оттуда уже домой к 6 часам и застаю изрядное общество. Во-первых Олюшку, бабушку, Бларамбергов — (они остановились у нас на несколько дней — в спальне). Кругликова[166], а теперь Каменская, Наташа, Воронцова с братом, ожидаются еще девицы Врангель — здόрово. На днях был тут Николай Симонович и заставил ванную комнату медом и воском — простоит сия прелесть недели $1^1/_2$ кажется.

Наверху у детей отлично и совершенно чисто, печи готовы и говорят отлично топятся — ну вот и хорошо и не так неблагоразумно. Буду спать сегодня наверху.

Валентина С[еменовна] и Олюшка доехали хорошо, а мама очень довольна, что съездила.

Ну с, я вроде как бы окончил свои произведения, хотя, как всегда, я мог бы работать их пожалуй еще столько или пол-столько. Заказчики довольны. Смех княгинин немножко вышел. Пожалуй удачнее всех князь на лошади, может быть потому, что не так старался — это бывает. Высочайшие гости кушали чай и одобрили мои произведения. Перед их приездом шутя я спрашивал княгиню — что когда мол приезжает ревизионная комиссия, (намекая на Вел[икого] Князя) — и вот Серг[ей] Алекс[андрович] обращаясь ко мне гово-

рит, что ревизионная комиссия одобрила (княгиня изволила передать сию мою шутку). Греческая Королева изъявила „рада познакомиться“, а за сим по желанию Елизаветы Ф[едоровны], за чаем сидел по левую руку ее высочества и изволили беседовать (о святом искусстве разумеется). Только что получил от тебя письмо.

49

[Москва. 1903 г.] *

. . .чего же тебе еще? Завтра иду к князю за деньгами — вот это я не очень люблю, хотя и рад получить деньги, но какие, вот вопрос. Раз говорится, что мол — что назначите, то и заплатится — тут то и неловко. Он благодарил меня за свой портрет, да и те два ему нравятся. Завтра вечером совет в училище и если не поспею уехать завтра же то после завтра. Аннушке я думаю позволить оставить при себе Сашу.

Приеду к вам вероятно к вечеру, т[ак] к[ак] нужно повидать Дягилевцев [167] и заплатить долги, т. е. отдать в банк 1000 руб., портному 150—200 р. Решил я вообще покончить с долгами — отдать за квартиру, за Олюшку, 200 р. Беренсу, кое-что в худож[ественные] магазины, с собой взять 1500 руб. а остальные (тоже около 1500) отложить в банк. До скорого свиданья. Целую всех вас крепко. Твой В. Серов.

Г. Лясковский что то ничего не пишет, должно быть обиделся — ну и чорт с ним.

---

* Отрывок из письма.

50

[Петербург. 1906 г.]

Лёлюшка,

Спасибо за присылку письма — молодчина Антоша. Юру[168] и Олюшку поблагодари. Улучу время, напишу им.

Очень опечалило известие, что Глаголев[169] умер. Как-то без него обойдется теперь училище, душой которого собственно и был Алекс[андр] Николаевич, грустно.

Пусть Саша напишет мне что было в школе — как отнеслись к смерти директора, которого не могли не почитать.

Пожалуйста передай посылаемый рисунок Микельанжело[170] Г-ам Ефимовым[171]. Иван Семенович все спорил и убеждал меня что это Рафаэль[172] — и теперь проиграл пари. Затем посмотри у меня на столе или в столе среди валяющихся бумажек, а то в старом бумажнике листок, на котором обозначены числа экзаменов в школе[137] нашей. Если не найдешь, то постарайся узнать, можешь позвонить в канцелярию училища и спросить — когда будет ближайший экзамен по искусству и напиши мне, если же найдешь бумажку — перешли.

В Финляндию еду с Вас[илием] Вас[ильевичем][155] во вторник. Одеться найдется во что и шубы пересылать не стоит. У меня есть фуфайка, да и морозов нет.

Пошли Юрку к Коровину, можно застать утром либо в шесть вечера — он знает, в домик Куракиной. Пусть спросит от моего имени, когда Шаляпин[173] приезжает в Петербург и где остановится. Если не удастся достать так билет (чтоб ей Марии Харитоновне пусто было), придется

обратиться к Федору, но только сам я ей записки дать не могу. Саша, оказывается, вернулся из Европы скорее чем предполагал.

Ах, пригласил меня граф Мусин-Пушкин[174] обедать, приезжаю и что же, он (так занят и рассеян) забыл или перепутал день (а было условлено что он мне в случае чего телефонирует) и обеда у них никакого нет, т[ак] к[ак] они уезжают сами на обед. Я наскандалил полушутя, полусерьезно и если сам граф не приедет ко мне с извинением, то и совсем не пойду и деньги за портрет попрошу прислать перед отъездом, шутки шутками, а обед обедом, да-с. Обнимаю всех вас. В. Серов. Выставка едет в Берлин, а потом в Венецию по приглашению.

51

[Москва.]

Ну вот Лёлюшка дождались тепла. — Ох, жарко сегодня — как вам известно я небольшой любитель жары, да еще в городе, да еще в Москве. Все вылезло, выползло на улицу — все бабы с детьми или беременные сидят на подоконниках, в подворотнях, на тротуарах и все это лущит семячки — что-то невероятное. Сядешь на извозчищье сиденье — в семячках, на подножках семячки, на трамвае весь пол в семячках (семячки через „е" было написал, очень жарко), бульвары, скамьи — все засыпано семячками. Скоро вся Москва будет засыпана этой дрянью. На бульваре видел няньку — у нее дите спало — оно было засыпано семячками.

Ну-с в квартире завтра будет все готово и после завтра можно будет переезжать. До сих

пор, как я тебе писал, в городе было совершенно хорошо — ну а теперь — того, становится — тяжеленько — пора собираться уезжать.

Всего хорошего-с, думаю, что и у вас теперь тепло.

Все здесь обстоит благополучно. Матрена все такая же бестолковая, грязнуха (жить бы ей в свинарне, а не то что в новой квартире за печкой — воображаю что у ней там образуется со временем). Черных тараканов стало поменьше, но зато желтенькие прусачки стали посмелее. Попугайчики здоровы и веселы. Квартиру кажется хотят что то взять. Кланяюсь, до свиданья. Ох жарко. Твой В. С. Громадная лунища около Храма Христа Спасителя. Ложусь спать.

Всего лучше это, разумеется, что ты здорова. Поклон бабушке и детям. Только что был управляющий — квартиру сдали 233 руб. получили, причем пришлось пожертвовать на школу Голофтеева 33 р. — ну и отлично. Но жара сегодня — кажется 40 град. Портретов больше сейчас писать не желаю, пусть Нобель[175] уезжает куда ему угодно...

52

[Одесса] Пятница [1907 г.]

Лёлюшка!

Ну вот-с мы и в твоей Одессе. А знаешь — хорош город, право. За эти 18—20 лет (что я не был) похорошел и очень. Бульвар — деревья, чисто, по иностранному, а главное юг, чорт возьми — тепло, солнце — извозчики сидят под тенью акаций на приморском бульваре, море просвечивает — пишу перед окошком отличного отеля.

Завтра едем[176] на хорошем пароходе в Константинополь. В Киеве успели взглянуть на Владимирский собор[177] Васнецовский, не очень, чтобы уж очень хорошо — нет ни святости, ни серьезности, что то раздутое — ну будет, не люблю писать трактаты по искусству...

53

Athènes Hôtel Grande Bretagne 11 мая 1907 г.

Лёлюшка!

Переехали вы в Финляндию, пишу туда — из Ахейского моря в Финский залив — дистанция порядочная.

А хоть и жарковато, но хорошо здесь в Афинах — ей богу, честное слово.

Акрополь[178] (Кремль афинский) нечто прямо невероятное. Никакие картины, никакие фотографии [не в силах] передать этого удивительного ощущения от света, легкого легкого ветра, близости мраморов, за которыми виден залив, зигзаги холмов.

Удивительное соединение понимания высокой декоративности, граничащей с пафосом даже — с уютностью, говорю о постройке античного народа (афинян).

Между прочим, новый город, новые дома не столь оскорбительны, как можно было бы ожидать. (Нет например нового стиля Московского[179] и т. д.), а некоторые попроще в особенности и совсем недурны.

В музеях есть именно такие вещи, которые я давно хотел видеть и теперь вижу, а это большое удовольствие.

Храм Парфенон[180] нечто такое, о чем можно и не говорить — это настоящее, действительное совершенство. Ходил на почту — письма от тебя не было, пойду сегодня, пора бы уже. Здоровы-ли вы все?

Тебе я писал письмо и открытки из Константинополя, а из Афин послал позавчера телеграмму. Ну, будьте все здоровы. Обнимаю всех. А греком было недурно быть; хотя делается все жарче и пыльнее — здесь нечто вроде Севастополя. Твой В. Серов. Если ты тотчас же напишешь мне в отель сюда, то я его еще застану.

54

Hôtel Grande Bretagne Athènes Понедельник [1907 г.]

Лёлюшка!

Мы все еще в Афинах. В четверг едем на Крит. Тут собственно в городе все осмотрено. Теперь надо ехать кругом. Пока все идет хорошо. Оба мы здоровы. Живем в первоклассном отеле на всем на готовом, вроде Hôtel d'Italie в Риме (помнишь), но еще похлеще. Удобно н иа отличном месте — на площади. Сравнительно много воздуха. Но вообще жарко — все время мокрый — то и дело что моешься, как вернешься и переодеваешься — но ничего, еще пока, хотя действительно немного запоздали — сезон месяцем раньше. Зато есть некоторые выгоды — дешевле. Накупил фотографий. Работаем в музее — чудные есть архаические[181] женские фигуры с раскраской.

Акрополь одно наслаждение.

Ну а вы что? где вы? опять пишу в Финляндию. От тебя нет ничего. 3 раза был на почте — обидно. Не случилось ли чего?

Что Дервизы? Иногда вспоминаю бедную Надю[77] и сон вчера видел тяжелый — видел ее умершей. Ну надо жить покуда жив.

Оля и Саша[182] остались в Москве? Гиршман[183] передал тебе 500 рублей?

Покойной ночи. Бакст приятный спутник, но ужасный неженка и боится все время всевозможных простуд и еле ходит, боится переутомленья — кушает ничего себе. Целую всех вас. Твой В. Серов. Мама где и что? Миша Карловна? Политику совсем забросил — не знаю, что в России делается.

55

[Коринф. 1907 г.]

Лёлюшка!

Пишу из Коринфа (не послание к Коринфянам апостола Павла) вообще, подумаешь, что за слово — Коринф — а сейчас просто не то Симферополь, не то Севастополь, т. е. такая провинция — на удивление. Невероятно скучно сейчас вечером, а днем жара отчаянная, но красиво, такой залив, такой цвет изумрудной воды — фосфор. Многое уж что мы повидали хорошего и каждое место имеет несмотря на близость расстояния (несколько часов всего 2—3—4) свою особую физиономию, Афины одно, здесь другое, Микены третье, Аргос опять иначе. Были в горах, в Эпидавре (древний курорт, вроде Карлсбада). Опять совсем особое место. Храм тут был бога медицины Эскулапа, тут же и цирк, и театр для развлечения, и ванны, и гимназия для развлечения и учения и все это в таких приятных широких размерах—любопытно.

В Афинах взяли мы из такой конторы для путешествующих (очень известной в Европе, особые билеты на 10 дней — уплативши за них довольно дорого, хотя по случаю конца сезона дешевле) по 40 fr. с души, за день. За это нас везут повсюду с проводниками в экипажах, по железной дороге, пароходах, на мулах и т. д. и кормят и поят и укладывают спать в лучших гостинницах. 4 дня мы уже так сказать вроде почтовых сумок, которые без разговору перекладывают с места на место, хотя сегодня например был один некоторый разговор с гидом, который вдобавок хотел надуть (уж не знаю контору или нас самих) усадил нас в вагон I-го класса (у нас положен I-й класс по всюду) вручил билет II-го. Просидевши до места назначения в I классе заявили контролеру и начальнику станции, и хозяину отеля здесь где уже 3-го дня останавливались. Бакст написал донесение в контору в Афины. Ну, да это вздор — вообще греки жуликоватый и довольно дешевый народец. Еще 6 дней проездимся по Греции. Завтра в Дельфы (Хр[ам] Апполона Дельфийского) [184], куда греки завсегда ездили его вопрошать пред всяким начинанием, потом в Патрас, Олимпию, потом Корфу-Триест. Обнимаю всех вас и ложусь. Завтра рано вставать. Здесь уже петухи кричат, а всего $11^1/_2$.

56

Корфу [1907 г.]

Лёлюшка,

Итак Дума распущена — вчера узнали из прибывших сюда газет от 18 числа. Очень хорошо. Относительно готовившегося покушения, военного

заговора и пропаганды в войсках толком не разобрал в прежде встреченных газетах. Как и теперь не совсем ясно понял новоизбирательный закон — одно ясно, что он на руку помещикам и собственникам. Распущена Дума разумеется не из за сосьялистической фракции (якобы преступной — все 55?..) а из-за возможного осуществления закона отчуждения — вот что страшней всего — впрочем, думаю, Государственный Совет кассировал бы это постановление Думы. На этом вопросе разобьется не одна еще Дума, а тем временем постараются водворять спокойствие и урезать где что можно — но борьба с другой стороны не утихает. Итак еще несколько сотен, если не тысяч захвачено и засажено, плюс прежде сидящие — невероятное количество. Посредством Думы правительство намерено очистить Россию от крамолы — отличный способ. Со следующей Думой начнут пожалуй казнить — это еще более упростит работу. А тут ждали закона об амнистии. Опять весь российский кошмар втиснут в грудь. Тяжело. Руки опускаются как-то и впереди висит тупая мгла.

Еще дня три пробудем здесь на острове — едем на Бриндизи вместе, а там — Бакст в Париж — я домой. Надо думать забастовок не будет — ну там в Вене увидим.

В газетах усиленно отмечается повсеместное спокойствие и равнодушие по поводу роспуска Думы. Кажется все величие (так называемое) России заключается в этом равнодушии. Половину дня провожу в отеле и рисую, потом иду куда нибудь. Жара стоит изрядная. Все время моешься и переодеваешься. Бакст тут оживает только вечером и то двигается еле еле, что не мешает ему все время быть мокрым и бояться

простуды. Я решил мокнуть — ничего не поделаешь. Можно было бы собственно ехать и раньше, да мы взяли место на пароходе еще в Афинах и теперь приходится ждать. Думали, что остров любопытен — он хорош как курорт, но теперь пуст. Всетаки повсюду здесь надо быть раньше. Твои письма из Финляндии получил из Афин здесь, очень рад был что вам хорошо в Финляндии. Целую всех вас.

57

Patras Должно быть не то 3—4—5 июня [1907 г.]

Лёлюшка!

Из Патраса пишу. Турнэ наше кончено по Греции. Сегодня вечером отправляемся в Корфу. Может быть поеду еще тут на островки, но не знаю еще как это скомбинировать с пароходом Loyd (австрийским), идущим на Корфу и в Триэст, до которого у меня уже взят билет, а идет он раз в неделю. Во всяком случае еще неделю пробуду либо на островах, либо на Корфу, а оттуда direct домой в Москву — возьму деньги в школе и в Финляндию.

В общем, да и в частностях доволен поездкой. Все пункты оказались совершенно разными и интереснее, чем мне представлялось (впрочем тут может быть виною мое плохое воображение). Хотя от Олимпии (знаменитые игры) ожидал большего. Музей хорош и очень, но само местоположение так себе, какой-то стоячий воздух и оранжерейный, низкая долина, растет все и много. Теперь время нехорошее и Бедекером (сим мудрецом житейским) не рекомендуется. Тут хорошо и хотя жарко, но воздух легкий приморский, из окна

имеется следующее [*рисунок*]. Все это голубое зеленое и т. д.

Денег кажется хватает как раз — живем по первому разряду, так сказать. Временами утомительно — приходится раза 3 в день переодеваться и мыться — впрочем, — это не так плохо. Неприятно, что только все это проделаешь, как опять уж весь мокрый.

Каково живете. — Ведь вестей от тебя из Финляндии я еще до сих пор не имею. Только через неделю надеюсь получить от тебя письмо в Триэсте. Жаль, не распорядился — ты могла бы мне написать в Корфу. На меня, если все письма к тебе доходят, пожаловаться ты не можешь—не правда-ли.

Ну с, всего хорошего-с. Обнимаю и целую всех вас. Тв[ой] В. С.

58

Сестрорецк [1909 г.] Пятница, какого сентября не знаю

Лёлюшка!

Вчера был в городе. В ведомстве импер[атрицы] Марии мне сказали: что нужно тебе, как опекунше, написать заявление или прошение в Ведомство в IV (четвертую) экспедицию, чтобы тебе выслали две копии со свидетельств — тебе вышлют.

Сегодня решил окончить здесь и завтра покидаю Сестрорецк [185] ($1^1/_2$ месяца — не шутка).

В воскресенье, т. е. после завтра пожалуй съезжу на дачу — думал и сговориться с Сашей и Василием Васильевичем [186] — но отменил, погода была очень плоха. Сейчас недурно, не знаю каково будет в воскресенье.

Да, а потом в Москву, хочется в Москву на Воздвиженку на противный Арбат и т. д. и т. д.

Написал тут письмо в защиту Дягилева в газету, поместил Валичка[133] в Речи[187] — весьма великолепное и веское письмо — да-с. Да, а как у мальчиков в гимназии? ладно-ли? Ну что еще — патрет все-таки хотя и грязен, но то, что я хотел изобразить, пожалуй и изобразил — провинция, хутор чувствуется в ее лице и смехе, а впрочем не могу знать — после виднее будет. Как поживаете? Матэ в городе.

А. Бенуа вернулся, но я его еще не видал. Читаю тут Толстого и д'Анунцио — неглупый и хороший мастер — но однообразен. До свиданья. Твой В. С. Объятия.

59

Paris 20 Nov[embre 1909 г.]

Лёлюшка,

Огорчил я тебя должно быть своим письмом — ну что делать — если разберешься — увидишь, что я прав. А все-таки ты мне пиши — не правда-ли? Ну, печка у нас наконец поставлена и топится.

Да, да прохладно становится, вроде как у нас — и снежок перепадал. Купил фуфайку, и теплые башмаки и теперь хорошо.

От „Союза" [188] письмо, даже 2 получил. Но ни Орлов[189], ни Морозов[190], ни Матэ — никто не отвечает — нехорошо что-то. Ты значит без денег? Ведь без денег жить никак невозможно, это я знаю. Если тебе до получения этого письма никто не пришлет — телеграфируй, я как нибудь иначе устрою.

Из Лионского кредита имею извещение, что ты взяла 1000 руб. Взяла ли ты расписку от Е. А. Хес-

син[191] — это нужно мне — ты не пишешь об расписке.

Около недели не был у Львовых[192] — надо съездить — если он сам к нам не заглянет. Мы ему дали одну из комнат на хорах. Он может у нас останавливаться. Вероятно он получил уже ответ на запрос относительно Антошиных зубов. Работаю и смотрю достаточно.

Маттисс[193], хотя и чувствую в нем талант и благородство — но все же радости не дает — и странно, все другое зато делается чем то скучным — тут можно попризадуматься.

Раза два был у Сталей[194], а так нигде не бываю. Бывал, завтракал одно время у Ниночки[171]. Но как-то зашел у нас с Ниной разговор о лошадях и я со своим фамильярным тоном указал на одну характерную вещь во французских тяжеловозах и прибавил — „ну вот, учи вас тут“ — а она: „ну уж на счет лошадей меня ты не учи“ — а, каково? а мой престиж лошадиный? — я вызвал ее на дуэль — а именно после завтра мы должны в присутствии Ив[ана] Сем[еновича] судьи — нарисовать в час времени группу здешних лошадей — готовлюсь[195]. Твой В. С. Да, да авторитет наш пал. Обнимаю все семейство по очереди.

60

[Петербург] 2 апреля 1910 г.

Вчера умер Врубель от воспаления легких. Перенесли его в академию в церковь. Отпевают сегодня и завтра похороны. Его лицо в гробу теперь очень напоминает прежнего молодого Врубеля — нет одутловатостей и пятен. Не знаю, жалеть-ли или радоваться его смерти[196]. Был на могиле С[ергея]

С[ергеевича].[197] Нравится мне это кладбище — не озаботиться ли заблаговременно так сказать. Но места дороговаты-с — 700 — 800 руб. для одного. Ноге много легче[113], чувствую себя хорошо. Сегодня придет Саша. Обнимаю тебя и всех. Посланы-ли бутылки? лекарство на исходе.

61

Петербург воскресенье [4 апреля 1910 г.]

Лёлюшка!

Что же ты мне ничего не напишешь? Как вы все и что вы? Может быть ты думаешь, что мне не нужно ни твоих писем, ни знать ничего о вас? Напрасно-с и огорчительно-с и не заслуженно-с. Покорнейше прошу мне писать, хотя бы несколько строчек. Схоронили вчера Врубеля — похороны были хорошие не пышные, но с хорошим теплым чувством. Народу было довольно много и кто был — был искренно. Ученики Академии и других школ на руках пронесли гроб на кладбище — (очень далекое, через весь город).

Здоровье мое хорошо и ноги решили оставить меня наконец в покое. Опухоли нет совсем. Пожалуй и лекарство уже теперь не так нужно, но все таки я буду продолжать и за присылку (вчера получил) спасибо большое. Чувствую себя хорошо, хожу и работаю и в церкви стою исправно.

Орлова кажется поправляется и есть надежда (сегодня назначили сеанс) работать ее самое; а пока пишу кругом.

Вас[илий] Вас[ильевич][155] на днях едет с Лобеком[198] заграницу на 2 — 3 недели — это хорошо для него, тем более, что в Италии он еще не был.

Так пожалуйста не кобенься и пиши мне. Какие вести об Антоше?

Видел Анну Григор[ьевну][199], был по делу Марии Григорьевны[200] у Шапирова[201] — обещал содействовать...

Ну до свиданья. Обнимаю всех вас. Ваш В. Серов. Завтра буду у Стаховича[202] по поводу Гусева[203].

62

[Петербург. 1910 г.]

Лёлюшка!

Благодарю, что пишешь мне. Скучно это с Антошкой. Кланяйся ему и скажи Саше, что я поздравляю его и считаю его молодцом. Занимался он хорошо, как и надлежит мужчине — и толково. Чередование пятерок с четверками вещь самая благородная, когда все 5 — скучно, 3 — режет глаз. На счет музыки Олюшкиной тоже рад. Что и где Миша Кар[ловна]? — Да и так 365 самоубийств в месяц на Руси.

Пишу портреты на право и налево и замечаю, что чем больше их сразу приходится за день писать — тем легче — право, а то упрешься в одного — ну хоть бы в нос Гиршмана, так и застрял в тупике. Кроме того примечаю, что женское лицо, как ни странно, дается мне легче — казалось бы наоборот. Ну, до свиданья.

Да, ехать думаю в пятницу, не раньше (на страстной), а может быть и в самую субботу. Нужно писать и не зевать. Нобеля и Урусову должен кончить. Твой В. Серов. Пусть Саша надумает, что ему преподнести: часы ли, подзорную трубу...

63

СПбург [1910 г.]

Лёлюшка,

Ну что Миша? что уши? Видел Валентину Семеновну и Сашу приехали на торжество прибития доски. Все эти торжества устроил и доску тоже, граф Шереметьев [204]. Разумеется, он очень чтит Серова, но и себя не забыл. На доске написано что мол А. Н. Серов родился тогда то, умер в этом доме тогда то, а доску установили историческое музыкальное общество имени графа Шереметьева, при чем у Шереметьева буквы величиной с Серова — премило. Днем была панихида, ну это недурно, в храме Воскресенья (на месте где был убит Александр II). Народу в церкви было много, хор тоже шереметьевский пел хорошо. Вечером был вечер, посвященный памяти Серова. Читалась статья Баскина и играли и пели куски опер, причем оркестром дирижировал сам граф (за деньги все можно). Ну и дирижер, просто пожарный брандмайор — и охота Хессину подготовлять оркестр для графского дирижерства —... Народу было много, но я никогда еще такой публики не видал, все должно быть были жены думских сторожей (это было в городской думе), ни одного знакомого лица. Были мы с Сашей. Вот и все торжество. Дал я Саше денег и на другой день он уехал к себе. Завтра начинаю Орлову, видел ее сегодня — ничего весела, довольна и то хорошо. Выставка „Мир искусства“ так себе. Матэ здравствует. У Дягилева работы в самом разгаре. Видел Философова [205], он очень мил и приветлив, был сегодня у меня. Напиши что у вас? До свиданья. Обнимаю. Твой В. С.

64

Рим 20 м[ая 1910 г.]

Лёлюшка,

А хорошая вещь телеграф — честное слово. Вчера днем получил от тебя письмо от 30 апр[еля] пересланное Ефимовым из Парижа, где ты пишешь, что от Орлова денег все еще нет. А вечером имел уже от тебя телеграфный ответ, что деньги есть — превосходно. Письма мои ты теперь уже тоже вероятно имеешь, где все об Антоше и Олюшке сказано.

Живу здесь в Риме барином можно сказать.

Зовешь меня скорее домой — так ведь и без того буду скоро — в первых числах июня должен я быть в Петербурге.

Вчера меня катали вечером по Риму — недурен ночью Колизей[206]. Сегодня еду в один дворец, где имеется и скот — быки.

Разумеется картина моя продолжает быть секретом[207]. Пиши в Париж.

А приятно утром купить хорошую свежую душистую розу и с ней ехать на извозчике в Ватикан[208] что ли или Farnesin'y[209]. Целую вас всех твой В. С.

65

Париж. Понедельник. [1910 г.]

Приехал вчера — да действительно можно сказать удобно этак то ездить — что говорить. Париж тот же самый — точно из него и не уезжал — и люди все те же.

Иван Семенович[171], Меерсон[210], Бакст, Дягилев, Нижинский[211] (из Венеции), Рубинштейн[212] (из Африки, убила льва)...

В среду еду в Биарриц[213]. Надо всего закупить, а завтра праздник всех святых — видишь французы для удобства всех святых сгребли в один день, чтобы уж за один раз с ними развязаться.

Да вот, задал свое литературное письмо а почерк у меня выходит странный.

Пойду завтра по салонам[214] (осенний открыт) и в Лувр[215]. Буду ждать в Биаррице от вас письма.

Ниночка[171] оказывается тоже еще там под Биарицем (в 4-х верстах) заеду к ней сейчас же по приезде. У Львовых стало полегче. Маша отошла, а то было совсем слегла. Аделаида С[еменовна] тоже ничего.

Ну вот пока и все. Обнимаю всех. Твой В. С. Иван Сем[енович] просит тебе кланяться. Пусть Н. В. Досекин напишет мне в Париж толком, что делать с его сундуком.

Бакст развелся. (Честное слово). Сам государь подписал.

Видел свою нарисов[анную] Рубинштейн — не так хорошо как думал, но ничего, т. е. хороша голова.

66

Paris 10 Ju[in 1910 г.]

Лёлюшка!

Что же это до сих пор нет от тебя извешения, что ты в Финляндии. Последнее твое письмо от 14 мая (получил его на днях) из Москвы.

Пора бы мне уже иметь письмо из Финляндии. Ни от кого не имею писем.

Орлова ничего не отвечает, а между тем от нее зависит мой отъезд. Писал из Рима ему и ей и теперь отсюда еще. Г-жа Каменская, впрочем написала — не могу ли я отложить портрет до осени. Да, да, ты не знаешь — „Союз“ ведь уже не существует [216] — я почему то рад. История вкратце такова: Бенуа написал еще весной статью, ругал союз, назвал Пастернака [217], Архипова [218], Виноградова [219], Васнецова [220], Клодта [221], Переплетчикова [222] и т. д. — баластом. Эти союзники обиделись (это еще при мне) и собирались послать ему Бенуе выговор. Признаться, я думал, что они не будут такими болванами, и этого не сделают, а они подписали такую коллективную бумагу и послали. Разумеется Бенуа моментально вышел из союза, а петербургские союзники (очень остроумно) взяли да и исключили всех подписавшихся из Союза. Кого больше, неизвестно, но кажется большинство за Петербургом и москвичи оказались в дураках, да еще в каких! — а не генеральствуй...

Во всяком случае союз распался и вероятно будет что-нибудь другое, а публике-то он пришелся как раз по вкусу,

Иванов [223] (Досекин [224]) подписали тоже—дураки.

Был здесь на русском балете [225] — хорошо и очень, хотя есть и уступки публике — не знаю, насколько необходимые. Бакст молодец—отличные постановки. Французы художники его поздравляют. Понемножку работаю. Хорошо здесь в Chapelle [226]. Живем втроем — Ив[ан] С[еменович], Ниночка и я, у всех есть свое помещение. Сад, птички поют — очень хорошо.

Ну, до свиданья — целую тебя и сыновей, и Наташку [227] (Шулюн) — твой В. С. Как доехали, что и как у вас?

67

Biarritz [1910 г.]

Ну-с вот-с мы и в Биаррице. Сегодня изволил прибыть (сегодня четверг).

Да, океан здесь ничего себе — такие волны что мое почтенье...

Вилла стоит у самого моря, в бурю может захлеснуть. Отвели мне отличную комнату на море — гудит — я люблю. Здесь сейчас (и слава богу) — только молодые. Она — ничего — писать можно. Но нужно выискать еще.

А тепло здесь и влажно — хорошо — как никак юг. Уже ездил (на автомобиле) по дороге к Пиренеям—нравятся мне эти горы—вообше местность приятная. В городе пустовато. Большинство разъехалось но живут еще, да и жить можно. Орлова кажется здесь, я как будто ее встретил—завтра пойду к ней.

... А вот комарики (мустики) слегка летают. Оказывается надо спать под пологом кисейным—вот это не люблю, а иначе вся физиономия будет в волдырях—кусаются ядовитее, чем их братья — наши комары—на этом пока и прощайте. В. С. Ванну возьму—рядом с комнатой—вообще как в Hôtel'е дорогом.

68

[Биарриц] понедельник [1910 г.]

Утро, день живописца Серова в Биаррице.

Встает часов в $7^1/_2$—8, ванна берется, открывается дверь на балкон в море. Звонок служанке немке — подается кофе, пишутся письма и прогулка по пляжу, часов в 10 до завтрака в 1 ч. — занимается священным искусством. После обеда, т. е. завтрака —опять священное искусство, но слегка

и до 3-х—3$^1/_2$ чай, затем подается автомобиль. Возвращение часов в 6—7. В 8 обед. В 9 в Казино на музыку и игру в лошадки. Сам Хессин [228] играет и, кажется, порядочно. Я только 100 fr.— это можно. (Да, да, да, Лёлюшка, о ужас, я играю в рулетку. Решил 100 fr. проиграть и вот не могу. Выиграл 40 fr). В 11 игра прекращается и домой— чай и спать. Что скажете? Ведь не плохо.

Вот погода наконец стала кажется хорошая, а то эти 4 дня все время буря—и какая—с громом, молнией, дождем, ветром, чорт знает что было прошлой ночью, не мог спать.

Сегодня хорошо. Океан зеленый и веселый. Работаю пока легко сравнительно, не знаю что будет дальше. Чувствую себя отлично. Кофе (и ты не пьешь ли) пью 1$^1/_2$ чашки только утром. Курю весьма умеренно и без сигар. В четверг еду в Мадрид, т[ак] к[ак] Цетлины едут в Париж на 4 дня— вот и хорошо. Уж раз был в Испании, в пограничном Сен-Себастьяне на автомобиле. Орловой нет, оказывается, должна скоро быть. Твое письмо, спасибо, получил и пересланное Цетлин. Обнимаю всех. Твой В. С. Поздравляю Олю с первым заработком и всех вас с билетами Кусевицкого [229]. Есть ли вести от Вал[ентины] Сем[еновны]. Был в Париже в почтовой конторе. Все в порядке относительно денег Cornu [230], но я ей шлю телеграмму.

69

Grand Hôtel de la Paxi Madrid [1910 г.]

Лёля

Сегодня еще пробуду тут, а завтра еду назад в Биарриц. Ездил в Толедо, чем весьма доволен.

Хорош здесь музей ну, разумеется Веласкез... об этом и говорить не стоит — он совсем не так черен, как кажется на фотографиях — все написано на легком масле, не особенно задумавшись.

Хороши здесь и другие: Тициян[231] всегда он верен себе и прекрасен, именно прекрасен. Мантенья[232], Дюрер[233], Рафаэль. Знаменитейший Гойя[234] оказался много жиже и слабей. Был в театре, видел короля напротив в ложе ганц просто. Да да как же видел и бой быков вчера — неохота есть мясо. Мне кажется Толстой должен стоять за них, как убедительное внушение к переходу в вегетарианетво.

Настоящая бойня — крови фонтаны. Интересно, но не знаю пошел ли бы я опять. Ну, до свиданья.

Еще нужно загородный знаменитейший дворец Эскориял[235] видеть. Про Филиппа II-го слышала? Ну так вот должна знать и Эскориял.

Как все вы поживаете?

А здесь вроде Москвы, кто в короткой шубе, кто в летнем костюме не разберешь, да и правда, то тепло, то холодно — у моря лучше. Твой В. С. Сам Мадрид не важен.

70

Биарриц. Двадцать не знаю какого ноября [1910 г.]

Лёлюшка!

Да и погода же здесь — все время ветер, хмуро, волны, как у нас в Финляндии плохая погода в августе (скажем). Наскучило — в особенности шум ветра. Ясных дней было за все время может быть 4—5. Но все же тепло, а главное светло, с 8 до 5.

У нас то в Рассее много темнее. А мне придется все же торопиться возвращением. Надо писать Орлову. Ее здесь нет. Незадолго до моего приезда они уехали на побывку в Париж, а потом оказывается уехали совсем в Петербург.

От Толстого[236] имею письмо, надо торопиться с отправкой в Рим.

Конечно Орлову можно будет отправить и попозже, но все же надо ее сделать. План мой таков— окончить здесь, быть может через неделю ехать в Париж, потом к Антоше и в Питер (это и скорее чем в Москву между прочим) дописать Орлову и домой. Ну, да там еще видно будет. Спасибо за присылку газет, хотя и „Русск[ие] Вед[омости]" и „Речь" здесь получается.

Рад я что Лев Толстой закончил свою жизнь именно так и надеюсь, что и похоронят его на том холме, кот[орый] был ему дорог по детству. Рад я, что и духовенства не будет, т[ак] к[ак] оно его от церкви отлучило — прекрасно.

А мне жаль все-таки Софью Андр[еевну], так она и не застала живым, т. е. в памяти. Ну, досвиданья. Твой В. С. Живу здесь как в Сестрорецке. Только почище. На счет денег распоряжусь, что бы тебе принесли из Конторы Цетлин в Москве, думаю я они у тебя на исходе.

71

Biarritz [1910 г.]

Да, кажется я больше не выдержу близости океана—он меня сломил и душу издергал — надо бежать. Портрет тоже (вечная история) не слушается, а от него зависит отъезд Цетлинов и мой— беда.

Хотя они собственно бездельники, но у нее дочь (от первого мужа) 3-х летняя и она по ней тоскует — дочь в Париже — но все в зависимости от того как выйдет у меня нос или глаз и т. д., а я все (как всегда) ищу и меняю. Слава богу хоть эти два дня море спокойно и нет ветра.

Думаю я, не застраховаться-ли, благо здесь бывает агент одной Берлинской компании. Если возможно будет здесь же дать себя осмотреть врачам, (что мне как резанному не особенно желательно) — то и ладно.

Ведь это надо будет сделать — не думаю, чтобы я прожил больше 10 — 15 лет.

Здесь еще Нарышкина, рисую рисунок с нее (одну голову). Орлова оказывается еще в Париже. Ты мне все говоришь, что я счастливый и тем и другим, и третьим — верь мне — не чувствую я его и не ощущаю. Странно у меня ото всего болит душа. Легко я стал расстраиваться.

Ну, до свиданья. Обнимаю всех вас. Твой В. Серов. Пиши Париж.

72

Биарриц среда [1910 г.]

Лёлюшка,

Опять ужаснейшая буря — море кипит, на душе у меня скверно.

Кончаю портрет, что мне всегда мучительно.

Писать не стоит. Но верь мне — тебя я не забываю. На днях значит едем в Париж. Как получишь это, напиши в Париж, т[ак] к[ак] из Парижа еду в Питер. Обнимаю всех. Спасибо за газеты.

Счастлив, что вы все здоровы. Деньги — 1000 руб. тебе вероятно прислали.

73

Биарриц понедельник [1910 г.]

Лёлюшка,

Ну кажется справился я наконец с портретом. Сам успокоился более или менее и завтра еду в Париж. Нарышкину не буду рисовать — довольно, в другой раз.

Но сегодня, что за море, удивление, красота, но довольно и с ним. Твой В. С.

74

Paris 8 Dec[embre] 1910 (н. ст.)

Лёлюшка милая,

Вчера вернулся из Биаррица. Портрет ничего себе — не слишком хорош, но и не плох все-таки.

Завтра еду наконец к Антоше. Он поди совсем обносился и оборвался. Что то его нога и хождение?

Через неделю еду в Петербург — Орлова уже там, необходимо ее писать теперь же, а то и перед ней неловко, да и посылать нужно. Еще Каменская там же.

А к Рождеству домой — не тужите. Поручения постараюсь исполнить. Пиши к В. В. Матэ. У Львовых нехорошо и Маша и Жакот [237] — тяжело. Вернувшись от Антоши, поеду к ним. Ефимовы здравствуют. Обнимаю.

75

Villa de la Santé Berck[238] 9 D[ecembre]. 1910.

Лёлюшка!

Ну что же дела идут хорошо. Только что был Менар[239]. Он очень доволен и показав мне Антошину ногу сказал, что к моему приезду (к концу февраля) он будет совершенно здоров, т. е. нога. Действительно нога совершенно сухая. Боли при надавливании спереди нет совсем. Сзади есть еще небольшая опухоль с кот[орой] Менар не знает как быть в том смысле — делать ли прокол или не стоит на столько она невелика. Но возможно, что он опять проколет как уже делал все это там же 2 раза. Таким образом операции как видишь не предвидится — и то хорошо.

Температуру меряют — нормальная, при мне сейчас ставили после обеда — 36,6.

Самочувствие отличное даже слишком — он так вертится — продрал все локти и коленки, порвал (в комнате) башмаки.

Вообще им довольны. Лопочет и рубит по французски как капусту. Его спросишь по русски — отвечает по французски — а ты еще просишь что бы он тебе писал по русски — он не может, он и письма плохо разбирает. М-ль довольна его занятиями — да и правда вообще он молодец — не кисляй и не скучает.

Немножко он похудел хотя ест хорошо. Менар говорит, что это от моря.

Комната у него хорошая, уход за ним тоже. Женщина, кот[орая] его моет утром и вечером, солидная и хорошая. Можешь вообще успокоиться. Все что нужно я ему купил — и белья и платья — все. Ну до свиданья. Завтра в Париж. Придется тебе писать ему по французски-с.

76

Paris 14 D[ecembre] среда 1910 г.

Лёлюшка,

Получила-ли ты мое извещение из Берка о том, что Антоша поправился совсем. На всякий случай пишу еще и еще (а вдруг письмо из Берка пропало) нога зажила и он ходит как все люди на двух одинаковых ногах — вот радость. Купил ему башмаки 2 пары (на радостях), костюм, расплатился (около 1000 fr) дал на чай и уехал. В субботу еду в Петербург. Хорошо здесь в Париже после Биаррица. У Львовых печально — мальчик плох, но хуже всего то, что это перейдет в хроническое (у него постоянно припадки) состояние, котор[ое] приведет его к идиотизму, он уже и теперь не говорит бедный — уж лучше бы умер, а между тем они именно и живут, организмы крепкие. Ждем сюда Машу, ее развлечь или отвлечь немного. Да, это тяжело. Обнимаю. Твой В. С.

77

СПБ 29 января [1911 г.]

Милая Лёлюшка

Устала бедная! Негодный Мишка [240] — ну, хорошо, что так обошлось. А все таки ты мне пиши почаще, хотя бы по 2 строчки.

Работаю я тут порядочно охотно и без тяжести. Кажется оканчиваю Орлову. Она пока терпеливо сидит, хотя и обманщица — сидит все же каждый день. Портрет мне нравится. Кроме того все эти дни бегал по музеям для занавеса к Шехеразаде [241] и вчера показал эскиз комитету, т. е. Дягилеву,

Бенуа, Баксту, Валичке, Аргутинскому [242] и т. д. Никто не ожидал увидеть то, что сделал. Вещь не эффектная и совсем не то, что писал в Москве — но довольно сильно и благородно — и в ряду других ярких декораций и занавесей она будет действовать приятно — скорее похожа на фреску персидскую. Не знаю, кто и как ее будет писать. Думаю не написать-ли мне ее с Ефимовым в Париже. Ну, да это видно будет, а пока нужно покончить с Орловой.

Каменскую еще не пишу, собираюсь зайти. Сегодня годовщина смерти Сергея Сергеевича, через ½ часа еду туда, т. е. на кладбище.

У Анюты еще не был. Вообще кроме Дягилевцев ни у кого не был. Чувствую себя хорошо. Ну до свиданья пока. 10 февр[аля] обязательно буду в Москве. Целую тебя. Не утомляйся пожалуйста. Всем нашим поклон.

Миша встал наконец? Наташеньку целую. Был я здесь у Валентины Семеновны. Она очень мило устроилась у дочери Мальчевской, учительницы за городом. А все-таки слабенькая она. Поехала в театр — Китеж [243] — устала — да старость не радость, да еще после удара. Ну, до свиданья. Пиши. Твой В. С.

78

СПБ 1 февр[аля] [1911 г.]

Лёлюшка милая,

Спасибо за письмо и за 22-х летнее доброе сожительство — Олюшку поздравляю. Ты посылаешь меня по хозяйству в Финляндию, а знаешь ли каковы здесь между прочим морозы? — каждый

день по 20 градусов (а у вас как?) — ведь я сморожусь — и ты сама будешь жалеть.

10 февр[аля] буду на суде [244] в Москве обязательно. Муромцева [245] дадут-ли еще неизвестно. Выставка кажется состоится в Москве. Мне говорят — Бенуа и гр. Толстой [236] что я сделал Орлову шедевром, так называемым — серьезно. Пора кончать портрет, хотя Орлова теперь сидит даже охотно. Толстого мнение, что это лучшая моя работа и шутя просил в Музей; хочет он Рубинштейн между прочим. От Цетлин получил письмо, она собирается в Москву и просит меня ехать с ней в Рим вместе, ибо она одна ехать боится — ей богу... Пожалуйста перешли вырезку Рус[ское] Слово—ст[атья] Философова, что он там написал. Твой В. С.

79

Париж 9 J[uin] [1911 г].

Милая Лёлюшка,

Спасибо за милое письмо.

Сегодня вы едете значит в Финляндию, куда и направляю сие письмо. Что это там за оспа?! Почему это с тебя требовали за паспорт? и почему русских денег у тебя не оказалось на границе: помню я тебе дал несколько золотых русских монет и до границы истратить их ты не могла — странно. Ну, хорошо, что хорошо доехала.

Конечно, пусть Надя [246] поживет у нас — может быть это будет ей на пользу. Вероятно Валент[ина] Сем[еновна] ждала, что ты первая пригласишь, предложишь Наде пожить у нас — может быть поэтому у нее было недовольное лицо. Как ты уехала, так я каждый день и целый день с 8 до

8 вечера пишем с Ефимовыми (Ниночка тоже помогает) занавес [247]. Еще дня два и он будет окончен, т. е. должен быть окончен. Пожалуй и правда окончим. Только сегодня немножко успокоился на этот счет — все казалось, что еще столько работы — выходит кажется не плохо, вот скоро увидишь в театре ее или его (занавес). Из мастерской отправляюсь обедать и потом домой спать, как видишь веду правильный образ жизни: вина не пью, курить курю, под автомобиль не попадаю пока. Да, Рубинштейн я отдал Толстому в музей за 4.000 руб. Целую тебя и малышей. Что же не пишешь про экзамены Миши и Юры?

80

Hôtel du Quai Voltaire 18 Juin 911 Paris

Наконец только что получил твое письмо из Финляндии.

Так я тебя огорчил своим первым письмом, какие глупости. Прости мне нечего было писать — ты только что уехала — вот и все.

Не нужно историй — тут их и так довольно. Бедняга Бенуа совсем истерическая женщина — не люблю. Очень тяжело видеть сцены, которые пугают и отдаляют. Он совершенно не выносит Бакста. В чем тут дело — не знаю, уж не зависть ли его славе (заслуженной) в Париже.

Бог даст распутается это быть может сегодня. О спектаклях и занавесе писал. Вчера был последний — публики полон театр, великолепные сборы и успех. Сегодня все разъезжаются.

Дягилев и труппа сегодня в Лондон. Стравинский [248] в Россию (познакомился с женой — славная

российская такая, тихая), Бенуа с Анной Карловной [249] (она бедная тоже и очень страдает от нервных припадков Шуры [250]) едут в Лугано [251] завтра. Мне здесь тоже как будто делать нечего. Писать Рубинштейн? — не знаю где и как? и нужно-ли?

Кажется она тоже едет в Лондон и примет участие в балете. Я решил во всяком случае ехать в Лондон и с Нувелем ехать домой морем.

Жду фотографий со своих вещей в Риме и тогда, вероятно 21—22 поеду в Лондон. А ты, будь добра, напиши по получении сего письма телеграмму — London, poste restante. Надеюсь, что все мои письма в Финляндию ты получила. Все ли у вас хорошо? Ты не пишешь про Надю и Валент[ину] Семеновну, где они — в Москве? не в Финляндии? Был у меня тут этот американец, помнишь журналист и написал всю мою биографию.

Вчера на спектакле были дядя Боря (Дервиз [252]) и Маша и Соломон [192]. Надо съездить к ним, — у них коклюш и у Адриана тоже. Удовольствие. Ну, на счет мальчиков слава Богу, что хоть так. Поздравь от меня хорошенько Мишу — все же старался парень [253]. Обнимаю всех. Тв[ой] В. С.

ИЛЬЕ СЕМЕНОВИЧУ ОСТРОУХОВУ

81

Петербург 8 Сентября [1885 г.]

Илья — послушай,

хочу потолковать с тобой, и совершенно серьезно потолковать. Я все еще как то не верю в возможность этой замысловатой поездки нашей в Крым. Да и не мудрено сомневаться — ведь ты

столько раз например собирался прошлой зимой приехать в Питер да так же и не приехал. Когда же я тебе в Абрамцеве стал выражать свои сомнения: что у тебя семь пятниц и т. д., ты изволил рассердиться.

Ну хорошо-с я со своей стороны скажу вот что: 1) Если ты действительно добудешь сей семейный билет, 2) Если ты продашь мою копию [254] к этому времени, дабы у меня были деньги на это двух или треднедельное житье — то я бросаю на время Академию и с удовольствием еду с тобой и буду не на шутку благодарен.

Видишь ли у меня есть много причин ехать туда т. е. не в Крым собственно, а в Одессу. К тому времени сестры [255] будут там, а видеть их ты не поверишь как мне хочется. Еще увижу там своего приятеля Врубеля, кот[орого] мне нужно видеть.

Между прочим он мне советует похерить Академию, переселиться в Одессу, там у них будто бы хороший кружок художников: Кузнецов, Костанди [256] и т. д. и т. д. и будто бы хотят там устроить нечто в роде академии Джидэри [257] в Риме (вероятно знаешь) — ну да это дело второстепенное, там на месте видно будет, а вот вопрос как добраться туда.

А по сему прошу тебя очень написать мне как ты все это думаешь устроить.

На счет срока когда мне всего удобнее поехать, пока не знаю, как нибудь напишу тебе.

Напиши мне поскорей. Ты меня совершенно сбил с панталыку с своим Крымом.

Всего хорошего, ты извини меня что не успел проститься с тобой тогда. Деньги которые мне тогда были нужны нашел в другом месте.

А знаешь, Илья, не дурно было бы по дороге заехать к Виктору Михайловичу [258]. Как ты об этом

понимаешь? Кланяйся от меня хорошенько Елизавете Григорьевне и вообще всей компании.

Мой адрес: Петерб[ург] Василь[евский] Ост[ров] Средний проспект, д. № 22 кв. 5.

Прощай В. Серов

(Веласкец [259] у моей тетки не у Саввы Ивановича).

82

Петербург. 15 Сентября. [1885 г.]

Дражайший Илья Семенович!

Сделай милость не мучай меня — напиши мне ответ. Мне необходимо знать — едем ли мы или нет. Если нельзя, так так и пиши что нельзя, по крайней мере успокоюсь и буду как следует устраиваться на зиму; теперь же я совершенно не знаю думать ли мне или не думать об этой поездке, а такое неопределенное настроение весьма неприятно. Потом, видишь ли, через неделю как раз 25 числа (в Академии) начинается третной месяц (вероятно имеешь о нем понятие — это тот самый месяц, в котором есть возможность получить медаль) и я опять таки не буду знать начинать или нет, если ты мне не напишешь, конечно. А посему прошу тебя еще раз — напиши мне.

А об этой самой поездке частенько подумываю и жаль если она не удастся — хорошо бы время провели, да и поработать можно было хорошенько.

Ну уж что будет — то будет, а пока прощай.

Твой В. Серов.

В. О. Средний пр. д. № 22 кв. № 5

Поцелуй от меня ручку Елиз[авете] Григ[орьевне]. Поклон Абрамцевцам.

83

Петербург. 20 Сентября [1885 г.]

Илья Семенович!

Спешу тебе ответить.

Знаешь, меня немножко смущает твоя нерешительность, ведь, до 23 или 24 числа недалеко, а ты еще не знаешь едешь ли ты или нет.

Я с своей стороны опять повторяю — я еду и вот на каких условиях: мне необходимо заехать в Одессу, как это сделать, в начале или в конце нашего путешествия не знаю, там увидим после, но неделю или несколько более я должен пробыть в Одессе, остальное время я весь к твоим услугам. Одно меня смущает — этих 50 рублей мне будет мало на дорогу, тем более, что придется приплачивать за билеты, и как тут быть — не знаю, занимать у тебя не приходится, ты тоже что то заявляешь о своих денежных обстоятельствах... ну да это пожалуй можно будет как нибудь устроить, мне нужно не более 30 рублей и тогда я совершенно свободно могу прокатиться.

Поеду я с удовольствием и ради этого жертвую и хорошим местом в Академии и возможностью получить медаль.

Так вот, если согласен так дай мне телеграмму и тогда я тебя попрошу еще вот что — мне нужен отсюда до Москвы билет, придется тебе обратиться к Арцыбушеву[260] или к Савве Ивановичу. Вот видишь ли как я тебя опутал, но что же делать, иначе мне двинуться невозможно.

Твой В. Серов.

Но прошу тебя, решай скорее.

И так, если я получу от тебя известие что ты согласен и при этом билет то я не рассуждая моментально укладываю свои пожитки и еду в Москву с первым поездом.

Кланяйся Е[лизавете] Г[ригорьевне] и всем. Васильевский остров Средний проспект д. 22 кв. 5 В. С.

84

Петербург. 23 Сентября [1885 г.]

Илья Семенович.

Знаешь, я все боюсь, что ты раздумаешь, а если бы ты знал как мне хочется ехать! Академия... я ее что-то крепко не взлюбил. Т. е. с таким бы наслаждением бросил бы ее, если не на всегда, так, хоть, на время. Если я тебя стеснил на счет билета (попросить Савву Ивановича или Арцыбушева), то ты эту затею с моей стороны можешь оставить.

Одним словом — вот-что: Если я до четверга билета не получу — то отправляюсь на свой счет в Москву.

Следовательно можешь меня ждать. В. Серов.

85

Серов при благор[одном] свидетеле Н. А. Бруни[261] дал честное слово во-первых, что он кончит плафон 27 (двадцать седьмого) апреля 1887 года; во-вторых, в том, что до 1 Мая (первого Мая) оного-же года он в нашей компании,

если она состоится, уедет заграницу в путешествие.

Почетный гражданин Илья Остроухов

Н. Бруни

В. Серов

Ленивка. Мастерская.
1887 г. Марта 31.

86

Абрамцево 15 Августа [1887 г.]

Любезный друг Илья Семенович

Относительно Мишеля [262].

Дело в том, что я узнал от Наташи [263], которая приехала сюда вчера, что Варвара Ильинишна [264] на той неделе объявится в Введенском [265]. Как я уже тебе говорил о нашем разговоре с Мишелем, необходимо кому нибудь вмешаться в его дела по этому предмету, на что он дал свое согласие, и, мне кажется, лучше всего вырвать его из Введенского, где он находится в таком настроении, при котором приезд Варвары Ильинишны [может] повести или завести их обоих бог знает куда. Я помню он мне сам объявил, что если Варва[ра] Ил[ьинишна] приедет, то он не останется в Введенском. Куда же ехать? Я ему предложил ехать со мной в Крым (тогда я еще надеялся это устроить), но это он не пожелал.

Остановились на том, что всего лучше ему поехать к тебе, о чем я тебе, кажется, говорил как то в Москве. Ты об этом как думаешь? Мне кажется это единственный исход. Ехать [ему] сюда

в Абрамцево ему будет неловко. Вы-же вместе живали нераз. Напиши ему. Я ему тоже сейчас пишу с напоминаньем тогдашнего нашего разговора. Если бы я не был связан Верушкиным портретом и ближайшим отъездом в Ярославль я с удовольствием бы воспользовался твоим приглашеньем погостить у тебя в Астафьеве [266].

В данное время из нас троих, заграничных путешественников, ты, кажется, бодрей всех, затем следую я, а потом уж Мишель, ну тот совсем уж плох. По крайней мере, то что мне рассказала Наташа — удивительно: после завтрака он, Мишель, спит в поддевке на диване, после обеда опять отправляется в диванную (представь при этом Варвару Ильинишну сидящую рядом?!.). Я бы, пожалуй, поехал к нему но далеко и притом я должен писать Верушку чтобы что-нибудь вышло. Ты-то много работаешь?

Да, между прочим, прочел я брошюру Кристи [267] об картине Поленова.

Очень толковый разбор; совершенно с ним согласен, кроме, конечно, православия, которым несколько отзывает. Васил[ий] Дм[итриевич] [268] прочел всего несколько страниц, но затем объявил, что скучно написано и дальше читать не стал — странно. В. Серов.

87

Ярославль — 16 Ноября [1887 г.]

Благодарю, радуюсь, что ты мне написал, Илья Семенович. Давно собирался тебе как нибудь написать в мастерскую, все откладывал и вот, уже после твоего письма — тебе теперь пишу.

Сегодня утром только вернулся из Абрамцева, где был с утра субботы. Опять принялся теперь за старое житье, т. е. даю урок, пишу портрет все avec madame (она, между прочим, смутилась, когда я ей передал поклон от тебя). С завтрашнего вечера примусь опять за библию. Признаться относительно сего издания и его смысла — до сих пор не могу хорошенько разобраться. Чего собственно хочет Анатолий Ив[анович], что нибудь новое, художественное? Или, для детей специальное? — тогда уже не новое, а рутинное — иначе невозможно.

Ну что я буду делать со змеем, скажи пожалуйста? Будь другом, спроси Анат[олия] Ив[ановича] пусть мне он напишет или скажет тебе: что он, змей, из себя должен изображать, чтобы, так сказать, и волки были сыты и овцы целы, т. е. чтобы для детей было удобопонятно — и художественно чтобы тоже было (вот тут и того, уж не изобразить ли его этак...) [*Прилагается рисунок*]

Да, пусть Анат[олий] Ив[анович] объявит свое мнение относительно двух эскизов, кальки с кот[орых] принесет мама [она была в Абрамцеве]. Один из них оказывается теперь лишним „Трудящийся Адам“ (он немного напоминает Васнецовский Каменный век [269]); мальчишки, маленький Коля, что-ли, (кот[орого] можно, между прочим, убрать), кормящая Ева и т. д. и т. д.

Знаешь, какая мне пришла в голову мысль. Отчего бы в сем деле в смысле иллюстрированья Библии, не пригласить (если дело идет в серьез) в сотрудники Врубеля? Насколько я его знаю и знаю его способности, больше чем кого другого, — мне кажется, он мог бы сделать прекраснейшие рисунки, и, думаю, участвовать в этом не отказался бы (вперед, конечно, ничего сказать не

могу, но мне так кажется). Как ты об этом полагаешь? Напиши мне. А Мишель всетаки негодяй так ему прямо и скажи, не хочет писать — и шабашь. — Радуюсь за его этюд и опечален плохим рисунком и №.

Николаю С[ергеевичу][270] сердечный поклон, пусть он плюнет на школу. А ты корпи, терпи, атаманствовать будешь. Вот мнения профессора в отставке.

Жму всем руки. В. Серов.

88

СПБург. 1-го Декабря [1888 г.]

Любезный друг Илья Семенович,

Приближается интересное время. Мутит меня этот конкурс[271]. Интересный будет, надо полагать.

Решаюсь тебе напомнить о твоем обещании мне отписать рецензию, подробную, о выставленных на конкурс произведениях. Тебе это ничего не стоит, право-же, а меня обяжешь (не этюдом, конечно). Много, ох много, будет этих самых произведений и много хороших — вот мое горе. Экая обида, не видеть мне их своими собственными глазами. Они, конкурсные картины, кажется, будут выставлены для публики с 5 по 11 Декабря; поедут Москвичи. Что больше думаю, то больше подмывает, взглянуть, хоть одним глазком. Что за малодушие! Нет, не малодушие, посмотреть хочется. Лучше думать не стану — черт с ними, да я об них, собственно, и думаю редко, а вот как стал писать тебе да Мише так и разобрало.

Готова ли рама к моему Д бинь-Руссо?[272] вот вопрос. Впрочем Грабье[273], кажется, человек

надежный. Деньги Мишелю выслал. А вот вопрос, как бы его продать, т. е. вернее, как его оценить? Я писал Мише нельзя ли Вам, тебе, Мише, Николаю Серг[еевичу], Савве Иван[овичу], как нибудь оценить сей ландшафт. Дело в том, что я сам совершенно не могу, т. е. я могу составить среднее, пожалуй. Ты, например, ценишь его в 400—500—600 (?), кажется. Савва Ив[анович] в 100, я в 200. Одним словом — ничего не понимаю. Прошу вас, в самом деле, оцените и пусть цена будет у Николая Сергеевича. Немножко смешно об этом теперь писать—ну, да все равно, на всякий случай, как говорится.

Что твои пейзажи? и сам ты каково поживаешь в своей мастерской, на этот раз неприкосновенно твоей?

Всякий в этот сезон обзавелся своей собственной, это очень мило. А у меня, знаешь очень недурная комната, работать в ней свободно можно, просторная и свет хороший,—северный, да тьма теперь такая висит над Петербургом, каких нибудь 3 часа светло. Пишу портрет [274], как будто идет на лад пока, что дальше не знаю, пока все еще без натуры, на натуральный лад фантазирую. С Юдифью приостановлено, отложена до Января, я немножко рад этому. В театре, хотя и трудно, все кое чего можно добиться, слушают. Ищу в Публичной библиотеке ассирийского материала [275] нашел довольно много. Надо будет скоро отправиться к декоратору Левотту [276] толковать с ним, вообрази на французском диалекте, однакож мы понимаем друг друга—только в его декорации плохо понимаю, что то балетное; у него 3-й акт шатер Олоферна [277]. Трудно с ним, авось, что нибудь удастся (следовало бы очень многое) похерить совсем, или заменить чем нибудь более настоящим.

Раза 3 был в опере. Все же лучше, чем в Москве, как то не так глупо. Одно плохо, помешаны здесь на богатых постановках с блеском, треском.

Был у Репина—видел его Николая [278]—не особенно нравится—Запорожцев [279]—тоже не особенно—да вообще все не особенно (я почему то многого ожидал от его Жуана и Донны Анны [280])—но сам он мне очень понравился.

У Чистякова, представь, до сих пор не был, стыд на мою голову. Ну что же еще. Да, вообрази: Репин говорит не мне, конечно, что в данное время, в России, или в целом свете уж не знаю, имеются только два таланта—я (конечно) и Маня Шпак [281]. Как же может Репин мне не понравиться после этого. С Маней Шпак еще не познакомился, но это необходимо—как же всего два таланта.

Твой В. Серов.

89

СПБург 9 декабря [1888 г.]

Благодарю, тысячу раз благодарю, тебя Илья Семенович, Мишеля, Николая С[ергеевича] (передай ему это, пожалуйста) за ваши хлопоты с моими вещами. Тебе же за письма особая благодарность—ты требуешь лошадью—изволь. Не знаю только подойдет ли. Ты мне не пишешь: в каком месте сие происходит, в каком повороте, при каком освещении и какие, приблизительно, цвета, т. е. какой масти лошадь, например. Надеюсь не белая—таковую, спускающуюся с горы, ты знаешь. Нари-

совал тебе в профиль, как показано у тебя на схематическом чертеже. Не могу никак сообразить в какой пейзаж, мне известный, понадобилась тебе лошадка. Я говорю о тех пейзажах, кот[орые] видел у тебя начатыми. В одном, впрочем, но гор там все же не помню, а именно серенький пейзаж, на горизонте виднеются верхушки церкви. Если туда (а может быть, и вовсе не туда), то, по моему, следует взять лошадь темную, не то гнедую, не то караковую. В случае, если сия не понравится—напиши поточнее—я с удовольствием сделаю еще раз.

Да, и так ты пишешь, что у меня есть соперница и нешуточная... что же... что б ей пусто было, одно могу сказать. Но меня удивляет, что по пейзажу—один Левитан. Странно. Еще удивляет меня Коровинский жанр. Неврев [282] не выставил, значит? Вещица Коровина недурная, но жанром назвать немножко трудно. Впрочем, Верушку [283] мою тоже портретом как то не назовешь. Думаю даже, что ценители мои это и поставят в упрек в придачу ко всему остальному: недоведенности, претенциозности и т. д. и т. д. Всего забавнее выйдет, если вдруг меня наградят за пейзаж.

Да, письмо это получишь ты, когда моя судьба, так сказать, будет решена.

У меня теперь явилось, несколько забытое, ощущение, схожее с предэкзаменным волнением в Академии, когда ждешь медали (чувство довольно гнусное). Что это вздумалось Павлу М[ихайловичу] [284] смотреть мою кузину [285]?—Что ж, показывай, рад что меня при этом не будет. Мне всегда как то болезненно неловко показывать свои произведения П[авлу] М[ихайловичу].

Ну до свиданья. Ты мне напишешь, надеюсь, о дальнейшем ходе конкурса.

А я живу и работаю по прежнему. Поклонись всем леонтьевцам[91]. Прощай, еще раз благодарю тебя за письма. До свиданья.

В. Серов.

90

СПБург. 13 Декабря [1888 г.]

О благодарю, благодарю тебя, Илья Семенович, за телеграмму, за приятное известие, конечно, вдвое. Я доволен, т. е. если бы было иначе, я б был недоволен и очень. Всякие, разные мысли в роде того, например, что я художник только для известного кружка московского и т. д. одним словом—умерщвлены. И так, мое вступление благополучно и то хорошо[286]. С другой стороны 200 р. все таки деньги—не большие (мне на пеленки, как дразнил Савва Ив[анович]) но и они мне нужны, как всегда. Да все это хорошо. Но вот что не хорошо и что нас с мамой совсем сразило—это, представь: „Юдифь", может быть в этом году не пойдет—и вернее всего что не пойдет. Обидно, т. е. сказать не могу как обидно. Узналось сие только дня два тому назад, и еслиб еще не твоя телеграмма было бы плохо совсем, я говорю о своем настроении. Но обида главная в том, что Направник[287] сумел справить свой юбилей, Бочаров (декоратор) будет справлять свой на днях, юбилей же отца, н значенный еше весной, стушеван. Все у нас с мамой, так сказать, компановалось вокруг „Юдифь". Мама писала записки, и написала, я пишу портрет и настолько бы написал чтоб его можно было выставить на спектакле—все это рухнуло. Положим, все остается при своем:

записки записками, портрет портретом, изыскания мои по части Ассирии не пропадут даром.

„Юдифь“ теперь всецело зависит от государя. Если он прикажет дать себе „Калашникова“ [288] (Рубинштейн) кот[орый] у них совсем или почти готов, то „Юдифь“ откладывается. Что у них, в дирекции, искреннее желание, как можно лучше и богаче поставить „Юдифь“ в этом нет сомнения, но Юбилей пропущен. Сегодня мы с мамой были у директора, дабы узнать что нибудь определенное по этому предмету, я захватил с собой рисунки костюмов. Последнее время—дня 3—4 я почти всецело был занят костюмом Олоферна, и кажется вышел недурен. Директору понравилось, чему я конечно очень рад и, вероятно, таковой и будет сделан. С этой стороны экзамен опять-таки выдержан.

Про себя могу сказать, что мне везет. Обидно за отца. Критик его не хотят очевидно. Недавно мать обращалась к правоведам [289]. Они так кичатся своим заведеньем, товариществом и т. д., а тут вдруг на просьбу матери собрать на издание критик Серова—они даже не ответили—отвратительно, а между тем они весьма гордятся, что Серов был правовед. Как-то дальше пойдет это дело, дело весьма и весьма трудное. Мать посылают во дворцы к Ольденбургской принцессе, к Георгию Ал[ександровичу] [290]—если и тут ничего не выйдет, придется поставить крест, если не навсегда, то на долгое время, пока из современников отца никого не останется. Многие и по сей час помнят злую сторону критик, но при этом выпускают то что ценно как критика.

Я жду от тебя письма.

Не знаю как мне быть дальше как ты посоветуешь: выставляться мне дальше, то портрет

кузины, например, Бларамберга? Напиши. А сам то ты когда думаешь быть здесь?

До свиданья—

Поклон и всеобщая благодарность Москве.

В. Серов.

Будешь у Ст. Казарм скажи Фотичке, чтобы он портрет Веруши бережно переправил в Абрамцево (жела[ние] Е[лизаветы] Григ[орьевны]).

P. S. Сейчас только получил твое письмо с рецензией. То, что замечает Г. Флеров [291] относительно перспективы и совет его—глупо, действительно. Но я за себя рад—меня всетаки, отметил и пейзаж, à la Поленов (?), если только мой. Жаль все таки что не пришлось повидать мне конкурса. Да, а все же со стороны общества мило, что оно поощрило, так сказать, людей одних, более или менее, вкусов. Деньги прошу выслать по следующему адресу: СПБ в редакцию журнала „Нива" Юлию Осиповичу Грюнберг. Так оно скорее будет без всяких засвидетельствований с моей стороны.

Насчет Верушки, конечно, В. М. (только) [292]. Относительно названий с тобой согласен: пусть пруд называется „Сумерки", а портрет сестры „Этюдом" [293]. Относительно цен тоже т. е. 500 (Пав[лу] М[ихайловичу] 400). Пейзажи значит не того... Да ты пишешь, что портрет сестры в раме очень выиграл—следовательно готова—кто же заплатил. Напиши мне—я вышлю, она, кажется, стоит 22 рубля. Удивляюсь, как ты не получил от меня письма. На следующий же день после получения твоего длинного письма, я ответил и послал лошадку (9 декабря или 10-го). Теперь, я уверен ты его уже получил.

До свиданья, жду тебя сюда в Питер. Как ты думаешь выставить Бларамберга?—Напиши.

Еще раз спасибо за хлопоты твои. Поклон всем. Что это мне из Леонтьевского никто не хочет написать, а все товарищи и приятели.

91

СПБ. 19 Декабря [1888 г.]

Очень рад был получить сегодня твое письмо, дорогой Илья Семеныч. Ты оказываешься единственным порядочным человеком из моих московских друзей-приятелей. Твоя заботливость в отношении меня, аккуратность—меня положительно трогают (нет—не шутя).

Вокушка [294], или у него усиленные экзамены—не пишет или почти не пишет. Мария Федоровна [295], вот на нее я сердит, можешь ей сие при случае передать. Не хочет мне ответить, я просил хоть пару вздорных слов. Впрочем, я ей отпишу. Веселится и кутит, а своего приятеля знать не желает. Ну про Леонтьевцев—с них взятки гладки. Единственный из них—Мишель, который мог бы мне написать, но, как известно раз навсегда, писем он не пишет. Все что касается меня, ему, конечно, писать нет надобности, так как ты был настолько добр, что взял сию обузу на себя. Но о себе, о школе, о своей картине, о Леонтьевском вообще, об этом последнем. Сколько я не просил Воку, Машу Ф[едоровну]—нет, не пишут. Грустно. Лошадку нарисую непременно и беленькую—мне безразлично. Одно только, таковая находится уже в Галлерее П. М. Третьякова, единственное мое там (пока), нет! еще сороки, мои произведения

и то не совсем [*неразборчиво*]. Да, да, на счет П[авла] М[ихайловича] я был бы очень рад конечно.

За рамку Грабье вычти непременно. Впрочем теперь все это уже сделано, вероятно. А как же с Бларамберговской рамкой? Пусть Мишель запишет на меня—после в Москве сочтемся, она ведь у их столяра делалась?

Что же, из твоих вещей покрупнее ни одной не будет на выставке? Итальянцев—это хорошо, они т. е. Antonio преловко написан.

Нет, Костинька-то Коровин — а? Я хотел было ему позавидовать, в смысле Испании, да потом раздумал по двум причинам: теперь там холодно, а затем из Карменцито Labotoni разве... Спрашиваешь—что в художественных кружках здесь делается. Был я раза два у Репина—интересного мало, я говорю о тех, кто собирается к нему по средам. Первый раз был там Шишкин[296] хохотал порядком, болтал всякую чушь, а главное сам хохотал. Да ты, ведь все это знаешь. У Чистякова был сегодня, наконец (о позор). Славный и милый он человек, но опять таки все, как и раньше было: та же зала с образом Христа благослов[ляющего] детей, та же Вера Егор[овна][297], смотрящая как то мимо тебя. Вот девочки его подросли, настоящие девицы стали. На днях ко мне зайдет Павел Пет[рович]—интересно, что то он скажет.

Об „Юдифи" ничего пока неизвестно, что хуже всего, разумеется. Наконец если она и будет в этом сезоне, то все будет наскоро, и юбилей скомкан. Одним словом не то совсем о чем думали собираясь сюда. Я кажется, писал тебе, что работал над костюмом Олоферна, я рад, что он понравился директору. Теперь собираюсь рисовать следующие. Принялся теперь опять за портрет[298]. Достал я в Апраксином дворе (что Сухаревка

в Москве) конторку подходящую. На днях будет костюм отца — с натуры дело пойдет живее. Лицо, пока не запишу все остальное, думаю не трогать. Работать здесь очень удобно. Вообще живется недурно. Если б только с „Юдифью"... пошло хорошо, если б репетиции начались, например, сейчас. Да, нет пока не решится с Калашниковым — до тех пор неизвестно будет „Юдифь" или нет, а решится сие только с приездом государя, не раньше 8 января. А там на репетиции ничего почти и не остается.

Ну, будет, что будет. Я как то эти дни немножко позабыл об этом.

Ну, до свиданья Илья Семенович. Надеюсь, что ты позаботишься о расстановке моих произведений, чем опять многим обяжешь меня. Спасибо за прошлое. Спасибо вперед. Твой В. Серов.

Поклон, всетаки в Леонтьевский.

Кто это додумался назвать Верушку жанром? Недурно...— а меня всетаки поругивают газеты. В Новом Времени, был отзыв в Московском фельетоне суббота 17 — за кокетливую небрежность ругают.

92

СПБург, 25 Декабря [1888 г.]

Поздравляю тебя с праздником, любезный приятель и друг Илья Семенович. Опять я совершенно растроган — опять-таки твоей заботливостью обо мне и моих произведениях. Могу сказать только: спасибо и спасибо. Если тебе хочется от меня чего нибудь более существенного или вещественного, чем одно спасибо — предлагаю — Вене-

цию! Согласен? — Одним словом, как знаешь — другого тебе дать не могу (всадника, например).

Относительно денег, — можешь передать Павлу Михайловичу следующее: Если он рассчитывает быть здесь, в Питере, на этих днях (от кого-то я слышал, что он собирается сюда) — я, конечно, буду очень рад видеть его у себя. Если же сие, т. е. приезд его, окажется в слишком далеком будущем то пусть перешлет их как нибудь теперь.

Деньги то вообще мне нужны сейчас и даже очень (квартира, дворник, швейцар и т. д. праздники, одним словом), но не в слишком больших (сравнительно) размерах. Жду денег с премии; думаю, если ты послал их 23, как пишешь в письме (22), то завтра (26) они должны быть здесь. Не совсем понимаю, каким образом мог пожухнуть пруд — я его покрывал лаком. Одно объяснение: не слишком ли много взяли скипидару для сей лаковой смеси. Не дошел по этой части: т. е. как покрываются картины лаком.

Ты пишешь, что я размещен превосходно, охотно верю, — но почему-то я все представлял их себе всех вместе как то. Впрочем, об этом и толковать то особенно не стоит.

Ты мне советуешь сработать портрет отца на передвижную ... ну, об этом надо еще подумать; хотя я решительно не знал и не знаю, куда его дену, когда напишу.

До сих пор я шел от той мысли — мне подоспеть с ним к юбилею и выставить в зале Мариинского театра во время самого спектакля. О дальнейшей его судьбе не размышлял, да и теперь говорить об этом немножко странно. Как еще кончу его? Пока он у меня ровно на полдороге. Прописан но не написан еще. „Юдифь" пока все еще только знак (?). Нет ничего хуже такой не-

определенности. На этих днях буду у Кондратьева по поводу ее (Юдифи) и относительно твоей просьбы о Нибелунгах. На первый цикл (их IV) и на II — все билеты разобраны, я так слышал. Попытаюсь, относительно себя тоже. Думаю, что не придется мне скоро уехать отсюда. Фиксировать, так сказать, свой отъезд, сейчас, я не могу решительно.

Что же мне тебе сообщить о здешних художественных кружках. У Репина последние раза была довольно таки разнокалиберная публика, даже слишком, больше литераторы, непременный Фофанов [299], М-ль Капустина, Первухин [300], литератор Введенский, Леман [301], правовед Величко, актер Ге [302] (племянник живописца). Мы с мамой, вот тебе все на перечет, кроме хозяина Ильи Ефимовича, разливающего чай, девочки, кот[орые] собственно, как взрослые, могли бы этим заняться, но они пренебрегают решительно всем, что исходит от отца, чем огорчают его несказанно. Ему очень грустно и тяжело. Сомневаюсь чтоб ему доставляло удовольствие эти сборища по средам, на которых порядком скучновато. Жалко его, одинокий он — девочки его мне все больше и больше не нравятся. Веру Алексеевну [303] видел у Елизаветы Гри[горьевны] еще — с тех пор не видал и желания видеть ее нет ни малейшего. Я ее любил раньше и сокрушался об ней, но за последнее время перестал... нет во мне к ней ни симпатии ни уважения. Ну до свидан[ия] В. С.

А в каких числах думаешь быть здесь. Отчего ты не напишешь о Леонтьевцах? Прошу всех, прежде Воку потом Машу Ф[едоровну] тебя—нет. Что Мишель и его сосны? Маковского „Паны“ видел — мерзость отъявленная. Соловьев прав совершенно.

93

СПБург. 8-го Января [1889 г.]

Уже больше недели, как наша с тобой, дорогой Илья Семенович, переписка приостановлена.

Что сему причиной?

Дело в том, что в твоей телеграмме, предпоследней, где говорится о деньгах и о покупке Владимиром Вас[ильевичем] [304] моего пейзажа, ты прибавил, что напишешь мне. Все это время я и ждал твоего письма, дабы на него сейчас же и ответить. Но ты молчишь. Деньги получены 500 рублей неделю тому назад. О, как они были кстати! Я рад, что эта распродажа моих картин дает возможность просуществовать мне здесь в Питере, что, опять таки, необходимо для портрета моего! Я не совсем понял в твоей телеграмме: от какого Третьякова получены деньги? От Николая Сергеевича из общества? Не так-ли? Ну-с, а Павла Михайловича поджидать сюда?

Деньги за рамы посланы мною Мишелю.

Да, да в Леонтьевском то! Там происходит нечто совершенно невиданное в их доме. Итак, Таничка [305] выходит замуж. Я думаю, тебя это должно порядком волновать. Все таки она тебе дорога, я это знаю, дороже всех девиц Мамонтовского круга. Удивительно, как же это мне ни разу не пришлось увидеть ее жениха? Обо всем этом деле отписала мне Маша Ф[едоровна]; фамилию его (жениха) я так и не разобрал — Рачинский [306], понял я. У Софьи сын. Удивительные метаморфозы вообще с Москвой. Я еще не женат, невеста моя здесь, покончено наконец с Одессой, над которой так потешался Савва Иванович. Он уверял, что Арцыбушев и я никак в Киев попасть не можем. Соберется Константин Димитриевич к Вас-

нецову, поедет, но вдруг неведомая сила на полдороге заставляет его свернуть и он неожиданно попадает в свой хутор.

Я же, будто-бы искренно намерен повидать Виктора М[ихайловича], его работы, но опять же та, или другая, сила проносит меня насквозь чрез Киев — и я попадаю в Одессу; при этом должная жестикуляция, мы порядочно хохотали с Кон[стантином] Дмитриевичем. Одну весьма обидную вещь я должен тебе сообщить. Был я у Кондратьева два раза, разузнавать о „Юдифи“ (она не пойдет— это решено) и о билетах на Нибелунги. В первый раз, хотя и объявил, что билеты на первые три цикла распроданы (в 4-м еще можно достать), но какими нибудь неправдами можно будет как нибудь устроиться. На второй же раз, видел его вчера, он был несколько не в духе, объявил, повторил, что 3 цикла распроданы, а на второй мой вопрос (относительно фукса) он не ответил даже. Вообще в Кондратьеве я несколько разочаровался, т. е. очарован им никогда не был, но когда он был в Москве, так горячо беседовали о „Юдифи“, просил меня сюда приехать, декорации, костюмы, нарисуй только и т. д. и т. д. А вышло, что „Юдифь“-то не идет, да и пойдет ли еще. Положим, здесь теперь режиссер, т. е. главный распоряжающийся репертуаром оказывается сам государь. Но все таки в некотором нерадении со стороны дирекции (не в смысле постановки, на которую будто ею ассигновано 40.000 руб.), упрекнуть можно. Отпраздновали же они юбилей своих: Направник и Бочарова. Ну, а Серов—подождет. Еще не известно как это на будущий год будет? Певицу для Юдифи найти не легко.

Ну, как ты сам поживаешь? Напиши мне прошу тебя. Правда, что Якунчикову пришлось будто бы

перебить мой пруд у других покупателей? Если так, то весьма приятно. Меценатство Владимира В[асильевича] несколько приторно (между нами, как ты имеешь привычку говорить).

До свиданья, твой приятель В. Серов.

94

СПБург 13 Января [1889 г.]

Любезный друг, Илья Семенович, получил твое письмо на следующий день после того, как отправил свое, где немножко упрекнул тебя в молчании. Беру, конечно, назад, ввиду столь важных событий в Леонтьевском. Таничке собираюсь написать. Поздравлять телеграммой не захотелось как то, у меня какое то странное, глупое даже отвращение ко всем обычаям людским. Вообще не совсем понимаю с чем поздравлять человека вступающего в брак. Ну, да что об этом философствовать. Что Таничка выходит за муж я очень рад. Думаю, что это ей настолько же необходимо, как тебе жениться, это мое убеждение. Очень рад за распродажу твоих картинок. Спрашиваешь сколько я думаю еще пробыть здесь в Питере. Не меньше месяца, во всяком случае. Портрет мой хотя и подвигается, но все же медленно, а кончить его необходимо и как следует, ибо вещь ответственная и с претензией.

Спрашиваешь еще относительно денег. Высылай пожалуйста сколько мне следует. Неделю тому назад я послал Мишелю 50 р. на расплату с рамами и кое какими долгами. Просил о получении таковых меня известить, но Мишель верен себе и даже в денежных делах молчит — безобра-

зие. Одно ему прощение ради Танички. Сколько мне приходится получить с 300 — не знаю. Одним словом, что следует — вышли; скоро и даже весьма скоро они уже будут нужны. Беда с этими деньгами, право.

У нас с мамой великая радость, представь — государь жертвует 3000 р. на издательство критик отцовских... Труды и хлопоты мамины не пропали значит даром. „Юдифь" хоть и не пойдет, зато критики будут издаваться и то хорошо.

Что то в Леонтьевском происходит. Как Анатолий Ив[анович] отнесся к этому делу? Мария Александровна, воображаю, вот хлопочет. Поклон ей от меня. Ее вот, я готов поздравить.

Ну, до свиданья пока.

Кланяйся всем в Леонтьевском от меня. Таничке в особенности. У Поленовых что?

Еще раз до свиданья. Твой В. Серов.

Поздно очень. Когда свадьба Танички.

95

Валентин Александрович Серов

[Визитная карточка]

Илья Семеныч,
Я женился,
Будь деликатен ты и мил,
— Я б чрезвычайно восхитился
Когда б меня ты посетил.
Я доложить имею честь,
Что у меня и адрес есть:
Михайловская пл. 11 кв. шесть

Соч[инение] В. А. С[ерова]

96

СПБ. 4 Февраля. [1889 г.]

Любезный друг, Илья Семенович, деньги твои (200 р.) получить изволил — пришлись, конечно, как всегда, весьма кстати, некстати по личному опыту знаешь, они не бывают. И так я женат, человек теперь степенный, со мной не шути. Чего ты, скажи, мешкаешь, отчего бы тебе не жениться? Право.

Свадьба моя была торжественна невероятно. Сергей [307] конечно шаферствовал. Илья Ефим[ович] [308] был одним из свидетелей, был между прочим, весьма мил. Ну, я тебе скажу имел я удовольствие поближе познакомиться с российским священством, т. е. попами, ох, натерпелся я от них, горемычный. Чуть ли не с десятью отцами перезнакомился в один прием. Они таки порядочные нахалы, немножко я от них этого и ждал, но не в такой степени. Слава создателю, больше с ними дела иметь не предстоит.

Так сказать, образ жизни моей с женитьбой мало изменился. Пишу портрет. Когда то его кончу?

У вас что поделывается? Что к выставке готовишь? А я то в молодые, но тем не менее, патентованные художники попал по отзывам в „Новостях". Было еще в таком же роде в „Новом времени".

Ты просил пересылать их тебе — не стоит — право. Что Мишелевы сосны? Читал я в тех же „Новостях" об ученической выставке и Мамонтова не нашел. Обсуждают направление этих выставок, что все готовится для продажи, как можно по-

больше, ценой подешевле. Все это тебе, наверно, известно. Когда прикажешь ждать тебя сюда?

Я пробуду февраль наверное. До свиданья, надеюсь довольно скорого твой приятель В. Серов.

Чтобы тебе написать мне письмецо? А? Давно уже ты мне ничего не пишешь.

97

[Петербург. 1889 г.]

Нет, в самом деле, Илья Семенович, ты, ведь, заедешь ко мне. Сделай одолжение не стесняйся, так сказать, в том смысле, что, мол я женат. Заезжай когда вздумаешь. Всегда буду рад тебя видеть. В. Серов.

98

СПБург 6-го Мая [1889 г.]

Что же это, Илья Семенович? Приятели мы с тобой или нет? Отчего бы тебе, скажи мне, не ответить? Именно от тебя не ожидал я такой неаккуратности, если это неаккуратность только.

Полторы недели тому назад была здесь Мария Федоровна и опять повеяло немножко Москвой. Владимир Вас[ильевич], между прочим, объявил мне, что ты или уже написал мне, или собираешься написать — вот я и жду все.

Ты, говорят, был в Крыму. Ну что же привез что нибудь по этюдной части? А хорош, должно быть, Крым в апреле месяце. Где именно были. Как вообще поживаешь? Куда на лето собираешься? Едешь ли на выставку? Что делается в твоей

мастерской и каково ее будущее. Думаю, что в ней ты дольше не останешься, или останешься?

Если ты не оставляешь ее за собой, то прошу тебя: отдай мой хлам рисунки, холсты и письма Мишелю на сохранение, об этом предмете мы с ним, кажется, толковали и он был так добр, что согласился — пожалуйста. Куда ты денешься со своей Галлереей? [309] Впрочем не знаю, почему я так уверенно говорю о твоем переезде из мастерской. Елизавета Григор[ьевна] приехала? Какова она и Шурка? Вот глупая история — ужасно. Дай бог, что б это оказалось вздором.

О себѣ могу сообщить следующее Остаюсь я здесь еще с месяц. Если окажется заказ на кот[орый] я теперь мечу, то может быть, придется остаться и подольше. С одной заказной работой, вероятно слыхал, пастора портрет [310] покончил. Этого оказалось достаточным на наше житье здесь, но нужны будут деньги и потом, я даже мечтаю, но, вероятно, это только мечты, повидать и мне выставку.

На зло некоторым художникам пишу и как будто кончаю портрет Серова. Писал и буду писать еще немножко Веласкеца а засим в деревню, если, повторяю, заказа (портрет опять) не окажется. Едем опять под Тверь.

Из художников за последнее время мало кого видел. У Ярошенко [311] давно не был. Они кажется уезжают, если уж не уехали на Кавказ.

Что в Леонтьевском делается? Что поделываешь ты? Что Мишель?

Вот что, Илья Семенович, маленькое, не совсем для тебя приятное, порученье. У портного Михайлова находится мой совершенно новый пиджак, летний — его необходимо препроводить к Фотину, но за него нужно внести 15 или 13 руб. или

просто сказать ему, Михайлову, что осенью в Москве буду и заплачу. В. Серов.

До 26-го мая на сей квартире. Мих[айловская] п[лощадь] 11. 6. Пиши пожалуйста, прошу тебя. Поклон в Леонтьевский Мамонтовым вообще.

99

Париж 16 Сентября суббота [1889 г.]

Любезный Илья Семенович,

Очень обидно, что не придется нам с тобой повидаться здесь в Париже. Уезжаем мы в среду или в четверг (ближайший). Хотелось бы свидеться по многим причинам даже нужно. При свидании я думал попросить у тебя денег (сроком зимой) 200—150 рублей.

Собственно ехать нам сюда в Париж [312] было с моей стороны безрассудством не имея за душою ни гроша, поехали на авось и приехали. Мне казалось упустить эту выставку грехом, да и действительно приехать всетаки очень следовало. Вместе с Лувром, ко[торого] я не знал, здесь в Париже оказалась такая тьма по художеству, что еле разберешься. На выставке рад был всей душой видеть Bastien Le Page'а [313]—хороший художник, пожалуй, единственный, оставшийся хорошо и с приятностью в памяти. Может потому, что на нем удвоил свое внимание. Но какая масса хламу— удивительно; и на сколько этот хлам иллюстрированный благообразнее, чем здесь на выставке.

Испанцы меня разочаровали со своим Прадиллой [314]. Мессонье [315] его прежние хорошо известные вещи превосходны но последние плохи совсем,

еще не много и до Вилевальда [316] не далеко. С удовольствием рассматривал пейзажистов — Руссо [317], Добиньи, и иногда Коро (очень уж он однообразен). Тройон хорош. Выставка надо отдать справедливость грандиозна, но не скажу привлекательна. Что приятно это азиатские народцы со своими деревушками, музыкой, капищами и т. д. Для меня это первое удовольствие.

Рассчитывали на тебя — не сведешь ли к Стюарту [318] показать Fortuni [319].

Ты спрашивал новостей, московских, вероятно. Миша и Юра [320] только вчера получили первое известие из дому. Мария А[лександровна] [321] пишет что все обстоит благополучно, живут в Москве, куда переехали 6-го — вот все.

Устроились мы здесь превосходно: не далеко от выставки в опрятных милых комнатках у одной русской дамы (совершенно случайно) плотим 4 f. в день. Вот тебе новость, если хочешь. Мы с Лёлей зимовать будем в Москве.

Жаль очень жаль, если ты сюда не приедешь. Неужели не скучно в Биарице? Все купаешься? Когда думаете в Россию?

Да, да мы тоже были в Nürnberg'е (твое письмо получено) что за милый городок — одна прелесть с наслаждением пробыли в нем два дня.

Ну до свиданья. Так вот, видишь ли: ты мне телеграфируй сейчас же по получении этого письма, о том можешь ли ты меня ссудить этими деньгами. Иначе мне придется выписывать из России. Поклон Надежде Петровне. Тебе кланяется Лёля.

Rue Lesueur № 23. В. Серов

Если сможешь выслать, то имей в виду срок нашего отъезда.

100

Вторник

Ну, как дела Семеныч?

Уж не распродал ли гуртом свои этюды?

Что картина? Принята? Нравится ли? Отчего ты не напишешь. Мы должны ждать от тебя письма, а не ты от нас.

Кое-что я знаю из письма к Поленову. (Его представь до сих пор не видал, в четверг как раз я был в деревне у Дервизов, ну, а так, — не в четверг, я у него, как будто, не бываю).

Здесь нового, кажется, ничего нет. Я живу в мастерской. У Мамонтовых все еще думают, что я дуюсь.

Шел здесь „Акоста" [22] немножко вяло. Мне понравилось, и, серьезно, она (опера) не хуже многих других. На счет техники и разных контрапунктов я ничего не смыслю, говорят, она этим страдает. Еврейство, по моему, выражено характерно и красиво. Декорация Васил[ия] Дм[итриевича] [322] весьма нравится публике (мне тоже).

Напиши пожалуйста, как и что там в Питере. Кланяйся петербуржцам, Сергею, Савве Иван[овичу]. Скажи — что Чистяков. Ты хотел, кажется, рисовать у него бумажку на полу, или ножку от стула — забыл [323]. Поклонись ему и скажи, что я испорчен и погиб бозвозвратно. Репину — тоже; т. е. сделался посредственным портретистом — и дальше не иду. Послушай, в самом деле Репин вышел из Товарищества? [324]

В. С.

101

Илья Семенович

Меня, прости, поражает твое нетерпение. Не успел приехать как ты шлешь за рисунками! Без них жить не можешь — удивительно — Прости у меня не совсем дома благополучно — умерла одна наша знакомая родственница. Еще извини рисунков я не привез.

Рылись мы с Репиным и не дорылись. Вообще это вещь довольно щекотливая, а вдруг ты будешь не доволен.

На пасхе, в конце будущей недели еду опять в Питер пересмотреть еще.

Пока до свиданья, увидимся.

В. Серов.

102

Домотканово 3-го Октября [1889 г.]

Прости, дорогой Илья Семенович. Твои деньги давным давно получ ны в Париже. Я виноват, что до сих пор тебя об этом не уведомлял. На первых порах, было время нашего отъезда из Парижа, я просто позабыл, затем все не удавалось с телеграммой, пока вот наконец не пишу тебе уже письмом, не знаю получишь ли его. За деньги спасибо. Как видишь мы благополучно находимся в России, мы с Лёлей даже в деревне. Я, собственно, нахожусь на пути в Питер, куда я от-

правляюсь сегодня же по поводу все той же Юдифи и моего портрета.

В Питере думаю пробыть очень недолго а затем в Москву, где надо будет мне приискивать работу и квартиру.

Были мы в Москве у Танички [325] — обстановка хоть куда. Очень маленькая и очень милая. Гордость Анатолия Ивановича. Чтоже тебе еще московского? Анатолий Ив[анович] похудел значительно, но высматривает недурно. Захарьин все-таки молодец, строго держит на диэте: мясо да фрукты.

Ну, а ты как с купаньем. Очень оно подкрепительно, или не очень? Мы решили, что ты совсем закупался, нам писал трогательные письма, а сам не приезжал.

Видел в Москве Елизавету Гр[игорьевну] куда пришли с женой с визитом. Наконец жена моя увидела Елизавету Гр[игорьевну] и Елизавета Гр[игорьевна] увидела мою жену. Супруга моя совершенно подкуплена радушием Елизаветы Гр[игорьевны].

Ты вероятно теперь в Париже. Да, а хорошо мы в конце концов прокатились. Рад я, что жена повидала Париж, за себя тоже в смысле выставки. Впрочем я и парижскими драгоценностями успел полюбоваться: Лувр [326], Клюни [327], Люксембург [328], Notre Dame [329], St. Chapelle [330] — осмотрены, хотя и поверхностно.

Был я с сестрой Машей (она остается на зиму в Париже) у Антокольского в мастерской. Странно — не понравились мне его вещи (несоразмерные какие то) а чей-то портрет сидящего господина и Нестор совершенно плохи. Спиноза неважен право. По художеству я остаюсь верен Бастиену, его Жанне Д'Арк. Обидно, что реши-

тельно всем она нравится и все в одно слово утверждают что она лучшая вещь на выставке. Поленыч заявил Мише что это „Кульминационный пункт женской мысли-с".

В Париже теперь решительно все кажется. Поленовы, Третьяковы, Мария Ф[едоровна], Тучков, Кривошеин, Морозов [331] С. Т., Гвоздакович, Абрикосовы [332], Шейманы.

Поленову, если увидишь его, объясни следующее: когда он встретил Мишу, то сейчас же сказал свой адрес и спросил наш. Миша его адрес не записал и забыл, почему мы или я и не явились к нему.

Правда, что Вас[илий] Димитр[иевич] и Н[аталья] В[асильевна] [Поленовы] обедают в 1 ф. 25 сант.? Говорят они экономят напропалую (может быть это сплетня). Ну-с до свиданья, в Москве увидимся. В. Серов.

103

Петербург 4 марта [1890 г.]

Любезный друг Илья Семенович,

Твоего поручения я не забыл и не забывал. Я только теперь не совсем тебя понимаю: хочешь ты масляный эскиз или рисунки, или то и другое?

Дело в том, что смотрели мы эскизы [333] масло[м] есть один который мне очень нравится [*рисунок*] в таком роде — везут арестанта два жандарма по грязному тракту; с большим настроением вещь не большая 3/4 арш. в длину. Только вот беда, эскиз то дороговат для тебя, пожалуй — 500 руб., меньше не хочет. Эскиз к „Не ждали", ко[торый]

и тебе и мне так нравится он и говорить и слышать об нем не хочет, будет его еще подканчивать и цена ему будет уж далеко другая... Вот как тут быть и не знаю.

Решил тебе отписать и прошу ответить поскорее.

Между прочим тройка — арестант, эскиз этот будет выставлен на выставке эскизов пр ектируемой здесь в академии, вместе с ученическими — ну это то еще пожалуй еще не выгорит, во всяком случае сейчас он его тебе не отдаст.

Рисунки дело проще — всегда можно выбрать.

Так напиши, кланяюсь тебе и Надежде Петровне.

Твой Антон [334].

Застрял я здесь с портретами не очень то выходят но все же в конце этой недели думаю быть назад в Москву.

104

[Петербург, ноябрь 1892 г.]

Любезный Илья Семенович,

Пользуясь твоим любезным предложением помочь мне с картиной, прошу тебя относительно матросской формы на меньшом м льчике Михаиле [335]. Если, как ты говоришь, тебе это ничего не стоит — устрой.

Форма: черные брюки, темно синяя куртка на мальчика лет 10 и полосатая куртка под низ. Гусарскую венгерку мне достали.

Да, вы с Анатолием Ив[ановичем] толкуете чтобы картину кончить к Передвижной, а ведь, ее нужно по крайней мере за месяц прекратить, чтобы ее возможно было бы навертеть на вал сухую.

Ну будь здоров В. Серов.

Поклон супруге.

105

СПБ [1899 г.]

Дорогой Илья Семенович,

Что же ты надул, так сказать, и не приехал сюда в Питер — тебя ждали и очень и я в особенности.

Слушай — я был у гр. Толстого и он решительно ничего не имеет против чтобы некоторые картины назначенные в Париж были бы выставлены на Дягилевской выставке.

Сергей Пав[лович] берется отправить их сейчас же с выставкой на свой счет большой скоростью.

Считаю, что эти две вещи 1) Левитан 2) Пано Васнецова и 3) пор[трет] Боткиной необходимы на этой выставке.

Необходимо чтоб сия выставка от журнала была бы и на этот раз на уровне прежних выставок Дягилева и необходимо ее поддержать.

Прошу тебя об этом очень.

Опоздания не произойдет. Для каталога самих картин не нужно. Надеюсь, что Боткины ничего не будут иметь против выставления

у Дягилева моего портрета. Говоришь, что Петр Дмитрич [336] сердится на Дягилева (как и ты) на задержание его картины Моро [337], но, ведь, для большей безопасности он решил привезти ее лично, что и было им исполнено. Совершенные пустяки по моему.

Итак, дорогой Илья Семенович, будь добр и сделай это для меня и для Дягилева еще раз убедительно тебя прошу...

Твой В. Серов.

Застрял я тут с высочайшим заказом. Кланяюсь Надежде Петровне.

106

[1899 г.]

Любезный друг Илья Семенович.

Дело в том, что сей Шейман [338] на сомнительном счету, т. е. он заподозрен в предъявлении чужого рисунка за свой на экзамене весной и для проверки решено было ему и еще другому юноше назначить осенью экзамен — не знать этого он не мог хотя не знаю был ли он формально об этом уведомлен (рисунок его был отобран особо и результат экзамена последнего не мог быть ему неизвестен). Затем, по наукам он плох и по архитектуре не числится в проектном классе. Не знаю там видно будет — обещать тут ничего нельзя.

Твой В. Серов.

В Абрамцево не знаю удастся ли поехать т[ак] к[ак] до 5 часов пишу Софью Мих[айловну].

Сегодня из за школы пропадает день.

107

СПБург, 8 августа [1899 г.]

Любезный друг Илья Семенович,

Прошу тебя выручи меня перед Боткиным мне крайне неловко — но что мне делать я застрял с портретом Александра III. Работаю каждый день и целый день. Я должен его сдать государю до его отъезда за границу, между 15—18 августа. Все таки я должен же сделать это насколько я могу хорошо.

Когда уезжают Боткины заграницу напиши мне.

Вырази им мое так сказать извинение но иначе поступить не могу и приехать в Москву не сдав здесь портрета не могу. А какие дела то дела в Москве а? Жаль мне по своему и Савву Ив[ановича] и Елизавету Григорьевну, говорят она может пострадать. Напиши мне как там обстоит, сколько знаешь — положение их меня тревожит — все таки более 20 лет Мамонтовский дом для меня кое чем был.

Грустная история, но быть может все это и не так ужасно как об этом говорят здесь?

Жалею что не пришлось мне быть (все из за этого портрета ну и дался, вернее и не дался же он мне) на Совете Галлереи. Что там было? Рад за Александру Павловну [339], т. е. что она избрана, она наша ведь.

Тут с журналом [340] беда совсем. Савва Ив[анович] и за этот год не внес своих 7000 р. — и их не получить уж более. Хлопочем и думаем обратиться к Вел[икой] Кн[ягине] Елизавете Феодор[овне] — быть может тут что нибудь и выйдет, хотя сомневаюсь. — Никто денег давать не желает, а тут еще со всех сторон тузовые (à la Стасов)— крахи — страшно становится.

Будь здоров, Надежде Петровне поклон. Сам я торчу в городе, семья в Териоках ничего себе здравствует и поправились все. Что леонтьевцы? Напиши ка мне — а? будь добр. Твой В. Серов.

СПБ. Литейный 45 Дягилеву — мне.

108

[1902 г.]

Еще раз благодарю тебя за двойную любезность, — Илья Семенович, за деньги 100 руб. и второе за билет. Ольга Федоровна просит тебя очень поблагодарить. Билеты назначаются ей т[ак] к[ак] сам я собираюсь этим летом в Байрейт.

В. Серов.

С приездом Нарышкиной расплачусь с тобой.

Выписка из письма Бенуа, кот[орая] тебя интересовала:

„Дядя Michel [341] известный прохвост. Его добронамеренный интервью преподлейшая штучка. Надо будет как нибудь исправить это и погладить вас бедных членов Комиссии по головке. Сережа (Дягилев) находил что это вполне необходимо и поручил составление заметки нам, однако т[ак] к[ак] он возвращается довольно скоро и весь сыр-бор (по мнению Остроухова) загорелся по его вине (если это можно назвать виной) то пусть лучше он напишет. Все равно в № 2 [342] успеет попасть".

Письмо от Нувеля, „что касается С. С. Михаила Петр[овича] Боткина, то заметки о его подлости будут помещены в Худ[ожественных] Сокр[овищах] России [343] и в „Мире Искусства". Но для этого

я хочу обождать приезда Сережи (Дягилева), который по всей вероятности сам напишет эту заметку. Следующий № выйдет не раньше конца февраля. По поводу этой грязной истории у Сережи был Сер[гей] Сер[геевич] Боткин. На мой взгляд вся эта история медного гроша не стоит. Мало ли что брешет такая сволочь как М[ихаил] П[етрович] и какой он в данном случае авторитет. Притом, насколько мне известно, пресса на вашей стороне". — Нувель временно редактор.

109

СПБ Вторник [1902 г.]

Илья Семенович

Собираюсь т. е. еду в среду завтра в Москву на несколько дней, Александра Павло[вна] тоже на днях едет — нельзя ли будет нам собраться на этих днях. Между прочим я окончательно пришел к заключению что нам необходимо приобрести следующие вещи: 1) Рябушкина [344] 2) Врубеля (лошади) 3) А. Бенуа. Зеленые ворота (вещь задержана Боткиным) 4) Левитана ручей (тоже задержана Боткиным). Мы покупаем слишком боязливо, а твоего опасения приобретать Бенуа после его статьи не признаю. Считаю даже просто унизительным — ну да еще при свиданьи переговорим.

Твой В. Серов.

110

СПБ. 23 мая 1902.

Любезный друг

Илья Семенович,

Тебе уже писал С. П. Дягилев о доставленных ему 2-х портрет[ах] Левицк[ого] [345] — мужской и женский — оба подписаны и хорошего времени, хорошо сохранены — но — произведения не из удачных этого мастера.

Как теперь с этим быть?

Цена, положим, весьма сходная — за 3000 руб. можно вероятно получить оба — для меня это вопрос второстепенный — стоимость. Помещать плохие вещи в галлерею вообще в силу их дешевизны не считаю нужным. Но есть другая точка зрения — галлерея должна собирать наших классиков, не разбирая их достоинств и брать все, что можно добыть, таких авторов — как Левицкий, Боровиковский [346] и т. д. — не знаю... Во всяком случае, все же, дамский портрет лучше.

Относительно этих портретов надо решить по возможности скорее — (повидай Александру Павловну, она на даче, кажется она не против —) т[ак] к[ак] в лице Д. И. Толстого, Бенкендорфа и Романова имеются покупатели.

Что бедный Михаил Александрович? [347] Кажется не важно что то? Прошу тебя написать мне результат консилиума. Не верится мне в выздоровление Врубеля.

Ну, до свиданья. Как изволили съездить?

С почтеньем В. Серов.

111

[Ино. 1902 г.]

Любезный друг Илья Семенович,

Ты путаешь — эти портреты Левицкого изображают Бакунина и его супругу, но не того Бакунина, кот[орый] помещен в издании Дягилева.

Фотографии тебе, они сняты, пошлются.

В Москву до августа, в конце, не собираюсь пока.

Отчего не посылаешь Сомовских денег — пора, пора...

В. Серов.

Пиши о Врубеле.

Щербов уехал.

Недели 2—3 проработаю здесь в Питере.

Финляндская ж. д. ст. Териоки ИНО, дача собств[енная].

112

5 Июня [1902 г.]

Любезный Илья Семенович,

Ну знаешь, твоя вырезка возмутительна [348]. Мне кажется что оставлять этого дела так не следует. Как врач, Савей Могилевич не имел никакого ни нравственного, ни юридического права допускать в лечебницу репортеров и рассуждать, называя больных по имени и указывая на прогрессивный паралич и все это для печати — отвратительно. Бедняга Врубель. Надо что нибудь предпринять. Написать Сергею Сергеевичу Боткину с просьбой присоветовать что нибудь.

Об Левицких передано Дягилеву. На днях владелец будет здесь и вероятно уступит.

До свиданья В. Серов.

На совете значит не буду.

113

10 Июня [1902 г.]

Любезный друг Илья Семенович!

Как обстоит с М. А. Врубелем? Мне кажется, что пожурить только Савей Могилевича мало — тут есть нарушение нравственного общественного права.

Беседовал тут в Питере — советовали обратиться в газету „Врач“, но для этого нужны достоверные факты т. е. что именно говорил Савей Могилевич этому интервьюеру — этой статьи недостаточно ибо мало ли что может поместить ради хлесткости пера любой рецензент в своем произведении.

А не мешало бы, в самом деле, как нибудь дать вообще понять людям, что они поступают (как врач так и газетчик) слишком бесцеремонно, бесчеловечно.

Что же Савей Могилевич теперь удостоверяет, без колебаний, что у М[ихаила] А[лександровича]— прогрессивный паралич, или это измышление газетчика? Если Надежда Ивановна [349] желает взять из этой лечебницы М[ихаила] А[лександровича] — она права, пожалуй — после подобной откровенности со стороны Савей Могил[евича] тем более. Слышал я также что обращаются там с больными, когда они буйствуют — крутенько и поколачивают.

Ручаться вообще за эти заведения трудно. Конечно все это пустяки перед самым фактом — прогрессив[ным] параличем — конец значит.

Был тут у меня Жуковский, родственник по жене, Врубеля. Он желал бы отдать своего „Пана“ [350] Врубелевского в галлерею, но при этом озадачил цифрою — пять тысяч. Объясняет эту цифру он тем, что по покрытии своего расхода на эту вещь (около тысячи) остальное отдать жене М[ихаила] А[лександровича] Врубеля на его лечение.

Кроме того он считает картину эту самым цельным и удачным произведением Врубеля: как член Совета галлереи объявил ему, что не могу входить в рассуждения о болезни М. А. и куда он намерен отдавать эти деньги (это касается меня как товарища М. А.), что я немедленно отпишу в Москву об этом, но все же нахожу, что цена высока и убежден в этом смысле относительно Совета. И вот теперь спрашиваю тебя и Александру Павловну.

Что это произведение М. А. Врубеля действительно желательно иметь в Галлерею — да, мое мнение — необходимо — тем более, что не вижу в будущем возможности иметь что либо лучшее этого художника. Трудно предположить чтоб М[ихаил] А[лександрович] поправился и написал бы что либо. Царевна Лебедь на мой взгляд слабее, пано Морозовские (как на Спиридоновке, так и другого Викулыча) тоже, Арцыбушевск[ие] и Тенишевские тоже. Значительнее, пожалуй киевские образа [351] да последний Демон [352], если бы он вышел — а „Пан“ по моему вышел.

Далее, не знаешь ли когда я выбываю из Совета? [353]

Шансы на помещение Врубеля в галлерею, без меня, в Совете, пожалуй, даже почти наверное, будут слабее, а между тем галлерея должна иметь Врубеля и хорошего.

Подумайте и скажите что может предложить галлерея.

Относительно цены можно говорить очень много, можно и ничего не говорить.

С своей стороны могу заявить лишь, что иду до 3000 руб.; как не шел дальше 9—10 тысяч за Витязя Васнецова [354].

Разумеется, с этим можно было и не торопиться, т[ак] к[ак] сама вещь придет из Германии (Карлсруэ) в сентябре, октябре, но повторяю—мое выбытье из Совета тревожит меня относительно Врубеля.

Что нового в Совете? В Щепкинской речи в думе прочел о перерасходе на Третьяковскую Галлерею... — так-с.

Владелец портретов Бакуниных еще не приезжал.

Заходил граф Милорадович бывший обладатель „Давии" [355], переговорить относительно копии с нее. Дело в том что Дягилев при продаже обещал за нас, что это ему разрешат т[ак] к[ак] с этим условием граф уступал эту вещь — разумеется стоимость копии не на счет галлерей. Граф ассигнует 200 р. Думаю зимой или осенью поручить это кому либо из учеников. Думаю, что Совет не будет протестовать, тем более, что уже, так сказать, дело сделано — „Давиа" Левицкого уже висит в галлерее.

— Ну вот пока все. Будь добр ответь и главное о Врубеле. Будь здоров, кланяюсь Надежде Петровне. Увидишь Александру Павловну передашь поклон. Твой В. Серов.

Телеграмма № 1

Петербург 15 Июня 1902 г.

Оба портрета Левицкого Бакуниных отдают за три тысячи пятьсот не меньше ответь Дягилеву немедленно. Серов.

114

[Петергоф. 9 августа 1902 г.]

Дорогой Илья Семенович!

Будь добр напиши мне I получены ли Левицкие и II о Врубеле — что с ним сейчас происходит? — Часто о нем вспоминаю с печалью.

Недели уж 2—2$^1/_2$ как вернулся из Bayreuth'a. Что же, пожалуй, ждал большего — думал ну побываю в Байрейте... а там можно будет спокойно и помереть.

На деле вышло грубовато во всех отношениях — но Вагнер, все же Вагнер геньяльный человек и величина его стала мне яснее, хотя, странное дело, Нибелунгов и Тристана считаю сильнее и богаче (по музыке) Парсифаля в кот[ором] на 2-х, 3-х мотивах (Вагнеровых, геньяльных) каков например мотив раны (Амфортаса) — тянется вся опера, — Летучий голландец, хотя в ней есть несколько кусков — опера обыкновенного разряда, не без пошловатости даже, что так не идет Вагнеру. Однако я что то расписался или записался в музыкальные критики — будет. Что поделываете? Напиши ка мне письмецо.

Как дела А. И. Мамонтова и всей семьи как и где они живут. Мы живем помаленьку, лето

стояло плохое да и осень что то того. Читал ты нашего Мутера [356] — А. Бенуа — трудно по моему писать историю, т. е. давать окончательную оценку людям еще существующим на белом свете — тут суждения (если человек прямодушен, а таков А. Бенуа) получаются острее и пристрастнее. Вообще я скорее слушаю его брань, чем одобрения. Поиски же за удельным весом истинного художества — пожалуй — бесплодны. Поклон Надежде Петровне.

В. Серов.

Телеграмма № 2

ПБГ. 28/IX 1902 г.

Интересная вещь Рериха [357] может уйти как быть. Серов. Боткина.

Телеграмма № 3

ПБГ. 7/X [1902 г.]

Наш совет идеален отличная картина Рериха упущена. Серов.

115

[Москва. 1903 г.]

Любезный Илья Семенович

У князя [358] был, имел довольно продолжительную беседу. Во первых он всецело присоеди-

няется к особому мнению Цветкова относительно покупки Боткина [359] и каррикатуры, опасается заявления в думу по этому поводу. Отвечать на статью „Новостей дня“ [360] не считает нужным и возможным от лица Совета. На всевозможные нападки газет Дума никогда не отвечает и вероятно с неудовольствием отнеслась бы к подобному полемизированию. Кроме того оно невозможно в виду разногласия в самом Совете. Разумеется каждый член Совета в отдельности может отвечать, но ведь не отвечали на Дягилевскую статью столь же недоказательную как и эта.

Я все таки заявил что следовало бы пожалуй собраться потолковать об этом, что возможно — Александра Пав[ловна] приедет — а тогда сейчас же меня известите — последние слова князя. Относительно вообще принципов при покупке картин — сказал ему что не схожусь с ним князем т. е. покупать по вкусу публики. Что вкусы вообще разные, что Лебедева [361] по настоянию Цветкова покупать не могу, как вероятно не может покупать Цветков Боткина. Что тут судить могут действительно только гласные и если заявление появится в думе — вероятно все мы уйдем.

Что порт[рет] кн. Черкасова художествен[ного] интереса иметь не может и т. д. и т. д. Тв[ой] В. Серов.

116

Ино [5.VI. 1903 г.]

Любезный друг Илья Семенович!

В день отъезда я был в галлерее. Нашел, что развешены вещи в нашем отделе не плохо.

Видел Егора Моисеевича — и вот о нем то и хочу тебе написать. Видел тут в Питере Александру Павловну и ей тоже о нем (Хруслове)[362] говорил. — Ему положительно необходим отпуск. Как человек в высшей степени деликатный об этом он и не просит, разумеется — но видимо ему очень тяжело.

Да и правда — представить себе четыре года и ни одного дня отлучки — сильно довольно. На всех службах света, кажется существуют такие или сякие отпуски.

Думаю, что и ты принципиально не против отпуска — вопрос лишь как это возможно устроить. К сожалению все работы по галлереи со стороны управы не назначаются в определенный срок — вот в этом главное затруднение, а то можно было бы в один из перерывов работы — дать возможность Хруслову съездить отдохнуть недели на две — на три. Ведь заболей он — ведь был бы на его месте временно посажен кто либо. К сожалению Черногубов, его помощник — больше литератор, чем хозяйственный соглядатай, ему и по лестницам ходить трудновато — где ему кого либо остановить или накричать, где нужно как это делает Хруслов.

Ведь ожидать конца ремонтам и работам по галлерее и ехать ему тогда — не представится никогда сего случая.

Нельзя ли было бы добиться от управы чтобы она точно назначила время 4-го покрытия потолка (это серьезная и ответственная работа в смысле хранителя — опять надо таскать картины и т. д. и т. д.) и до этого времени отпустить бы человека вздохнуть на воле хоть немножко.

Твой В. Серов.

Если не трудно напиши мне. В Москве буду в июне средине. В. Кня я не пишу (должно быть дорого назначил 5 тысяч а меньше не желаю).

117

[Ино. 29. VI. 1903 г.]

Дорогой Илья Семенович,

С горестью узнал вчера о происшедшем в Москве.

Признаюсь никак не ожидал. Я был совершенно уверен в твоем избрании [363]. Не пойму в чем тут дело — неужели Г-ам Гласным не известна твоя заботливость (истинная) по отношению к галлерее?

Что же это, интрига? или же покупки наши крайнего направления [364] (по их мнению исключительно твои)? Да, чувствую — для тебя это горе. Спрашивается — что же теперь делать нам Алекс[андре] Пав[ловне] и мне? — не знаю.

Ты убедительно просишь* в видах галлереи — не выходить, но выйти придется во всяком случае, если не сейчас, то через некоторое (не слишком продолжительное время). Очевидно г. Вишняков [365] (о котором решительно никто и ничего не знал за исключеньем гласных) будет действовать по вкусу Ивана Евмениевича — быть же в положении, в коем сей последний находился все время своего пребывания в Совете — считаю невозможным, а в таком положении мы с Алекс[андрой] Павловной очутимся при первой же покупке.

---

* Но ведь по словам Нового Времени — мы уже вышли.

Все это ты конечно знаешь сам. Но в чем ты видишь возможность борьбы и „все быть может к лучшему“ — не знаю *.

Видел редакцию [366] и Матэ — все возмущены. Вообще за последнее время все рушится одно за другим — очень очень не весело, наступила пора прозаическая. Я никогда не отличался так называемой жизнерадостностью — теперь же просто одно уныние и лень.

Твой В. Серов.

В конце июня буду в Москве.

Жена просит передать тебе что она очень опечалена.

118

[Ино] 29 июня [1903 г.]

Дорогой Илья Семенович!

В надежде что ты зайдешь в „Мир Искусства“ пишу тебе на авось.

Думал самому быть в Питере к твоему приезду. Но вчера вдруг заболел по определению нашего соседа доктора Шапирова чем то в роде малярии — сегодня уже лучше, но вчера с температурой в 40 гр. — было плохо. Таким образом эти как раз дни придется пробыть тут. Может быть найдешь время съездить к нам сюда?

Ольга Федоровна получила от своей знакомой (урожд[енной] княж[ны] Аргутинской) письмо, в котором говорится что альбомы г-жи Смирновой из Тифлиса выписаны и пришли в СПетербург

---

* Не лучше ли, быть может, в видах галлереи **нам обоим выйти именно теперь?**

и находятся у самой г-жи Смирновой. Видеть ее лучше всего от 1 часу дня. Адрес Сергиевска[я] 50. Елизавета Михайловна Смирнова.

Между прочим, полагая что буду у нее я—она пожалуй удивится — ну да все равно, скажешь что я заболел, но буду у нее непременно.

Кланяемся тебе. Твой В. Серов.

Кстати Дмитрий В[ладимирович] [367] (а быть может и сам Дягилев) собирался в этих числах быть у нас.

119

[Ино. 10. VII. 1903 г.]

Дорогой Илья Семенович

Если будешь в Питере не сможешь ли ты заехать к нам в Финляндию — право—а?

В Поповку я ехать не желаю видеть г-д Гучковых очень не охота.

Твой В. Серов

Ехать на Териоки или Райвола деревня ИНО.

120

Архангельское 29 августа [1903 г.]

Дорогой Илья Семенович,

Скучаете? — Так — а мы здесь под боком Поповки Вашей веселимся у князей Юсуповых. Т. е.— не так чтоб уж очень веселимся — больше занимаемся портретной живописью. Пишем князя на

арабском жеребце очень великолепно выходит; сына меньшего и самое княгиню (карандашами-с).

Живем во дворце и все остальное прочее—да.

27 были мы на заседании Совета, имели удовольствие познакомиться с — Г-н Вишняковым ученик Киселева А. А. [368] Он просил и меня любить его да жаловать!?! Надеется сойтись со мной во вкусах — вообще заискивает, развеселый и разбитной шустрый старикашка. Были представлены и демонстрирована объяснениями Иван[а] Евмен[овича] (он все также величественен) комната с расположением там икон по планам профес[сора] Кондакова [369] и друг[их] (не помню) и с согласия В. Васнецова, кот[орый] обещается дать мотивы резьбы. Затем обсуждали вопрос о приобретении портрета Боровиковского соб[ственность] Еремеевых. Портрет очень хорош — хотя и шаблонен, великолепной сохранности — просят 5000 — решено (князь в особенности) итти до 3—3½ тысяч. Андерсон просит за своего Брюллова [370] (пейзаж дерево) 7000 руб. предложено ему понизить цифру.

По поводу Голяшкинской коллекции [371] (Голицын еще ее не видел) Цветков считает необходимым приобрести собак (Горбунова) — (этакий дурень) говорит что этот художник у нас не представлен совсем — и тем лучше — ужели всех художников нужно представлять. Кажется он сдался.

В коллекции этой по моему до известной степени любопытен В. Васнецов (лавочка, лубоч[ная] картин[ка]) и представь головка Зарянко [372]. Пока отложено до осмотра кн. Голициным.

Ты вероятно знаешь что отопление переделывается, теперь нефтяное будет. Покрытия 4-го не будет. Посмотрим зимой — не верится что то чтобы было тепло — опять пойдут пробы — как

это скучно. Фасад делается понемногу. Вот тебе пока все по части галлереи.

Каких же тебе худож[ественных] новостей сообщить. Вот, к примеру А. Прахов [373] благосклонно принявший в свои руки журн[ал] Худож[ественные] Сокровища [России] выпустил тройной № такого... на редкость. Всю дрянь из жилых кабинетов Алекс[андра] III снял. Музей А[лександра] III с разных сторон. Нет, я думал что все же будет лучше. Каких еще новостей — Богданов-Бельский здесь по соседству пишет портрет В. К. Сергея. Еще! Что ж еще? а еще зимой этой приглашен я устроить свою сепаратную выставку в Берлине — да с. Да да — Современное искусство [374] того-с — прикончилось, да. Ф. Мекк и Щербатов затевают какие то выставки международные à la Diaghileff, а помогать им никто кажется не хочет.

Будь здоров пиши в Москву.

Кланяюсь Надежде Петровне. Твой В. Серов.

121

3 ноября 1903 г. Москва

В СОВЕТ ГОРОДСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГАЛЛЕРЕИ П. М. и С. М. ТРЕТЬЯКОВЫХ.

Прошу внести в протокол ближайшего заседания Совета Галлереи нижеследующее мое заявление (полностью).

Приобретение из коллекции Г-на Голяшкина картин В. Е. Маковского „Друзья-Приятели“ и картины Ю. Лемана „Рукодельница“ — считаю для Галлереи излишним.

Для принятой же в дар картины Карла Беккера [375] „Прием Императором Максимилианом вене-

цианских послов"—места в Галлерее не может быть, ибо эта картина дурного пошлого вкуса; будучи помещенной среди картин истинного искусства Запада [376], собранных Сер[геем] Мих[айловичем] Третьяковым, она явится нежелательным пятном в их ряду и нарушит благородство драгоценной коллекции.

Кроме того считаю нужным заявить, что на августовском заседании Совета этого года на мой оффициальный запрос — как решено относительно приобретений из собрания г. Голяшкина, мне было оффициально отвечено, что вопрос этот покончен в отрицательном смысле.

Член Совета Галлереи
Академик В. Серов.

122

Хирургическая лечебница [377] кн. А. В. Чегодаева Москва. Трубниковский пер. д. кн. Чегодаевой. [1904 г.]

Любезный друг Илья Семенович!

Что с тобой? Здоровье мое хорошо, скоро думаю и домой. На счет Левитана пожалуй ничего не буду иметь против (надо бы подправить), цена 500 руб.

Твой В. С.

123

[Москва] 18 февр[аля] 1904 г.

Дорогой Илья Семенович.

Портрет И. Левитана теперь в исправности т. е. вставлено стекло, а следовательно, его можно

взять, о чем тебя и извещаю. Еду завтра опять в деревню на неделю.

Будь здоров.

Твой В. Серов.

124

[1904 г.]

Любезный друг Илья Семенович!

Все никак не удосужусь написать тебе обстоятельное письмо.

Пока что — жена тебе словесно немножко вообще порасскажет, а кроме того она должна тебя торжественно поздравить с одержанной победой над врагами, оказавшимися в столь глупом теперь положении. Зная, как чувствительно у тебя сие галлерейное место я очень рад за тебя и был прямо тронут твоим известием о решении Комиссии [378].

Дочка наша вероятно у тебя взяла кое что из денег, а теперь ты дашь Ольге Ф[едоровне] и остальное.

Теперь относительно отеля Hassler в Риме: Ты должен будешь за 2 недели до твоего приезда написать письмо в кот[ором] упомянешь что ты и есть то лицо для кот[орого] я (т. е. Séroff как значится на оставленной в отеле карточке) и просил оставить помещение с конца сентября.

А пока обнимаю тебя В. Серов.

О сыне не пишу — жена расскажет, — все вообще, значит, обстоит пока благополучно.

125

Рим [20. IV. 1904 г.]

Любезный Илья Семенович,

Только что приехал из Венеции Падуи и Равенны — не жалею что так поехали видели кое что. Старушка Венеция еще маленько постарела — Прожили 3 дня Hôtel Sandwith, прежний хозяин помер отель стал хуже а главное всюду немец — еще на месте он туда сюда — но путешествующий не хорош, тут в Риме их словно меньше.

Твой В. Серов.

Сегодня же едем в Неаполь на 5 дней возвратимся и пробудем с неделю пиши P. R. Флоренция.

С языком справляюсь пока — оба здоровы. (В Венеции все реставрируют и плохо).

Кланяемся Вам и Над[ежде] Петровне — что то у нас в Москве и в России. Газет не читаю.

126

Hôtel Hassler Naples 2 Maggio [1904 г.]

Любезный друг Илья Семенович!

Вот что я тебя попрошу — будь добр пришли из тех 900 руб. что у тебя на сохранении (или на беспроцентном текущем счету — не знаю) матушке моей 200 руб. и будь готов (рассчитываю на твою любезность) руб. 100 переслать либо во Флоренцию или же в Вену извещу тебя телеграммой — хотел бы все же обойтись с теми 1000 руб. взятыми на это путешествие — кот[орое] пока идет хорошо. В Риме — хорош город, счастлив был его

повидать и увижу опять — было свежо немножко, ну а тут уж тепло изрядно.

В Риме великолепно (и не дорого сравнительно по 11 ф. с персоны) жили пенсионально с отличным столом в Hôtel d'Italie окно в сад Palazzo Barberini Via quatro fontane — шик. Назад поедем остановимся там — а сегодня ничего по искусству не осматривая едем в Сорренто.

Твой В. Серов.

В Академии в Венеции в коридоре вдруг увидел картину совершенно твою Апполон и Марсий подписано школа Рубенса. — Твоя гораздо лучше. Во всяком случае это не Рубенс.

Ну будь здоров. Жена просит кланяться.

127

[Финляндия. Июль 1904 г.]

Любезный друг Илья Семенович!

Согласно твоей просьбе, что, мол, как только мне понадобятся деньги известить тебя и ты вышлешь их т. е. 500 руб. в магазин в Петербург — сим письмом тебя о том и извещаю. Постройка и лошадь (купил) раззорили меня.

Живем хорошо, все здоровы — погода кажется хочет смиловаться — тепла все нет и нет. Как то у вас на Москве. Ждем тебя сюда. Спасибо за присылку Геннертовского обвиненья [379] с постановлением чтобы журналы печатались дословно я доволен — это справедливо.

Теперь вопрос о том лишь как будут составляться самые журналы? Черновик должен соста-

вляться и прочитываться в самом заседании а на следующем подписывать.

Ну пока до свиданья. Евг[ений] Боткин [380] отличен — никогда его не видал, его вообще хвалят. Увидишь Алекс[андру] Пав[ловну] кланяйся.

Здесь видел всех кроме Бенуа кот[орый] тоже в Финляндии но немножко далеко.

Поклон Надежде Петровне — Твой В. Серов.

128

[1905 г.]

Дорогой Илья Семенович.

Поздравляем Надежду Петровну сожалеем что завтракать у Вас не можем: Имеются гости. Отправляюсь к 3 ч. к Ермоловой [381] и перед тем заеду к Вам.

Ольга Федоровна просит поздравить Надежду Петровну.

Твой В. С.

От И. С. Остроухова получил тысячу (1000) руб. за портрет М. Н. Ермоловой по заказу „Литературно-Художественного Кружка".

В. Серов. 28 февраля 1905 г.

129

[Финляндия. 1905 г.]

Любезный друг Илья Семенович

Напищи ка мне что нибудь про Москву про Думские дела вообще (в газетах не найти)

и об Третьяковской галлерее. Так ведь я и не знаю — приобретена ли картина Перова (Трапеза)[382]. С своей стороны должен покаяться — до сих пор не был по поручению Совета у частного владельца один — правда, не внушающего доверия (в Петербурге). Всегда помнил об этом здесь в Финляндии — как приеду в Питер забываю, адрес же остается тоже почему то в Финляндии.

Видел Сергея Павловича вернувшегося и видавшего тебя, но ничего про тебя не могшего сообщить.

И так буду ждать от тебя письма.

Твой В. Серов.

У нас все хорошо все здоровы.

Затевается журнал юмористический[383] собирались тут — но ведь цензура все равно все похерит.

130

[Финляндия] 7 августа [1]905.

Дорогой Илья Семенович,

Благодарю за письмо. В Москву должен приехать 20—22, — по делам школы — экзамены приемные.

Очень жаль что тебя не застану уже.

На Совете таким образом быть не смогу. Нельзя ли относительно Мусатовских[384] вещей сделать так — чтобы мне их по приезде видеть, без чего все же я не могу дать своего голоса, хотя бы принципьяльно и был бы вполне на стороне Вашей — т. е. твоей и Александры Павловны.

Относительно Перова — не знаю. Как тебе я говорил считаю ее вполне вещью музейной, при чем

прибавлю, что мне, пожалуй безразлично, где ей быть у нас ли или у Алекс[андра] III но в общественном учреждении.

Надолго ли едете заграницу?

Кланяемся Вам обоим — bon voyage!..

Твой В. Серов.

Не нужно ли кого еще писать — чорт возьми а то плохо.

131

[Финляндия. 8 августа н. ст. 1905 г.]

Дорогой Илья Семенович,

Благодарю за письмецо. Признаюсь, по твоей способности легко писать длинные письма — ожидал письма более полного, так сказать, и точного. Так, например, спрашивал Вас что решено относительно картины Перова — „Трапеза“? — ответа нет. И так спрашиваю вторично — приобретена она или нет?

Земцев уже притягивают к суду — теперь, очередь за городскими... а затем за профессорами в виду чего, кажется, Илья Е[фимович] Репин собирается покидать союз профессоров. На мой взгляд Ил[ья] Е[фимович] не больше не меньше как просто наше „Новое Время“ [385].

Совет решил ты собрать во второй половине августа перед отъездом своим за границу — если так, придется мне приехать.

Заказ написать Федотову [386] — беру (Ермолову — Федотову — Федотову—Ермолову—все как следует). За 2000 руб. на сей раз поясной, хотя и дороже.

Постараюсь передать ее свиной глазок.
Все мы здоровы и тебе кланяемся.

Твой В. Серов.

132

Ино 15 Июня [1907 г.]

Любезный друг, Илья Семенович!

Сергей Пав[лович] Дягилев просил меня написать тебе письмо и упросить тебя дать ему на выставку в Париж (об ней ты знаешь вероятно столько же сколько и я если не больше) две твои вещи:

1) Венецьянова [387] девицу с теленком

2) Варнека [388] портрет двух барышень и может быть еще 3) Федотова [389] — горбуна.

Разумеется написать тебе — отчего бы и не написать, но упросить... не знаю и не берусь. Думаю что тут и взятка не подействует. Видишь ли — куплен у антиквария Васильев [390] и очень недурной (немножко в роде имеющегося у Сер[гея] Сер[геевича] Боткина) и куплен для тебя, о чем кажется, ты уже оповещен Серг[еем] Павловичем.

Но я обнадежил Сер[гея] Пав[ловича] что ты не подкупен и т. д. и т. д. и т. д.

Получил ли контур Щербова? [391] — послал тебе на просмотр, 2-х летняя работа — все не может найти раскраску.

Ну вот Думы нет [392] — все по старому по хорошему. А позвольте спросить какому же собственно манифесту отдать преферанс и какого придерживаться? Ни одного закона без Думы — все же реформы без Думы — очень просто.

Нет должно быть есть лишь два пути — либо назад в реакцию, впрочем виноват, это и есть единственный путь для революции. Ну до свиданья.

Твой В. Серов.

Да слышал я будто кто то из Мамонтовых умер? Правда? Не Алексей ли Николаевич (Алеша сын дяди Коли) а? Напиши записочку.

133

Іпо 2 Июля [1]907

Любезный друг Илья Семенович!

Получил я письмо от Н. Комаровского о нелепой просьбе которого я тебе передавал — он хотел получить место смотрителя городских зданий кажется. Это все так, но помочь ему как нибудь пожалуй возможно. Он пишет, что он был у тебя с письмом К. Коровина (собственно он товарищ К[онстантина] и Сер[гея] Коровиных по школе и т. д.) и просил тебя о месте учителя рисования в начальных городских училищах.

Ознакомившись с программой нач[альных] училищ, он сожалеет о слишком ограниченном числе уроков, в силу чего ему (как он говорит) будет трудно и не интересно что либо сделать.

Этим летом по его словам открывается 5 класс[ное] высшее начальное училище с ремесленным отделением где рисование будет поставлено серьезно. (Где это заведение находится — будет находиться он не пишет). И вот об этом заведении он умоляет меня тебе написать и его туда определить... Вот я тебе и пишу. Но знаешь помочь

ему следовало бы — он недурной художник, вернее любитель, но не пошлый — и если тебя на самом деле не затруднит при случае укажи на него.

Твой В. Серов

Что у Вас в Москве?

Если надумаешь мне написать буду рад получить письмо. Погода здесь прямо рай. Неужели Вы все в городе еще? В Питере никого не видал — проехал прямо домой, — на днях увижу — Бенуа Нувеля, Дягилева (не знаю тут ли) и т. д. и т. д. Сергей Сергеевича [393] конечно —

134

Финл. ж. д. ст. Териокки, дер. Ино. соб. дача. [12. VIII н. ст. 1907 г.]

Любезный друг, Илья Семенович!

Не позволишь ли мне обратиться к тебе, в виду серьезного оборота в твоей жизни (надо надеяться все же, не смотря на Н. Гучкова, что и ты теперь не обездолен) — просить у тебя денег — ссудить мне 1000 руб. до зимы. Заказов у меня имеется впереди так тысяч на 10, но сейчас денег нет, а мне предстоят неотложные траты. Во-первых мне необходимо купить небольшой участок земли рядом с нашей дачей — иначе кто нибудь другой выстроит перед самым носом какое нибудь шато лафит с вышкой — и тогда отсюда беги вон. Затем, в Москве переезжаю на другую квартиру, которую надо еще отыскать. Между прочим если будешь при случае иметь меня в виду — буду благодарен. Нужна хорошая квартира в 7—8 комнат не свыше в 1500 руб. с голландск[ими] печами,

в местности где всегда жил в Москве — хорошо бы особнячок. В Москве буду числа 13—14 августа.

Будь добр не откажи ответить теперь же сможешь ли ты предоставить эти 1000 руб. до 10 августа — или не можешь...

Видел В. В. Матэ — однако дешево ты купил у него Мессонье — сколько помню он заплатил дороже, но он беспутнейший добряк и все его объегоривают беднягу, а он в тисках — с трудом сводит свои небольшие концы, да и то кажется кругом должен.

Будь здоров. Твой В. Серов.

P. S. Разумеется сюда посылать денег нельзя, удобнее всего в Петербургский магазин Ваш[394].

135

[Петербург] 14 Августа [1]907

Любезный друг Илья Семенович!

Напрасно так на меня гневаешься. Извини, во-первых, что тебя обеспокоил своей просьбой — ссудить меня деньгами — лет на 5 вперед. Не знал, что ты еще не на ногах... Но тут виноват Дягилев — он насплетничал, что ты богат теперь и если до сих пор (по твоим будто бы словам) мог тратить 40 тысяч, то теперь сможешь в 3 раза больше... Не во всем, оказывается, можно верить С. П. Дягилеву.

Думаю, и оценка его Мессонье не ошибочна ли? На мой взгляд акварель стоит дороже 400 руб. Мне кажется, я имею право это мнение иметь и его тебе высказать — не правда ли? Меня смущает лишь одно — это беспардонная забывчивость

(или что либо другое) В[асилия] В[асильевича] [395] который, как ты говоришь, заявил тебе об уплоченных им за акварель 300 руб. — мне же говорил, что он „сам, кажется, заплатил дороже“ т. е. дороже 400 руб. — вот тут и разбери. Сейчас они на Кавказе. Когда увижусь спрошу его об этом — а пока имей в виду, что ни ссориться с тобой, ни ссорить тебя с В[асилием] В[асильевичем] у меня не было желанья. А затем могу тебе сообщить — матушку мою Валент[ину] Семеновну постигло нечто в роде удара (1-го) отнялась рука, правая сторона. Затронут язык и нога.

Понемногу оправляется — но рука должно быть еще не скоро вернется. Случилось ровно неделю назад.

Будь здоров.

Твой В. Серов.

На днях должен быть в Москве отыскать квартиру, а затем опять сюда в Питер.

Увидишь Ивана Ивановича [396] передай ему это известие.

136

[1907 г.]

Любезный друг Илья Семенович!

В настоящую минуту остался совершенно без средств к существованию — а по сему не можешь ли прислать мне небольшую совсем сумму денег равную скажем стоимости неудачного рисунка с Ландовской [397]. Пожалуйста, а потом попрошу тебя еще: в эту пятницу т. е. после завтра концерт посвященный П. И. Бларамбергу состоит из

его лишь произведений. Пойди пожалуйста — надо. В б. Дворянском зале.

От Жуковского получил наконец письмо. Пишет что сделка пока не могла состояться т[ак] к[ак] картина „Пан“ не получена. Слышал я что Отдел в Венеции выставлен и Пан значит там.

Твой В. Серов.

137

[31. V. 1908 г.]

Любезный Илья Семенович!

Забыл тебе сказать — говорят что Мекк продает „Демона“ [398] Врубеля. Не знаю какова его цена и какова будет цена для Галлереи — принципиально я за приобретение этой вещи, хотя бы она и несколько потемнела.

О „Пане“ толковали что потемнел, почернел — а по моему совсем не изменился.

Твой В. Серов.

А Гоголя то откроют [399] в апреле — этак лучше...

Остановился я у С. С. Боткина.

138

[1908 г.]

Любезный Илья Семенович,

На случай если Совет по поводу Врубеля состоится — он должен состояться — прошу на нем заявить мой голос за приобретение Демона.

В. Серов.

139

Домотканово. 22 Февраля [1910 г.]

Дорогой Илья Семенович!

Все у тебя не был, а хотел быть.

Сейчас в деревне хочу вылечиться от экземы, кот[орая] меня порядком донимает.

Дня 4—5 назад призвала меня Маргарита Кирилловна[400] и торжественно заявила, что она отдает галлерее собрание Мих[аила] Абрамовича [Морозова] за исключением нескольких вещей кот[орые] она пока оставляет за собой — и просит по возможности скорей собраться у нее Совету в любой день около 4-х часов. Надо будет это сделать. Дня через 3 надеюсь быть в Москве.

И так до свиданья. Твой В. Серов.

140

[Петербург, март 1910 г.]

Дорогой Илья Семенович!

Как здоровье?

Савинова[401] еще не видал, все оказалось убрано. Быть может еще увижу.

Серебрякову[402] видел — автопортрет у зеркала очень милая свежая вещь: пейзажик не дурен (но не больше).

Этюд же деревенской девушки совсем плох — думаю — было бы лучше как нибудь избавить галлерею от этого ничтожества — это открытка кот[орую] писал Пимоненко[403] или миллион ему подобных.

Вообще я ждал по твоим словам у Сомова нечто большее и солидное.

Очень хороши акварели Остроумовой[404].

Сейчас еду на могилу С[ергея] С[ергеевича] [Боткина].

Александру Павловну видел и протокол[405] отдал для подписи и отсылки тебе.

Ну вот пока и все. Твой В. Серов.

141

Ino 26 Июль [1]910.

Любезный друг Илья Семенович!

Рад был получить от тебя письмо. Я то же так давно из Европы — недели 2—1/2 и тоже доволен своим там пребыванием. Был в Риме, Сиенне, Орвиэто. Рассмотрел получше, чем тогда с вами, Генуюю — картинки во дворцах там очень и очень недурные. Был и на знаменитом кладбище — какая гадость.

Остальное время прожил в Париже у себя в Chapelle — преотлично. Утром и днем работал, а вечером в неизменный балет в Opéra. Вообще балет был удачный. Ты пишешь, что увлекался штрауссовской Саломеей[406] — не знаю, я видел это в Opéra — мне не понравилось в сравнении с текстом Уайльда[407], кот[орый] очень люблю; музыка мне показалась лишней. Видел значит Дягилева, Бакста, Бенуа. Он все еще не оправился от раны, кот[орую] он сам себе причинил, стеклом сильно порезал правую руку, кот[орую] лечит электричеством, понемножку движение пальцев восстанавливается. Рассказал он мне об инциденте с „Союзом". Не думал я, что наши московские умники решатся на такой дурацкий шаг. Ну что ж это поведет к распаду Союза, что

я в сущности и приветствую — но куда направятся московские члены не знаю; своей выставки им не открыть — на „Московское товарищество"? (не всех примут), к передвижникам?! — Петербуржцы вероятно учредят что либо свое в Петербурге, а впрочем это все мои личные размышления. Но что глупо, то глупо.

К. Коровин молодец — мне ругал составителей бумаги [408], а сам подписался (он верен себе). Хорош тоже Иванов зачеркнутый, как все нелепо. Итак, что же я опять избран в Совет [409]. Почему ты пишешь на четырехлетие — всегда было 3 года. Какого рода будет ревизьонная комиссия, что за осмотр в хозяйственном и художественном отношении (как было в газете)? Надо понимать в смысле мытья картин, а не их приобретения надеюсь — иначе...

Что Александра Павловна, видаешь ли ее? В августе она собиралась быть тут и у нас. Какая мерзость здесь опять — нескончаемая холера и препорядочная.

А до сих пор в Амстердаме ты еще не был? Странно. Скажи как понравились Passion в Обераммергау [410] — хорошо?

Если не лень напиши сюда — твой В. Серов.

Иван Иванович [411] говорят поправился — правда ли? Говорил Грабарь [412].

Привет Надежде Петровне.

А тут в Музей Александра III поступают хорошие вещи: Венецьянов голова крестьянской девочки. Портрет Крылова работы Оленина [413] — очень жаль что не попал в Третьяковскую Галлерею куда он был обещан Г-жой Олениной.

Читая введение к истории живописи Грабаря подумал — отчего бы не навести справки относительно портрета Ге [414] — Г-жи Петрунке-

вич? Может быть в Галлерею его бы и продали — вещь отличная и я ее отлично помню — что скажешь?

142

Ино 6 августа [1]910.

Дорогой Илья Семенович!

Только что прочел в „Речи“ что умер С. В. Иванов — ох правда ли это? Что было с ним? Еще ведь такой молодой?!

Не знаю насколько он, вообще, был болезнен? Случайность? Раненько что то... Жаль мне его. Все таки недурной человек и недурной художник.

Что то затаенное и печальное как будто в нем сидело, несмотря на энергию и бравость.

Не знаю — не знаю.

Будь добр напиши мне в чем дело. Есть еще известие в той же сегодняшней „Речи“, что Станиславский серьезно [415] — нет не серьезно, а опасно заболел.

Это еще что? Как печально все это!

Будь другом напиши.

Сегодня послал телеграмму на письмо от Ugo Ojetti [416] что жду его завтра. Отказать ему мне не хотелось, а с другой стороны, я не знаю, что мы будем делать с ним и его супругой? Языками владеем мы плохо, как тебе известно — да и вообще о чем беседовать?

А знаешь ли ты, между прочим, о книжке вышедшей из „Пенат“ [417] — Г-жа Северова [418] выпустила свои воспоминания (под редакцией Репина очевидно на сей раз) — прочти — найдешь там и себя.

Слегка просмотрел эту книгу и мне очень захотелось просто задрать юбки этой бабе и высечь — больше ничего — немножко грубо, но что делать! Говорят она сама и сам Илья Ефимович весьма довольны этим литературным произведением (со слов Леонида Андреева)[419].

До свиданья.

Твой В. Серов.

Увидишь Ив[ана] Ив[ановича] Трояновского кланяйся ему и скажи что скоро ему напишу.

Александра Пав[ловна] скоро должна быть тут.

143

Сестрорецк 8 сент[ября 1]910.

Любезный друг Илья Семенович!

Будь правда другом — одолжи мне 200—300 руб. (это не то что 1000 руб. кот[орую] я у тебя просил года 3 назад и которой у тебя не оказалось). На этот же раз — если у тебя и теперь не окажется 300—200 руб. — то я просто напросто выхожу из комитета (Третьяковской Галлереи) — ничего другого мне не остается.

Семью свою отправил вчера в Москву — денег же жене дал немного почему и буду просить передать деньги ей. Сам я надеюсь быть в Москве через неделю. Застрял и завяз я тут в Сестрорецке с одним портретом, не выходит проклятый... Не хочешь дать так — то хоть под залог министерской итальянской бумаги (меня просят оказать

честь нацьональному музею в Уффици и сделать свой autoritratto) [420].

Твой В. Серов.

Дашь денег — то, разумеется, — всего тебе хорошего (приеду — отдам).

144

Сестрорецк Суббота [18. IX 1]910.

Дорогой — Илья Семенович.

Спасибо тебе за услугу. Жена писала, что ты был у нас — и вручил ей целых 300 руб. — превосходно. Как видишь, я все еще тут — ох трудно мне дается работа, и упорным трудом, — нет чтобы так — взять да спеть.

Твой дальний родственник, парижская знаменитость (не шутя), — Léon Bakst обратился ко мне на этих днях с просьбой как можно скорее заказать для него фотографию с его картины в галлерее — „Элизиум“ довольно, как он говорит, приличного размера. Буль добр — позвони Фишеру [421] — закажи ему и поторопи.

Всего самого лучшего; до скорого свиданья; на той неделе буду в Москве.

Твой В. Серов.

У меня отвратительное перо и бумага — пожалуйста не подумай, что у меня прогрессивный паралич.

145

Москва. 14 Октября 1910

Илья Семенович,

Если тебе не трудно переговори как нибудь на досуге с Адриановым [422] о приставе 1-го участка

Тверской части, которому я написал довольно сердитое но справедливое письмо, за которое он привлекает меня к Суду за оскорбление властей чуть ли не по 129 ст. В суд так в суд — а всетаки, пусть градоначальник затребует и прочтет мое письмо.

Все готово еду завтра — до свиданья.

А что если вдруг на границе — стоп по распоряжению пристава 1-го участка Тверской части выезд запрещен — вот тебе и Мадрид.

Adieu В. С.

146

[9. XI. нов. ст. 1910 г.]

А здесь преотлично — право.

Хороший край. Эти дни все время буря — гром, молнии, ветер отчаянный, волны, дождь... Но сегодня великолепно. Живу я как Эдуард VII не хуже.

Утром ванна, гуляю, пишу а в 3 часа меня увозят в автомобиле.

В San Sebastiano [423] и Fuenterrabia [424] был — последние очень милы и Карла V уважаю. В среду вечером еду в Мадрид до вторника. Кое что успею посмотреть. Во всем разумеется следую твоим советам (Толедо [425] Эскориал), а здесь в казино с 9 до 11 — в маленькие лошадки.

Твой В. С.

А „Союз“ то того... в дураках.

Не забудь в Питере Тархова [426].

147

Grand Hôtel de la Paix Madrid [ноябрь 1910 г.]

Ну что же Илья Семенович — Мадрид — так себе.

Оно конечно Веласкец, да вот еще видел сегодня бой быков хорошо быки всаживают рога в лошадей, а то и в людей — одному матадору в ногу да через себя перекинул — превесело а из лошадей кровь как из кранов — бойня в сущности.

Гойя тоже так себе и даже очень так себе — это геньяльный диллетант.

Порой — изумителен El Greco [427].

Вчера был в Толедо — великолепно. Арабская часть т. е. что осталось от них мне нравится — умели жить.

Ну а христьяннейшее средневековье по всей Европе одно и то же. Orvieto, Sienna — все то же самое, привкус слегка другой — вот и все. Завтра еду в Эскориал и назад в Биарриц. В. С.

Кто хорош везде и всюду это Тицьян повыше самого Веласкеца. Восхитителен дом в кот[ором] жил Сервантес в Толедо — совершенно из Дон Кихота.

148

Biarritz [18. XI н. ст. 1910 г.]

Илья Семенович,

Будь добр по получении этого письма распорядись относительно Тархова. Напиши или телеграфируй в Петербург Сергею Констант[иновичу] Маковскому в редакцию „Аполлон“ [428] где имеется выставка Тархова о задержании (как было

условлено между нами) — его картины из цикла „Maternité“ — [429] „Tendresse maternelle“. Он все ко мне пристает — но он прав, картина т. е. этюд хорош — материнство есть.

Вчера вернулся из Испании.

Льва Толстого нет оказывается. А все таки человек этот большой и много мучился, за что многое простится в его барстве. Побег его не шутка.

Твой В. Серов.

Где и что и как его хоронить будут — наверно воля его известна. Духовенство, полиция, полиция, духовенство, кинематографы... не знаю — что лучше — Эскориал? Тоже и католическая смерть не плоха. Что другое, а хоронят у нас в России преотлично и любят.

149

Paris 8 Dec[embre] 1910

Дорогой Илья Семенович!

Очень рад, что покупаешь Ге — портрет! Да на счет Врубеля тоже рад что он тебя беспокоит — вещь эта все же значительная — не купить ли ее, лишней никогда не будет...

Прошу тебя об одном — будь добр переговори с Софьей Михайловной Боткиной [430]: по моему порученью Г-н Лемерсье [431] был у нее — но она заявила что на такое далекое расстояние (в Рим) портрета она дать не может — если поближе то согласна — что сие означает? Что делать Рим в Риме, а не в Серпухове, глупо, уговори ее прошу [432].

Вчера вернулся из Биаррица, через неделю еду в Россию. В Петербурге остановлюсь у В. В. Матэ.

А океан меня все таки разбил — все бури, бури, кипит вода и пена, долго трудно вынести dicht am Ufer. До свиданья пока. Кроме портрета, кот[орый] тоже меня измучил (как всегда впрочем) ничего в Биаррице не писал. Тронут что купил вороных.

Твой В. Серов.

150

СПБ. 30 января [1]911.

Дорогой Илья Семенович!

Что это ты так сюда и не приехал? Жаль. Скажи пожалуйста — кто этот сукин сын Протопопов? Эгакий болван и нахал прислал еще мне телеграмму — чертова даль, а Кипренские [433] его не Кипренские — просто... собачье — хоть бы спросил раньше кого нибудь — мерзавец.

Боюсь, что и с Перовым (на Торговой) то же будет.

Выставка Мир Искусства не важная. 2 вещи: Портрет Добужинского [434] раб[оты] Сомова [435]; Рериха — лес со старичками можно было бы купить — да проданы. Недурен Добужинский, в мелких вещах и Анисфельд [436]. В Москву выставка не едет. Буду просить поэтому тебя — переговорить с Н. И. Гучковым [437] (я ему писал) сказать ему, что портрета Голицына теперь не буду брать и извиняюсь. Был вчера в Невской Лавре — народу было маловато. Федор отлично устроил могилу основательно. Молились и пели за упокоение души Сергея Сергеевича а покою

он совсем и не хотел — пожить бы еще и с удовольствием пожить — вот чтобы ему — да.

Да да напиши мне сюда — что решено со Стеллецким[438], я его встречаю — надо бы купить право.

Твой В. С.

Телеграмма № 4

9/II–1911 г.

Из Петербурга в Москву Остроухову.

Стеллецкий уступает за 3500 рублей адрес его Лиговка 3 Фон Анреп Серов.

151

СПБ. 4 февраля [1]911 г.

Дорогой Илья Семенович,

Не знаю колеблюсь нужно ли мне быть в Суде — как бы хуже не было, а кроме того, ведь, в сущности, я и знать ничего не знаю — написал что считал нужным написать — а там как угодно. . .

На всякий случай передай Попову прилагаемую записку мое так сказать последнее слово.

Стеллецкому написал. Жду его к себе. Ну что же вот пока и все.

Не знаешь ли — что у покойного Киселева, может что либо найтись в Галлерею? Очень рад

что купили вы Сарьяна [439] — его давно пора было уже

До свиданья.

Твой В. С.

152

Hôtel d'Italie, Rome 22 апр[еля] [1]911.

Любезный друг Илья Семенович!

Будь добр мне написать сюда на когда ты хотел иметь помещение в Hôtel Hassler. Записочку на кот[орой] отметил твой заказ я забыл в Москве. Помню что на Сентябрь как будто, но не уверен.

Тепленько здесь. Выставка т. е. наш отдел еще далеко не готов — открытие назначено на 28 нашего апреля т. е. 15 мая, — не знаю управятся ли.

Но павильон лучший по моему [440]. Такие банальные гадости кругом расположились на вилле Боргезе [441], где стоят еще прежние — соседство невыгодное да и вообще не слишком подходит выставочность к Риму. Произведений еще никаких не видал — но говорят, что очень так себе.

Король нашел себе отличное занятие — торжественно открывать интернациональные павильоны по времени их готовности. Прекрасное времяпрепровождение и я имел уже счастье его видеть.

А за сим поздравляю Вас и Надежду Петровну с праздником.

В. Серов.

Ольга Федоровна тоже — отлично гуляет по загранице — и тоже, разумеется кланяется и поздравляет.

153

Hôtel d'Italie Rome, 1 мая 1911.

Илья Семенович!

Что же ты мне ничего не напишешь относительно своего приезда сюда осенью на какое время взять № в Hôtel Hassler. Если ты сию же минуту напишешь то я еще получу здесь твое письмо.

Отдел наш открывается 13 мая. Репин уже развесил свои вещи: „Какой простор", „17 октября" и портреты — не особенно приятно. Кажется я тебе писал что эти интернациональные выставки... впрочем могу повторить это еще несколько раз. А Рим все портится и портится и прав А. Бенуа, кот[орый] мне сюда писал что через 30 лет порядочному человеку житья совсем не будет. Завтра он приезжает сюда из Monte Carlo. Алекс[андра] Пав[ловна] там еще т. е. в Monte Carlo. На этом пока и до свиданья.

M-me Nordmann тоже здесь имеется.

Твой В. С.

Поклон итальяночке, лучше ее пока здесь никого не встретил. Mes compliments.

154

Roma 11 m[aggio 1]911

Дорогой Илья Семенович!

Вот что имею тебе сообщить относительно Hotel Hassler: три комнаты с балконом и окнами выходящими на площадь с видом на Рим заказаны, но за 14 дней до приезда просят телеграфировать — задатка не берут.

Стоимость пансьона за двоих 3 комнаты — 65 fr. за 2 комнаты 55 fr.

Ванны при комнате нет (это отель еще в прежнем стиле) но таковая имеется в том же этаже.

Если встретишь К. С. Станиславского спроси его — он там жил этой зимой. Место дивное. Лично я ненавижу современный пошиб Palace hôtel'ей, кот[орые] теперь распложаются неимоверно. Скоро весь Рим покроется ими — нет отдыха от удобств.

Послезавтра открытие российского павильона с королем, королевой, Мар[ией] Пав[ловной] [442] и т. д. и т. д. Павильон вышел очень не дурен — но тесноват и немножко убог внутри сравнительно с окружающими нациями, но не пóшло. У нас с Репиным отведено по спальному купэ. Но все же я доволен и выставился хорошо — не много но, пожалуй, лучшие вещи за последнее время — ну да ведь ты же увидишь...

Послезавтра начинается и балет в театре Costanzi, вся компания здесь — и синодальный хор — одним словом Россия über alles.

Твой В. Серов.

Боже, какие ты делаешь успехи в итальянском языке... Жена и я кланяемся. Если вздумаешь писать пиши Hôtel du Quai Voltaire Paris — куда еду на днях. Заедем еще во Флоренцию. Портретную выставку не особенно хвалят.

Ну будь здоров.

155

Лондон июнь 1911 г.

Любезный друг Илья Семенович.

Вспомнил о тебе и пишу по дороге из Парижа в Лондон. С тех пор как тебе не писал ты уже

видел Ольгу Феодоровну (кот[орая] вручила тебе мое письмо) с тех пор я в 2 недели должен был написать свой персидский занавес, который и написал. Пришлось писать с 8 утра до 8 вечера (этак со мной еще не было).

Говорят не плохо господа художники как наши так и французские некоторые. Немножко суховато, но не неблагородно в отличие от Бакстовской сладкой роскоши.

Но вообще Дягилевские балеты имели громадный успех — смешно право — ведь уж который год он кормит парижан.

На сей раз лучшее это „Петрушка" балет Стравинского. Это настоящий вклад в современную русскую музыку. Очень свежо, остро — ничего нет Римского-Корсакова, Дебюсси и т. д. совершенно самостоятельная вещь остроумная, насмешливо трогательная. Странно — постановки балетов из опер не хочется смотреть (Игорь, Садко) — скучно ничего не поделаешь. С операми вообще что то происходит. Уж на что я Вагнерьянец, а пожалуй, еще подумаю пойти ли (если пригласят в ложу). Разумеется и балет на очереди к отходу, но пока еще держится и продержится некоторое время если Дягилеву удастся его еще реформировать. На будущий сезон ставятся французские балеты Равеля и Дюкаса. Надо отдать справедливость в настоящее время постановки Дягилевские думаю лучшее театральное времяпровождение в смысле красивости. После ничего нельзя смотреть в Париже. Уже теперь есть несколько попыток стать на Дягилевскую точку в смысле постановки — но пока очень жалкие — да да пока что мы русские впереди. Смешно сказать но, например все машинные приспособления не говоря об этой провинцьяльной дыре Риме, но и здесь в Grand Opéra

и в Chatelet здесь плохи и примитивны. Европейцы вообще народ консервативный.

Между прочим на будущее лето Художественный театр собирается сюда в Париж страшновато... Встретил тут Немировича[443] и Стаховича.

Еду сейчас в Лондон вслед за нашей труппой. Погуляю еще немножко на коронации Георга V и затем в С. Петербург морем — совершенно не в состоянии ехать через Германию. Совсем ее разлюбил. Да, мой alter Koepping знаменитый radierer такое..... поставил в Риме что совестно мне за него. Какие то натурщицы и преплохие, пошлые.

Да а свою Рубинштейн отдал я Дмитрию Ив[ановичу] в [музей] А[лександра] III. Сначала было колебался стоит ли, а после того, как Бенуа короновал меня с Местровичем[444] (серб) на Капитолии — смотри „Речь“[445] № не помню — (между нами, как ты говоришь малость перемахнул Алектандр Николаевич) ну так вот, я и — решил после настоятельных просьб Толстого ему ее и отдать и теперь, как видишь гуляю по загранице. Как будто уж пора и домой, хотя в Париж, Рим приезжаю почти как в Москву или Петербург.

Совершенным комивояжером стал — ну а за сим и до свиданья.

Пиши Твой В. С.

Финл. ж. д. ст. Териокки Ино.

156

Финляндская ж. д. ст. Териокки
Деревня Ино соб. дача [июль 1911 г.]

Илья Семенович!

Будь другом — заезжай как нибудь к матушке моей Валентине Семеновне — живет она у нас на

квартире и спроси ее или проживающую у нас г-жу Киселеву — какой пристав от градоначальника был у нас и заявил ей, г-же Киселевой *, что у него имеется приказ прокурора Окружного Суда — арестовать меня — когда я вернусь в Москву из заграницы. Что это может быть!?!? Дело мое в Окружном ведь покончено и 5 руб. тобой уплочены ** — как мне говорила дочь моя Ольга (я забыл тебе их вернуть и поблагодарить).

Вторичного разбирательства без моего ведома быть, надеюсь, не могло. — Не понимаю.

Что же это — шутка? Не знаю полагаются ли полицейскому чину подобные шутки. Будь добр узнай как нибудь и что нибудь т[ак] к[ак] матушка несколько обеспокоена. В ожидании твоего любезного ответа могу тебе сообщить: что вернулся я к себе из Лондона морем и преотлично; в Лондоне подвизался с балетом, кот[орый] был блестящ в Covent Garden'е (занавес мой имел тоже успех как мне пишут, коли не врут), видел музеи, Hogarth'а [446], видел спектакль Gala с королем, раджами, магараджами; ездил верхом в Hyde Park'е — чего же еще...

Был в Питере в Эрмитаже.

Ну какого Greco достал Д. И. Толстой — действительно вещь — одна из лучших вообще его вещей — я его (Толстого) поздравлял и не один раз. Он принудил в Эрмитаж пожертвовать г-на Дурново, что был у нас Генер[ал] губернатором. Поздравляю Вас с Рейнботом [447], между прочим; и Коротким тоже — очень мило.

Вот уж недели 3 как сижу у себя у моря и погоды не жду ибо жарче кажется не бывает,

* До 1-го августа она еще у нас.
** а вдруг не уплочены?!

но у нас весьма сносно — всегда бриз с моря. Пока что рисую басни Крылова [448], а под осень в Москву прямо в кутузку значит — всегда готовый пострадать за престол и отечество В. Серов.

Но все же любопытно знать на долго ли и за что собственно.

P. S. А. Муратов [449] немножечко слащав вообще. В его статье в „Аполлоне" о галлерее мне нравится лишь одно место — что Савинова покупать не следовало и это верно. К сожалению.

157

СПБург 20 августа [1911 г.]

Дорогой Илья Семенович!

Думаю, что письмо это еще застанет тебя в Карлсбаде. Куда решил ехать? В Италию не едешь? Ну, ничего, в другой раз съездишь. Как уже писал тебе — Рим теперь неприятен. — Поезжай в Париж в Лувр и посмотри на пустую квартиру Джоконды [450] — отбыла и куда неизвестно... а знаешь — Лувр без нее не Лувр. Ужасная вещь. Терзаюсь не на шутку. Все же, надо думать что найдется — если какой нибудь южноамериканский миллиардер не заточит ее где нибудь у себя в Буэнос Айресе Монте Видео Патагонии и т. д.

Не думаю, чтобы это было делом помешанного — ну тогда уж дело совсем дрянь...

Да — ну а как ты поживаешь?

Как тебе известно может быть — умер П. М. Романов. В Царском от расстройства желудка в одну ночь — похоже на молниеносную так сказать холеру, и у него здесь имеются несколько весьма и весьма недурных Левицких — т. е. у вдовы, значит...

Будешь в Биаррице не пожелаешь ли пожалуй, познакомиться с русским евреем, жену кот[орого] писал прошлой осенью — они милые люди и не чужды искусству т. е. стараются — это Zetlin — „villa les Mouettes“ рядом с Palais. Михаил Осипович Цетлин. Между прочим у них имеются фотографии с выставленных моих вещей в Риме — если в Риме ты не будешь.

Да извини за глупую историю с моими 5 руб[левыми] делами — но кто тут виноват не знаю. Попов ничего мне не написал. Скоро буду в Москве куда и буду тебя просить мне что нибудь написать. Кланяйся очень Александре Павловне. Всего тебе хорошего. Надежде Петровне кланяюсь.

Твой В. С.

158

[Москва] Ваганьковский пер. д. № 9 Клюкина
[ноябрь 1911 г.]

Дражайший Илья Семенович!

Даром пророчества я не одарен, а вот Вы стареете очевидно, ибо маршрут Ваш был мне написан в подробности — Вами же.

Ну холеры сейчас в Риме собственно нет, о чем мне заявил Ваш поверенный Попов, бывший там не так давно при чем публики (к моему удивлению) на выставке очень бывает много. Ну все равно Лондон тоже не плох — не правда ли?

Цетлинами я был весьма доволен — они не плохие люди и по искусству т[ак] сказать стараются. Его отец купил дом Щукиной на Поварской и кажется намерен собрать коллекцию (главным образом сын).

Ну с вот — приехал в Москву дня уже 4. Немножко было поболел, теперь — ничего. Заеду в галлерею не то завтра не то после завтра. На счет Романовой ничего я собственно предпринять не мог ибо я перед ними тяжко виноват: я выпросил у них свой портрет Петра Михайловича а по приезде в Рим нашел его неинтересным (хотя он и не плохой) и просто снял и увез назад в Питер и отослал его вдове с извинительным письмом на каковое ответа никакого не получил...

Пока что до свиданья.

Столыпин убит как тебе известно, а Александра Ив[ановича] Гучкова назначают (коли не врут газеты) генерал губернатором в Сибирь на место Гондатти.

Кланяюсь Надежде Петровне. Твой В. С.

159

Москва 21 сент[ября 1]911

Дорогой Илья Семенович,

Пересылаю тебе вырезку из вчерашнего № „Утро России". Такого же рода были и в других, как в Русском Слове и т. д. [451].

Не пойму: ведь в этом роде уже, кажется, был запрос в Совет — что бы давались мотивировки относительно приобретаемых вещей. Тогда же, сколько помню, был и ответ Совета — что объяснений кроме стоимости (кот[орая] всегда доводилась до сведения городского управления) даваться никаких не будет. Было это так или нет? Чего же, собственно, дума, или комиссия там, — желает.

Если таковое *требование* будет опять предъявлено — то — придется ответить просто своим выходом — чего вероятно им и желательно. Но,

в таком случае, почему же, скажем, я был выбран опять на это 3-хлетье?

Между прочим Александра Павловна и я всю залу большую (где птицы Гамаюны[452]) развесили и перевесили так:

[*набросок плана*]

и весьма сносно. В акварельном развесили, но кажется не важно. Алексеева[453] повесили рядом с Пушкиным. Повешен Боровиковский [*неразборчиво*]; поставлен бюст. Кое что перевешано и тоже к лучшему в зале где Малявин, там же повешен и Савинов, Тархов и Яковлев[454]. Все иностранные вещи пожертвованные находятся внизу в советской комнате (временно) куда снесли и „Максимильяна“[455], — отличное немецкое отделение от кот[орого] не отказался бы и сам Вильгельм II.

Ну всего хорошего, попробую пойти сегодня на ген[еральную] репетицию „Живого трупа“ — вот и все.

Хорошо ли в Биаррице?

Кланяюсь Надежде Петровне. Увидишь Толстого и Цетлиных поклон тоже.

160

Москва 2 октября 1911 г.

Любезный друг Илья Семенович,

У нас зима — снег. А вы купаетесь — каждому свое.

А свое интервью я и не читал, будь добр — привези его с собой. Это самое „Утро России. —

Беккера лучше не снимать со стены советской комнаты и вот почему: вследствие пожертвования

В. К. Елизаветы Федоровны в настоящую минуту в галлерее имеется (вместе с Беккером) изрядное собрание иностранной школы для кот[орой] еще не приспособлено помещение, а потому временно все эти вещи находятся в советской — и просто и мило и убедительно и сущая правда — вот что главное. А так приносить этого самого Беккера никуда и никак невозможно не шутя. А кто ежели его хватится — тот может получить вышесказанное разъяснение от хранителя. На этом решении настаиваю и буду настаивать по приезде твоем и надеюсь Александра Павловна того же мнения. А правда куда девать эти немецкие вещи? Их необходимо устроить как нибудь отдельно — но где?

Разумеется я рекомендовал Цетлиных молодых — не стариков дураков — тоже купили дом Щукиных теперь разделывают его под орех болваны. А эти довольно милы, хотя особенного из себя ничего не представляют.

Играете по маленьку? — проигрываете?

Ну до свиданья кланяюсь. Ольга Феодоровна тоже.

Завтра иду в Летучую мышь[456] — Живой труп наизнанку (пожалуй позанятнее будет).

Всего самого лучшего, гр. Толстому тоже поклон.

161

Любезный друг Илья Семенович,

Пожалуй сегодня не придется у тебя побывать — сегодня приехал и с утра был на экзамене в школе до сих пор и вечером необходимо

ехать опять туда же на лекцию Ключевского[457] — вернее завтра.

Твой В. Серов

162

Любезный Илья Семенович,

Говорят ты избран гласным — поздравляем если так. Ну с, на счет акварели — . . . Что же акварель, как акварель, ни хороша, ни плоха. Не знаю приобретать-ли, да и 100 руб. не много ли.

Твой В. Серов

На днях перед Петербургом зайду.

Холодно — зябнем.

163

Спасибо Илья Семенович,

Будет очень мило с твоей стороны, если ты заедешь за мной ко 2-му акту Валкирии — буду ждать тебя.

Твой В. Серов

С удовольствием послушаю оркестр.

ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ ЧИСТЯКОВУ

164

Москва 1 октября [18]94 г.

Дорогой Павел Петрович,

Только вчера получил письмо Ваше.

Жалею очень, что будучи на днях в Петербурге, не зашел к Вам, хотя я был там очень

короткое время, торопился домой в Москву возвращался из далекого путешествия на север[458]. Спрашиваете Вы меня правда ли, что я Питера и академии знать не желаю и даже знаться.

Выражения немножко слишком резки. Правда Петербург вообще мне чужд и не люблю его. Жить в нем опасаюсь из за семьи, петербургская зима опасна жене моей. Академия по старой памяти навевает какой то холод, быть может все это пустые предрассудки. Разумеется теперь все там иначе. Непонятно и обидно что Вас минули — не пойму никак. Да, единственно Ваше мнение в академии было для меня высоко и дорого.

Да, я Вам должен до конца ответить на Ваш вопрос. Дело в том, что преподавание вообще я не люблю – учеников и бездарных и талантливых всех не люблю — серьозно.

Предлагали мне поступить сюда (в Москве) в школу живописи преподавателем — я отказался.

Из Питера слышал что меня будто бы баллотировали в академию да не выбаллотировали[459]. Еще слышал, что Савинский[460] выбран — вот это хорошо. Будьте здоровы Павел Петрович спасибо что помните меня. Надеюсь скоро быть опять в Петербурге зимой.

Жму Вашу руку. Кланяюсь семье Вашей В. Серов.

Адрес: Москва Старопименовский пер. д. кн. Кудашевой.

165

Москва 2 октября [1]908 г.

Дорогой Павел Петрович!

Недавно узнал, что Вы — заместитель мастерской И. Е. Репина. От души радуюсь Вашему

желанию учить. Помню Вас как учителя и считаю Вас единственным (в России) истинным учителем вечных незыблемых законов формы — чему только и можно учить...

Буду думать, что и ученики (достойные) поймут Вас и оценят.

Ваш В. Серов

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ БЕНУА

166

Петербург [1900 г.]

Дорогой друг Александр Николаевич,

Прости, видишь ли, я тебе кажется говорил — я отчаянно тороплюсь с портретом Ал[ександра] III — через неделю ровно его нужно отправить. И так я решил ехать чтобы в городе успеть списать своих казаков, с которых сделал набросок и покудова их еще не забыл, покончить с ними. После 20 буду совсем свободен и буду у вас непременно — вместе осмотрим дворцы (для Елизаветы) если ты не прочь а теперь еду — как бы не хотел поболтать с вами. —

Анне Карловне поклон и благодарность. Пирог с рыбой (превосходнейший) чуть не весь приел.

Альфреда Пав[ловича] [461] увижу вероятно в редакции.

До свидания В. Серов.

167

[Москва] Вторник. [1900 г.].

Любезный друг Шура,

Наконец то я имею разгадку загадочной телеграммы. — Знаешь приятно получить часов в 5

ночи телеграмму: „не предпринимай ничего считай мое письмо неполученным“ — письма то ведь никакого еще нет — только сегодня получил его. Это все пустяки разумеется, но что же вы или мы решили или решим в защиту уважаемого редактора Мир Искусства. Интересно бы знать. Между прочим от Чехова:[462] он мне сообщил, что Суворин[463] с Бурениным[464] сейчас здесь в Москве. Не пойти ли и мне, в свой черед, колотить его — чем только не знаю — цилиндра у меня нет.

Вы думаете, что Буренин этим фельетоном не ограничится. А то так, в сущности, на него откликаться, да еще в такой торжественной форме (за подписями всех нас) пожалуй не стоит — много чести.

Были мы тут с Переплетчиковым[465] (какая длинная фамилия однако) в новом консерваторском здании.

Очень и очень недурной зал и весьма и весьма пригоден для нашей выставки[466]. Разумеется в украшениях не без лепной роскоши, ну да сравнительно ее не так уж много а главное хороший верхний свет и кроме того есть еще две боковые длинные комнаты с боковым светом, кот[орые] можно использовать — антре прямо великолепно. Морозов (один из директоров) обещал со своей стороны сделать все возможное чтобы зал был наш: Редакционный академик а что Академия... Напишите. Жена кланяется тебе и семейству. Поклон всем.

168

[Москва] 1 Декабря. [1900 г.]

Ну с дорогой устроитель — совратитель — не дают нам консерваторского зала, там предполо-

жены репетиции. Думаю все таки немножко порасспросить не штуки ли это какие нибудь опять, и предоставлен ли зал Жервексу. Да! да! ну что же, чорт возьми Академия с действительными ее членами? Дайте же знать — ведь любопытно.

Здорово — дадут зал — скандал (старосте на руку) не дадут зал еще пуще скандал (старосте на руку) вот нам пожалуй плохо. Хотя Стасов [467] и пишет, что зал и помещений и в Питере и в Москве сколько угодно, что мол, нет, нам Академия-с нужна — а на самом то деле их как будто нет совсем.

Телеграмму твою, как всегда, разумеется получил я около 5 часов утра и как я не был рад еще новому шагу декадентов — но проклял твою систематическую систему (прием что ли) посылать телеграмму между 9—11 ч. вечера.

Умоляю переменить часы отправления.

Ну хорошо — панно то Коровинские все таки будут на выставке?

Узнал от Остроухова — Мих[аил] Пет[рович] Боткин похвалялся, что он тишайший, нижайший, сладчайший виновник недопущения или изгнания наших выставок у Штиглица [468].

Начинаю думать, что мы все герои — нас гонят...

Между прочим меня интересует — в Академии, на открытии полковая музыка будет или нет.

Академик В. Серов

Спасибо Философову за присылку газет.

P. S. Был у В. М. Васнецова видел у него проект раскраски Кремлевского дворца — великолепно право. — Если это утвердят (а тут и у Васнецова есть враги) будет одно веселье

и на Кремль можно будет смотреть не потупляя глаз перед дворцом.

Впрочем, кажется я уже писал об этом.

169

[1900 г.]

Любезный друг Шура.

Весьма согласен с твоей статьей об Академии.

Напрасно лишь упоминаешь о Сурикове[469] Васнецове Врубеле Левитане и обо мне. Все сии художники не обладают тем что нужно для школы. Не исключая и Репина (все же самого верного рисовальщика, иллюстрации не в счет) никто из сих художников не владеют той спокойной уверенной и верной чертой.

Считаю что для школы, да и ты говоришь то же самое, нужно больше рукомесла да где достать этих мастеров, неужто ж прямо таки выписать их наложенным платежом из за границы? Кого же, например?

Да и действительно видел я работы этого строжайшего из строжайших самого Гуго Залемана[470] — его фризы: — помимо того, что это бездарно и намека на Грецию нет, нет даже общепринятого казенного приличия — преплохая, несчастная провинциальная скульптура. И этот человек слывет за знатока всех наук прекрасного — анатомии и т. д.? Странно — Ты каким образом видел сии фризы?

Да послушай — ведь я большая свинья (ну это ты положим всегда знал) я еще не благодарил тебя за даровое присылание твоего издания, все же очень хорошего, лучшего среди Третьяковских изданий и Грабаря. Молодчина Грабарь уж он Вистлера[471] этого отхватал — кого то теперь? Ду-

маю, он скоро кинется в объятия И. Е. Репина уж это верно. Ей богу, хотя он и твой приятель, Грабарь, и не плохой художник и [. . . . .]

Был здесь С. П. Дягилев, что я имел честь прочесть в газете, но я их не видал. Быть может тому причиной обоюдная инфлуэнца, т. е. он и я почти одновременно болели ею — я и сейчас еще не выхожу, вот уж $1^1/_2$ недели. Собирался к Вам в Питер, а вот теперь и не знаю.

Будь здоров обнимаю тебя, весь Ваш В. Серов. Г. Пимоненко тоже академик.

Получил „Россию" и „Новости"... и что за друг у нас Кравченко[472]. А Стасов-то Стасов. Чего он не наворотил вот брехун старый. Откуда взялись А. Васнецов и Поленов?

За Апполинария я рад, его прямо таки с Нестеровым[473] сажают в „Мире Искусства" и оттуда не выпускают. Положение их в этом году будет все же довольно критическое. Ходят слухи что Нестеров выставит (не у нас, не на передвижной) а здесь в Москве на периодической — мило. Запроси ка его.

Да, шуму то шуму — смех один. Что то было на заседании в понедельник не напишите ли мне. Ведь отменить формальную нам данную бумагу с подписом гр. Толстого мне кажется нельзя. Не потребуют же ее... обратно — ведь ни за что не отдадим — нет. Презабавная история. Можно ведь пойти к Владимиру[474]. Хороши ревнители действительного искусства действительные члены Академии. Чорт возьми, ведь можно им бросить назад и чин академика коли на то пошло.

Пока академик еще В. Серов.

На счет чинов хорошо имеется у Стасова в статье.

170

[Москва. 1901 г.]

Дорогой Шура

Весьма рад был получить от тебя письмецо. Правда Сергей Пав[лович] (а что же 3 пункт ни гу-гу!)... собирается сюда? — Когда он собирается как бы нам не разъехаться.

Относительно каталога выставки Переплетчиков собирался со мной послать в Питер несколько экземпляров — но я не поехал и он [*неразборчиво*] больше не заглядывал после.

Помещение Дервиза не знаю — я как то вообще к выставкам обравнодушел —хотя как члену комитета, хотя и подставному сего не следовало бы...

Мек просит меня извиниться перед тобой но отчасти вернее он совсем пожалуй не виноват перед тобой — все время он ждал ответа от Сологуба[475] но получил его уже после твоего отъезда. Дом сей к твоим услугам — даже просили спросить тебя как ты пожелаешь видеть дом в присутствии хозяев или без них — как тебе удобнее (высшая любезность) просят лишь известить за день или два до твоего приезда — чего же тебе еще?..

Видел вернувшегося Остроухова (он вообще не столь страшен но ведь он все толкует об учреждении прочного общества и т. д. и т. д. на основании теперешнего успеха так сказать.)

Ну да это видно будет а в этом году и не собирались сию именно выставку отправлять в Питер. Тут вопрос принципиальный, не люблю я принципов. Читал твою статью — мне очень нравится и если бы не было передержек (грехи молодости) то было бы и совсем хорошо. Между прочим Философов находит перенесение В. Вас-

нецовым его Аленушек и Берендеев на стены храмов за явление положительное в живописи православия. Иногда и правда это мило — не перемиловидничать-бы вот беда только и эта беда есть. Ну будет. Письмо и телеграмма посланы тебе. Кланяемся всем Вам.

Относительно же выставки 7—8 с $^1/_2$ молчу ничего не говорю.

В. Серов.

Об Федотове еще не читал.

171

[Москва. 1902 г.]

Шура!

Ну брат, вот брат комитетщик и делец изволь брат действовать:

В Москве для выставки Мир искусства помещение отыскано недурное, а кроме того единственное 4 зала — податель сего письма расскажет подробнее, стоимость 2000 руб. причем цена одна. С 15 Ноября по 1 Февр[аля] а может и дольше. Ответ нужен моментальный и категорический.

Очень жаль Сергея Пав[ловича] [149] нет, приходится нам вдвоем решать.

Посылай мне телеграмму д а или н е т.

Переговори в Питере с кем найдешь нужным.

Философову я пишу тоже.

Ну пока что до свиданья.

Б. Знаменский пер. д. Улановых.

Петергофский № твой [476] не дурен есть и загадочная картинка, она называется „а где редактор", а он в Монплезире

Тв[ой] В. Сер[ов]

172

[Москва. 1903 г.]

Дорогой Шура.

У нас тут целая драма по поводу Третьяковской галлереи т. е. ее совета.

Посылаю тебе все пока 3 нападки вышедшие или изшедшие от М. П. Боткина[341] (чудный дядя). Весьма возможно, что дойдет до заявления в Думе и тогда — тогда будет уже разговор всерьез. Пока ругается только одна скверненькая газета „Новости дня“, но за ее ширмами действуют другие темные силы. Остроухов совсем заметался (галлерея действительно наичувствительнейшая струна в его так сказать душе). Мне то что, мне наплевать, я всегда, как эгоист, ухожу оттуда, где мне становится неприятным мое пребывание. Но тут дело все-же не шуточное и придется бороться — т[ак] к[ак] считаю, что хотя наши покупки в галлерее и невполне достаточны, т. е. кое-что пропустили, но остальное все же можно было купить и даже следовало, и сомневаюсь чтобы другой совет, или же один покупщик (как в этой газете рекомендуется уже не Михаил ли Петрович[341]...) покупал лучше.

И в этом смысле, если со мной согласна редакция „Мира Искусства“ следовало бы нас защитить ибо повторяю за этой паршивой газетой скрываются темные силы власть имущие в думе. Сергей Павлов[ич] уехал вероятно, а потому обращаюсь к тебе по сему поводу и просил бы поместить заметку в ближайшем номере, разумеется если найдете сие нужным.

Теперь послушай почтенный сочлен Комитета выставок жур[нала] „Мира Искусства“ — скажи пожалуйста что же собственно и как собственно

говоря — никаких распоряжений от Сергея Пав[ловича] не получаю относительно Москвы. — Положение наше становится странным... куда например по закрытии выставки 36 [477] что будет 3 февраля, девать картины Светославского [478] адресованные на Мир Искусства и т. д. и т. д...

Чувствую, что помещения нет и нет — а? — ну вот, я так и знал.

Эх-ма — что же нам делать — будет ли выставка или не будет. Переплетчиков артельщик все сочиняет и сочиняет устав за уставом будущего „Союза художников".

Ответь мне поскорее пожалуйста. В Питере буду 10 февраля.

Твой В. Серов.

173

[1903 г.]

Милый Шура!

Что я тебя попрошу. Не знаю я адреса Г-на Курбатова [479] будь добр сообщи ему мою просьбу — отослать в ближайшем будущем имеющуюся у него мою пастель (Екатерина выезжает в Царское Село) помнишь? — Неважная — так вот эту самую пастель препроводить Вас[илию] Вас[ильевичу] Матэ в Академию. С своей стороны, разумеется, за вставление под стекло и вообще расходы будут мною уплачены г-ну Курбатову.

А я опять задержался в Москве ничего не поделаешь. В Академии, где Сабанеева [480] предпочли — тебя не добрали...

До свидания. Твой В. Серов.

Что узналось о М. А. Врубеле?

Видел Трофила — очень мило.

174

[Москва] 2 ноября 1904 г.

Шура милый друг!

Конечно я совсем не намерен прекращать с тобой знакомства. Царское Село — видишь ли — я рисовал, честное слово, но, видишь ли, ничего не выходит — спроси С[ергея] П[авловича]. Они видели и с Коровиным, Остроуховым и еще некоторыми лицами и не одобрили, честное слово.

Сроки прошли, теперь значит шабаш... ритурнель...

Теории С[ергея] П[авловича] „вообще наплевать" пожалуй сочувствую, но передачу журнала М[ир] И[скусства] г-ну Ге[481] не одобряю.

В Питер сейчас не могу. Твой В. Серов.

175

[Москва. 1905 г.]

Шура милый!

Ты едешь? на долго? Это пренеприятно... — ах ты эмигрант... Не хочешь с нами кашу есть. Пожалуй не без удовольствия будешь за утренним кофеем пробегать известия из России... да... Издали оно совсем великолепно. Ну а пока ты еще несколько часов побудешь в Питере и успеешь прочитать сие воззвание которое со временем будет препровождено в Питер для подписи господ художников, ты же прочтя его теперь (в случае согласия, разумеется) распорядись относительно своей подписи — либо пришли ее письмом или телеграфом или поручи кому либо подписать потом на самом листе кот[орый] будет послан, повторяю, потом.

Вот текст:

Мы, нижеподписавшиеся художники, выражаем Думе московской свое пожелание иметь попечителем галлереи Павла и Сергея Мих[айловичей] Третьяковых — Илью Семеновича Остроухова — как человека истинно преданного интересам галлереи и по пониманию искусства, как прошлого, так и настоящего, способного вести дело приобретения галлереей по надлежащему пути истории русской живописи.

Бумага эта подастся на совещание Думы — перед окончательными выборами в попечители.

Ну будь здоров Шура. Кланяемся с женой тебе и Анне Карловне и деткам Вашим и желаем всего хорошего что в изобилии имеется и за недорого имеется в заграницах.

Никаких басен в экспедиции рисовать не намерен прости что не отвечал. А что же с моим „Набором“ [482] на открытке — не готов, или как цензура!?!?!?

Обнимаю тебя Твой В. Серов

До свиданья, ситуаэн Бенуа.

176

[Петербург, декабрь 1905 г.—январь 1906 г].

Милый друг Шура.

Не так давно получил твое письмо и был у Чекато. Дело в том, что В. В. Ф[он] Мекк приезжал с дальнего востока на побывку в Москву и взяв твою акварель и не заплатив за нее — уехал

опять назад в Манчжурию — таким образом надо ждать его возвращения...

Об делах, творящихся в России вообще и в Москве у нас в частности — вероятно уже знаешь.

Да — непонятное для меня вооруженное восстание, рассчет на переход войск — все это оказалось совершенно не подготовленным, а в результате изрядное количество погибших, израненных лиц (больше любопытной публики) сожженных домов, фабрик. Войска оказались в деле подавления вполне на высоте своей задачи и стреляли из орудий по толпе и домам во все и вся гранатами, шрапнелью, пулеметами (шимоз не было) затем доблестные расстрелы, теперь обыски и тюрьмы для выясненья зачинщиков и т. д. и т. д. все как следует. В одном, пожалуй, были правы наши крайние партии, — что не следует очень доверять манифесту 17 октября. Кавказ отрезан и что там неизвестно, Лифляндия и Курляндия и т. д. и т. д. — Единственный отрадный пункт это Финляндия (ловко подстроили и устроили право).

Теперь дума Государственная кот[орую] хотят устроить в три дня без разговоров. Ах да, не пиши ты в этой газете „Слово", она сволочь просто и взывала к походу на Финляндию [дура] за одно с Нов[ым] Врем[енем]. Просил я (подписавшись) Г. Перцова не присылать и избавить меня от его газеты, так нет же и по сю пору все получаю. Да да, газеты у нас, премило, все запрещены или под судом, даже Русские Ведом[ости], — только Нов[ое] Вр[емя], Слово да Молва [Русь] и больше ничего. Масса за то плохих сатирических журналов с посредственным грубым остроумием и плохими очень рисунками — еще „Зритель" и „Жупел" приличнее. Впрочем Жупел вышел только

№ 1 — а затем и закрыто-с. Собираешься в Россию что же пожалуй сейчас тихо сравнительно если будет опять что, то не так скоро.

Твой В. Серов.

Анне Карловне мой поклон.

Телеграмма № 5

Петербург Адмиралтейский канал 31 Александру Николаевичу Бенуа. Петербург Москвы [1910 г. февраль].

Очень прошу не обращаться от моего имени Нобелю [483]. Серов.

177

[1910 г.] Villa Biaritz Les mouettes Zetlin – мне.

Дорогой Шура,

Видишь куда меня моя абсолютная свобода заносит. Впрочем это весьма просто — на всех частях свете живут дураки которым нужны извольте видеть портреты. А мне ganz Wurst — в Москве ли, Биаррице, в Риме и т. д. и т. д. Вот Chapelle в Париже правительство отнимает — это вот досадно.

В январе все должны (целый Вавилон) покинуть этот обетованный квартал.

Ну-с к делу.

Из письма к Баксту Остроумовой явствует что будет иметься выставка петербургской группы под прежним именем „Мир Искусства“. Что же — отлично. Но мне не нравятся две вещи: I — что

участники будут бессрочными II — лица подписавшие тебе бумагу исключаются. Думаю иначе и полагаю — важна не этическая сторона, а сторона художественная и таких художников как Коровин, Малютин [484], скульптор Коненков [485] игнорировать не следует.

Оказывается выставка эта затевается ан-гран — чуть ли не на 60 человек участников?!?!?! Я то думал — будет небольшой заленхен из нас полустаричков без фейерверков молодежи.

Здоровеннейшие волны сейчас кипят в океане — живу у одних богачей на вилле — как в наилучшем Hôtel'е комфорт до отупения. Ну будь здоров.

Через месяц, 1½ буду в Питере.

А Дягилев все таки хочет предоставить тебе один балет — впрочем ты его пожалуй уже видел.

Твой В. Серов.

Если не лень черкни словечко — да как решили с Римом. Я Толстому предложил разделить союзное помещение а я бы потеснился [486].

178

[Париж] 1911

Шура, милый.

Обращаюсь к тебе как к директору по худож[ественной] части русских балетов. Скажи как же это действительно отменяются и „Синий бог“ [487] и „Пери“ — а как же Ринальдо Гано? Бакст, последний в большом огорчении, совсем в унынии — тем больше, что ведь он кажется уже многое заготовил. Странное вообще ведение дела...

Здесь между прочим Астрюк заявляет — что никаких распоряжений на счет платежей у него нет, а по сему плачу я сам, что мне не совсем удобно.

Разговаривать вообще с Астрюком я не намерен, т[ак] к[ак] он меня как то плохо узнает.

Себастиан не очень хорош [488], Рубинштейн не плоха — но вообще в смысле поисков всей вещи — если бы Д'Анунцио [489] и Бакст держались бы итальянских примитивов то могло бы быть и очень хорошо, т[ак] к[ак] Ида справилась бы с движениями. Говорит она монотонно но не неприятно.

Кругом же французские актеры жарят во всю в общем и долго, однообразно и скучно, а этого по нашим временам не любят. Впрочем самого лучшего первого действия еще не видал.

Завтра пишу занавес все приготовлено и нарисовано.

Жену и сына отправляю сегодня в Россию и превращаюсь в артиста чистой воды так сказать.

Твой Серов.

Поклон Стравинскому.

179

Hôtel d'Italie Roma [1911 г.]

Дождик.

Выставка огромна — очень хороших вещей не так много — но видеть ее нужно — но дворец великолепен. Поклон. Что Жизель [490]. В. С.

Круто приходится и глазам и ногам.

180

[Финляндия, Ино. 1911 г.]

Милый Шура.

Я все еще нахожусь под впечатлением твоего истерического припадка (или припадков).

Опасаясь нового взрыва я не решался спросить тебя почему ты тогда же бросил и мне следующие слова: „и ты, Серов, меня тоже возмущаешь“...

Будь добр — когда приедешь в Лугано успокоишься и отдохнешь напиши мне в чем дело. Если это касательно Шехеразады, т. е. авторства, то оно, оказывается, спорным. По мнению участников заседаний, на кот[орых] вырабатывалась Шехеразада, исключая Аргутинского и Фокина[491] (которого спрошу в Лондоне) — Бакст имел право поставить свое имя под этим балетом т[ак] к[ак] идея постановки этой вещи принадлежала ему и Дягилеву.

Разумеется и твоего участия здесь было много.

На мой личный взгляд тут налицо именно вся специфичность Бакстовского искусства и изобретения, которая была тут как нельзя более у места.

Быть может есть еще что либо, за что ты столь его возненавидел — но, во всяком случае, твоя брань по его адресу до еврейства включительно не достойна тебя и между прочим, не к лицу тебе, столь по наружности похожему на еврея

Да и не в еврействе тут дело.

Важна здесь эта сила ненависти, годами скопившаяся — поражен и подавлен.

Твой В. Серов

ВАСИЛИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ МАТЭ

181

[Москва.]

Дорогой Василий Васильевич, С новым Годом Вас и семью Вашу поздравляю, а затем прошу Вас выдайте Илье Семеновичу Остроухову портрет Хомякова (который я гравировал) он кажется находится на сохранении у Иды Романовны [492] или же в Вашем шкапу. Илью Семеновича я прошу привезти его в Москву. Ваш В. Серов. Через месяц увидимся.

182

Среда 4 октября [1900 г.]

Любезный Василий Васильевич. Очень Вам благодарен за Ваше внимание к моим просьбам. Представьте, я решил все-таки хоть напоследок повидать, что собрано по искусству в Париже и ехать туда, заехав в Петербург и Териоки. Буду у Вас в воскресенье. Теперь все (500 руб. у меня есть на проезд в Париж) свои деньги я роздал. Затрудню-ли я Вас, если возьму у Вас 200 руб. Рад что нашлись те 100 руб. Ну, будьте здоровы. До свидания. В. Серов. Семье поклон. И если Вам — помимо меня, т. е. стройки, нужно быть в Териоках — так съездим вместе. Весьма возможно, что едем с Ольгой Федоровной. Относительно платы за работу Кутепову я не спрашивал, меня интересовало в полную-ли собственность переходили к нему оригиналы, но не понимаю, почему Илья Ефимович делает из этого секрет.

183

25 янв[аря 1904 г.]

Поздравляю с войной. Дорогой Василий Васильевич пишу Вам дабы доказать, что до известной степени владею и руками и ногами (последними хуже, устаю). Переехал домой, выхожу, гуляю, ничего не делаю, ем, пью, сплю. Жму Вашу руку. Кланяюсь Иде Романовне и дочери. Ваш В. Серов.

184

Москва [1905 г.]

Дорогой Василий Васильевич,

Обращаюсь к тебе с важным нужным делом. Чтобы прекратить наконец разные издевательства с И. С. Остроуховым в Думе — а именно, наметить его единственным кандидатом, они, гласные, все же недовыбрали его попечителем Третьяковской галлереи — мы художники решили вступиться за него и вот подается в частное совещание, в печать он не пойдет, подписной лист. Будь добр, подписав его сам (если согласен, разумеется) — передай И. Е. Репину для подписи, В. А. Беклемишеву[493] и П. П. Чистякову, пожалуйста. Если в это время будет у тебя Щербов ему дай на подпись. Кроме того еще попрошу тебя дать этот лист подписать Врубелю (Театральная площадь позади консерватории дом Гр. Рибопьера) и Сомову — живет при отце на Екатерингофском канале, не далеко от Аларчина моста соб[ственный] дом. Будь добр сделай это. Думаю, время пожалуй найдется — теперь общая забастовка. Да вообще ход событий чрезвычайный

Да, итак, собравши подписи, сейчас же отправляй в Москву. Лист этот подается в заседание 26 сего февраля. Кланяюсь тебе и семейству твоему. Жена шлет поклон. Будь здоров. Твой В. Серов.— Б. Знаменский пер. д. Улановых. Пошли заказным.

185

[Москва. 1905 г.]

Любезный друг Василий Васильевич,

ну спасибо тебе что блестяще исполнил мою просьбу — это поручение было действительно серьезное. Надо надеяться, что хоть эти имена окажут надлежащее давление на наших гласных, кот[орым] до искусства никакого вообще дела нет. Еще раз спасибо. Скоро свидимся — числа 28 или 1 марта. Буду в Петербурге. Твой В. Серов. Письмо твое получено.

186

[Москва] 22 сент[ября] 1906 г.

Любезный друг Василий Васильевич,

Итак наш план жительства на Ино зимой рушился как тебе известно и из прежней помещичьей квартиры перебрались (какой это ужас, переезд) на другую городскую квартиру — ничего не поделаешь. А теперь экстренно пишу тебе вот по какому случаю. Только что получил письмо от Грюнбергов — спрашивают не отдам-ли я нашу лошадь ихним зимним жильцам. Отвечаю им, что лошадь обещана тебе и в случае твоего отказа

ничего не буду иметь против продать им. Цена лошади 125 руб. (половина уплаченного за Арку 250 три года назад). Вот решай. Лошадь мне не нужна, а если нужна, то другая, побольше. Будь добр свое решение сообщи Грюнбергам и мне, т[ак] к[ак] они просят ответить немедленно. Как поживаешь вообще. Надо полагать в академии занимаются — у нас в училище работают, но положение пока выжидательное. Кланяемся всем Вам. Твой В. Серов. У храма Спасителя, д. Голофтеева, кв. 31.

187

[Москва. 1906 г.]

Любезный друг Василий Васильевич,

Вот что: будь добр узнай, пожалуйста, нужно писать этого самого Турчанинова [494] или нет. С 20 октября по 25 ноября свободен от дежурства в школе и могу приехать в Питер — напиши. Стасов [495]-то — да, но ведь он был старше моего отца... Послушай, ты слишком добр, оказывается ты предлагаешь решительно всех в академики что тебе за охота — ты и за Бруни [261] (этого уж совсем не пойму). Скоро никаких художников, окромя академиков не будет совсем — одни академики и шабаш. Малявина [147] я понимаю, но остальные — не стоит. Поклон общий. Да, ты еще спрашивал — напишу ли какую то барышню, можно и барышню только почему же 800 руб. именно — у меня prix fixe. Ну да все равно, а не рожа-ли?

Твой В. Серов.

188

Любезный друг Василий Васильевич,

С новым годом. Как поживаешь. Слышал я, между прочим, что ты выставил какой-то пустяк мой офорт на выставке в академии. А разрешения на то ведь у тебя не было. Никакого оповещения с твоей стороны я не получал. А еще конституцию хотите ввести в России.

Твой В. Серов.

Читал, что Академия решила просто упразднить Репинскую мастерскую — вот это по русски и остроумно. Кланяюсь.

189

[Москва. 1907 г.]

Любезный друг Василий Васильевич. Что же ты мне ничего не напишешь и не ответил на мое письмо между прочим. Что в академии у Вас. А Таврический-то дворец, и дворцовый строитель. Хорош сукин сын, Бруни[496] — ему оказывается мало было времени, что бы укрепить потолок, который еще прошлой весной внушал опасения, чего он не мог не знать. Обязан был знать. Мерзавец. Слава богу еще, что потолку вздумалось свалиться во время. Хорошо бы проучить эту скотину. Все они такие тихие положительные эти Бруни, черт их дери, квартирку себе там в Таврическом устраивал сей дворцовый архитектор, говорят и недурную. Я невероятно зол — что за непростительное отношение, какая недобросовестность (как во всем и везде в России — отчего все и идет прахом).

Когда же люди будут добросовестны, наконец? Ведь это ужасно. Да и вообще ужасов не оберешься. Как поживаешь, что поделываешь? У Чекато спрашивал относительно гравюр — он ответил, что пока он продал не свыше той суммы, которую он будто бы тебе уплатил (кажется 50 руб.). Спасибо за то, что заказал раму для портрета Турчанинова — он уже в раме. Вот на счет Глазунова меня интересует взят-ли он от тебя. Кланяюсь всем твоим. У нас все здоровы.

Твой Серов.

У Храма Спасителя д. Голофтеева, кв. 31.

190

25 Дек[абря 1]907 г.

С праздником милейший друг Василий Васильевич. Иду Романовну поздравляю тоже. Чуть чуть было не попал в Академию, но, к моему счастью дело это расстроилось. Трудновато было бы мне, т. е. немножко беспокойно, если бы Академия утвердила мои условия [497] — ну, а не может — тем лучше. Не могу же я быть двойным профессором — ведь не доппельткюммель я в самом деле. Беклемишеву я уже отписал о моей невозможности быть полным руководителем в академии и принять профессуру без всяких разговоров, как он пишет. Извини, что до сих пор тебе не отвечал на твои 2 письма. А условий своих никогда не беру назад, почему и не телеграфировал на твое с Сергеем Сергеевичем предложение. Либо Академия — либо Московская школа, одно из двух—если брать руководительство полностью. Но в сущности (не по уставу) Академия могла бы принять

мои условия, ну это уж ее дело — я же доволен. Кого же вы возьмете? Ну будь здоров. Как поживаешь?

Твой В. Серов.

191

[Ино]

Дорогой Василий Васильевич,

мы с Ольгой Федоровной решили ехать сегодня вечером в Питер — (нет у нас кухарки, чорт бы их всех подрал). Говорят и ты собираешься кажется. Вот хорошо бы вместе и ехать, — заехал-бы и взял нас с собой. Если же не едешь то скажи Юре и мы поедем одни. Хорошо бы ночевать было бы у тебя в Академии, но наверно-ли найдем мы ключ у Пунэ. Не дашь ли ты свой маленький. Пунэ не на даче? Ну, всего хорошего. Такая жара, что это время с места не двигался, только купался.

Твой В. Серов.

Поклон Иде Романовне разумеется. Хорошие поезда с Тюрсева в 8 ч. 35 или 10 ч. 08 вечера.

Москва 12 янв[аря] 1910 г.

Дорогой Василий Васильевич. Спасибо за письмо. Неужели я тебе не дал адреса в Париже. — Странно. Впрочем возможно. За последнее время я стал

забывчив и растерял разные вещи, чего раньше не было. Так тебя опять выбрали на 3 года, ну что же, я рад. Слышал об истории с Анисфельдом [498] — недурно. Хорош Чистяков, хороший профессор, но недостойный трус. Стыдно так уклоняться и менять свои мнения. Вышла у нас тут с Репиным размолвка на счет покупок в галлерею. По его мнению — он это напечатал — мы „наследники“ П. М. Третьякова, заполняем галлерею мусором художественного разложения — недурно. А тут еще нападки невежд гласных, утверждающих, что в галлерее моют картины мочалами и смывают до холста. Преглупо все это. В этом году дослуживаю третье трехлетие, но несмотря на все нападки своей кандидатуры не сниму. Выберут другого — отлично. Свою миссию исполняю по совести и напрасно Илья Ефимович упрекает меня в недобросовестности — будто я ему втираю очки (указав на одно произведение на „Союзе“ молодого настоящего художника, которое мне понравилось). Репин заподозрил, что я издеваюсь над ними, над Репиным — потом эту картину купили в галлерею. Теперь Репин хвалит Врубеля, а я хорошо помню как он его ругательски ругал раньше. Да, Репин художник громадный, единственный у нас — а мнение его ничего, по моему, не стоит, да и меняет он его легко. У нас все благополучно. Антоша в Ламанше и хорошо себя чувствует, ноге лучше, но совсем пройдет еще не скоро. Офранцузился совсем он. Ну, что же разделался совсем с Ино. А ведь гадость будет там. Где летом будете? Недели через 3 буду в Питере. Кланяюсь.

Твой В. Серов.

193

Москва. 31 дек[абря 1]910 г.

Дорогой Василий Васильевич, Ида Романовна.

С праздником. С новым годом. Жена и дети и гости, которые случаются, все благодарят за чернослив — преотличнейший. Спасибо. Привез его твой племянник Вася, он же сообщил что ты спрашиваешь относительно рамы на портрет Олив (овальный). Рамы никакой делать не нужно, так пусть в закантовке и останется. Взял-ли Визель[499] я ему писал — ящик с Рубинштейн и этот портрет Олив? Взял-ли Бродский[500] картинку „9-е января“ для Горького. Ну да скоро увидимся.

Твой В. Серов.

Пока все здравствуем более или менее.

194

Москва 3 Ноября [1]911 г.

Дорогой Василий Васильевич. Что же, очевидно Ида Романовна проследовала прямо в Петербург. Как поживаете? Хочу спросить тебя об одном: прислан ли из Парижа тебе на квартиру эскиз персидской занавеси. Будь добр напиши мне — мне нужно знать об этом теперь же. Теперь — если да, то я попрошу тебя отвезти эскиз в поощренье[501] и передать Рериху[357] (ты ведь бываешь там) и попроси отправить его (как нибудь с другими вещами, идущими на выставку „Мир искусства“) в Москву. Но мне попрошу ответить поскорее.

Твой В. Серов.

Поклон твоим. Визелю[499] тоже на днях писал. Жду ответа. Да, ничего не могу добиться относительно римской выставки, т. е. прошу я свои вещи выслать поскорее в Россию. Ведь сказано было, что она продлится до ноября (ихнего). Ведь там на выставке нет ни души, да и не будет уже, а между тем вещи мне нужны. Писал Беренштаму[502], да он всегда мягко стелет, а спать жестко обещал и не сделал. Мои вещи неделю тому назад видели в Риме, а он обещал 4-го ихнего ноября отослать.

Ваганьковский пер. д. 9 Клюкина.

195

7 ноября [1]911.

Дорогой Василий Васильевич, только что сегодня утром отправил тебе письмо, как получил твое. Так вот какие у вас дела — болезни — ну — хорошо, что хорошо кончается — слава богу, болезнь не шуточная. И Маруся [503] тоже, значит, болела бедная. Иду Романовну мы ждали, а она оказывается проехала совсем на днях. Очень рад что эскиз доставлен и благодарю за хлопоты твои. Ну на счет патретов — оба они что то не очень мне улыбаются и сейчас никакого ответа дать пока не могу. Стоюнину [504] себе представляю — скучная старушка, кажется... Как это у Вас в Академии прошел Андреев[505], т. е. в члены Академии, а не академиком, ибо как художник он неизвестен. Прочел еще в Аполлоне, что первая премия присуждена картине Тихова „Купальщица“ [506] — вещь не бездарная но пошловатая — это „по слухам“ — но а на самом деле как? не знаешь? Это секрет,

что-ли? Просил Визеля известить меня когда придут картины из Рима и тогда приеду в Питер не надолго.

До свиданья. Твой В. Серов.

Гр. ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ТОЛСТОМУ [507]

196

22 января 1900.

Многоуважаемый Граф Иван Иванович!

От секретаря Вашего имею извещение о согласии И. С. Остроухова на выставление портрета г-жи Боткиной на выставке С. П. Дягилева на изложенных условиях.

Но от него самого я имею депешу несколько другого содержания — приведу почти дословно: — Противное уговорам (уговора не было) желание вынужден исполнить, нарушая желание собственников и данное им слово (Дягилеву, оказывается было дано честное слово, что портрета этого на его выставке не будет...) нарушить.

Так как нарушать воли собственников я не намерен, считая, что собственник вправе не разрешить мне выставление принадлежащего ему произведения (хотя, обыкновенно, подобный отказ чем нибудь мотивируется) то я и решил портрета не выставлять на выставке Дягилева. Но, с другой стороны, считаю, что собственник не вправе требовать выставление принадлежащего ему произведения моих рук без моего на то согласия, и, я надеюсь, что собственник не будет настаивать (а уступит, как и я уступил) на своем желании выставить сей портрет на всемирной

выставке — Парижа. Таким образом я остаюсь при своем оффициальном заявлении.

Мне крайне досадно одно — я причиняю Вам столько неприятных хлопот — что делать, — но я надеюсь, опять-таки, что Вам, граф, со свойственным Вам спокойствием легко удастся сия ампутация.

Готовый к услугам В. Серов.

197

[Москва] 18 февраля 1905 г.

Милостивый Государь граф Иван Иванович, посылаем заявление, которое просим огласить в собрании Академии.

В Собрание Императорской Академии Художеств.

„Мрачно отразились в сердцах наших страшные события 9 января. Некоторые из нас были свидетелями как на улицах Петербурга войска убивали беззащитных людей и в памяти нашей запечатлена картина этого кровавого ужаса.

Мы, художники, глубоко скорбим, что лицо, имеющее высшее руководительство над этими [508] войсками, пролившими братскую кровь в то же время стоит во главе Академии Художеств, назначение которой — вносить в жизнь идеи гуманности и высших идеалов.

В. Поленов
В. Серов

198

Ваше сиятельство Граф Иван Иванович!

Вследствие того, что заявление, поданное в собрание академии за подписью В. Д. Поленова и моей не было, или не могло быть, оглашено в собрании Академии — считаю себя обязанным выйти из состава членов Академии, о чем я довожу до сведения Вашего Сиятельства, как Вице-Президента *.

Валентин Серов.

10 марта 1905 г

199

17 марта 905 г. Москва,
б. Знаменский пер. д. бр. Улановых.

Многоуважаемый граф Иван Иванович!

Прошу Вас — будьте добры известить меня о получении Вами письма с уведомлением о выходе моем из состава членов Академии. Возможно, что для отставки недостаточно простого уведомления, быть может нужны известные формальности — в таком случае не откажите указать их.

Готовый к услугам В. Серов.

---

* В ответ на рапорт гр. Толстого министру двора барону Фредериксу о желании академика Серова выйти из состава действительных членов Академии, последовала нижеследующая резолюция:

Отношение министра двора ген.-адъютанта барона Фредерикса от 8/V—905 г. Президенту Академии

„...последовало высочайшее государя императора соизволение на удовлетворение ходатайства об увольнении художника В. А. Серова из состава Действительных членов императорской Академии Художеств“.

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ (МОСОЛОВУ)[509]

200

[Петербург] 29 июня 1900 г.

Милостивый государь Александр Александрович!

Должен Вам заявить, что вчерашняя беседа Ваша со мной произвела на меня в высшей степени тяжелое впечатление благодаря замечанию Вашему, что я, пользуясь случаем, когда со мной не сговорились предварительно в цене — назначаю Государю слишком высокую плату*.

Не знаю имеете-ли вы право бросать мне в лицо подобное обвинение.

Почему я назначаю столь высокую (по Вашему мнению) цену—на то у меня есть свои соображения — хотя бы и то, весьма простое, что до сих пор они (цены) были низки (по моему мнению) и гораздо ниже цен иностранных художников, работавших Двору, каковы Беккер и Фламенг.

Во что мои работы обходятся мне самому я не ставлю на счет министерству, каковы например: переезды из Москвы и жизнь в Петербурге, поездка в Копенгаген, когда писал портрет покойного государя Александра III, не ставлю в счет и повторение сего портрета акварелью взамен эскиза, впрочем это была простая любезность (стоившая мне более месяца работы).

Не желал бы я упоминать обо всем этом — Ваше замечание вынудило меня на то. Во всяком случае сколько бы я ни спросил — сколько бы

---

* За портрет Николая II Серов назначил 4000 руб. (Сообщено О. В. Серовой).

мне ни заплатили — не считаю Вас вправе делать мне вышеуказанное замечание и покорнейше просил бы Вас взять его обратно.

Академик В. Серов

СЕРГЕЮ ПАВЛОВИЧУ ДЯГИЛЕВУ

201

Среда [1901 г.]

Дорогой Сергей Павлович.

Что у вас делается? С Вольфами история длинная кажется, судя по рассказу Михаила Анатольевича[58]. Говорят недурная т. е. интересная статья есть в „России" — иду сегодня к Остроухову прочесть а кстати и относительно Левитана. Между прочим Мекк, С. Т. Морозов и кажется Трояновский дают свои картины Левитана на посмертную выст[авку] с тем условием, что бы 20% входной платы причитались сестре Исаака Ильича кот[орой] он помогал всю жизнь, она в большой нужде. — Не знаю, как прикажешь — объявить это ему т. е. Адольфу[510] мне или тебе написать.

Повидимому сей Адольф не из приятных личностей.

Чехов обещал — подтвердил свое обещание написать об Левитане.

Знакомый Коровина сообщил ему будто бы он слышал от Тенишева в Париже — что все панно проданы, но как, кому и куда неизвестно.

Между прочим Тенишев будто бы заявил так— „ну а вот на Коровине я нажил".

Эти панно необходимы на выставку.

Надо бы узнать как нибудь обстоятельнее. Голубкина [511] слепила великолепный камин — серьезно — я ангажировал его на выставку. Она сердится на тебя, что она не была спрошена о помещении ее вещей в журнале. Относительно зала — Морозов еще не был у меня, а между тем сам я опасаюсь отправляться к Сафонову [512].

Не пойму — зал как будто обещан Gervex'у, а между тем, я знаю на сколько желает Сафонов хотя бы несколько последних симфонических концертов перенести в новый зал — время как раз то кот[орое] мы просим.

АЛЕКСАНДРЕ ПАВЛОВНЕ БОТКИНОЙ [339]

202

15 июня [1903 г.]

Многоуважаемая Александра Павловна!

Случилось то, чего я собственно совсем не ожидал — отстранили Илью Семеновича от галлереи. Это большая несправедливость... [513]

За что собственно спрашивается? В чем можно его упрекнуть? Ужели крайность направлений вкусов в наших пресловутых приобретениях?

Или это просто интрига? Ума не приложу. — Но кто же, спрашивается, его заместитель? Вы его знаете? Кроме г-д гласных его избравших никто его не знает: (да и знать не охота). Только что получил от И[льи] С[еменовича] письмо, в кот[ором] он „умоляет“ в видах галлереи не вздумывать подавать в отставку. По сегоднешнему № Нового Времени мы уже решили уйти и, по моему, Новое

Время право. Выйти все равно придется, т[ак] к[ак] причина явится при первой же покупке.

Вопрос лишь в том — выйти ли сейчас со скандалом так сказать (быть может в интересах будущего самой галлереи — скандалы иногда бывают нужны) или же, ознакомившись с г-м Вишняковым[365], пробовать мужественно бороться и обучать Цветкова[165] и Вишнякова исподволь так называемому декадентству, и уже после неуспешных стараний все-таки выйти. В настоящее время признаюсь, я скорее за демонстративный выход. Не знаю, быть может, Вы найдете доводы и убедите меня в противном. Напишите мне Александра Павловна, что Вы думаете или надумали на этот счет и просил бы, если можно, ответа Вашего поскорее. Готовый к услугам В. Серов.

Фл. ж. д. ст. Териоки. Ино. Соб[ственная] дача.

КН. ВЛАДИМИРУ МИХАЙЛОВИЧУ ГОЛИЦЫНУ

203

[1907 г.

Многоуважаемый
князь Владимир Михайлович!

Редактор журнала „Художественные сокровища России“ мой близкий друг, желал бы, если это возможно, осмотреть Петровское[514], чем весьма обяжете меня и Александра Николаевича Бенуа.

Готовый к услугам В. Серов.

НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ УЛЬЯНОВУ[315]

204

26 Мая [1]908 г.

Многоуважаемый
Николай Павлович!

Так я и не получил ответа от Г-жи Андреевской — очень мило...

Есть еще Вам одно предложение. Не смогли бы Вы изобразить нечто графическое, а именно:

Нужно исполнить что либо на 2 темы 1) „Как хороши, как свежи были розы“, 2) „Лазурное царство“ из стихотворений в прозе Тургенева. На темы эти написана музыка симфоническая композитором недавно умершим П. Ив. Бларамбергом[70].

Вдова его издает труды мужа и вот обратилась ко мне с просьбой, как ей это сделать.

Посоветовал ей поместить рисунки не на обертке, а на следующем отдельном листе и не слишком большие — хотя это на усмотрение художника.

И так желательно что бы попробовали бы Вы — формат издания обыкновенный нотный.

Будьте добры напишите мне сюда в Москву — можете ли Вы и желаете ли Вы себя на это потратить?

Рисунки нужны будут в конце июля.

Что за это уплотят — надумайте сами.

В. Серов.

Передайте поклон Обыльским от меня.

205

16 Июня [1]908 г.

Многоуважаемый
Николай Павлович!

Рисунки к партитуре Бларамберга должны быть отдельными на отдельных листах в величину какую Вы сами найдете лучшим.

Думаю, что нужно исполнить их пером — тогда воспроизведение может быть точным и не дорогим.

Если вы полагаете быть в Москве — не зайдете ли Вы к Мине Карловне Бларамберг [23] в гостиницу „Княжий двор" тогда и о цене сговоритесь (в пределах Вам указанных).

В. Серов.

Стоимость большого рисунка в 100 рублей считаю справедливым, поменьше — можно немножко дешевле.

206

Спешно
[Москва] 2 апреля [1]909.

Многоуважаемый
Николай Павлович,

Зайдите ко мне сегодня между 7 и 8 вечера не позже — вернее в $7^1/_2$ на пару слов — имеется работа руб. на 800—900.

Готовый к услугам

В. Серов

207

8 августа (Москва. 1908 г.)

Вот что Олюшка —

оказывается ты не совсем принята [516] и может быть и не будешь принята.

Дело в том, что имеется два списка: один принятых уже и другой, о которых возбуждено ходатайство перед министром народн[ого] просвещения, в каковом ты находишься. Был я у директора курсов, дабы узнать как и когда вопрос о кандидатках будет выяснен. По его словам подано ходатайство в смысле расширения комплекта вообще и тогда, если ходатайство это будет уважено, то разумеется, ты будешь принята наравне со всем списком целиком (он немногим меньше списка принятых). Если вопрос о комплекте не пройдет, то есть еще возможность быть принятой, вследствие вакансий, которые всегда перед началом занятий обнаруживаются (за невзнос платы и т. д.). Каким образом тут будет происходить выбор, он еще сказать не может, ибо еще не решен способ. Со своей стороны ходатайствовать, т. е. просить, значит, как ты нам с мамой советовала („похлопотать“) не считаю себя вправе и удивляюсь, что желая заниматься с подругой, ты готова итти на унижение. Никогда я о себе и о своих детях не хлопотал и хлопотать не буду. В смысле занятий совместных — я им не очень доверяю, т. е. мне кажется если бы ты действительно хотела бы заниматься научно — могла бы и одна и одной даже вернее — ну, там видно будет. Раньше 14 сент[ября] во всяком случае (по словам директора) министерский ответ не ожидается. Отчего бабушка ничего

не пишет? От Соф[ьи] Семеновны, которая уехала в Петербург на месяц, узнали что она, бабушка, как будто скучает в Балаклаве и тяготеет уже к Домотканову. Ну, а ты как? Нравится ли тебе в Крыму?

У нас сезон начался учебный. Саша, Юра и я ходим по своим школам. Дома же происходит беспрерывное усовершенствование (вероятно до бесконечности), но квартира хорошая и мама кажется собирается кланяться мне за нее в ноги. Да, твой хлопотун В. Серов был 3 раза на курсах.

208

5 сентя[бря 1908 г.]

Поздравляем Вас, Олюшка, Вас приняли на курсы. Сейчас была Лена, которая тоже, разумеется, принята, а кроме того она выдержала только что в филармонию.

Родители.

Неужели вы еще не получили 90 руб. которые я перевел неделю назад.

В. С.

209

[Петербург. 1909 г.]

Милая Олюшка,

Сейчас получил твое третье письмо открытое, где ты пишешь, что от меня до сих пор нет письма — странно — я послал тебе 2 открытых.

Так у Антоши воспаление легких — это так себе. Бывают вещи и похуже, разумеется. Долгая

и скучная история — ну да что поделаешь. Спасибо тебе за частое сообщение из дому. Продолжай также — пиши каждый день, прошу. Будь добра узнай в адрес-календаре как зовут княгиню Долгорукую, что живет на Спиридоновке в соб[ственном] доме. Она мне написала сюда и подписала М. П. Долгорукая. Мне нужно ответить, а потому надо знать ее имя и отчество. Ну будьте по возможности здоровы — что твои тонкие и толстые кишки. Как себя чувствуешь? Обнимаю вас всех, Антошке кланяюсь. Что нибудь ему постараюсь привезти из Питера. Спроси его, что ему хочется, бедняге. Думаю я приехать числа 15-го ненадолго, а потом опять сюда, если состоится писание кн. Орловой. Пока работаю Нобеля и в Эрмитаже. Что мамина нога, не пишешь? Твой В. Серов.

210

Рим. 21 М[ая 1910 г.

Милая Олюшка, спасибо за письмецо. Но больше сюда не пиши — скоро уезжаю к морю, а там и в Париж. Напиши в Париж 33 Boulevard des Invalides. Ну как поживаешь — не очень соскучилась? а чувствуешь себя как? получше? Светопредставления как у Вас в Берне, здесь не было — стоит ровная хорошая погода (тепло) — может будет потом, будет конец свету — подождем увидим. Комету вот все никак не увидать. — А Рим великолепен. Про брошку не забыл — присматриваю по-маленьку. Я и маме хочу купить какую-нибудь висюльку. А ювелирные вещи (подражание древним) очень недурны. Видаю здесь часто кня-

гиню Ливен [517] — она и ее больная сестра живут здесь всю зиму. Ну, всего тебе хорошего. Обнимаю тебя и Антошку. Снимайтесь и пошлите маме — она верно ждет.

Твой В. С.

211

22 Ju[in] Paris [1910 г.]

Олюшка,

Вот тебе паспорт. На листе наверху над орлом нужно тебе подписать где написано „подпись предъявительницы" свою фамилию; и на другом листе по французски „Signature de porteur" [518]. Если осенью будешь возвращаться с Антошей, то тебе придется заявиться в посольство rue Grenelle 79 к консулу, где тебе дадут бумагу для Антоши. Ну, это, разумеется, еще не скоро. Предварительно мне надо будет в Петербург, откуда я брал осенью (когда ехал с Антошей) заграничный паспорт, его добыть и послать сюда в посольство, на основании коего дадут Антоше свидетельство. Как бы и за него на границе не потребовали 15 руб. (досадно платить за молокососа). Еду в понедельник — до свиданья. Антошу целую. Пишу маме. Твой В. С. Поклон. Вот Ниночкин адрес, куда они едут дней через 5.

А вот адрес Львовых [192] на всякий случай.

Туда надо тебе будет съездить (вообще) может быть с Антошей перед отъездом?!

212

[Париж. 1911 г.]

Олюшка!

Благополучно доехали вчера в город Париж, хотя ночь спать уж не пришлось, т[ак] к[ак] спальных мест II класса не имеется—вообще. Фланировали с Ефимовыми по Парижу. Сегодня едем в Maison Blanche — там пока хорошо с Жакотом. Аделаида Семеновна и Ефимовы ничего молодцом. Квартирка у них ну-ну... Что у вас там. Мама обладает замечательным аппетитом, чувствует себя хорошо. Видели нашу Chapelle. Ну, спешим, в музей нужно. До свиданья пока. Воображаю, как мальчишки были довольны возвратившись домой и спровадив родителей, найти в шкапу красного дерева нетронутую корзину пирожных. Ваши родители О. и В. Мама и я просим Сашу не есть так много булок. Затем до свиданья.

213

Рим 28 av[ril] 1911 г.

Милая Олюшка,

Ну как ты справляешься со своим хозяйством? Бедненькая, бросили мы все на твои маленькие плечи. Что здоровье твое и желудок.

Ты ничего не пишешь о своем здоровье. Как мальчики (парни) поживают между собой—тихо-ли? благопристойно-ли? Господин репетитор—что и как? Как насчет занятиев вообще. Как бы не того—не оставили бы наших молодцов каждого в своем классе. Можно ведь и с репетитором

остаться — бывают такие случаи и не в одной Одессе... Что Наташечка милая сердитенькая?

Мамаша не пропускает ни одно дите, а кроме того заглядывается на священников всех ряс и возрастов — всегда ахает и останавливается — сильное производит на нее впечатление — готова всех их купить что ли не знаю.

Живем хорошо. Выставка так себе, кажется напрасная. Да, да, пусть мальчики, как приходят из гимназии переодеваются — это просит мамаша и я со своей стороны присоединяюсь и готов тоже самое требовать, ибо сие весьма рационально. Думаю, что в Сашином руководстве по легкой атлетике это тоже рекомендуется.

Здесь в Риме заявилась Софья Оскаровна — да Саша знает ее. Пусть мальчики (просит мама) вытирают ноги, когда приходят, а то пыль, и не объедаются пасхой. Обнимаю В. С.

214

[Флоренция. 1911 г.]

Олюшка! вот что, не сокрушайся на счет дороговизны, вообще, и что так много уходит денег — их будет выходить все больше и больше. Пожалуйста не отказывай ни себе, ни в хозяйстве в необходимом. Если тебе нужно пальто — закажи и т. д.

Мама вернется не раньше как к 15 вашему мая, а поэтому если денег не хватает — то иди к Илье Семеновичу Остроухову и возьми у него 200 руб. (я оставил у него для мамы 500 руб.). Спасибо тебе за хозяйство и письма. Хорошо, что здоровы и вы и мы. Вероятно завтра едем в Па-

риж, а сейчас Флоренция и дождь. О выставке и моей комнате (недурной) мама вероятно писала.

Саша, увлекайся атлетикой, но повторяю в меру, а то сделаешься Уточкиным 2-м или Бутылкиным 1-м. Наташечку поцелуй, но пусть она не пихается. Юру и Мишу обнимаю — двух бедняков.

Твой В. С.

ГР. ДМИТРИЮ ИВАНОВИЧУ ТОЛСТОМУ [286]

215

Сестрорецк. 8 сентября 1910 г.

Многоуважаемый граф Дмитрий Иванович!

Читал и даже два раза в газетах, что будто бы мне отводится чуть ли не целый зал на выставке в Риме.

Очень рад и благодарен если это действительно так — хотя залы мне не нужно — несмотря на то, что я решил выставить свои работы возможно полнее и лучше, но все же больше 12 номеров не наберу.

Раньше зимой, когда мне это было предложено (отдельное помещение) я колебался ввиду известной связанности по отношению к „Союзу“. Теперь же, после Вам вероятно известных событий в „Союзе“ (выход из состава А. Н. Бенуа) [519] — которые поведут к его распаду — он „Союз“ так сказать

как бы не существует — я бы даже настаивал на отдельном месте, так как вешать свои работы в ряду картин посылаемых Академией — я не намерен.

Между прочим, это нежелание быть выставленным среди картин от Академии служит главным мотивом для отказа в участии в Риме многих лучших художников, выставлявших в „Союзе“. На этот счет хочу Вам, граф, сделать одно предложение: — не послать ли Вам Ваше личное приглашение, вроде того, которое было Вами послано Малявину, мне и еще кому — не помню — и таким художникам как: Бакст, Бенуа, Билибин, Головин, Грабарь, Добужинский, Коровин, Крымов, Кустодиев, Лансере, Малютин, Остроумова, Петров-Водкин, Рерих, Сапунов, Сомов, Стеллецкий, Яремич, Щербов, Юон — не участники „Союза“. В этом приглашеньи были бы указаны лица Вами одновременно приглашаемые. Таким образом могла бы составиться группа, которой Вы смогли бы предоставить определенное место, т. е. место „Союза“ в отделе. Мне кажется — на такое Ваше приглашение откликнутся — пока же особого сочувствия к выставке в Риме не встречаю от лиц, участие которых необходимо.

Если же участие „Союза“ состоится — приглашение Вам не может повредить.

Готовый к услугам

В. Серов.

P. S. Письмо это (список) составляет секрет изобретателя.

Вспомнил, что ведь Суриков тоже в „Союзе“.

216

Москва, 11 октября 1910.

Многоуважаемый граф Дмитрий Иванович!

Письмо Ваше получил — благодарю Вас.

Итак „Союз“ распался...

Полагаю — будет справедливым и помещение отведенное под „Союз“ в Риме расколоть надвое.

С своей стороны я могу потесниться и отдать петербургской группе часть своего пространства — и будет хорошо. Выставлять думаю следующие вещи:

1) Портрет кн. Орловой (СПБург) холст 3 арш. ширины

2) Портрет г-жи Рубинштейн (Париж) 3 арш. ширины

3) Портрет г-жи Акимовой (Москва) 1 арш. ширины

4) Портрет певца Таманьо (Москва) Гиршм[ан] 1 арш. ширин.

5) Портрет Южина — Ленского (Москва) 3 арш. ширины.

6) Портрет г-жи Олив (Петерб[ург]) 1 арш.

7) Портрет г-на М. Морозова (Москва) 1½ арш.

8) Портрет г-на Ив. Морозова (Москва) 1½ арш.

9) Портрет г-жи Боткиной (Москва) был на всемирной выст[авке] в Париже цыганского типа в желт[ом] платье 2½ арш.

10) Голова женщины (СПБ. соб. гр. Д. И. Толстого)

11) Баба в телеге (Москва) 1 арш.

12) Лошади на море (СПБ. соб. гр. Д. И. Толстого) 1 арш.

×13) Корова финл[яндский] двор (СПБ. соб. Голенищев-Кутузов) 2 арш.

Петр
× Елизавета } на охоте аквар. Соб. Кутеповой
Екатерина

и несколько рисунков к басням Крылова.

Крестики означают спорность, т. е. возможен отказ владельцев.

На этих днях еду в Биарриц на месяц.

Адрес. Biarritz Villa „Les mouettes“ Zetlin — мне.

Готовый к услугам
В. Серов.

217

[Москва. 1910—1911 гг.]

Многоуважаемый граф Дмитрий Иванович!

Благодарю Вас за Ваше внимание и тревогу за меня или за мои вещи... Могу сообщить Вам одно приятное обстоятельство: Гиршман решил мне отпустить портрет Таманьо, но под большим секретом — об этом не должны знать другие художники кот[орым] он отказал. Насчет „Южина и Ленского“ еще не переговаривал. Относительно этого портрета, есть опасения так как это темпера — но всеже попытаюсь. От председателя прися[жных] поверенных получил письмо — отказ, на кот[орый], пишу возражение, но надежда еще есть — говорю о порт[рете] Турчанинова. Итак наверное будут: 1) Орлова, 2) Рубинштейн, 3) Акимова, 4) Олив, 5) Цетлин, 6) Таманьо, 7) Морозов, 8) Финлянд[ский] двор, 9) Лошади, 10) Голова женская, 11) Баба в телеге, 12) Собака.

Спорны: Боткина, Южин и Ленский, Турчанинов.

В случае неудачи можно будет заменить. Есть сухой портрет Романова (чинов[ника] министерства финансов) — вообще не слишком тревожьтесь.

Гот[овый] к услугам

В. Серов.

Сомов вообще не ставит. —

218

Москва. 4 ноября [1]911.

Многоуважаемый граф Дмитрий Иванович!

Сколько я помню Вы — полушутя-полусерьезно говорили при мне княгине Орловой о том, чтобы она уступила свой портрет (моей работы) в музей А[лександра] III. Не знаю, что она Вам на это ответила, но после спросила меня, — как я к этому отношусь — кажется, ответил я так — хотите, отдавайте, а, пожалуй, и не отдавайте — что то в этом роде.

Теперь же я знаю — портрет этот желают Боткина и Остроухов получить в Галлерею в Москве. Александра Павловна Боткина обращалась к кн. Орловой с просьбой отдать портрет в Третьяковскую галлерею и получила будто бы ее согласие, причем княгиня упомянула о данном будто бы Вам согласии раньше.

Теперь вопрос — куда же собственно княгиня его предназначает?

Так как я сам состою в совете Третьяк[овской] галлереи — то мне было бы удобнее (раз идет речь о помещении моей работы в ту или другую галлерею) — если бы княгиню взял музей А[лександра] III — да и к ней это более подходит.

А впрочем это дело ее — пусть решит сама. Писать я ей не стану.

Теперь, позвольте, граф, обратиться к Вам с запросом (они теперь в моде): долго-ли будет продолжаться выставка в Риме (на которой нет ни души). Дело в том, что вещи мои там находящиеся мне нужны здесь и именно в Москве. Выставка „Мир искусства" открывается 20 ноября в Москве.

Писал я об этом Бернштамму[502] в Рим и получил любезное (как всегда) письмо, что он постарается выслать вещи 4 ноября нов[ого] стиля — но . . .

Теперь же от приехавшего из Рима знакомого узнаю, что вещи все висят там. Мне очень жаль не иметь возможности эти вещи поставить здесь на выставку, но я должен их иметь через месяц 1 1/2 на той же выставке „Мир искусства" в Петербурге.

[Конца не сохранилось]

ИВАНУ СЕМЕНОВИЧУ ЕФИМОВУ

219

С. Петербург 2 марта [1911 г.]

Дорогой Иван Семенович,

Очень рад и благодарю за сообщение из Stuttgart'a, надеюсь и гнутых зверей пристроили? [520]

Спасибо и Ниночке за письмецо. Пусть она между прочим не волнуется по поводу рамы. Рама давно получена г-дами Кусевицкими.

А теперь имею Вам сообщить следующее. Не знаю будете ли Вы помогать Баксту — он

в Париже и в той же гостиннице r. Bourgogne 7— зайдите к нему.

Но я решил писать с Вами персидский занавес для Шехеразады. Первая часть ее играется при закрытом занавесе, кот[орый] и надлежит нам расписать. Эскиз, в принципе принятый дирекцией, мною разрабатывается так сказать...

Теперь работу эту я распределяю так: в начале нашего апреля думаю быть в Париже и к этому времени должно уже иметься помещение. Занавес 24 на 16 аршин. (Меерсон что то мне писала о свободном помещении—потолкуйте еще с Бакстом).

Хорошо если бы Вы за это время слегка попробовали бы эти клеевые краски и как ими владеть. Затем, давши Вам эскиз и указания, я бы уехал в Рим, где мне нужно быть к 15 апреля (нашего стиля), чтобы развесить свои вещи в отделе. Пробывши в Риме недели 2 возвращаюсь в Париж и дописываю с Вами занавес, кот[орый] должен быть готов к концу мая. Спектакль в Париже 10 Июня заграничного.

Ну вот-с что Вы на это скажете?

Да: мастерская, холст, краски все казенное. За написание занавеса Вы 350 руб. получите, если обойдетесь без чертежника, а возьмете чертежника 100 руб. меньше, т. е. 250 (казенная у Дягилева цена).

Итак согласны Вы? Буду просить Вас сейчас же на это письмо ответить в Москву.

Думаю я прокатать и Ольгу Феодоровну, но вот не знаю как ее и Антошу отправить домой, т[ак] к[ак] я остаюсь работать (занавес) в Париже а может и в Лондон.—Жду письма Ваш В. Серов.

Когда Ниночка и Аделаида С[еменовна] думали ехать в Россию?

КН. ВЛАДИМИРУ НИКОЛАЕВИЧУ АРГУТИНСКОМУ-ДОЛГОРУКОВУ [242]

220

24 июня 1911 Лондон Waldorf Hôtel.

Многоуважаемый и любезный князь Владимир Николаевич! Меня просили переслать Вам письмо для Шуры [521], т[ак] к[ак] адреса в точности не знают.

Будьте добры напишите сюда его точный адрес. Кроме того напишите Александру Николаевичу, что Армида [522] здесь очень понравилась и вообще весьма все успешно пока — только с Игорем [523] — никто пения слышать не желает и это правильно — я помню слышал его в Риме — оно лишнее и его отменили уже теперь а то публика начинает уходить.

Сегодня второй с оперой смешанный спектакль а в понедельник гала с королем. Жалею что пропустил шествие короля через город с раджами и магараджами...

До свиданья — спасибо за „Романова", всего хорошего.

Ваш В. Серов

М. С. ЦЕТЛИН * [524]

221

[*Отрывок*]

[Октябрь 1911 г.]

... Остроухов мне между прочим говорил о вашем намерении приютить у себя бедную Иду мою

* Письмо перепечатывается из монографии Грабаря „Серов". Подлинника найти не удалось. О Цетлине см. письма 157, 158. *Прим. ред.*

Рубинштейн, если ее, бедную, голую, выгонят из музея Александра III на улицу [525]. Ну, что же, я, конечно, ничего не имел бы против,—не знаю, как рассудят сами Рубинштейны — если бы сей случай случился. Впрочем, надо полагать, ее под ручку сведет сам директор музея граф Д. И. Толстой, который решил на случай сего скандала уйти. Вот какие бывают скандалы, т. е. могут быть. Я рад, ибо в душе — скандалист, — да и на деле, впрочем...

ПИСЬМА К В. А. СЕРОВУ

ПИСЬМА ИЛЬИ ЕФИМОВИЧА РЕПИНА

222

[Петербург] 16 генв[аря 18]90 г.

Антон, Антон!

Наконец то. Портрет твой — отца[526] пошлю на „Передвижную“. Ни за что ручаться не могу. Сам там участвовать не буду ни в каком виде, разве зрителем выставки.

Ты бы присылал из Москвы Верушку Мамонтову да Машу, да еще кого ты писал на солнце. Попроси — Третьяков даст. А портрет — все-таки с фотографии, не особенно счастливо закончен — пожалуй и не примут.

Теперь они выставляют в Академии Наук — зала маленькая, а вещь твоя большая — все это такие резоны для отказа, что и обижаться нельзя.

С. М. Драгомирова уже с неделю как уехала. Сеансы прекратились. Твой этюд я подарил им т[ак как] мне показалось, что ты этого желал в глубине души. Только ты извини, Антон, я немножко рукав на локте, грудь и правый рукав и руку правую, левая прекрасно была, потрогал, в том же роде как было — не испортил. Они очень довольны. Повезли уже вероятно в Киев со всем скарбом.

Тебя мы тут сначала вспоминали на сеансах часто, а потом все реже, да реже. С Любовицкой я как-то примирился, особенно с тех пор, как не вижу ее уже недели две. Они очень шикарно живут. Мать ее заядлая полька, безобразная рожа, кривляка, но талантливая музыкантша. А Муся довольно интеллигентна, при всей природной ограниченности. Они мне преподнесли княжну Имеретинскую, красавицу — будем после писать — теперь некогда.

Теперь всех тут занимает академический скандал. Исеев [527] оказывается таким мошенником и вором — уши вянут?!

А Совет такая поголовная сволочь, что и говорить неприлично. Но сияет солнце, и кажется на академической улице будет праздник — новый конференц секретарь гр. Толстой прекрасный человек. И если его не слопают мерзавцы, то он может принести много пользы русскому искусству. Трудно вывести из Академии этих крепко вцепившихся клопов старого закона!

Ну прощай. Видишь, сколько я тебе всякой всячины написал не так как ты — телеграмму написал мне. А я бы еще больше писал, да знаю ты и этого не дочитаешь, заснешь, бросишь. „Не оборотист"?

И. Репин

Если будешь посылать вещи, то торопись, времени мало.

223

[Петербург] 29 Генв[аря 18]90 г.

Это просто возмутительно Антон! Сам ты сказал, что оставляешь этюд свой [528] в полное мое

распоряжение. И когда я спросил что же с ним делать — ты ответил „пожалуй отдайте его хоть Драгомировым“. Еще я же тут пожалел, что он не кончен, и в таком виде его даже нельзя повесить на стену. А теперь жалеешь своего этюда и упрекаешь, что сам я небось свой изготовил если не Третьякову, то для Терещенко[529]. Стыдись Антон! Это слишком грубый упрек. Я его не заслужил...

Я никогда не позволяю себе эксплоатировать кого бы то ни было. Если ты не шутишь — отвечай скорей—то я сейчас же напишу Драгомировым— они из Киева пришлют тебе твой этюд. Я пошлю им свой, хотя они не выражали ни малейшего намека иметь что нибудь за сеансы. Но раз дан этюд, конечно, неловко так их с носом оставить.

Да, уж мы лучше однажды навсегда прекратим всякие отношения во избежание недоразумений...

Портрет твой послан. Я не писал тебе что он плоховат. Я только старался взглянуть на него беспристрастным, даже придирчивым взглядом судей и публики вообще, чтобы тебе быть готовым ко всему. Может быть я и ошибся, может быть портрет сразу будет поднят на щит и ты будешь принят членом, могу ли я вперед знать. А писал тебе что думал в ту минуту когда вообразил себе передвижников перед твоим портретом.

И всетаки очень жаль, что ничего другого ты не посылаешь. А это пустяки, что было выставлено в Москве — это ничего — только бы в Питере не было выставлено. Отвечай поскорей. Ты меня ужасно разозлил!!!!!!

И. Репин.

224

[Петербург] Понед[ельник] 4 мая [18]92

Ну, делать нечего, — похвалил — надо раскошеливаться... Другой раз не буду. Теперь я стану к тебе придираться: и то нехорошо и это не так. И манерно и не колоритно и т. д... Постой, постой... А пока получай 100 р. — уведомь о получ[ении].

А я только что вернулся из под Витебска, где я купил наконец себе прекрасное именьице. Хутор 108 д[есятин] земли 40 шт. рогат[ого] скота, 4 лошади и все хозяйство. На быстрой Двине. Край теплый, народ разнообразный...

Теперь так и тянет туда. Как Надя[530] кончит экзамены, так и удираем.

Прощай будь здоров. Поклон твоей семье Толстым[531]. Кончил ли портрет гр. Софии Андреевны?

Старый твой друг И. Репин.

Какая досада! — Тут были Савва Иванович с Сережей[532], а меня не было дома. Ведь вот народец! сколько я просил Савву Ив[ановича] — дайте знать накануне, черкните когда соберетесь — ни гугу!

А мне так хотелось показать ему разные свои затеи. Я люблю с ним советываться, он ведь очень чуткий человек — артист и умница!.. Предосадно! — Россия а не!!.. Нет я теперь ближе к западу.

225

21 Апр[еля 18]96

Ваше художественное Превосходительство, Милостивый Государь Валентин Александрович!

Ваш табак, зубной порошек и сигарные ящики

постараюсь привезти вам, если не забуду (утешен этой заботливостью); но Вы ни словом не обмолвились о забытой Вами, целой крахмальной рубахе! (огорчен). Привезу и ее.

На счет рисунков... Вот неудача. Боюсь забыть; всегда на сеансы торопишься... А выбирать самому, тоже так трудно, опасно и совестно. Да, пожалуй и поздно уже.

Мы выезжаем отсюда 1-го Мая, кажется целой компанией.

Наши все здоровы, кланяются тебе и все еще поджидают к чаю, завтраку и обеду, по свежей памяти.

Состоящий в звании профессора Императорской Академии Художеств, искренне преданный Вам И. Репин.

P. S. Кроме всего я заметил еще в мастерской маленький кривой мастехинчик — Это тоже вероятно, Ваша собственность? Какая рассеянность! Вот что значит писать дамские портреты!!... Ох-о-хох!

226

[Петербург] Акад[емия] Худож[еств] 21 ноября 1896

О, Антон!

Сколько бы ни писали мне умных назиданий, все это — как к стене горох. Трудно невоспитанному человеку перевоспитываться на второй полусотне лет. Уж разумеется, его исправит только могила. И знаешь-ли? — В душе моей даже нет раскаяния. Если бы ты за неделю раньше пришел ко мне с целью удержать меня от этой „бучи“ и все будущее изрек передо мною — я все-таки сделал бы по своему потому, что жить можно

только своим темпераментом и своим умом, какой есть.

Жаль, что ты не хочешь участвовать на выставке эскизов, она кажется будет очень интересна — такой у нас еще не бывало.

Не приедешь-ли ты взглянуть на французов и голландцев? Приезжай разумеется прямо к нам, тут все тебе всегда рады.

Твой И. Репин.

Очень кланяемся Ольге Федоровне. И писать, и печатать не обещаю перестать — нельзя брат, все мы люди, все человеки.

227

[Петербург.]

Милый Валентин,

Поздравляю тебя, если это правда, что ты принял место в Уч[илище] Ж[ивописи, В[аяния] и Зодчества. Прошу тебя (сейчас же просьба к сильной особе) — нельзя ли принять в число учеников, или вольнослушающих в вашей школе — г. Серпянского.

Всегда твой брудершафт И. Репин.

228

14 Февр[аля] 1907 г. Куоккала.

Дорогой Валентин Александрович, Посылаю тебе, присланную на мое имя, просьбу к тебе из Лондона. Надеюсь, что ты ответишь по приложенному здесь адресу.

Всегда твой с дорогой душой. И. Репин.

229

4 апр[еля] 1907 г.

Дорогой Валентин Александрович,

Как же! — я следил даже за болезнью Павла Ивановича [70] (по газетным изв[естиям]) и восхищался — как его несли опускать [*неразборчиво*]. Очень тронут, что вспомнил о портрете, писанном с него мною. Но ведь есть еще твой портрет, который ты писал с него в Москве и даже ты считал свой лучше моего; и вероятно ты прав. Надобно и твои выставить на устраиваемом Валентиной Семеновной вечере.

Я очень порадовался за Юру [533], что Илья Семенович [534] оценил его работу, да, там нечто есть.

Вчера я распорядился, чтобы портр[ет] П[авла] Ив[ановича] отослали в училище Живописи на твое имя.

Твой И. Репин.

Не соблаговолишь-ли ты чем нибудь отозваться на памятник В. В. Стасову? Если разрешишь, то я дам один из этюдов твоей кисти, находящийся у меня. Составится лотерея или аукцион в свое время для пополнения суммы недостающей на оборудование памятника на Алекс[андро] Невск[ой] лавр[ы] кладбище.

230

Финляндская ж. д. Ст. Куоккала. 7 августа 1908 г.

Дорогой Валентин Александрович!

Участие мое в комитете о Л. Н. Толстом довольно второстепенное — по специальным вопро-

сам. Теперь до приезда Мих[аила] Алекс[андровича] Стаховича [535] кажется ничего особого не было. Главный председатель ком[итета] Мак[сим] Макс[имович] Ковалевский [536] (Моховая 32). С искренним желанием тебе всего лучшего.

Твой Илья Репин.

ПИСЬМА КОНСТАНТИНА АЛЕКСЕЕВИЧА КОРОВИНА

231

Париж [18]92 г.

Дорогой Тоша и Ольга Федоровна!

Спасибо за письмо. Пожалуйста не ждите от меня чего либо особенного живописи или каких либо картин. Я провел и провожу время менее за живописью, больше смотрю и думаю, что писать картины, картинки, писать скорей, выставка! периодическая, этюдная и еще еще много картин! Полюбил я эти картины, этюды без конца! Я обалдел от картин, а написать ни одной не умею, а рисовать, увы, списать не умею! Никогда так не была полезна для меня минутная поездка за границу, как сейчас.

Со мной по моем выздоровлении случилась беда — при переходе в мастерскую украли 1000 fr, мне гадко ужасно, подло, вот урок, — неряшество и доверчивость. Это только за границей и может быть.

Ужасно! Я не хочу и говорить, со дна души поднимается боль. Деньжонок осталось чуть чуть, из порядочной суммы. Скоро приеду в Россию

и привезу одну маленькую картиночку, но кажется, что продам здесь.

На бедного Макара шишки валятся!

С одним русским художником вчера вечером пошел в Булонский лес кататься на велосипеде, но не мог, падал постоянно, хотя и уже я не пингвин. Тут же увидел Н. Якунчикова, который мне сообщил, что твой портрет О. Ф. Т. был сначала лучше!??

Поклон друзья мои. С какой бы радостью я увидел бы Вас.

К. Коровин.

Да! С[авве] И[вановичу] передай пожалуйста мой новый адрес Paris, Boulevard de Clichy 75.

Ты также пиши. Буду рад видеть С[авву] И[вановича].

232

9 Июня [18]92

Любезный Тоша!

Я был в Москве, видел твою пустую квартиру и мастерскую. Ждал тебя, т[ак] к[ак] ты сказал Платону что приедешь в воскресенье, т. е. 4 или 5 июня, но не дождался.

Я пишу в деревне у Е. Н., но не много. Место здесь не очень-то красиво — немного напоминает подмосковную, т. е. что то от Марьиной рощи к Останкину, или Перово. Скажи если получишь мое письмо до моего приезда как ты поступишь с портретом царским.

Я думаю быть в Москве в конце Июня или

в начале Августа. Адрес Г. Волоколамск Через Ботово во Власово. Мне.

Поклон Ольге Федоровне. Желаю здоровья и хорошего. Твой Коровин Конст[антин]. Власово.

233

Paris 9 octobre Hôtel de la Neva. 18[92]

Тоша!

Хотя ты мне и подарил „Трубку“ помнишь, но все же ты меня любишь немножко. Я интересуюсь знать, как ты поживаешь? боишься ли холеры, что пишешь, деньги, о эти деньги! Что Ольга Федоровна, сын и дочь? Я только сейчас пришел в себя. Оказывается, что я порядочно таки был болен. Пингвин, где ты? Начинаю понемногу работать, уж очень я стесняюсь языком. М[ежду] проч[им] беру уроки и начинаю многое понимать.

Я порядочно истратился и вряд ли мне придется долго пробыть здесь. Между прочим мне предложили здесь уроки живописи, но я отказался. Что Врубель, С[авва] И[ванович]? Мне пришлось видеть похороны Ренана. За гробом шли такие симпатичные физиономии, на меня эти похороны произвели такое впечатление, я увидел лица и выражения людей стоящих во главе светлого интеллигента мысли, прогресса человеческой жизни. Это чувство таким восторгом наполнило меня, что я по приходе домой разревелся от досады что я мало работал и так много жизни провел в ненужных и дурных минутах. Твой К. Коровин.

Будь здоров.

234

ПИСЬМО СОФЬИ АНДРЕЕВНЫ ТОЛСТОЙ

[Москва. 18 мая 1892 г.]

Милостивый государь Валентин Александрович.

Благодарю Вас за портрет, посылаю Вам, согласно нашему уговору, шестьсот рублей. Очень жалею, что возникло, против моего желанья, маленькое недоразумение [537], которое, надеюсь, не повлияет на наши хорошие отношения.

Граф. С. Толстая.

ПИСЬМА ДМИТРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ФИЛОСОФОВА [205]

235

СПБ 30 ноября [1900 г.]

Дорогой Валентин Александрович,

Так как наши почтенные и обремененные занятиями, руководители худож[ественного] мира, редакторы двух русских художеств[енных] журналов и прочая, и прочая, и прочая,... едва ли соберутся тебе написать, то пишу я, один из присных. Письмо твое было внимательно прочтено всей редакцией, за исключением одно[го] Вальтера Нувеля, который вот уже с неделю лежит в инфлуэнце. После прочтения постановлено: благодарить и послать телеграмму (надеюсь, что ты ее получишь ночью, хотя она послана в 4 ч. дня). Коровина адрес Сережа[149] забыл. Музей выразил желание иметь панно, а Тенишев* или м[инистерст]во ф[и-

---

* Кн. Тенишев состоял комиссаром русского отдела всемирной выставки в Париже.

нан]сов подарило их ему. Знает все это Сережа от Тенишева, к которому он ездил подлизываться. Прошение Велик[ому] Кн[язю] уже послано в Грецию. Тенишев обнадежил.

Теперь самое интересное, скандал в Академии. Заседание было 27-го и длилось с 8 до 11 ч. Первый говорил Позен [538], о том что он сторонник всего нового, но есть „новое и новое“. Чуму пускать в Академию нельзя. Словом — зри статью этой сволочи Стасова, которому я публично при публике и служащих не подал руки. Считаю его подлецом. Вся его цена, в моих глазах, была в том, что он держался твердо своих убеждений, и потому ненавидел нас. Теперь же из бессильной злобы он для того чтоб нам напакостить отступился от всех своих убеждений, и начал спасать Академию и заниматься доносами, что, мол, начальство смотри в оба. Хотел поссорить нас с Толстым [539]. После этого — цены старику нет никакой, и чтобы раз навсегда с ним разделаться и решил прибегнуть к вышеупомянутой экстренной мере, чорт с ним.

Но к делу.

Позену возражал Толстой, и сказал, что из слов Позена он заключает, что Академия отвечает за достоинство устраиваемых в ее стенах выстав[ок]. Но он с своей стороны думает, что Академия ничего общего напр[имер] с такой выставкой как акварельная иметь не может. После этого говорил Беклемишев, на ту тему, что без общего собр[ания] Толстой не имел права отдавать залы под выставку. Прежде Совет отдавал залы без общ[его] собр[ания] только тем, кто уже в предыдущие годы имели разрешение, т. е. на повторные выставки. На это Толстой возразил, что он жалеет, что прежде дело было так, что он

с этим не согласен, и что вообще, он считает, что ему, как вице-президенту, по уставу, принадлежит право отдавать зал не только без общего собр[ания], но даже и без Совета, и что впредь он так и будет поступать. На это говорил Куинджи:[540] „Мы ожидали, что Вы перед нами извинитесь, а Вы вдруг нас еще больше обидели. Впрочем с своей стороны, я за „Мир искусства“, не забудьте господа, что со временем участники выставок М[ира] И[скусства] будут сидеть здесь, на наших местах!“ Куинджи играл двойств[енную] роль. Говорят он редактировал протест, а вместе с тем, он же обругал протестантов. После него говорил Репин. Он сказал очень теплую и прочувствованную речь за М[ир] И[скусства], кончил так: „Я особенно понимаю, и близко чувствую все—что происходит в М[ире] И[скусства], так [как] на меня самого плевали в течение всей моей жизни“. Замечательно, что И[лья] Е[фимович] был один из первых „плюнувших“ в Мир Иск[усства].

В заключение И[ван] И[ванович] сказал, что он предупрежд[ал] собрание, что все эти прения, длившиеся около 3-х часов, происходили в собрании 60 чел[овек], и что понятно будут всем известны. Он считает нужным отметить этот факт.

Сведения эти имеются от Лобойкова[241], и от Альб[ерта] Бенуа[542]. Таким обр[азом] победа полная. Лобойков сказал, что он будет писать протокол, в котором будет „in extenso“* протест, и „оправдание“ Совета и все речи. Все это будет пропечатано в М[ире] И[скусства] с разрешения графа. Да, забыл сказать, что в своем „оправдании“ граф заявил, что отдал он залы „Миру искусства] с разрешения Владимира. Молодец

* In extenso — в извлечении. *Прим. ред.*

Владимир! Ну как не поздравить после этого его 14 февр[аля] в день его юбилея, (25 лет президентства). Таким образом залы за нами.

Ждем тебя с нетерпением, надо уже очень энергично действовать, а пока обнимаю тебя. Привет всем твоим Ольге Федоровне и деткам.

Твой Д. Философов.

Жива ли „умирающая свинья?“ Да вышла первая часть книжки Шуры, История русс[кой] живописи [543]. Издание Левитана готово. Все дело за Чеховым и переплетом.

236

[Петербург. 1901 г.] 10 декабря Басков пер. 21

Дорогой Валентин Александрович. Спасибо тебе за добрый отзыв о моей статье. Он пришелся как раз во время. Я знаю, что ты не комплиментщик, а потому особенно ценю твое мнение. Дело в том, что на меня опять большое гонение. Шура, Бакст, Нурок опять шумят о пресловутом „скипидаре“. Поводом к тому послужил ответ Шуры мне (идет в № 11), статья Сережи о Шуриной книге (№ 11) и наконец идея Сережи (неосуществившаяся после горячих споров) в будущем году дать в „Мир Иск[усства]“ роман Мережковского „Петр Великий“ с иллюстрациями художников „М[ира] И[скусства]“ после долгих и очень жарких дебатов — идея провалилась. Ее я не жалею, но каждый раз, при каждой идее приходится выслушивать много горьких истин. Так и теперь. Лично по моему адресу наговорено было много. Выяснилось, что я не только бесполезен в „М[ире]

И[скусства]“, но даже вреден. Что я не художник и нечего мне в искусство вмешиваться. Может быть это и верно, но выслушивать больно. Как никак пятый год путаюсь с „М[иром] И[скусства]“. Пожертвовал ему много своих сил и даже денег, и вдруг—оказался ему вредным. Вместе с тем обращаясь к последней моей статье об Ипполите [544] — должен по совести сказать, что она вся пропитана духом защиты искусства. Но о ней никто слова не сказал, и даже — Бакст, за которого я публично заступился рискуя поссориться с Коровиным — мне ни слова не сказал в благодарность. А вместе с тем моя статья произвела большое впечатление. Теляковский [545] о ней много говорил Шуре. О Сережиной статье уж и не говорю. Ты знаешь, что, несмотря на то, что Черепнин [546] и Калафати уже получили по 350 руб. задатка (?) (т. е. в общей сложности 1500 р.) их работу бросили в корзину, спешно выписали партитуру оригинальную, выписали из Москвы костюмы, а часть заказали новых, словом горячку запороли страшную.

Сцену же, парк, к ужасу несчастного Блуменфельда велено не выпускать. Словом, Теляковский уверяет теперь, что Сережа все наврал. Смешно подумать, какое влияние все-таки имеет Мир Иск[усства]. Грабарня открывается не раньше самого конца месяца, и то дай бог. При сем посылаю тебе ряд интервью. Они еще подлили масла в огонь. Несчастный Бакст совсем уж обиделся. Интервью низкое. В Мире Искусства думаю поместить ехидную о них заметку. Венгеров на меня страшно обиделся, принимая же во внимание, что у него работает Бакст — выходит опять осложнение.

Интересный анекдот. Знаменитая композиторша Овербек покорно исполняя приказание Зин[аиды]

Ник[олаевны] [547] привезла на „вечера совр[еменной] музыки“ кучу объявлений о „Новом Пути“ [548] и передала их по невинности Нуроку!!. Можешь себе представить что с ним сделалось! Он чуть ее не прибил, и сказал что он просто запрещает в „обществе“ распространять этот журнал.

Еще у нас идет невероятный цензурный скандал с письмами Л. Толстого. Но всего не перескажешь.

Мечтаем о том, чтобы на рождество поехать в Москву, осмотреть выставку вместе с Ратьковым, но кажется это мечта!

Душевно твой Д. Философов.

237

[*Отрывок*]

[Петербург. 1903 г.]

Дорогой Валентин Александрович. Ты вероятно получил телеграмму о Юсуповой. Такая же телеграмма послана и Мекку с просьбой о „Демоне“ [549]. Дело в том, что Берлинский Сецессион [550] уж очень просит. Телеграммы, письма Либермана [551] так и скачут. Они прямо и совершенно откровенно говорят, что им крайне важно ко дню открытия 4 апр[еля] н[ового] ст[иля] иметь крупные русские вещи. Все что дошлют потом, они выставят с благодарностью, а ко дню открытия они хотят иметь своим чередом, хотя бы те вещи, которые предполагалось им послать в прошлом году.

Пишу это тебе в объяснение того, почему вдруг пошла такая спешка. К этому надо прибавить, что нынешний год особенно важный для Сецессиона. Из будущей „Хроники“ „Мир иск[усства]“ ты узнаешь, что с большой берлинской выставкой идет скандал [552]. Вильгельм лично впутался в ее дела, начал искоренять декадентство,

и вообще буря там идет ужасная. Как раз момент для Сецессиона отличиться. В случае если получишь телеграмму: „Убеди Мекка“ — сходи к нему и действительно убеди.

У нас тишина мертвая. Никого не видим. Шура ни разу не был. Его дело с Обществом все еще тянется. Настроение удрученное и до крайности одинокое.

Слышатся серьезные обвинения и на тебя, что ты „подцыкивал“ и „подзуживал“ вместо того, чтобы успокаивать. Мое мнение такое. Все идет по законам природы, все правы, никого не надо обвинять etc etc... Но из этого не следует, что к выполнению законов природы надо относиться равнодушно. Если у меня умирает „по законам природы“ мать — я все-таки поплачу. А вот этого-то Сергею и не позволяли, и обвиняют тебя, что ты тоже плакал. Зная Сергея, я вижу, что если-б не ты, эта история могла бы кончиться крупной гадостью. Именно то чувство, что не он один, а и ты мучительно „переваривал“ законы природы его не привело к крайностям. Эти три дня, которые вы вместе как [*неразборчиво*] перестрадали — подбодрили его. Если же он был бы один, и все взывали как Шура, к „историческому ходу“ — он осатанел-бы.

ЗАЯВЛЕНИЕ В. А. СЕРОВА И ТЕЛЕГРАММА УЧЕНИКОВ ШКОЛЫ ЖИВОПИСИ

238

В ОБЩИЙ СОВЕТ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ [553]

Милостивые государи!

Так как на последних выборах преподавателя в высший художественный класс училища в Совете

18 января 1901 г., преподаватели архитектуры и научных предметов не были согласны с выбором кандидата, предложенного группой руководителей художественных классов — не примкнули как до сих пор обоюдно практиковалось (не знаю по уставу-ли?) при избрании лиц по разным специальностям, — и тем выразили свое недоверие и неуважение к выбору группы художников, имеющих в данном случае первенствующее значение (не по уставу) — я не считаю для себя возможным участвовать на общих советах и тем самым (по уставу вероятно) исключаю себя из состава преподавателей школы.

В. Серов

19 янв[аря] 1901 г.

P. S. В. И. Суриков был предложен первым на предварительном совещании, но вследствие его отказа (как и на предложение академии) и только потому кандидатура его была снята.

Телеграмма № 6

Москва 23/III 1901 г.

Собравшись вместе мы проникнутые к вам глубоким уважением единодушно шлем Вам свою благодарность за Ваше благотворное влияние каким мы пользовались втечение уже нескольких лет Ульянов Магула Юон Грабовский Сапунов Демьянов Липский Некрасов Пырин.

239

Мир Искусства 2 Января 1902 г.
11, Фонтанка, С.-Петербург. Телефон № 3248.

С новым годом.

Как поживаешь и что новенького? Я думаю, что „неуверенность“ Аполлинария [220], Пастернака[217] и других заключается главным образом в том, что они не знают, во 1-х что мы у них возьмем и во 2-х будем-ли мы впредь выступать с „Миром Искусства“ в Москве. Относительно первого — гм! Не пора ли разослать бланки с обозначением выбранных вещей? Относительно же второго — если увидишь Переплетчикова — потолкуй с ним, не могут ли они прислать нам какое нибудь письмо с просьбой о том, чтобы мы оставили их Москву в покое. В принципе я ничего не имею против этого.

Когда закрываешь выставку? Это надо знать заранее, ибо нужно ведь выслать вам человека от Андерсона.

Затем к тебе большая просьба. Не изготовишь-ли нам для 1-го номера [554], т. е. чтобы иметь в Петербурге не позже 15-го января eine litographie, напр[имер] быть может одного из Ваших детей не изобразите-ли, или что-нибудь в этом роде. Очень бы надо было по различным соображениям. Исполните, если можете. А затем думаю навестить вас числа около 15-го. На письмо не поленись ответить.

Твой С. Дягилев.

Le Monde artiste
(mir iskousstwa)
revue illustrée

15 Октября 1902 г.
11, Fontanka,
St. Pétersbourg.

Дорогой Валентин.

Вот как обстоит дело. Лишь только я вернулся, как постарался всех растормошить. Дела идут если и не совсем блестяще (напр[имер] Сомов ни за что не согласен отложить свою выставку) — то все же ничего себе, и вещи я думаю в общем наберутся. На тебе лежат хлопоты о Москвичах, т. е. ты во первых, дорогой друг, во что-бы то ни стало должен съездить к Малявину в деревню — это три, четыре часа от Москвы (адрес: Рязанск. губ. ст. Пущино, сельцо Денежниково, подробнее можно узнать у Переплетчикова). Убеди его выставить что-нибудь новое — это обязательно — а затем также необходимо, чтобы он разрешил выставить следующие вещи: портрет Ники, Баронессы Вольф, Нестерова, девочку Боткину и мой. Это очень важно. Затем на тебе лежит переговорить с 1) Виноградовым, 2) Пастернаком и 3) М. Мамонтовым. Необходимо вырвать из их когтей „36"! Затем на твоей ответственности молодежь: Петровичев[555], Кузнецов[556] и Сапунов[557], они должны быть „наши". Затем я чрезвычайно стою за приглашение Жуковского[558] и Чиркова[559], а потому убедительно прошу тебя зайти к ним и посмотреть, есть-ли что нибудь порядочное и в таком случае пригласить обоих на выставку. Наконец, еще вопрос — Врубель и М. В. Якунчикова[560]. Говорят, что вещи первого все собраны у Николая Карлов[ича] Мекк и лишь часть у жены Врубеля. Совершенно необходимо убедить Мекка дать вещи нам и по общему мнению это можешь

сделать лишь ты один!! Говорят также, будто вещи М. В. Якунчиковой собраны у ее отца, это предоставляю на твое усмотрение!! Свинья В. В. фон Мекк.

[Дягилев]

241

13 января 1903 г. „Мир Искусства“
11, Фонтанка. С.-Петербург. Телефон № 3248

Дорогой друг. Посылаю тебе Андерсоновского человека, надеюсь и сам быть, но несколько позже, ибо простудился и сижу распухший и с больной головою. Не согласен с тобою, что закрывши выставку вчера, придется все вновь собирать для Петербурга, ну да что поделаешь. Прошу тебя убедительно не забыть сказать кассирше, чтобы она составила точнейший список, что кому продано (особенно точно должны быть определены этюды Врубеля, а то их потом не разыщешь). Затем прошу тебя прислать мне с Андерсоновским человеком две акварели Врубеля: 1) „Демона“, купленного Щербатовым, лилового и 2) акв[арель], купленную Вл. Вл. Мекк — теперь я не помню точно, что изображает — небольшая, дивная в красках, квадратная, кажется, какие-то лодки, или чей-то поход, с золотом. Попроси Мекка одолжить мне на месяц. Хочу воспроизвести эти вещи в красках. Относительно Малявинских „Баб“ — пришли их в Петербург, а мы их здесь устроим. Его пастели лучше всего если бы попридержал у Грабье или у Чекато и я и Боткин хотели бы их у него купить, о чем попроси пожалуйста кассиршу ему написать и спросить у него цену; мне самому это сделать неловко; а до поры до времени пастели лучше попридержать в Москве.

Боюсь также относительно вещей принадлеж[ащих] Ми[хаилу] Абр[амовичу] Морозову, от него их потом не достанешь.

Относительно Андерсоновских счетов — я ему уплатил при отправке 100 руб. Затем — прилагаю еще его три счета один в 28 руб. 30 коп. — надо принять за счет выставки — это мелочи, бывшие при отправке; две же других надо вычесть из сумм, уплаченных Баксту и Головину за картины.

Не знаю поедет ли Бенуа в Москву? Он очень занят. Грабарня открывается говорят 27-го янв[аря], а впрочем черт его знает.

О литографии сожалею.

Прости, что не еду сейчас, но надо несколько дней, чтобы выздороветь.

Итак до свидания дорогой друг.

Твой С. Дягилев.

Обер [561] на мои письма пока не ответил, как узнаю — телеграфирую.

242

Мир Искусства. 4 Февраля 1903 г. 11, Фонтанка, С.-Петербург. Телефон № 3248.

Дорогой Валентин.

Прилагаю при сем список вещей и художников, которые необходимо отправить в Петербург. Некоторые обозначены подробно, о некоторых лишь упоминаю. Торопиться необходимо страшно, ибо Великая Княгиня желает открыть 12, 13 или 14-го — наверно день определит в скором времени. Отсюда ты усматриваешь, как мало времени!.. Приехать тебе сюда по улажению дел в Москве и отправке их сюда, тоже не лишнее, как можно

скорее, ибо у нас в общем все очень и очень неладно. Писать обо всем нечего, но повторяю твое присутствие и здесь очень необходимо, ибо я жду ряда невероятных скандалов. В воздухе такая гроза, что не продохнешь.

Между прочим Кутепов почти отказал одолжить картины, мотивы неизвестны. Отправляй все большой скоростью и ради бога торопись, когда назначат день изменить уже нельзя!

Жму руку. Твой Дягилев.

Из списка сам усмотришь, что тебе делать и куда и зачем ехать. Итак жду тебя и вещей.

243

Четверг [Петербург.]

Дорогой друг.

Выставка поживает великолепно, она то, что называется „превзошла все ожидания". Закрываем ее 26-го Марта, после чего я тотчас же еду за границу — сначала на Олимпийские игры в Афины, через Константинополь, а затем через Италию в Париж. Вернусь к Июню и тогда серьезно займусь изданием моего Словаря портретов. На выставке настроение оживленное а на душе — кислое. Летом, надеюсь будем видеться. Ты как-будто в этот раз остался недоволен выставкой, но ты не прав. Нельзя засиживаться, необходимо хоть ощупью да подвигаться, это трудно и много ошибаешься, но что же из этого?

Читал-ли мою полемику с Гинцбургом [562] в „Руси" и „Речи". Впрочем интересного мало.

До свидания, дорогой. Твой Сергей Дягилев.

244

Europhôtel — Европейская St. Pétersbourg
Понедельник. [1905 г.]

Дорогой друг.

Перед тем, чтобы что-нибудь просить из твоих вещей, зная твой невыносимый характер, я тебе показывал их список. Ты обсуждал лишь, взять-ли акварель, или масло Александра III. Относительно всего прочего и вопроса не было. Мне ей богу все равно кто изображен на портретах, лишь бы хороши были портреты. Цорн [563] этой весной не постеснялся выставить в Париже всю царствующую шведскую семью. Я — вне политики.

Теперь же, стою я или нет за Шотландский портрет [564], я положительно не знаю, что делать. Портреты испрошены официальным путем. Относительно Датского — получен ответ, что наследник датского престола, командующий полком, где находится портрет, согласился отослать портрет на выставку. Из Лондона еще ответа нет, но он очевидно будет положительным. В[еликий] Кн[язь] Георгий Михайлович прислал свое согласие выдать портрет своего отца в тужурке.

Все это не княгиня Тенишева, с которой я мог ссориться на смерть из за твоего запрещения выставить ее портрет в Парижском Дворце.

Вообще, с этой выставкой скандалов не оберешься. Все злы как собаки, и напуганы как воробьи... Работать при таких условиях немыслимо.

Что же касается до Миланской выставки, то ты плохо прочел газеты все горело, кроме русского отдела, который к сожалению остался цел. Приехал бы сюда, я пробуду с неделю, очень хотел бы тебя повидать.

Твой С. Дягилев.

245

21 апреля 1903 г.

Дорогой Валентин Александрович.

Только что с заседания. В Собрании Вас избрали в профессора Академии большинством голосов — 26, против 5. Поздравляю. Рубо [565] избран 16 голосами против 15. Касаткин отказался по неудобствам Петербурга, кажется, дети распределены по гимназиям и т. п. Самокиша [566] забаллотировали. Он получил всего 8 голосов.

Зачем Валентин Александрович хворает? Это только допускается в Петербурге. Поправляйтесь скорее и приезжайте на наш прекрасный финский берег. Я думаю, что в нашей губернии незаметна разница обхода с нами финляндцев против прошлого года. Но вообще везде скверно. Погода стоит хорошая. Зелень распустилась. Пора ехать. Мы скоро уберемся в Териоки и будем поджидать вас. А пожалуй Вы и раньше нас будете в Лаудорандо. А травлю по музею не прекращают, что за темнота в искусстве. Или же это зависть, недобросовестность! Я все же боюсь, что Вы все наконец обидитесь, или надоест вам слушать эту галиматью и уйдете. Нет выдержите! Дело Ваше! А искусство поднимайся еще выше. Это должно Вас бодрить, бодрить и бодрить!!! Поправляйтесь же быстро, переезжайте и будем отдыхать и работать в Териоках. Жму крепко руку, Ваш

В. Матэ.

246

12/I 1903.

Дорогой Антонидзе!

Что с тобой? Как мне теперь выбраться? „Götterdämmerung“ [567] идет 19-го, к ней еще массу нужно сделать; Грабарьня открывается 18-го (уже царь приглашен к этому дню) — а у нас еще и наполовину не готова столовая [568], № 12 „Сокровищ“ не выпущен и нужно готовить № 1 1903 г., который очевидно выйдет в 1904 г.; кроме этого еще тысяча дел. Знаешь, я думаю, что сума сойду. Итак уж чуть было не нарисовал Валгаллу [569] на стене Грабарьни, чуть было не напечатал в Сокровищах статью, предназначенную в „Мир“, чуть было не одел Брунгильду [570] в самый рафинированный и современный костюм, а главное несколько раз чуть было не послал всех к чорту. Живем, что называется. Все бы хорошо, но денег не слишком много, а поэтому сообщи не продалось ли что нибудь еще у меня на выставке. Относительно 36-ти хотя Сережа и говорил, что выставка дрянь, но все же даю тебе мое полное согласие на все приглашения, т[ак] к[ак] ей богу мне строгость опротивела. Отчего не дать жить и посредственному. Не люблю я только, когда посредственность задирает нос. (Это по адресу Виктора [5]). Был бы в седьмом небе, если б меня не выбрали. Ей богу я не гожусь в члены Правления, т. е. я именно слишком гожусь в них, но в то же время сознаю сей грех и мне тошно. Вообще, не уйти ли куда нибудь подальше. Относительно Рериха посоветуй за это дело взяться Сереже, он играет международным. . ., как мячиком (не удачное сравнение) и может его заставить

спалить Грабарьню в случае надобности. Вообще Грабарь ужасно плохой воин, а это жаль, т[ак] к[ак] правда было б не дурно, если б можно было немножко при случае осаживать нахала Сережу. Нурока он слопал с копытами, рогами и хвостом. Прямо Ваал. Да не Антихрист ли он уж, пожалуй! Надо дать эту идею Мережковскому. — Из твоих слов заключаю, что ты не совсем доволен статьей Сережи. Меня это сердечно радует — не потому, что статья написана о моей книге, а потому, что статья мерзкая по своей сути и глубоко оскорбила меня своим филистерством. — Нахожу также более чем отвратительным и весь способ ведения борьбы с Теляковским. Ох Сережа, не укатают тебя никакие горки. Что за мучительная, прямо фатальная фигура. Но, впрочем, ты ему все готов простить, и потому довольно. — Я с ним теперь в ладах и даже написал для „Мира" статью, но чувствую в глубине души, что разрыв на сей раз все же довольно серьезный и едва ли залечим. Нечего и говорить что здесь не оскорбленное самолюбие. Я возмущен за Аполлона [571]. В Феврале думаю быть в Москве с женой и тогда непременно к Вам (уж простите). Ольге Федоровне мой сердечный поклон. Тебя целую.

Твой тебя любящий Шура Бенуа.

247

[Петербург] 30/I — 1904 г.

Дорогой Антоша,

Уже давно я собираюсь Тебе сообщить мой восторг от тех хороших вестей, которые мы

имеем о Твоем поправлении. Желаю Тебе от всей души как можно скорее совершенно и безусловно поправиться. Того же желаю Ольге Федоровне. Жена просит передать свои искренние пожелания Вам обоим. Ничего больше не пишу, ибо ничего более и не хотел сказать. Да и нечего. Здесь все в кошмаре японской войны. Даже эстеты всполошились и Нурок! приносит политические новости. Один Валичка продолжает на все плевать. — Впрочем одна капитальная новость: Архип [Куинджи] пожертвовал 100.000 руб. в Академию. Экая честолюбивая скотина! — Скоро получишь 1-й выпуск моей книги о „Русской школе живописи“ и первые номера „Мира искусства“. Редакторы живут в совершенном мире, но номера из за этого не выходят аккуратнее, а наоборот. — Нашей выставки нынче не будет. Будто из-за помещения, а скорее из-за какой то тоски. Выставлять, устраивать выставку с Рерихом бррр.... Союз оправдывает свое название. Московски[е] порядк[и] (а из-за упорядочения только и стоило превращаться в большую выставку с уставом) — мне не нравятся. Дягилевское разгильдяйство заменено уже окончательной распущенностью и бестолочью. Поживем — увидим. А Ты, главное, поезжай dahin, dahin поправься и освежись. Я бы сам не отказался поболеть (слегка! разумеется) только б для того, чтобы меня туда послали. Ты куда думаешь ехать? — В Италию? во Францию?

Целую Тебя, мой милый друг и еще раз посылаю Тебе мои сердечные пожелания всего лучшего.

Твой тебя любящий Шура Бенуа.

248

[Петербург]1-я лин[ия], 56. 6/X 1904 Мукден

Дорогой Антонидзе!

От тебя ни слуху, ни духу. Что это значит? Traditore! Когда ты снова в Петербурге? Атаманка ожидает тебя с нетерпением. Серьезный вопрос: Делаешь-ли ты „Царское село“. Умоляю тебя принимайся. За тобой все дело стало и мы терпим тысячные убытки, которые, разумеется, поставятся Тебе на счет. Кроме шуток — абсолютно необходимо через месяц иметь уже акварель здесь. Не ленись, принимайся.

Целую Ольге Федоровне ручку, а Тебе лоб.

Твой Тебя любящий Александр Бенуа.

249

[Петербург] 1-я линия Вас. Остр. д. 56, кв. 3 30/XI — 904 г.

Дорогой Антонидзе, наконец-то! а то я уже подумал со свойственной мне (проклятой) мнительностью, что Ты на что нибудь обижен.

О чем писать, не знаю. Больно о многом следовало бы. И об „Мире Искусства“, и об „Искусстве“ (разумеется не о святом!), и о Союзе, и о Баксте (то бишь Гриценке № 2 [572]), и многом, многом другом, столь многом, что мне кажется было бы проще приехать к Тебе или Тебе приехать ко мне. Атаманка к твоим услугам и, хотя в ней уже лопнули три пружины (благодаря тому, очевидно, что за последние 5 недель я на ней почитываю) * итак, хотя три пружины и лопнули,

* меня выселили из супружеской спальни, вследствие очередных и нескончаемых заболеваний детей и сопряженных с ними перестановок кроватей.

однако она (атаманка) и до сих пор хорошая и прямо даже славная атаманка, на которой Ты будешь валяться, я убежден, до 11 даже до 12 часов дня.

Глава I — О мире искусства (в частном понимании).

Результатом всех атак на княгиню [573] и контратак княгини на двух кузенов [574], и в свою очередь неожиданной диверсии произведенной г. Рерихом (самым русским из всех художников), блестящей защите нашей твердыни Александром Бенуа и наконец всеобщей свалки, в которой так красноречиво заговорили как мои... интернациональные, космополитические... и проч. и проч. вкусы, так и душевно-славянские, душевно-искренние, „свои", теплые, глубоко-народные позывы всех остальных, итак результатом (проклятая манера писать бесконечными периодами — безусловно надо будет от нее отделаться) итак результатом всей этой кампании можно считать следующее: г. Философовым (остроумным автором проекта соединения Рериха с Бенуа) была предложена г. Дягилеву ([*зачеркнуто*] не старайся прочесть, было глупо) следующая редакция объявлений на будущий 1905 год: [„Мир] И[скусства] будет по прежнему и т. д. под редакцией С. П. Дягилева, под ближайшим участием г.г. Александра Бенуа, И. Я. Билибина [575] и Н. К. Рериха", с чем ни помянутый г. Дягилев, ни помянутый г. Бенуа не согласились, после чего все следовавшие за словами „участием г.г." было вычеркнуто, и г. Дягилев снова засиял прежним блеском без всяких нелепых подпорщиков и подогревателей. Что из этого выйдет одному богу известно, т[ак]к[ак] несомненно, что г. Дягилев жур-

налом заниматься не станет, а г. Философов заняты „Новым Путем“[548], Г-жа (господин же) Бенуа, пожалуй и напишет 2, 3 статьи в году, но от других самопожертвований отказывается. А какую хорошую программу сочинили г.г. Философов и Бенуа! Какой rinascimento „Мир Искусства“ мог бы из-за этого получиться, если бы эти проклятые дуры с их еще более проклятым . . . . (ради бога, не читай при всех) не пожелали провести свои реформы, от которых, впрочем, тоже ничего не вышло. Так как Ваша милость питаете некую, почти преступную, слабость к г. Дягилеву, то несомненно Вас это известие только порадует. Глава II об искусстве (то же в частности). Получили извещение об этом превосходном органе московского сплоченного кружка художников, в котором участие будут принимать одни только петербуржцы. Это по крайней мере оригинально. В добрый час. А шрифты не хуже Добужинского. Кто это В. Э., автор амазонки с курчавыми подмышками? Где тебе — бедный Бакст. Устарел брат.

Глава III — О Союзе.

Бросил бы ты Серов кобениться и принял бы участие на нынешней выставке. А впрочем, об этом на словах. Я очень холоден к Союзу, но выставлять, ведь, где нибудь нужно. А пока наш брат соберется устроить свои выставки! Не верю я что-то в них. Да и перезрел. Пожалуй даже и не так плохо выкладывать свой товар на базар. А то окончательно перепреешь в своем кружке.

Глава IV.

Бакст опасно болен. Целый месяц температура была 37,2, потом пришла телеграмма „legère amélioration“, а потом другая „не выезжаю, снова

хуже, доктор находит сильное нервное расстройство", а теперь просто финал: ужасное ухудшение 37,3 и что всего хуже — доктор считает это совершенно нормальным...

Глава V О современной политике

[*Рисунок*]

Твой Шура. Поклон мой сердечный Ольге Федоровне. Пиши. Изволь делать Царское Село. Еще не поздно. Нужно к 15 февраля.

250

[Петербург] 25/I 1905.

Дорогой друг.

Франк (пожалуйста! простыте!) попросил меня узнать от Тебя не предоставил бы Ты свои рисунки басен (если они готовы) для воспроизведения Экспедицией в книжках Народного чтения. Если они не совсем готовы, то закончи их. Коечто уже иллюстрировал (horribile dictu) Степанов. На книжку требуется всего 6 рисунков, два в качестве заставки и концовки, а четыре als vollbilder, verstanden? Гонорарей за шесть рисунков (только право воспроизведения) пятьсот рублей. — Посылаю Тебе сюжеты намеченных Экспедицией басен. Зачеркнутые взяты Степановым. Если бы часть остальных Тебе не подошла, то Ты можешь их заменить другими, разумеется, только не теми, которые зачеркнуты. Боюсь, что Ты ничего не поймешь из всего сказанного. Попроси Ольгу Федоровну Тебе растолковать. Ответ дай немедленно и, прошу тебя, — утвердительный.

Выставка портретов [576] в полном ходу. Спешу Тебя порадовать, мне Твой Михаил Николаевич[577]

не нравится. Ты ведь всегда жаловался, что я все Твое хвалю. Впрочем, быть может, что это все лицеприятие. Ведь я зол на Тебя, на Твою бестактную и дерзкую измену. А отца Василия[578] я из ревности видеть не могу. Целую Тебя и низко кланяюсь Ольге Федоровне. Твой бедный друг Шура...

251

4/XII—1905 г.

Дорогой Антон, Будь другом, пойди к Чекато и заставь его мне выслать 100 р., которые он получил за мою акварель от Мека (кажется). Мне писал об этом Грабарь и я уже писал о том Чекато, но последний не откликается. Заставь умоляю. Мне очень нужны деньги.

Что то Вы поделываете? Что бедная Ольга Федоровна. Бунтует у Вас прислуга? Дети еще не забастовали? Говорят Ты хотел мне писать о Жупеле[383]. Напрасно не написал, ибо получить от Тебя весть было бы для меня большим праздником. Но не думаю, чтобы Тебе удалось меня соблазнить „Жупелом“. Странное дело. Это было всегда моей мечтой издавать Simplicissimus[579] в России, вот теперь эта мечта сбывается, я както не могу получить к этому настоящего живого отношения. Ты, говорят, сделал великолепную вещь. Но Вам реалистам (gesundertes Realismus!) легко. Поглядели в окошко на то как казаки лупят нагайками — вот и готов сюжет. А я вот в окошко вижу лишь опрятный дворик с дождиком, вьющийся плющ, елку, да из-за крыш шпиль соседней церкви. — И тем нет. Хотел сделать шествие патриотов[580], но оказывается Лансере уже

делает два таких шествия, а в „Зрителе“ [581] их миллион. Но это все вздор. Главное же, что нет у меня, сидя здесь, ни настоящего материала, ни настроения. Глядя издали на спектакль трудно заразиться необходимым для сатиры духом партийности. Отсюда вижу, как Ты говоришь: это нехорошо. И правда, это нехорошо, но что поделаешь. Насильно не настроишься. Вот приеду в январе в Петербург и тогда, быть может, заражусь. А быть может и первый номер „Жупела“ заразит? А что журнал Грабаря? ведь, пожалуй с ним лучше подождать. Вероятно, он и отложил его. Или нет? Собираюсь ему все же на днях выслать статью, в которой я выступаю против индивидуализма. Довольно отсебятины и шатанья. Нужна школа и дисциплина.

Целую Тебя, друг, (хотя ты и не любишь, чтобы Тебя целовали), и прошу Тебя передать мой сердечный привет Твоей жене. Искренне преданный Тебе Александр Бенуа. P. S. Чекато не забудь.

252

Мой адрес: 54 Rue Notre dame des champs
Paris 1/18 V/IV. 1907.

Дорогой Антон,

Будь другом, похлопочи о том, чтобы мне за платила Галлерея за мою „купальщицу“ теперь же. До зареза нужны деньги, а тут предстоят колоссальные расходы по возвращению нашему в Россию. — Я об этом писал два раза Александре Павловне [339], но на первое письмо она ответила, не упомянув ни слова о деньгах, а на второе — во-

все не ответила. Если это Тебя затрудняет, то прости и пойми положение. К А. П. не хочу больше приставать, да и стыдно — сумма 1.500 франков.

Здесь начинает собираться états major du generalissime Diaghilew. Самого его я застаю вчера в донельзя Потемкинском виде (и вот как ты должен его написать!) — в шелковом золотистом халате на распашку и в кальсонах с горизонтальными полосками. Было уже около часу дня, но Его Светлость лишь изволило вылезать из кровати. Тут же черненький и немножко желтенький Валичка[133] с потрясающим мастерством завязывавший галстук. — Поджидаем Вас. Приехал бы: тряхнули бы стариной: полно киснуть. Слышал, что собираешься с Бактэсом в Элладу. Что ж, это дело, но не застревай там долго, высмотри свою „Навзикаю" и приезжай. — Я только что из Испании. Ты кажется был там? Веласкес меня раздавил. Дорогой мой, да ведь это бог живописи. Многие мне и теперь дороже и милее его, но по истине — он в смысле кисти и краски самый совершенный и все чем нас кормят здесь (кроме Вены и Иннокентия X в Риме) за Веласкеса — труха. Еще потрясен Эскуриалом. Даже изменил Версалю[582]. И что за благородный пейзаж!

Где Вы будете жить летом? Уже не собираться ли и нам в Финляндию. Мой первоначальный проект было поселиться в Петергофе или в Ораниенбауме, но страшат хулиганы и мушары. Напиши мне в ответ два слова и правда же приезжай сюда. Я по тебе соскучился и хотя знаю, что тебе это все равно (вижу кислую физиономию и жест) все же считаю долгом сказать. Ольге Федоровне целую ручку и остаюсь твой тебя крепко любящий Александр Бенуа. Похлопочи!!

[Петербург] Адмиралт[ейский] канал 31
3/II 1910

Дорогой Антон, приближается весна и вместе с ней сбор за границу странствующей труппы [*неразборчиво*] — Дягилева. Что касается материала и исполнителей, то все обстоит великолепно, но увы, того же нельзя сказать про финансы. Строго между нами: последние плохи и даже цель моего письма находится в зависимости именно от этого обстоятельства. Думаем снова обратиться к щедрому Нобелю и на сей раз, ввиду твоего отсутствия, хотим подать челобитную от имени художников, участвующих в деле или питающих к нему расположение. — Разумеется, без Тебя это нельзя сделать и наоборот в Твоем участии вся соль. — Не позволишь-ли Ты поставить Твое имя рядом с нашими? Приходится весьма торопиться и потому я самый текст Тебе не препровождаю, но Ты можешь быть уверенным, что составлен он в достойном и хорошем тоне. Если бы ты согласился на это участие, то будь мил и пришли мне ответ телеграммой, составя ее в таких выражениях, чтобы можно было ее присоединить к письму Нобеля; ну что-ли в таком роде: „присоединяюсь к Вашей просьбе, обращенной к Нобелю“ или как хочешь. Прости милый, что в эти дни скуки и уныния тревожу Тебя тоже скучной историей. Но так приходится [583].

Слышал, что Ты поправляешься и душевно рад этому. Когда увидимся?

Целую тебя и прошу всем Твоим передать мой сердечный поклон.

Твой Александр Бенуа.

ПИСЬМО ВИКТОРА ЭЛЬПИДИФОРОВИЧА БОРИСОВА-МУСАТОВА

254

[Москва. 1905 г.]

Многоуважаемый Валентин Александрович,

Извиняюсь очень перед Вами, что так поздно посылаю Вам ответ на Ваш запрос относительно „Призра[ков]". Я все как-то колебался и теперь только окончательно решил что из объявленной на выставке Союза цены за картину „Призраки" могу уступить для Третьяковской галлереи 500 рублей.

Картина находится в квартире Андрея Акимовича Шемшурина № 47, Кузнецкий Мост, Пассаж Джамгаровых, где ее можно видеть, предупредив накануне меня по адресу Машков пер. по Мясницкой д. Крумбюгель, кв. Е. К. Виллиам для Мусатова.

После 3-го мая я уеду в деревню, но адрес остается. С искренним к Вам почтением Мусатов.

Я только что вернулся из Петербурга, где провел несколько дней на портретной выставке[576]. Я очень жалею, что ложный слух о ее раннем закрытии заставил меня торопиться и не позволил мне этого сделать летом, когда есть более свободного времени. И жаль, что нет фотографий с лучших вещей. Современный отдел по моему мог бы быть представлен несравненно лучше и это очень жаль, ибо те Рослэны[584] и Левицкие все равно никогда бы не пропали.

Вам преданный Мусатов.

Всю эту коллекцию следовало бы целиком оставить в Таврическом и это был бы величайший музей в Европе портретной живописи.

За это произведение Дягилев гениален и историческое имя его стало бы бессмертным. Его значение как-то мало понимают и мне его сердечно жаль, что он остался как-то один.

ПИСЬМО ЛЬВА САМОЙЛОВИЧА БАКСТА[132]

255

[Петербург] 24, Кирочная. 1 декабря [1906 г.]

Дорогой Валентин.

Мне кажется, я должен тебе написать о твоем портрете Карзинкиной[585] потому что наверно все дошло до тебя не совсем как было и потом нужно знать и обстановку этого „случая“. Во-первых Сережа[149] сообщил Шуре Бенуа и мне в Париж, что от тебя было письмо, где ты просишь для твоей пользы не выставлять вещи, которая бы могла тебе повредить и что этим тебе окажем мы, т. е. Сережа, Шура и я, услугу друзей (настоящих). Портрету этому предшествовали слова Сережи и всех художников, а главное „молодых“, а их ведь мы именно боимся как огня и почитаем не по мере, что это лучший и самый „новый“ твой портрет. Но как только он появился на выставке Шура возроптал на то, что ты сделал смазливую живопись, не достойную большого мастера и компрометирующую тебя и настоятельно требовал ее снятия. Здесь только я первый раз его увидел и он сразу произвел (до сих пор и производит) двойное впечатление. Молодые Кузнецов[556] и Судейкин[586], Явленский[587], Яремич[588] и Шервашидзе[589], болтавшиеся возле тоже ворчали на портрет, говоря, что в Москве он [*неразборчиво*] был гораздо красивее. Очень неприят-

ная манера трактовки губ, рук, глаз, застывшая живопись. . . а в то же время какой-то (для меня только известный) „поворот“ в твоей работе, который обещает какие-то совершенства в этой области, начало (но не доведенное) „эмали“, стремления к уничтожению ненужных мелочей, наконец отличная синяя накидка. Я и смотрю на этот портрет как на неудачный опыт в новой и интересной области; так как я знаю тебя упрямым и настойчивым, то ты наверное через 2—3 портрета и добьешься, чего ищешь; но рядом с твоими другими, в своем „роде“ совершенными по манере портретами этот казался точно „усталым“. Говорят ты считаешь себя „старым“ — это смешно; если бы ты был теперь на Парижской выставке, ты бы сразу отлично понял бы в чем сила и почему все воротят нос в сторону от Сарджента [590], Цорна и даже Вистлера! Жалко что ты не видел. Хотел бы с тобою об этом обменяться мыслями как говорят между собою „маляры“, а не художники — „высокий народ“! Попробуй носить целый год голубой или красный галстук; как он тебе ни нравился — все же захочешь лилового или серого или с крапинками! А вот что Малявин оказался „старым“ и старее многих что было и очевидно и... неожиданно. А на самого разгогенистого [591] и разноцветного Явленского французы - художники спокойно говорили „c'est notre salon“ и даже не останавливались перед ним! Вот и разбери!

В общем все немного сбиты, стащили старых идолов с пьедесталов, новых не решаются поставить и бродят вокруг чего то, что [то] чувствуют, а нащупать не могут! Но по чести скажу, что наши молодые, за исключением даровитых —...... Кузнецова, Ларионова [592] и пожалуй Луговской [593]

да Анисфельда — неважны. Все эти Миллиоти [594], Судейкины, Уткины [595], Араповы, Гончаровы [596], все это....... А от некоторых даже тошнит, например от Миллиоти. Кажется Ларионов даровитее всех, нет? Будь здоров дорогой, если приедешь, то отель 24, Кирочная и Берлинские (настоящие гаванны) trombucos к твоим услугам, твой Лев Бакст.

ПИСЬМО АЛЕКСЕЯ МАКСИМОВИЧА ПЕШКОВА [МАКСИМА ГОРЬКОГО]

256

Уважаемый Валентин Александрович!

Извините, что будучи почти незнаком с Вами, обращаюсь к Вам с докукой. Про этого мальчика говорят, что у него - де огромные способности к скульптуре. Он хотел бы поступить в вашу школу живописи и ваяния. Что и как можно сделать для него? Я просил бы Вас не может-ли кто - либо из преподающих скульптуру посмотреть работы мальчика. Устройте это очень прошу! И если у мальчугана действительно есть нечто — я бы платил за его ученье.

Всего доброго!

А. Пешков.

257

ПИСЬМО МИХАИЛА АБРАМОВИЧА МОРОЗОВА [190]

[Москва] 17 апреля 1903 г.

Многоуважаемый Валентин Александрович!

Только в воскресенье узнал я, что Вы не совсем здоровы. Вчера заезжал к Вам справиться о здо-

ровье; мне сказали, что Вам лучше, что Вы уже встали, что меня крайне обрадовало. Так как у меня есть убеждение, что лучшее средство вполне поправиться—это вино, я и позволил себе послать Вам несколько бутылок вина, целебное свойство которого указывается самим его названием. Оно крайне легкое и его можно пить по две бутылки зараз, без всякого опьянения, что я испытал на себе.

Искренне Вам преданный остаюсь уважающий Вас М. Морозов.

ПИСЬМО ГР. ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА ТОЛСТОГО[236]

258

С.-Петербург. Кирочная, 30. 5 декабря 1904 г.

Многоуважаемый Валентин Александрович!

Акварель Ваша изображающая натурщицу, которую я просил Вас считать за мною, не дает покоя моим мыслям и мне страшно нетерпится решить ее судьбу. Дело в том, что меня подмывает оставить ее лично за собой, но совестное чувство заставляет сперва предложить ее Музею, т. е. в данном случае на решение Вел. Князя Георгия Михайловича и наших хранителей. Втайне надеюсь, что они не будут считать эту вещь достаточно „значительной", чтоб быть помещенной в Музее среди других Ваших двух уже имеющихся произведений. Этот вопрос меня как-то тяготит и я обращаюсь к Вам с просьбой, если можно, препроводить мне сюда тем или другим способом Вашу акварель. Какое бы ни было решение, обязуюсь на следующую выставку предоставить ее в Ваше распоряжение, а если она останется окон-

чательно за мною, то она, конечно, и позже всегда будет к Вашим услугам, когда пожелаете.

С. П. Дягилев говорит мне, что Вы снова прихворнули, и что мало надежды видеть Вас на днях в Петербурге. Надеюсь, однако, что Вы скоро поправитесь и приехав сюда не преминете посетить нас. Извините меня за беспокойство и верьте в готовность к услугам. Всего лучшего.

Д. Толстой.

ПИСЬМО НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА РЯБУШИНСКОГО[597]

(издателя „Золотого Руна")

„Золотое Руно"[598] „La toison d'or". Журнал художественный, литературный и критический. Москва 27 июня 1906 г.

259

Многоуважаемый Валентин Александрович!

Узнав от Леонида Николаевича Андреева, что Вы живете на даче в Финляндии, обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой не отказать мне нарисовать для Золотого Руна портрет Андреева форматом как Бальмонта[599], способом — карандашем с красками. Если Вы это найдете возможным, на что Леонид Николаевич изъявил уже свое согласие, при том согласие быть нарисованным только Вами, — то буду Вас просить приступить к работе. Не зная точно Ваших условий, могу с своей стороны предложить 300 — 350 руб. Ответьте пожалуйста мне в Москву. Буду Вам очень признателен. Вас глубоко уважающий Николай Рябушинский.

260

5 сентября [1906 г.] Берлин.

Дорогой Валентин Александрович! * Удалились неожиданно в „пределы недосягаемости“ [600], ни о чем я так не жалею — из всего российского — как о том, что не придется мне быть написанным Вами. Теперь, когда с одной стороны это было возможно, а с другой стало невозможно — скажу Вам искренне, уже давно и чрезвычайно хотелось мне видеть свою рожу в Вашей работе. Не суждено!

И ответ радостный я уже начал Вам писать — как вдруг Свеаборг и тра-ла-ла! Невинен я как младенец, а вид у меня подлый, и пришлось мне со всем своим табором месить киселя. И так как советовали торопиться, то уехал я один (между нами со Сталем) две недели шатался с ним по Норвегии, а потом уже в Стокгольме встретился с семьей. Сейчас в Берлине, и устроился хорошо: в Грюнвальде, среди зелени и относительного безлюдья. Прямо-таки на даче. Но — две недели хвораю; жестокая невралгия, такие боли в костях лица, что можно на стену полезть. Сегодня первый день, когда мне несколько легче, чем и пользуюсь для письма, пока коротенького. Длинное же — впереди.

Черкните мне парочку строк и сообщите адрес. Пока же крепко жму руку и жалею, что не скоро

* См. письмо к Серову Николая Рябушинского от 27 июня 1906 г., стр. 368.

придется нам увидеться и по настоящему поговорить.

Финны вели себя, — как свиньи.

Ваш Леонид Андреев

Адрес: до 1 окт[ября] (по новому стилю) Berlin Grünwald. Auerbachstrasse № 17, pension Frau Davidsohn, после 1-го: Grünwald. Herbestrasse, № 26, Villa Clara.

ПИСЬМО АРТИСТКИ ГЛИКЕРИИ НИКОЛАЕВНЫ ФЕДОТОВОЙ [386]

261

Федоровка. 15 ноября 1906 г.

Дорогой мой Валентин Александрович!

Очень я соскучилась по Вас. Так мы хорошо с Вами проводили время, и вдруг расстались. Неужели навсегда? Так Вы мне и представляетесь на низенькой табуреточке, из-за которой была такая сильная трагедия у старой нянюшки.

Доставьте же мне удовольствие снова повидать Вас и послушать Ваши тихие речи. Сговоритесь как нибудь с моим Сашенькой и непременно приезжайте. Смотрите же не обижайте отказом любящую Вас убогую старушку.

Гликерию Федотову

Очень хочется узнать, каких красавиц и красавцев Вы теперь пишете и каково Ваше душевное настроение.

ПИСЬМО СЕРГЕЯ СЕРГЕЕВИЧА БОТКИНА

262

[Петербург] Потемкинская, 9. 5/XII—1906 г.

Дорогой Валентин Александрович,

конечно присылайте мне на хранение решительно все, что Вы хотите; для меня истинное удовольствие сделать Вам что-нибудь приятное, а кроме того Вы знаете с какой пиететностью я отношусь к каждой Вашей черточке.

Набросок углем с Турчанинова [494] водворен в моем кабинете.

Искренне Вас уважающий С. Боткин.

ПИСЬМА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА ЧИСТЯКОВА

263

[Петербург. 1907 г.]

Дорогой и многоуважаемый Валентин Александрович.

Здесь теперь идут выборы в разные должности в Академию. Все говорят, что Вы молоды, да надо Вам пожить в Москве и проч. Рафаэль, Пушкин и Моцарт померли 37 лет, а наделали много хорошего в жизни. У нас и их забраковали бы за молодостью лет.

Хотя меня и не спрашивали новые члены Академии и даже не приглашают в свои заседания, но мне это нипочем. Я дорожу русским искусством и потому прошу Вас, многоуважаемый Валентин

Александрович, напишите мне сейчас же: правда-ли что Вы Питера и Академии знать не хотите и не желаете знаться.

Душевно преданный Вам П. Чистяков.

Супруге Вашей мой низкий поклон.

С. Петербург Васильевский остров. Академия Художеств П. П. Чистякову.

264

[Петербург. 1908 г.]

Дорогой многоуважаемый Валентин Александрович.

Получил хорошее и разумное письмо Ваше; оно было кстати и некоторые опытные люди советовали мне напечатать его в газетах в ответ на лай чудаков. Я нашел, что это неделикатно относительно Вас; лучше оставить письмо это в наследие внукам. У меня есть еще два таких диплома, — от Г. И. Семирадского [601] и В. М. Васнецова и эти два диплома оставлю внукам. И как сам я почти что 20 лет не брал кистей в руки (как говорится) и защитить себя делом не могу, то хорошие и похвальные свидетельства от талантливых и опытных мастеров для меня дороги и в настоящем, и в будущем!

Душевно преданный и искренне любящий Вас —

П. Чистяков.

Письмо было написано на 3-й день по получении Вашего; но я захворал — и теперь хвораю.

10 дек[абря]. 1908 г.

ПИСЬМО И ТЕЛЕГРАММА СЕРОВУ ОТ УЧЕНИКОВ МАСТЕРСКОЙ И. Е. РЕПИНА

265

[Петербург] 10 ноября 1907 года.

Ученики мастерской профессора-руководителя И. Е. Репина на общем собрании, громадным большинством голосов, постановили: послать депутацию к вам, глубокоуважаемый Валентин Александрович, с искреннейшей просьбой принять руководительство мастерской, несущей все свои симпатии к Вашему высокому таланту и большому педагогическому опыту. И то, и другое дает нам право надеяться, что для мастерской Ваше руководительство будет лучшим залогом успеха в совместной работе на пользу родного искусства. Наши любовь и симпатии к Вам — будут лучшим вознаграждением за Вашу деятельность.

Шестьдесят человек с замиранием сердца ждут Вашего доброго согласия. С глубоким уважением, за мастерскую староста мастерской П. П. Карягин.

Телеграмма № 7

Из Петербурга 13/XI 1907 г.

Москва. Училище живописи. Валентину Александровичу Серову.

Глубокоуважаемый Валентин Александрович чувство живейшей радости охватило нас при получении известия о Вашем согласии Искренне благодарим Ученики мастерской.

ТЕЛЕГРАММА В. А. СЕРОВА

Телеграмма № 8

Из Петербурга в Москву 1908 г.

Училище Живописи Ваяния и Зодчества

Очень прошу Совет обсудить просьбу Голубкиной [602] допустить экзамену дать возможность работать Серов.

ПИСЬМО КОМИТЕТА ВЫСТАВКИ „САЛОН ЗОЛОТОГО РУНА"

266

„Золотое Руно" „La toison d'or". Журнал художественный, литературный и критический, Москва.

[Москва. 21 января 1908 г.]

Многоуважаемый Валентин Александрович!

Комитет по устройству выставки „Салон Золотого Руна" просит Вас принять участие своими произведениями на вышеупомянутой выставке, имеющей быть с 9-го марта с. г. по 24-е апреля.

Не откажите известить о Вашем решении. — Комитет:

П. Уткин
В. Милиоти
М. Ларионов
Николай Рябушинский
Павел Кузнецов
Секретарь Г. Якулов [603]

[Приложение к письму:]

„Золотое Руно" La toison d'or, журнал художественный, литературный и критический, Москва.

Многоуважаемый Валентин Александрович,
Вот предполагаемый список участников организуемой выставки:

I. Сомов+
Добужинский+
Бенуа
Лансере+
Бакст
Билибин+
Рерих+
Головин+[604]
Стеллецкий+
Серов+
Малявин+
К. Коровин+
С. Виноградов+
Тархов+
Богаевский[605]
Голубкина+

II. „Голубая Роза"[606]
Бромирский +[607]
П. Кузнецов+
Сарьян+
Уткин+
Судейкин+
Кладе+
Рябушинский+
Сапунов+
Фон-Визин+[608]
Ларионов+
Якулов+
Матвеев+[609]
Кузнецов-Волжский
Вас. Милиоти+
Крымов+[610]

III. Иностранцы.

Кресты означают согласие участвовать.

Прилагаю просьбу комитета о Вашем участии на выставке. В ожидании ответа с Совершенным Почтением

В. Милиоти.
1908. 1. 21. Москва

ПИСЬМО МАКСИМА ВАСИЛЬЕВИЧА КАПЛАНА

267

Присяжный поверенный
Максим Васильевич Каплан

С.-Петербург 5 апреля 1908 г.

Милостивый Государь Валентин Александрович,
Не получая от Вас никакого извещения, я за-

ключаю, что Вы с того времени, когда мы с Вами говорили по телефону, — 3 недели тому назад — в Петербург не приезжали. Ввиду преклонных лет Д. В. Стасова[611], мы бы не хотели отложить дело слишком надолго, а потому я позволяю себе попросить Вас, сообщить письмом, когда Вам возможно было бы взяться за изготовление портрета и какое вознаграждение Вам угодно назначить. Так как я сегодня уезжаю на 2 недели в Крым, то я бы Вас покорнейше просил, Ваш ответ на настоящее письмо адресовать Члену Совета Владимиру Ивановичу Леонтьеву, Надеждинская, 56.

Примите уверение в истинном уважении и преданности

Готового к услугам — М. Каплан.

КН. АЛЕКСЕЮ ЕВГЕНЬЕВИЧУ ЛЬВОВУ

268

[Декабрь 1908 г.]

ГОСПОДИНУ ДИРЕКТОРУ УЧИЛИЩА ЖИВОПИСИ ВАЯНИЯ И ЗОДЧЕСТВА КНЯЗЮ А. Е. ЛЬВОВУ.

Ваше Сиятельство князь Алексей Евгеньевич! Ответ попечителя училища Живописи, Ваяния и Зодчества на постановление Совета преподавателей, решившего почти единогласно (исключая одного голоса) подать от лица совета на высочайшее имя прошение о разрешении Анне Голубкиной посещать классы училища, — ответ, гласящий: „ходатайство бывшей вольной посетительницы

названного училища Анны Голубкиной попечителем училища признано незаслуживающим уважения" — вынуждает меня, как ходатая А. Голубкиной, так как без моего заявления просьба ее не обсуждалась бы в совете, сложить с себя обязанности преподавателя училища Живописи, Ваяния и Зодчества, о чем вас, как директора, и уведомляю.

Академик В. Серов.

ВЛАДИМИРУ ЕГОРОВИЧУ ГИАЦИНТОВУ

269

[Декабрь 1908 г.]

Многоуважаемый Владимир Егорович![612]

Уговорить меня переменить или отменить мое решение князь не может. Во первых с князем разговор по этому поводу уже был. Князь находит что ответ попечителя даже деликатен, т[ак] к[ак] он не касается совета, а прямо отклоняет просьбу Голубкиной — „не заслуживает уважения". Оказывается, что это означает ее неблагонадежность. После суда над ней за хранение или распространение нелегальной литературы — по которому ее признали ненормальной (т[ак] к[ак] когда то была психически больна) ее отпустили на все 4 стороны, и проживать в Москве она может.

Спрашивается каких человеческих прав она теперь лишена?

В настоящем случае на лицо усмотрение генерал-губернатора — попечителя школы, в кот[орой] обучают только искусству.

А между тем Голубкина не есть первопопавшийся прохожий с улицы, имеющий право по уставу подать прошение на высочайшее имя

с просьбой разрешить ему посещение классов — просьба, которая потом уже рассматривается советом художников (?!) Анна С[еменовна] Голубкина одна из настоящих скульпторов в России — их немного у нас, и просьба ее уважения заслуживает.

Думаю, что и князь отнесся бы сначала иначе, если б эта просьба была бы, ну скажем, вдруг от Поленова или Сурикова (всякие бывают случаи), хотя князь это и отрицает, но я думаю, что прошение назад он бы не отправил и совету бы доложил.

Уж слишком в школе все делается по уставу, а кем и для кого он составлен — один бог ведает.

(Печатается с копии письма)

ПИСЬМО И ТЕЛЕГРАММЫ ОТ УЧЕНИКОВ УЧИЛИЩА ЖИВОПИСИ

270

[Дек. 1908 — январь 1909 г.]

Глубокоуважаемый Валентин Александрович!

До нас дошли слухи о возможности Вашего ухода из школы. Боимся допустить мысль об этом, так как в лице Вашем мы теряем незаменимого руководителя. Обращаемся к Вам дорогой профессор, с просьбой не оставлять нашей школы, и рассеять наши сомнения по поводу этих слухов.

Рыков, Шаронов, Яныченко, Д. Игнатов, Н. Чернышев, Шагин, Щеглов, С. Ланге, И. Машков, Ф. Мелихов, Морозов, О. Натальина, Ив. Бохан, Д. Классен, Василий Окулов, В. Ковальциг, М. Маркичев, Е. Дмитриев, Н. Саввин, Н. Дивеев-Гросс, М. Харламов, А. Кравченко, Д. Штейнберг, С. Герасимов, Г. Дворецкий, И. Баканов, Ник. Васильев, А. Куприн, А. Чумаков, Крашенинникова,

И. Скуйе, Мешкова, К. Глушков, С. Петров, Голубев, Андрей Малик, Куликов, Мих. Кузнецов, В. Семаков, Каменская, Т. Васнецова, В. Глинка, Н. Бобохова, С. Детинов, Ив. Ефимов, Голикова, Симонович, Головин, Валентин Яковлев [и др. в количестве 140 человек].

Телеграмма № 9

Из Москвы в Петербург 9/II 1909

Глубокоуважаемый Валентин Александрович пораженные известием о Вашем уходе мы поставлены в безисходное положение случившимся с глубоким нетерпением и надеждою ждем Вашего слова которое успокоит нас и выяснит создавшееся для всех нас крайне тяжелое положение Ученики мастерской.

Телеграмма № 10

Из Москвы в Петербург 11 февраля 1909 г.

Дорогой учитель Валентин Александрович скорбя о потере нашего незаменимого учителя с которым связаны наши лучшие порывы и надежды мы в лице Вашем горячо приветствуем художника который выше всего ставит свободное искусство глубоко благодарим за то что вы дали нам за все ваше пребывание в школе и твердо надеемся вновь увидеть вас как учителя не в этой казенной а в другой свободной школе

общее собрание учащихся училища живописи ваяния и зодчества

ОТВЕТНЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ СЕРОВА УЧЕНИКАМ УЧИЛИЩА[613]

Телеграмма № 11

Петербург. 10. II. 1909 г.

Москва, Мясницкая, училище Живописи, Ваяния, Зодчества, Мастерская.

Господа ученики, из училища я действительно вышел. В утешение могу сказать одно: ни в каких казенных училищах и академиях учить больше не стану.

В. Серов

Телеграмма № 12

Петербург. 13. II. 1909 г.

Москва, Мясницкая, Училище Живописи и Зодчества. Ученикам.

Благодарю собрание за доброе чувство ко мне. Буду хранить вашу телеграмму как самую дорогую мне награду.

Серов

ПРИЛОЖЕНИЯ

1

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО УЧЕНИКАМ УЧИЛИЩА ЖИВОПИСИ, ВАЯНИЯ И ЗОДЧЕСТВА ПОРТРЕТНОЙ МАСТЕРСКОЙ

Хочу спросить учеников, так называемой „портретной мастерской“, коей преподавателем состоял сам не так давно, — на каком основании решили они оскорбить Л. О. Пастернака и действительно его оскорбили, не допустив его в мастерскую[614]. Надо думать в равной степени этим будет оскор-

блен и преподаватель мастерской К. А. Коровин, сейчас больной, просивший Л. О. Пастернака (официальным письмом на имя директора училища)— навещать мастерскую до своего выздоровления.

Мастерская эта среди других старших классов училища исключения не составляет — это тот же натурный класс; но почему то ученики, переходя в нее из натурного класса, почитают себя уже независимыми живописцами, для которых авторитеты (в России) не существуют, для лиц же выступающих на выставках новейшего французского письма — в особенности.

Спрашивается—что же им нужно здесь в школе— по большей части нужны права, льготы, отсрочки по воинской повинности и т. д. и т. д.

И в данном случае, когда совет должен был исключить весь состав мастерской они поспешили воспользоваться правом подачи прошений о поступлении обратно в училище и легко подписали обязательство подчиняться впредь всем распорядкам школы.

Итак, что же достигнуто учениками их жестокой и некультурной выходкой по отношению к Л. О. Пастернаку, — что они все исключены и вновь приняты — только и всего.

Но не все и не ко всему относятся столь легко. Не вынесши положения, в которое поставлен был учениками мастерской — Л. О. Пастернак предпочел покинуть училище.

В. Серов.

2

25 декабря 1907 г.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

СОБРАНИЮ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

18 декабря нам стало известным, что кандидатура В. А. Серова на место руководителя мастер-

ской бывшей проф. И. Е. Репина в собрании академии отклонена. Это известие явилось для нас полной неожиданностью.

Мы не знаем, приемлемы или нет условия В. А. Серова с точки зрения устава Академии, но присутствие в высшем художественном училище, среди персонала преподавателей художников, принятых по вольному найму, дает нам право предполагать, что если бы собрание академии руководилось соображениями исключительно художественного образования, то В. А. Серов был бы в академии.

Конечно, отклонение кандидатуры есть дело совести собрания, но найдет ли собрание средство, после В. А. Серова, которого мы считали уже своим руководителем, заставить другого художника, уважающего себя, и способного воспользоваться не только удобствами академии, но и принести какую либо пользу, перешагнуть порог мастерской учеников, не питающих к нему в данный момент никакого доверия.

Ученики мастерской (бывшей) проф. И. Е. Репина.

[„Слово“, СПб., № 339, 25/XII 1907 г.]

3

СТАТЬЯ В. А. СЕРОВА

„Речь“, 1910 г., 22 сентября, № 260

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Не так давно прочел в „Биржевых Ведомостях“ интервью (Г. Потемкина) с директором Императорских Театров. Г. Теляковский мимоходом о балетах Дягилева в Париже выразился так:

„постановки г. Дягилева не считаю художественными“. Разумеется каждый вправе иметь свое мнение — но (не знаю, видел ли, между прочим, г. Теляковский эти балеты в Париже) — но не странно ли, что все те художественные силы, работавшие в постановках Дягилева — работали и на императорской сцене, не те же ли это: Головин, Коровин, Бакст, Бенуа, Рерих (все лучшие наши художники), наконец тот же Фокин (настоящий артист) и его балет, того же императорского театра — вдруг теперь, в Париже, оказались недостойными себя?

Не знаю — на мой взгляд — единственно на что можно было смотреть и смотреть с удовольствием этой весной в Париже — были именно эти балеты в Grand Opéra.

Все остальное, мною виденное, было именно нехудожественно, порой старательно, но и только — как „Золото Рейна“ Вагнера и „Саломея“ Штрауса в Grand Opéra — но французский, правительственный балет (той же оперы) совершенно невозможен по безвкусию.

Что вообще, в настоящее время, русские театральные постановки стоят на первом месте — об этом свидетельствуют европейские художники французы и немцы. И действительно, над этим в театрах у нас работают лучшие художники — чего пока не принято в Европе.

Балеты Дягилева, поставленные сообща Бакстом, Бенуа, Фокиным и Дягилевым были положительно красивы (за исключением 2—3-х случайных вставных номеров в сборных спектаклях, номеров чисто балетно-акробатического свойства), некоторые же, как „Шехеразада“, — прямо великолепны.

О том, что балеты эти нравились можно было заключить не по одному успеху у публики, которая

заполняла залу Opéra, но и потому, что высказывалось литераторами, музыкантами, художниками (разных формаций, начиная с представителей салона Елисейских полей [615] и кончая Матиссом), которые выражали свое восхищение — чему сам был очевидцем.

Ставить „Шехеразаду“ вопреки тексту Римского-Корсакова [616], подписанному под его музыкальной сюитой — конечно большое святотатство — но — надо это святотатство видеть — тогда преступление становится не столь тяжким и примирение почти возможно.

Так много вложено в эти танцы истинной красоты, красоты одеяний, фона, красоты самих существ, движимых пленительной музыкой Римского-Корсакова — что забываешь эту разницу текста, а видишь и ощущаешь близость востока и признаешь сказку из „Тысячи и одной ночи“.

Что же касается фразы, которой заканчивает г. Теляковский свое суждение о Дягилеве: — „а чтобы он (Дягилев) пренебрег материальной стороной дела — никогда не поверю“ — то — если тут было желание сказать, что все художественные затеи Дягилева — как, в свое время, журналы, выставки, постановки русских опер в Париже и теперь балета — суть коммерческие предприятия с целью наживы — то это не только не справедливо, но и смешно.

В. Серов.

4

ПРИСТАВУ I УЧАСТКА ТВЕРСКОЙ ЧАСТИ ОТ АКАДЕМИКА В. А. СЕРОВА

14 Октября [1]910 г. Москва.

ГОСПОДИНУ ПРИСТАВУ I-го УЧАСТКА ТВЕРСКОЙ ЧАСТИ

Милостивый Государь.

Перед каждой выдачей мне свидетельства на выезд за границу, Вы требуете меня к себе в участок для совершенно ненужных разговоров — ибо бумаги у меня в порядке. Скорее у Вас в канцелярии непорядок: так года 2 назад мой паспорт пропал у канцеляриста, затем этой осенью жена моя не была прописана, т. е. на свидетельстве, выданном С. Петербургским Градоначальником жене моей штемпеля Вашего участка на марке не имеется.

В прошлом году таковой штемпель был на нем проставлен. Ваш помощник вчера ничего разъяснить мне по этому поводу не мог — говорил лишь, что этим оказывалась любезность, нежелание тревожить супруги моей, а что бумага Градоначальника для Вашего участка значения не имеет. Вообще все какие-то одолжения. Свидетельство Вы выдаете тоже как одолжение. В Петербурге через дворника мне беспрекословно выдавалось свидетельство на выезд за границу. Здесь же в Москве, где живу почти 20 лет Вы меня беспокоите приглашением на личные разговоры. Весной мне опять вероятно придется брать у Вас свидетельство на выезд заграницу и если Вы мне его в тот же день через посланного не выдадите — то

я направлюсь к Г-ну Андрианову и спрошу— обязаны ли все обыватели Вашего околотка являться к Вам в участок и лично у Вас испрашивать эти свидетельства. Если же мне делается исключение, то на каком основании. Если Вам угодно получать вообще какие либо разъяснения—то с своей стороны прошу Вас являться ко мне на дом.

Академик В. Серов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Трубникова Ольга Федоровна (1865—1927)—невеста, а с 1889 г. жена В. А. Серова. Воспитывалась в семье тетки художника, Аделаиды Семеновны Симонович.

[2] Абрамцево Московской области, в 4 километрах от станции Хотьково, Северных железных дорог—имение славянофила-писателя С. Т. Аксакова, в 70-х годах XIX в. покупается Саввой Ивановичем Мамонтовым (см. прим. 3) и становится одним из крупных центров притяжения буржуазных художников, русского модерна по преимуществу. В Абрамцеве организуется художественная кустарная мастерская, в поисках „нового стиля" воскрешавшая и модернизовавшая мотивы народного русского орнамента. По эскизам В. Васнецова в Абрамцеве была выстроена и декорирована маленькая церковь в стиле древнерусского зодчества.

[3] Мамонтовы:

1) Савва Иванович — один из колоритных представителей русского грюндерства конца XIX в. Купец, промышленник, участник железнодорожной компании, известен как меценат покровительствовавший новым художественным течениям 80—90-х годов (модерн, символизм). Имел свою оперную антрепризу в Москве, где работали Врубель, Коровин и другие крупные художники.

2) Елизавета Григорьевна — жена Саввы Ивановича, известна в качестве хозяйки Абрамцевской кустарной мастерской.

3) Анатолий Иванович — брат Саввы Ивановича — имел в Москве, в Леонтьевском переулке свой магазин кустарных изделий и типографию.

В письмах Серова неоднократно упоминаются члены семьи Саввы и Анатолия Мамонтовых.

[4] Антокольский Марк Матвеевич (1843—1902) — крупнейший скульптор 70—80-х годов. В Академию художеств поступил в 1862 г., в эпоху острой борьбы представителей идейного реализма, будущих „передвижников", с академическими традициями в учебной системе и творческом методе. Примкнул к „передвижникам", но формально членом товарищества никогда не был. Наиболее известны его работы: „Иван Грозный", „Смерть Сократа", „Мефистофель", „Спиноза".

[5] Васнецов Виктор Михайлович (1848—1926) — ученик П. П. Чистякова, академик живописи; в конце 70-х годов включается в новое живописное течение декоративного порядка и становится характерным представителем декоративного стиля „модерн" в его своеобразном религиозном и националистическом вариантах. В. Васнецов был идеологом наиболее реакционных слоев помещичье-буржуазной России 80—900-х годов.

[6] Чистяков Павел Петрович (1832—1919) — художник академического направления, профессор Академии художеств, под руководством которого работал В. А. Серов и целая плеяда крупнейших художников 90—900-х годов.

[7] Дервиз Владимир Дмитриевич (1860 г.)—художник, товарищ В. А. Серова по Академии художеств, ученик П. П. Чистякова.

[8] Адя—Аделаида Яковлевна, дочь А. С. Симонович (см. прим. 15).

[9] Александр Яковлевич—сын А. С. Симонович (см. прим. 15).

[10] Коль Леопольд Иванович—двоюродный брат В. А. Серова, сын С. С. Коль (см. прим. 65).

[11] Серова Валентина Семеновна (1846—1924) — жена композитора А. Н. Серова, мать художника В. А. Серова, пианистка, автор опер: „Уриэль Акоста", „Мария д'Орваль", „Илья Муромец" и „Встрепенулись" (на сюжет народного движения в деревне в 1905 г.), общественная деятельница с народническими настроениями. См. ее „Воспоминания о А. Н. и В. А. Серовых", СПБ, 1914 г., изд. „Шиповник", статьи о музыкальной работе среди крестьян и др.

[12] Надежда Васильевна — сестра В. А. Серова от второго мужа Валентины Семеновны Серовой — Немчинова, врача, общественного деятеля, умершего в деревне при ликвидации эпидемии сыпного тифа.

[13] Ясски — деревня в Псковской губернии, куда семья Симонович ездила на лето. Серов ездил к ним гостить.

[14] Академия художеств — состояла из „собственно Академии Художеств, или академического собрания", ведавшего делами „поддержания, развития и распространения искусств в России" и Высшего художественного училища живописи, скульптуры и архитектуры. Серов поступил в Высшее училище сначала вольнослушателем в 1880 г., затем в 1882 г. перешел в академисты. В 1885 г. окончил Академию, не сдав последнего зачета по специальности.

[15] Симонович Аделаида Семеновна (1844—1933)—сестра В. С. Серовой, крупный педагог, общественный деятель народнической ориентации, организатор школ и первых детских садов в России. Ей принадлежат труды „Сравнение периодов индивидуального развития ребенка с эпохами человечества", „О детском языке" и др.

[16] Симонович Михаил — сын А. С. Симонович, умер 4 лет.

[17] Симонович Мария Яковлевна — двоюродная сестра В. А. Серова, дочь А. С. Симонович, оригинал „Девушки, освещенной солнцем", написанной Серовым в 1888 г. (Гос. Третьяковская галерея).

[18] Мурильо Бартоломео (1617—1680) — испанский живописец.

[19] Исеев Петр Федорович — с 1886 по 1889 гг. конференц-секретарь Академии художеств.

[20] Корсовы — семья известного певца.

[21] Т. е. в школе Аделаиды Семеновны Симонович.

[22] „Уриэль Акоста" — опера В. С. Серовой на сюжет известной трагедии того же названия немецкого драматурга Гуцкова (1811—1878), представителя революционной буржуазной интеллигенции „Молодой Германии". Характерно для мировоззрения Серовой, что она выбирает в качестве героя своей

оперы Уриэля Акосту — борца за свободу мысли против гнета церкви.

[23] Бларамберг Минна Карловна (звали ее Миша Карловна) — певица. Близкий друг В. С. Серовой. Жена композитора Бларамберга Павла Ивановича (см. прим. 70).

[24] Передвижные выставки, организованные по инициативе художников Крамского, Перова, Мясоедова, Ге, существовали с 1871 г.; они „передвигались“, перевозились по крупным городам России, отсюда их название. Они объединяли преимущественно художников-реалистов, трактовавших в своих произведениях социальную демократическую сюжетику.

[25] Репин Илья Ефимович (1844—1930) — крупнейший живописец-реалист дореволюционной России. В его богатейшем творчестве преломилась целая полоса духовной жизни России, начиная от революционного народничества 70-х годов — вплоть до реакционного символизма эпохи империалистической войны. Своим полнокровным, эмоциональным, идейно насыщенным тверчеством Репин нанес сокрушительный удар русскому академическому искусству. В 90-х годах он вел ожесточенную идейную борьбу с позиций демократа и реалиста с „барской“ эстетикой „Мира искусства“. Репин был первым учителем Серова (после Кеппинга, учившего Серова в раннем детстве).

[26] Симонович Фанни Мироновна—сестра мужа А. С. Симонович.

[27] Эрмитаж — ленинградский художественный музей мирового значения.

[28] Симонович Николай Яковлевич—сын А. С. Симонович

[29] Варя, Саша, Надя — дети А. С. Симонович.

[30] Кеппинг Карл (Köpping, 1848—1914) — немецкий художник, гравер, получивший известность своими офортами. В 1874 г. Кеппинг первый обратил серьезное внимание на дарование Серова и занимался с ним целое лето. В 1885 г. Серов брал у него уроки офорта.

[31] Веласкез Диего де Сильва (1599—1660) — великий испанский живописец, реалист, большое место уделявший групповому и индивидуальному портрету. В Мюнхенской Пина-

котеке Серов копировал портрет, приписывавшийся Веласкезу. Копия находится в Гос. Третьяковской галерее.

[32] Рембрандт ван-Рейн (1606—1669) — великий голландский живописец и гравер-офортист; в „суровых красках" (Маркс и Энгельс) его мастерства заключается сила глубочайшего реализма рембрандтовского гения.

[33] Рубенс Петер Пауль (1577—1640) — знаменитый фламандский живописец.

[34] Байрейт — маленький городок в Баварии, на север от Нюрнберга, где в 70-х годах XIX в. был построен специальный театр Вагнера для постановки его произведений.

[35] Певица Виардо — дочь французской певицы Полины Виардо, другом которой был И. С. Тургенев.

[36] Коган Наталия Николаевна — педагог, устроительница интеллигентских земледельческих коммун типа „толстовских", близкий друг А. Н. и В. С. Серовых.

[37] Имеются в виду картины голландской школы в Эрмитаже.

[38] Симонович Надежда Яковлевна — жена В. Д. Дервиза (см. прим. 7).

[39] Маковский Константин Егорович (1839—1915) — портретист и жанрист, эпигон академического направления.

[40] Ван Дейк Антонис (1599—1641) — знаменитый фламандский живописец.

[41] Теньерс Давид (1610—1690) — фламандский живописец-жанрист. Основные сюжеты его картин — сцены из сельской жизни.

[42] Мамонтова Елизавета Григорьевна (см. прим. 3)

[43] Блоки — семья фабриканта швейных и пишущих машин.

[44] Д'Андрадэ Антонио — знаменитый итальянский тенор, гастролировал в опере Мамонтова.

[45] А. Прахов предлагал Серову принять участие в работах по росписи Владимирского собора. Для пробы Серов написал эскиз „Рождество", но выполнил работу с запозданием, когда росписью был уже занят М. В. Нестеров.

[46] Чацкин И. — доктор, вдовец; О. Ф. Трубникова давала уроки его детям.

[47] Эдимоново — деревня на берегу Волги, где жила В. С. Серова.

[48] „Письма об Испании" В. П. Боткина. Санктпетербург 1857 г. Явились в результате поездки по Испании в 1845 г. Дают эмоциональное описание природы, быта и искусства, в частности архитектурных памятников. Впервые были напечатаны в „Современнике".

[49] Эскиз плафона (на холсте) „Гелиос на колеснице" был заказан Серову Селезневыми для дома в их имении. В настоящее время находится в Тульском музее.

[50] Художественная мастерская, устроенная С. И. Мамонтовым в Москве в собственном доме. Среди других художников-модернистов в ней временами работали К. Коровин, Врубель и сам Мамонтов — скульптор-дилетант.

[51] Портрет М. Ф. Якунчиковой. Окончен в 1888 г. Репродуцирован в монографии Грабаря „Серов", изд. Кнебель.

[52] Домотканово — старинное имение б. Тверской губернии, купленное В. Д. Дервизом. Находясь в сфере прогрессивного тверского земства, Домотканово было одним из центров района, втянутых в культурническую работу с крестьянством. Вблизи находилась школа, работавшая под руководством тещи Дервиза А. С. Симонович. В. С. Серова организовывала спектакли для крестьян и силами крестьян. В. А. Серов неоднократно гостил в Домотканове и здесь задумал и начал осуществлять цикл рисунков к „басням Крылова".

[53] Мечников Илья Ильич (1845—1915) — крупный русский ученый, специалист в области патологии, известный в широкой публике теориями о старости и ее предотвращении. В бытность в Одессе О. Ф. Трубниковой Мечников был профессором зоологии в Одесском университете.

[54] „Мария д'Орваль" — опера В. С. Серовой.

[55] См. прим. 49.

[56] Таманьо — знаменитый итальянский тенор, гастролировал в опере С. И. Мамонтова.

[57] Остроухов Илья Семенович (1888—1929) — художник-пейзажист, один из основоположников так называемого „интимного пейзажа“ 90-х годов. Остроухов собрал галерею первоклассных художественных произведений и в частности древней иконописи. Он был близким другом Серова.

[58] Михаил и Юрий Анатольевичи, сыновья Анатолия Ивановича Мамонтова (см. прим. 3). Михаил (р. 1865 г.) — художник-пейзажист, автор „Осени“, „Дороги через овраг“ и др.

[59] Рисунки к библии Серов делал по заказу А. И. Мамонтова, имевшего в виду иллюстрировать ими издание для детей.

[60] Мамонтова Вера Саввишна — дочь Саввы Ивановича (см. прим. 3), оригинал портрета Серова „Девочка с персиками“ 1887 г. (Гос. Третьяковская галерея).

[61] В 1887 г. Серов ездил в Ярославль писать два заказанных ему портрета. Серов жил в семье инженера С. П. Чоколева, писал портрет его и его жены Е. Н. Чоколевой.

[62] Серов Александр Николаевич (1820 — 1871) — отец художника, выдающийся композитор и музыкальный критик, пропагандировавший в России новые течения современной ему музыки, в частности Вагнера. А. Н. Серов — автор опер „Юдифь“, „Рогнеда“, „Вражья сила“.

[63] Грюнберг Юлий Осипович работал в издательстве „Нива“. Серов писал его портрет в 1899 г.

[64] Заведующий музыкальной школой в Одессе, где служила О. Ф. Трубникова.

[65] Коль Софья Семеновна — сестра В. С. Серовой.

[66] Третьяков Павел Михайлович (1832—1898) — меценат, представитель передовой московской буржуазии, положил основание знаменитой Третьяковской галерее в Москве.

[67] Портрет М. Я. Симонович, известный под названием „Девушка, освещенная солнцем“, или „Девушка под деревом“ (Гос. Третьяковская галерея).

[68] „Пруд“ 1888 г. (Гос. Третьяковская галерея).

[69] За портрет Веры Саввишны Мамонтовой Серов получил денежную премию на конкурсе, устроенном „Обществом любителей художеств“.

[70] Бларамберг Павел Иванович (1841—1907) — либерал, общественный деятель, публицист, один из пайщиков „Русских ведомостей" и композитор, примыкавший к группе Балакирева. Автор ряда симфонических произведений, романсов и опер. Его портретировали Серов и Репин.

[71] Портрет композитора А. Н. Серова закончен в 1889 г. (Русский музей в Ленинграде).

[72] „Юдифь" — опера композитора А. Н. Серова на библейский сюжет.

[73] Критические статьи А. Н. Серова, посвященные современным Серову и классическим композиторам. В. С. Серова с помощью В. В. Стасова хлопотала об их издании.

[74] „Баян" (1888—1890)—еженедельный журнал с нотными приложениями. Ред.-изд. А. И. Чарнова и др.

[75] Симонович Яков Миронович — доктор, муж А. С. Симонович.

[76] См. прим. 8.

[77] Дервиз Надежда Яковлевна (см. прим. 38).

[78] Дочь В. Д. и Н. Я. Дервиз, умерла в раннем детстве после тяжелой болезни.

[79] Симонович Николай — сын А. С. Симонович.

[80] Полустанок Октябрьской (б. Николаевской) железной дороги, откуда на лошадях ехали в Домотканово.

[81] Станция Октябрьской железной дороги, откуда тоже ездили в Домотканово.

[82] Сергей Саввич Мамонтов (см. прим. 3)

[83] Дудергоф — дачное место под Ленинградом.

[84] Остроухов Илья Семенович (см. прим. 57).

[85] Очевидно, идет речь о женитьбе И. С. Остроухова на Надежде Петровне Боткиной.

[86] Врубель Михаил Александрович (1856—1910) — крупнейший художник русского модерна в его символическом варианте. Познакомился с Серовым в Академии, куда поступил в 1880 г. и вместе с Серовым работал у П. П. Чистякова. В 1889 г. Серов ввел Врубеля в художественный кружок С. И. Мамонтова.

[87] В 1889 г. С. И. Мамонтов ставил на своей домашней сцене пьесу „Саул", собственного сочинения. Эскизы для декорации писали Врубель и Серов.

[88] Мекк фон, Владимир Владимирович, происходил из семьи крупных железнодорожных дельцов, коллекционер художественных произведений круга „Мир искусства", участник художественного предприятия „Современное искусство".

[89] Людмила — дочь Анатолия Мамонтова.

[90] Передвижная выставка, на которой впервые появился портрет композитора Серова.

[91] В Леонтьевском переулке в Москве, в собственном доме жила семья Анатолия Ивановича Мамонтова. Параша — одна из дочерей Анатолия Ивановича.

[92] Вера Семеновна — близкая знакомая В. С. Серовой.

[93] Служащий в им. Домотканово.

[94] Бурашево — село в 6 верстах от Домотканова.

[95] Мазини Анжело (р. 1846) — знаменитый итальянский тенор.

[96] Карл V, Габсбург — император Римской империи; презрев придворный этикет, поднял упавшую кисть Тициана, который его писал, этим самым подчеркнув свое преклонение перед великим художником. Серов шутя намекает на этот эпизод.

[97] Жена Мекка, у которой Серов давал урок рисования (см. прим. 88).

[98] Мазини пел в частной антрепризе С. И. Мамонтова.

[99] „Фаворитка" — опера Доницетти.

[100] Мамонтова Мария Александровна — жена Анатолия Ивановича Мамонтова (см. прим. 3).

[101] Фирсановы, Хлудовы — богатые московские купцы и промышленники.

[102] Аванцо — художественный магазин на Кузнецком мосту.

[103] Серов совместно с К. Коровиным писал для костромской церкви св. Демьяна картину „Хождение по водам". Об этой работе см. в некрологе Серова „Памяти друга", написанном К. Коровиным, „Русские ведомости", 1911 г., № 269.

[104] Мамонтов Андрей Саввич (см. прим. 3).

[105] В 90-х годах Врубель дал ряд вариантов монументально-декоративных композиций театрального занавеса для оперы Мамонтова. Репродуцированы в монографии Яремича.

[106] Прахов Адриан Викторович (1846—1916) — историк искусства, археолог, проф. Киевского университета, руководил внутренней отделкой Владимирского собора в Киеве; редактор журнала „Художественные сокровища России" и др.

[107] Кузнецов Николай Дмитриевич (р. 1850 г.) — портретист и жанрист, академик живописи, с 1895—1897 г. проф. Высш. худ. училища при Академии художеств.

[108] Большие Березняки—село в Симбирской губернии, где в 1892 г. во время голода В. С. Серова открыла столовую и организовала крестьянский хор, который превратился в оперный театр; с ним В. А. Серова выступала по селам и городам.

[109] В 1892 г. харьковское дворянство (по рекомендации Репина) заказало Серову групповой портрет Александра III с семейством, отметив этим заказом спасение царя во время крушения поезда на станции Борки. Серов окончил картину после трехлетней работы.

[110] Карно — президент Французской республики. Убит в Лионе итальянским анархистом Казерио.

[111] Зичи Михаил Александрович (1829—1909) — исторический живописец, портретист, жанрист. С 1880 г. — придворный художник русского царя.

[112] Маковский Владимир Егорович (1846—1920) — художник-жанрист, член Товарищества передвижных выставок. В 90-х годах писал иконы для собора в Борках.

[113] Временами—на нервной почве—у Серова появлялась экзема на руках и ногах, сильно мучившая художника.

[114] Царь Николай II.

[115] Очевидно, портрет должен был быть подарен царице и писался по секрету от нее.

[116] Т. е. портрет Николая II в форме великобританского шотландского драгунского полка, написанный Серовым в 1900 г.

[117] Портрет великого князя Михаила Николаевича работы Серова. Репродуцирован в монографии Грабаря.

[118] Поленов Василий Дмитриевич (1844—1927)—художник-пейзажист, жанрист, исторический живописец и театральный декоратор. Широко известны его „Бабушкин сад“, „Восточные этюды“, „Христос и грешница“. Академические традиции Поленов оживил умеренным импрессионизмом и лирическим мироощущением. Его „Московский дворик“ был одним из предвестников русских пленэров 80—90-х годов XIX в.

[119] С. И. Мамонтов был заключен в тюрьму, будучи обвинен бывшим акционерным ж.-д. о-вом в растрате. 30 апр. 1900 г. суд его оправдал.

[120] Ратькова-Рожнова З. В. — сестра Д. В. Философова, дочь известной либералки Ан. Павл. Философовой.

[121] Левитан Исаак Ильич (1861—1900) — крупнейший русский художник лирического пейзажа. Был членом Товарищества передвижных выставок и „Мира искусства“.

[122] В состав Совета Третьяковской галереи входил 1 член по выбору семьи П. М. Третьякова, а в число других, избиравшихся Московской городской думой, входили И. С. Остроухов и В. А. Серов.

[123] Архангельское — имение, расположенное в 20 км от Москвы, в XVIII в. принадлежало князьям Голицыным, а с начала XIX в. — князьям Юсуповым. Дворец построен по проекту французского архитектора Шевалье де Герн в стиле Людовика XVI. Французский парк украшен садовой скульптурой. Особняком стоит здание старинного театра, где до сих пор сохранилось несколько декораций итальянского художника и архитектора XVIII—начала XIX в. — Гонзаго. Во дворце — соответствующая стильная обстановка, скульптура, картины западных и русских мастеров, бронза, хрусталь, фарфор.

[124] Кн. Юсуповы, владельцы Архангельского (прим. 123).

[125] Крачковский Иосиф Евстафьевич (1854—1914) — художник-пейзажист.

[126] В Подушкине на даче жила семья Анатолия Ивановича Мамонтова.

[127] Бяшков В. М. (1854—1916) — зять А. С. Симонович, психиатр. Служил в психиатрической больнице в селе Бурашево в шести верстах от Домотканова.

[128] В 1902 г. В. А. Серов с матерью ездил в Байрейт (см. прим. 34) на представления цикла опер Вагнера; в дальнейшем идет речь об операх Вагнера „Летучий голландец", „Кольцо Нибелунгов", „Парсифаль" и др.

[129] Решке — знаменитые польские артисты: Ян — тенор, Эдуард — бас, выступали в 1891 гг. в Петербурге.

[130] Ино — финское селение, вблизи которого Серов купил кусок земли и выстроил дачу.

[131] Бенуа Александр Николаевич (1870) — живописец, график, художественный критик, историк искусства, художник-декоратор и основной теоретик „Мира искусства". Пропагандируя художественные течения Европы, руководил реставраторским течением 90—900-х годов, апеллируя к старым мастерам XVIII в. и королевской Франции XVII в. Собственное художественное творчество Бенуа было насыщено образами эпохи Людовика XIV.

[132] Бакст Лев Самойлович (Розенберг) (1866—1924) — живописец, график, заслуживший широкую известность в Европе, главным образом — декоративными и в частности театральными работами. Один из основоположников и активных членов художественного объединения „Мир искусства". Мировой успех „русских балетов", организованных Дягилевым, в значительной степени обеспечен был декоративным дарованием Бакста, развернувшего богатейшие живописные зрелища. Бакст оформлял балеты „Шехеразада", „Клеопатра", „Жар-птица" и др.

[133] Нувель Вальтер Федорович — негласный, но весьма важный и влиятельный участник „Мира искусства" (Бенуа), музыкант-дилетант, организатор „Вечеров современной музыки" в Петербурге 900-х годов.

[134] Бильбасов Василий Алексеевич (1838—1904) — историк и публицист, либерал, издавший большой труд „История Екатерины II", один том которого был сожжен русской цензурой.

[135] Щербатов Сергей Александрович, князь — коллекционер предметов искусства, вместе с художником Грабарем и фон Мекк организовавший в 1903 г. предприятие „Современное искусство" и выпустивший альбом, посвященный творчеству К. Сомова.

[136] Кассирер — коллекционер, организатор художественных выставок в Берлине.

[137] Училище живописи, ваяния и зодчества в Москве, где с 1897 по 1909 г. В. А. Серов состоял преподавателем.

[138] Дом Юсуповых в Москве у Красных ворот.

[139] Коровин Константин Алексеевич (р. 1861 г.) — крупнейший русский художник-импрессионист, личный друг Серова, член-экспонент „Мира искусства", впоследствии „Союза русских художников".

[140] Лаудорандо — финская деревня вблизи хутора Серовых.

[141] Саша — сын В. А. Серова.

[142] Работник на даче Серовых.

[143] Степанов, повидимому, Клавдий Петрович (1854—1910).

[144] Яша и Саша — сыновья домашней работницы Серовых.

[145] Пушкин: „К вельможе" кн. Н. Б. Юсупову, в Архангельское.

[146] Для книги генерала Кутепова „Царская охота" Серову были заказаны иллюстрации: „Екатерина II на охоте", „Елизавета на охоте", „Петр I на охоте" (Русский музей).

[147] Малявин Филипп Андреевич (р. 1869) — художник-импрессионист („Вихрь", Гос. Третьяковская галерея и др.), член-экспонент „Мира искусства". После революции уехав за границу, остался в белой эмиграции.

[148] Чекато — художественый магазин в Москве.

[149] Дягилев Сергей Павлович (1872—1929) — идеолог и организатор художественного объединения „Мир искусства", редактор журнала „Мир искусства", автор монографии о Левицком, устроитель многочисленных международных выставок русского и западного искусства, а также инициатор и руково-

дитель „русских сезонов“ в Европе, где широко демонстрировались русская музыка и балет в декорациях художников „Мира искусства“. Уехал за границу в 1909 г. где и умер в 1920 г.

[150] Дациаро—художественный магазин.

[151] Тутушка—Антон, младший сын В. А. Серова.

[152] Трояновский Иван Иванович (1855—1928)—врач, коллекционер предметов искусства, личный друг многих художников-модернистов. Небольшая, но первоклассная коллекция его картин почти целиком перешла в Гос. Третьяковскую галерею.

[153] Галкин—поставщик строительного материала при застройке Серовым дачи на Ино.

[154] Петр—подрядчик, который строил Серову дачу на Ино.

[155] Матэ Василий Васильевич (1856—1917)—академик, известный гравер, профессор Академии художеств; В. А. Серов, который был с ним в близких, дружеских отношениях, пользовался его указаниями, работая над офортами.

[156] Майор—финн, крестьянин, у которого Серов купил свою усадьбу на Ино.

[157] Аннушка—домашняя работница Серовых.

[158] Олюшка—Ольга Валентиновна, старшая дочь В. А. Серова.

[159] Сергей Александрович—дядя Николая II, убит Каляевым.

[160] Елизавета Федоровна—жена Сергея, сестра царицы Александры Федоровны.

[161] Павел Александрович Романов—дядя Николая II; в 1898 г. Серов писал его портрет.

[162] Ильинское—имение великого князя Сергея.

[163] Богданов-Бельский Николай Петрович (р. 1868)—художник-жанрист, в меньшей степени—портретист. Участник Передвижных выставок. Наиболее популярны картины из быта русской деревни и школы. Его творчество 80—90-х годов было окрашено либерально-демократическими тенденциями.

[164] Вишняков Николай Петрович—гласный Московской городской думы, товарищ городского головы, член Совета Третьяковской галереи.

165 Цветков Иван Евмениевич — купец, основатель художественной галереи с большим собранием рисунков русских художников XVIII—XX вв., член Совета Третьяковской галереи.

166 Кругликов Семен Николаевич (1851—1910)—музыкальный критик, с 1898—1906 директор Моск. филармонии.

167 „Дягилевцы", т. е. члены группы „Мир искусства" во главе с С. П. Дягилевым (см. прим. 148).

168 Георгий Валентинович — сын В. А. Серова.

169 Глаголев Александр Николаевич — педагог, математик, директор коммерческого училища в Москве, где учились сыновья Серова.

170 Микель-Анджело Буонаротти (1475—1564) — великий итальянский художник эпохи Возрождения. Скульптор, живописец, архитектор и поэт.

171 Ефимовы: Иван Семенович — скульптор-анималист (р. 1878) и его жена Нина Яковлевна (р. 1877), урожденная Симонович — художница, двоюродная сестра В. А. Серова.

172 Рафаэль Санцио (1483—1520) — великий итальянский художник эпохи Возрождения.

173 Шаляпин Федор Иванович (р. 1873 г.) — оперный и концертный певец-бас, представитель психологического реализма в оперном искусстве, в 1896 г. с Мариинской сцены перешедший в оперную антрепризу С. И. Мамонтова, где и попал в круг новых художников — Поленова, Серова, Врубеля, Коровина. Серов консультировал Шаляпина по части костюмов. После Октября белоэмигрант.

174 В. А. Серов писал портрет жены гр. Мусина-Пушкина.

175 Нобель Э. Л. — крупный заводчик и нефтепромышленник, меценат, в 1909 г. Серов написал его портрет.

176 В 1907 г. Серов вместе с Бакстом совершил путешествие в Грецию. См. книгу Бакста „Серов и я в Греции", Париж, изд. „Слово", 1923 г.

177 В течение 1885—1891 гг. В. Васнецов исполнил большую часть росписи в Киевском соборе, использовав мотивы древних

византийских памятников и древнерусской орнаментики, переработав их в стиле модерн.

[178] Акрополь — первоначально крепость, вокруг которой расположились селения, а затем главный город Афинской республики — Афины; в эпоху расцвета греческой демократии (V в. до н. э.) превращается в собрание национальных и художественных памятников.

[179] Очевидно, Серов имеет в виду московскую архитектуру 90—900-х годов в стиле „модерн".

[180] Парфенон — храм богини Афины в Акрополе (447—38 до н. э.).

[181] Серов имеет в виду античную скульптуру доклассического периода (VI в. до н. э.), для которой характерны черты условной трактовки натуры.

[182] Дети В. А. Серова.

[183] Гиршман Владимир Осипович — биржевой делец, коллекционер произведений искусства. В 1911 г. Серов написал его портрет, пользующийся большой известностью (Гос. Третьяковская галерея).

[184] Дельфы — город в древней Греции, возникший вокруг святилища Аполлона, славился своим оракулом.

[185] В Сестрорецке Серов писал групповой портрет адвоката О. О. Грузенберга с женой Р. Г. Грузенберг.

[186] Речь идет о сыне Серова — Александре и художнике В. В. Матэ, хутор которого находился в Финляндии поблизости от Серовых.

[187] „Письмо в редакцию" газеты „Речь" 1910 г., № 260 (см. Приложение 3-е к настоящему изданию).

[188] „Союз русских художников" — выставочное объединение, организованное в 1903 г. в Москве. В его состав вошли участники выставки „36" и отчасти „передвижники" и художники „Мира искусства". На выставках „Союза" господствовали московские художники, и в первую очередь импрессионисты.

[189] В 1910 г. Серов писал портрет княгини Орловой (Гос. Русский музей).

[190] Морозов Михаил Абрамович — промышленник и коллекционер предметов искусства. Портрет его был написан Серовым в 1902 г.

[191] Хесина Е. А. — балерина, жена дирижера А. Б. Хесина.

[192] Львовы: Мария Яковлевна (урожденная Симонович) и Соломон Константинович — ее муж, врач-психиатр, живший в Париже, куда бежал из ссылки.

[193] Матисс Анри (Henri Matisse) (р. 1869) — крупнейший художник пост-импрессионизма, вождь французских новаторов „диких" (Fauves), ярчайший представитель условно-декоративного направления начала XX в., рассматривавший искусство как орудие изысканных наслаждений.

[194] Стааль А. Ф. — присяжный поверенный, либерал народнической ориентации, один из организаторов „Крестьянского союза" в 1905 г. Серов писал портрет его жены в 1910 г.

[195] Серов оказался победителем в соревновании и свой рисунок подарил Н. Я. Симонович-Ефимовой.

[196] Художник Врубель страдал душевной болезнью и умер в психиатрической больнице.

[197] Боткин Сергей Сергеевич (1859—1910) — проф. Военно-медицинской академии, лейб-медик, сын лейб-медика С. П. Боткина; обладал большой коллекцией картин и рисунков; действ. член Академии художеств. Близкий друг В. А. Серова. Был женат на дочери П. М. Третьякова А. П. Третьяковой.

[198] Лобек — родственник В. В. Матэ.

[199] Гиндус Анна Григорьевна — друг семьи Серовых. Ей принадлежало в Петербурге модное ателье.

[200] Грюнберг Мария Григорьевна — сестра А. Г. Гиндус.

[201] Шапиров — военный врач, жил в двух верстах от финляндской дачи Серовых.

[202] Стахович Александр Александрович занимал крупные административные посты, но с 1907 г. работал в Художественном театре в качестве актера и члена дирекции театра. Серов его портретировал в 1911 г.

[203] Гусев — крестьянин Симбирской губернии, ученик В. С. Серовой. Развитой, передовой крестьянин; был выслан

за революционную пропаганду в деревне в 1905 г. в Туруханский край. Серов хлопотал о смягчении его участи.

[204] Граф А. Д. Шереметев субсидировал Музыкально-историческое общество в Петербурге. Общество это устраивало общедоступные симфонические концерты; некоторыми концертами дирижировал Шереметев сам.

[205] Философов Дмитрий Владимирович (р. 1867 г.) — литературный критик, писавший и об искусстве, один из основоположников объединения „Мир искусства", член редакции журнала „Мир искусства". Двоюродный брат С. П. Дягилева, находился в дружеских отношениях с Серовым. В 900-х годах сблизился с Мережковскими и стал активным сотрудником их религиозного журнала „Новый путь". По политическим убеждениям кадет, после Октября — белоэмигрант.

[206] Колизей — грандиозный амфитеатр для народных зрелищ, сооружен в Риме в I в. н. э.

[207] Речь идет о панно-портрете Серова „Ида Рубинштейн".

[208] Ватикан — папская резиденция и дворец в Риме. Над его постройкой и декорировкой работали величайшие мастера Ренессанса — Рафаэль, Браманте, Микель-Анджело, Ботичелли и др. В стенах Ватикана богатейшие художественные собрания.

[209] Villa Farnesina (Фарнезина) в Риме — одно из изящнейших созданий зодчества высокого Возрождения. Роспись дворца исполнена Рафаэлем и его ближайшими учениками.

[210] Меерсон — художница.

[211] Нижинский Вацлав Фомич — артист балета, солист императорских театров, один из основных участников „русских балетов" Дягилева.

[212] Рубинштейн Ида — артистка, своеобразная танцовщица в стиле „модерн", исполняла роль Клеопатры в постановке Бакста и др.

[213] В Биаррице Серов должен был написать портрет Цетлин, имевшей там свою виллу на берегу океана.

[214] Салоны — выставки современного французского искусства.

[215] Лувр — богатейший парижский художественный музей мирового значения.

[216] С начала организации „Союза русских художников" в нем наметилось два враждебных ядра, одно — тяготевшее к Петербургу и состоявшее из художников-ретроспективистов по преимуществу, другое — к Москве; в последнем были ярко выражены импрессионистические тенденции. Таким образом вражда обоих подгрупп обусловливалась идеологическими и творческими расхождениями. Последним поводом к расколу послужила статья А. Бенуа, дававшая резко отрицательную оценку ряду московских художников: Пастернаку, Ап. Васнецову, Переплетчикову, Виноградову и др. (см. газету „Речь" от 19 марта 1910 г.). Бенуа был обвинен „Союзом" в нарушении товарищеской этики. В виде протеста Бенуа демонстративно вышел из „Союза". За ним ушли Серов, Бакст, Сомов и другие художники петербургского фланга „Мира искусства". В декабре 1910 г. обе группы расколовшегося „Союза" организовали свои самостоятельные выставки.

[217] Пастернак Леонид Осипович (р. 1862) — портретист иллюстратор, представитель умеренного импрессионизма, член „Союза русских художников", преподаватель школы живописи в Москве. В данное время живет за границей.

[218] Архипов Абрам Ефимович (1862—1930) — один из ярких представителей русского импрессионизма в живописи С 1892 по 1918 г. — профессор Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Играл крупную роль в „Союзе русских художников", вместе с А. Васнецовым и Переплетчиковым инспирировал разрыв с петербургской группой „Мира искусства".

[219] Виноградов Сергей Арсеньевич (р. 1869) — пейзажист, член „Союза русских художников".

[220] Васнецов Аполлинарий Михайлович (1856—1932) — живописец-пейзажист, разработавший своеобразный архитектурный пейзаж старой Москвы XVII в. Один из активнейших инициаторов раскола в „Союзе русских художников".

[221] Клодт Н. А. (1865—1918) — пейзажист и декоратор. Член „Союза русских художников".

222 Переплетчиков Василий Васильевич (1863—1918) — пейзажист-импрессионист, член „Союза русских художников".

223 Иванов Сергей Васильевич (1864—1910) — живописец; народнически настроенный, примыкал к „передвижникам". Изображение тяжелой крестьянской доли и своеобразная декоративная историческая живопись составляли два основных сюжетных русла его творчества.

224 Досекин Николай Васильевич (р. 1863) — художник-пейзажист. Участник передвижных выставок. Член „Союза русских художников". С 1896 г. жил в Париже, выставлялся и в России и в парижских салонах.

225 „Русские балеты" в Париже были организованы Дягилевым (см. прим. 149) силами балета Мариинского театра при участии балетмейстера Фокина, в декорациях художников „Мира искусства" - Бакста, Рериха, Головина, Бенуа и др. Первый сезон „русских балетов" состоялся в 1909 г.

226 Chapelle — здание бывшего католического аббатства в Париже, где сдавались в наем как пустовавшие кельи, так и церковь. Церковь сняли В. А. Серов с И. С. и Н. Я. Ефимовыми и устроили там мастерскую. В 1910 г. в помещении „Chapelle" Серов написал портрет Иды Рубинштейн.

227 Наталья Валентиновна, дочь Серова, звала отца „шулюн", так как он с ней играл, „шалил".

228 Хесин Александр Борисович (р. 1869) — известный дирижер.

229 Концерты под управлением известного дирижера С. А. Кусевицкого.

230 Cornu — заведующая санаторием, в котором находился на излечении сын Серова Антон.

231 Тициан (Тициано Вечелио, 1489—1576) — величайший живописец венецианской школы высокого Возрождения. В его творчестве нашли преломление типичные для буржуазного гуманизма Ренессанса идеи о величии человеческой личности, о красоте человеческого тела. Его „Венеру перед зеркалом" копировал Серов.

[232] Мантенья Андреа (1431—1506)—итальянский живописец, гравер.

[233] Дюрер Альбрехт (1471—1528) — великий немецкий художник эпохи Северного Возрождения, живописец и мастер гравюры.

[234] Гойя Франсиско Хосе (1746—1828) — один из крупнейших живописцев испанской школы, творчество которого оказало влияние на французских импрессионистов, в частности на Э. Манэ.

[235] Эскуриал (Escorial) — грандиозный дворец в 52 км от Мадрида, исполнен в стиле испанского барокко. Построен по обещанию Филиппа II, короля испанского, как памятник победы над французскими войсками, и Карлом V, как мавзолей для королевской семьи. В Эскуриале собраны богатейшие художественные коллекции.

[236] Толстой Дмитрий Иванович, граф (р. 1860) — директор Эрмитажа, генеральный комиссар Римской выставки, с 1901 г. тов. управляющего Музея Александра III в Петербурге.

[237] Жакот — младший сын Львовых (см. прим. 192). Страдал припадками эпилепсии. Умер 18-летним юношей.

[238] Берк — город в Нормандии, где в санатории лечился от костного туберкулеза сын Серова Антон.

[239] Проф. Менар — специалист по костному туберкулезу, лечивший сына В. А. Серова.

[240] Сын В. А. Серова.

[241] Серов писал занавес к дягилевской постановке балета „Шехеразада“ (музыка Римского-Корсакова, декорации Бакста). Увертюра игралась перед опущенным занавесом Серова, на котором дана была композиция в стиле персидских миниатюр.

[242] Кн. Аргутинский-Долгоруков — сотрудник русского посольства в Париже, коллекционер предметов искусства, в частности художественных произведений круга „Мир искусства“.

[243] „Сказание о граде Китеже“ — опера Римского-Корсакова.

[244] В 1910 г. Тверская часть Моск. отд. полиции привлекала В. А. Серова по 282 статье Уложения о наказаниях за оскорбление пристава, которому Серов написал резкое письмо в связи с задержкой выдачи ему заграничного паспорта (см. Приложение 4-е). Защищал Серова присяжный поверенный М. Н. Попов. Суд не найдя состава преступления, в иске отказал.

[245] Муромцев Сергей Андреевич (1850—1910) — один из основателей и член конституционно-демократической партии, председатель первой Государственной думы, подписавший Выборгское воззвание, за что был приговорен к тюремному заключению. Серов, лично знавший Муромцева и писавший его портрет, рассчитывал, что Муромцев выступит в его защиту на суде (см. прим. 244).

[246] Немчинова Надя — дочь В. С. Серовой от второго брака.

[247] И. С. Ефимов и Н. Я. Симонович-Ефимова помогали Серову выполнять по его эскизу занавес к „Шехеразаде".

[248] Стравинский Игорь Федорович (р. 1882) — композитор, автор балета „Петрушка" (ставился впервые Дягилевым в Париже в 1911 г. в декорациях А. Бенуа).

[249] Бенуа Анна Карловна — жена Александра Бенуа.

[250] Шура — Александр Бенуа.

[251] Лугано — курорт в Швейцарии.

[252] Дервиз Борис Дмитриевич — брат В. Д. Дервиза (см. прим. 7).

[253] В. А. Серов поздравляет сына с выдержанными экзаменами.

[254] Речь идет о копии Серова с портрета молодого испанца из Мюнхенской Пинакотеки (см. прим. 31).

[255] М. Я. Симонович и О. Ф. Трубникова, которая воспитывалась в семье Симоновичей.

[256] Костанди Кириак Константинович (р. 1853) — художник-жанрист, член Товарищества передвижников, один из руководителей Одесской художественной школы.

[257] Академия Джидэри — частная художественная студия.

[258] Васнецов Виктор (см. прим. 5) с 1885 г. работал в Киеве по росписи Владимирского собора. Серов и предлагает заехать к нему по дороге в Одессу.

[259] Копия с портрета школы Веласкеза (см. прим. 31).

[260] Арцыбушев К. Д. (1850—1901) — инженер-технолог, компаньон и сотрудник С. И. Мамонтова по железнодорожным предприятиям.

[261] Бруни Николай Александрович (р. 1856) — художник, сын академика архитектуры А. К. Бруни. В 1875—1885 гг. состоял учеником Академии художеств.

[262] Мишель — Михаил Анатольевич Мамонтов (см. прим. 58).

[263] Мамонтова Наталья Анатольевна.

[264] Гучкова Варвара Ильинична, урожд. Зилоти.

[265] Имение Введенское в районе Звенигорода Московской губ., где проводила лето семья А. И. Мамонтова.

[266] Астафьево — имение Шереметевых, где снимал дачу И. С. Остроухов.

[267] „Историческая правда в искусстве" по поводу картины Поленова. И. И. Кристи. М. 1887 г. Текст Кристи, первоначально напечатанный в №№ 5 и 6 „Православного обозрения" за 1887 г., представляет собой религиозно-церковные размышления по поводу картины Поленова „Христос и грешница". Кристи считает, что, преследуя натуралистическую правдоподобность, Поленов не вскрыл „духа истории", не сумел сделать Христа действительным центром композиции, не сумел показать „идеальную красоту" его образа.

[268] Т. е. сам автор картины В. Д. Поленов.

[269] „Каменный век" В. Васнецова — огромный фриз на тему о жизни первобытного человека; был выполнен В. Васнецовым для Исторического музея в Москве (1883 г.).

[270] Третьяков Николай Сергеевич — художник, сын мецената Сергея Михайловича Третьякова, одного из двух братьев основателей Третьяковской галереи.

[271] В 1888 г. Обществом любителей художеств в Москве был организован конкурс (см. прим. 69).

[272] Именами знаменитых барбизонцев Серов шутя называл свой собственный пейзаж „Пруд", Третьяковская галерея, 1888 г.

[273] Грабье А. А. — рамочник, обслуживавший Третьяковскую галерею и многих художников.

[274] Портрет отца — композитора А. Н. Серова.

[275] В опере „Юдифь" показана борьба между евреями и ассирийцами.

[276] Левот — художник-декоратор Мариинского театра.

[277] Олоферн — ассирийский полководец, погибший от меча Юдифи (сюжет оперы А. Н. Серова).

[278] Репин: „Николай Мирликийский избавляет от смерти трех невинно осужденных". 1888 г. (Русский музей). Эскиз к нему сделан в 1884 г.

[279] Репин: „Запорожцы" (1878—1891) (варианты — в Русском музее, Гос. Третьяковской галерее, Киевском музее).

[280] Дон Жуан и Донна Анна — иллюстрации Репина к драматическому произведению Пушкина „Каменный гость".

[281] Шпак-Бенуа Мария Викторовна (1870—1891) — жена Альберта Бенуа, художница, посещала мастерскую Репина.

[282] Неврев Николай Васильевич (1830—1904 г.) — один из виднейших художников-передвижников.

[283] Портрет Веры Мамонтовой—„Девочка с персиками".

[284] Т. е. Павлу Михайловичу Третьякову, который любил осматривать картины в мастерских художников и покупать их „на корню".

[285] Портрет кузины, т. е. Марии Яковлевны Симонович,— „Девушка, освещенная солнцем".

[286] Речь идет о конкурсе.

[287] Направник Эдуард Францевич — известный дирижер, композитор, автор оперы „Дубровский".

[288] Опера Рубинштейна на лермонтовский сюжет: „Песня о купце Калашникове".

289 Композитор А. Н. Серов окончил Училище правоведения, и поэтому жена Серова обращалась к „правоведам" — воспитанникам училища.

290 Георгий Александрович — великий князь, сын Александра III.

291 Флеров Сергей Васильевич (1841 — 1901) — педагог, журналист. Постоянный сотрудник „Русского вестника" и „Московских ведомостей". Писал под псевдонимом С. Васильев.

292 Речь идет о том, как назвать в каталоге портрет В. Мамонтовой; собственники портретов иногда возражали против полного сообщения их имени.

293 В настоящее время этот „этюд" известен под названием „Девушка, освещенная солнцем" (Гос. Третьяковская галерея).

294 Мамонтов Всеволод Саввич.

295 Якунчикова Мария Федоровна.

296 Шишкин Иван Иванович (1831—1898) — живописец-пейзажист, рисовальщик и гравер, профессор Академии художеств, участник передвижных выставок.

297 Чистякова Вера Егоровна — жена П. П. Чистякова.

298 В 1888 г. исполнилось 25 л. со времени создания „Юдифи".

299 Фофанов Константин Михайлович (1862—1911) — поэт.

300 Первухин Константин Константинович (1863—1915) — пейзажист.

301 Очевидно, речь идет о художнике Лемане Юрии Яковлевиче (1834—1901).

302 Ге Григорий Григорьевич (р. 1868 г.) — артист б. Александринского театра (Ленинградский Гос. театр драмы), драматург.

303 Репина Вера Алексеевна — жена И. Е. Репина.

304 Якунчиков Владимир Васильевич — купец, муж М. Ф. Якунчиковой.

305 Мамонтова Татьяна Анатольевна.

306 Рачинский Григорий Алексеевич — филолог-переводчик.

[307] Мамонтов Сергей Саввич.

[308] Репин Илья Ефимович.

[309] И. С. Остроухов собрал целую галерею художественных произведений (см. прим. 57).

[310] Портрет пастора Дальтона для лютеранской церкви в Ленинграде на б. Морской ул. Репродуцирован в монографии Н. Соколовой: „Серов", изд. ЛОССХ, 1935 г.

[311] Ярошенко Николай Александрович (1846—1898) — живописец, портретист и жанрист, один из видных членов Товарищества передвижных выставок.

[312] Серов вместе с женой поехал на всемирную Парижскую выставку 1889 г.

[313] Бастьен Лепаж (Bastien Lepage) Жюль (1848—1884) — французский художник, в большинстве своих картин решавший проблему человека в пейзаже („Отдых в поле", „Деревенская любовь" и т. д.).

[314] Прадилла (Fr. Pradilla y Ortiz, p. 1847) — испанский исторический живописец академического направления, директор испанской Академии.

[315] Мессонье (Meissonier, Jean-Louis-Ernest) — французский художник (1811—1891), мастер интимного бытового и батального жанра, портретист, иллюстратор.

[316] Виллевальде Богдан Павлович (1818—1903) — русский художник-баталист, эпигон академизма.

[317] Руссо Т. (1812—1868), Коро К. (1796—1875), Тройон К. (1810—1865), Добиньи Ш. (1817—1878) составляли основную группу французских художников „барбизонцев", новаторов пейзажа, объединенных борьбой против классического пейзажа во имя „живой природы", нередко принимавшей в их трактовке лирическую и романтическую окраску. Тройон среди них отличался более ярко выраженным реализмом.

[318] Барон Стюарт Н. Д. — коллекционер.

[319] Фортуни Мариано (1838—1874) — известный испанский художник-живописец, мастер акварели; П. П. Чистяков пропагандировал его искусство среди своих учеников. Отсюда особенный интерес молодого Серова к этому художнику.

[320] Мамонтовы — см. прим. 58.

[321] Мамонтова Мария Александровна.

[322] Поленов В. Д. — см. прим. 118.

[323] Намек на известное чудачество П. П. Чистякова, который любил иногда давать ученику какой нибудь случайный и, казалось бы, легкий предмет для рисования („ножку от стула" и т. д.), чтобы на нем муштровать строптивого ученика.

[324] Репин вышел из состава членов Т-ва передвижных выставок и впоследствии выставлялся как экспонент.

[325] Мамонтова Татьяна Анатольевна — см. прим. 3.

[326] Лувр — см. прим. 215.

[327] Клюни — музей художественной промышленности, один из красивейших памятников французского зодчества XV столетия.

[328] Люксембургский музей современного искусства в Париже.

[329] Notre Dame de Paris — „Собор Парижской богоматери" — блестящий образец средневекового французского зодчества.

[330] Chapelle—один из памятников церковной архитектуры.

[331] Морозов Савва Тимофеевич — крупный промышленник и меценат, финансировавший Московский Художественный театр.

[332] Абрикосовы — семья крупного фабриканта и купца. В. А. Абрикосов впоследствии принимал близкое участие в делах Третьяковской галереи и состоял членом ее Совета.

[333] Серов по поручению Остроухова подбирал для его коллекции художественные произведения; в этом письме речь идет о покупке эскизов Репина.

[334] Близкие знакомые звали иногда Серова „Антон" от сокращенного его имени „Тоша".

[335] Серов просит достать форменный костюм для группового портрета „Александр III с семьей".

[336] Боткин Петр Дмитриевич — известный коллекционер предметов искусства.

[337] В 1899 г. от имени журнала „Мир искусства“ Дягилев организовал грандиозную международную выставку, на которой демонстрировались современные французские художники, в том числе Гюстав Моро (1826—1898). О задержании некоторых картин выставки и идет речь в письме.

[338] Отец ученика И. Шейман, знакомый Мамонтовых, обратился к И. С. Остроухову с просьбой похлопотать за сына. Остроухов переслал письмо Серову.

[339] Боткина Александра Павловна — дочь П. М. Третьякова, входила в состав Совета галереи в качестве непременного члена, как представитель семьи Третьяковых.

[340] Журнал „Мир искусства“ (1898/99—1904), СПб., ред. С. П. Дягилев, издатели княгиня Тенишева и С. И. Мамонтов; орган идеалистической эстетики, пропагандировавший искусство старых мастеров и русское и западное искусство 90—900-х гг. Серов принимал близкое участие в судьбе журнала, состоя в редакционной коллегии; с помощью Серова была получена субсидия от Николая II, когда вследствие краха С. Мамонтова особенно обострилось финансовое положение „Мира искусства“.

[341] Дядя Michel — Михаил Петрович Боткин (1839—1914) — академик исторической живописи, эпигон академического направления, член Совета Академии художеств, активно боровшийся против внедрения мирискусников в Академию художеств, дававший в прессу отрицательные отзывы о новой художественной группе „Мир искусства“ и т. д.

[342] № 2 журнала „Мир искусства“.

[343] Журнал „Художественные сокровища России“ — изд. Общества поощрения художеств. СПб. (1901—1907 г.). В 1901—1902 гг. редактором был А. Н. Бенуа.

[344] Рябушкин Андрей Петрович (1861—1904). Творчество Рябушкина посвящено стилизации быта России XVI—XVII вв. Выставлялся на выставках „Мира искусства“. В письме идет речь о покупке картин Рябушкина и других для Третьяковской галереи.

[345] Левицкий Дмитрий Григорьевич (1735—1822) — крупнейший русский портретист XVIII века.

[346] Боровиковский Владимир Лукич (1757—1825) — ученик Левицкого и Лампи, блестящий представитель сентиментально-романтического направления в русском портрете на рубеже XVIII—XIX вв.

[347] Врубель Михаил Александрович — см. прим. 86.

[348] Серов особенно возмущался неделикатностью интервью потому, что в тот период болезнь Врубеля не была еще окончательно установлена и чередовалась со светлыми промежутками, в которые художник возвращался к работе.

[349] Забела-Врубель Надежда Ивановна — жена художника, певица, одна из солисток оперы Саввы Мамонтова.

[350] Панно 90-х годов, написанные Врубелем для декорирования интерьеров особняков. Панно „Суд Париса" было приобретено Арцыбушевым. Для Морозовых Врубель писал много, в частности панно на сюжеты из „Фауста", а также „Утро, полдень, вечер" и др.

[351] В 1885 г. Врубель написал 4 образа для иконостаса Кирилловской церкви: Христос, Мадонна с младенцем, св. Кирилл и св. Афанасий (масло).

[352] Тема „Демона" была центральной в творчестве Врубеля, он возвращался к ней неоднократно в течение своей жизни. „Последний" Демон — „Демон поверженный" (1902 г., Гос. Третьяковская галерея).

[353] В 1892 г. П. М. Третьяков передал свое собрание (также как и собрание западно-европейского искусства, завещанное ему братом) городу Москве. Таким образом Московская городская дума брала галерею под свое покровительство. После смерти Третьякова городской голова оказался попечителем галереи, а Совет помимо представителя от семьи Третьяковых избирался думой из числа ее гласных и известных художников. Члены Совета Третьяковской галереи переизбирались каждое трехлетие, а после изменения устава в 1904 г. — каждое четырехлетие.

[354] В. Васнецов — „Витязь на распутьи", 1878 г.

[355] Портрет певицы Анны Давиа работы Левицкого (Гос. Третьяковская галерея).

[356] Александр Бенуа выпустил свой первый значительный труд по истории искусства в качестве главы о русской живописи в „Истории живописи XIX в." немецкого искусствоведа Мутера. Мутер пропагандировал новейшие течения в живописи.

[357] Рерих Николай Константинович (р. 1874) — живописец, график, театральный декоратор, археолог, искусствовед. В кругу художников „Мира искусства" отличался характером тематики: использовал сюжеты из полусказочной славяноваряжской старины, окрашивая ее символикой. Эмигрант.

[358] Голицын князь Владимир Михайлович — московский городской голова, попечитель Третьяковской галереи.

[359] Боткин Федор Владимирович (1861—1905) — один из наиболее типичных художников салонного модерна, писал портреты и декоративные панно.

[360] Консервативная московская газета „Новости дня".

[361] Лебедев Клавдий Васильевич (1858—1916) — художник-жанрист и рисовальщик-иллюстратор. Академик живописи. Профессор в Училище при Академии художеств.

[362] Хруслов Егор Моисеевич — художник, с 1899 г. — хранитель Третьяковской галереи.

[363] В 1899 г. в Совет Третьяковской галереи, помимо дочери П. М. Третьякова А. П. Боткиной, вошли Остроухов и Серов. Втроем они составляли большинство в Совете; их покупки работ художников круга „Мир искусства" вызвали протест со стороны гласных Думы, вдовы Третьякова и др. В 1903 г. Остроухов по уставу выбывал из состава Совета, гласные этим воспользовались, чтобы ввести в Совет враждебного мирискусничеству и вообще некомпетентного в искусстве гласного Вишнякова (см. письмо № 202 к А. П. Боткиной).

[364] Под „крайним" разумеется современная Серову живопись круга „Мир искусства".

[365] Вишняков Ник. Петр. — гласный Московской городской думы, член Совета Третьяковской галереи (см. прим. 363).

[366] Имеется в виду редакция журнала „Мир искусства".

[367] Философов Дмитрий Владимирович.

[368] Киселев Александр Александрович (1838—1911) — академик живописи, пейзажист, примыкал к передвижникам. Руководил после А. И. Куинджи пейзажной мастерской Академии художеств.

[369] Кондаков Никодим Павлович (р. 1844) — профессор, археолог и исследователь в области византийского и русского искусства. В письме речь идет о развеске в Третьяковской галерее отдела древнерусского искусства, к которой был привлечен Кондаков как специалист.

[370] Брюллов Карл Павлович (1799—1852) — крупнейший представитель русской академической школы XIX в.

[371] Вдова Голяшкина предложила Галерее ряд картин, по поводу которых произошел крупный спор. Серов категорически протестовал против покупки и принятия в дар нехудожественных произведений.

[372] Зарянко Сергей Константинович (1818—1870) — известный русский художник, портретист, ученик Венецианова, академик перспективной живописи.

[373] Адриан Прахов заместил Александра Бенуа на посту редактора журнала „Художественные сокровища России“, после того как Бенуа был обвинен в придании журналу декадентского направления. Прахов повел „Сокровища“ в сугубо патриотическом духе.

[374] „Современное искусство“ — предприятие, организованное В. В. Мекком и кн. Щербатовым под руководством художника Грабаря; по эскизам художников круга „Мир искусства“ (Бенуа, Лансере, Бакста, Коровина и др.) создавались худож. интерьеры: гостиные, столовые и т. д. (см. прейскурант „С. И.“). Это предприятие в письмах Серова именуется „Грабарней“.

[375] Беккер Карл (р. 1820) — живописец, профессор, президент Берлинской академии художеств, эпигон академических традиций.

[376] В состав Третьяковской галереи после смерти С. М. Третьякова по его завещанию была включена его коллекция картин западного искусства.

[377] В ноябре 1903 г. Серов подвергся серьезной операции в области кишечника (предполагалась язва). Только в конце января он был перевезен домой из лечебницы князя Чегодаева, где его оперировали.

[378] 3 декабря 1903 г. была организована комиссия под председательством гласного Московской городской думы, известного адвоката Муромцева, которая должна была пересмотреть устав Третьяковской галереи и выяснить все недоразумения в связи с Советом галереи. В собрании Думы от 6 и 21 сентября 1904 г. было утверждено новое положение, согласно которому попечитель избирался закрытой баллотировкой, а Совет состоял из четырех членов, из них 3 избирались на 4 года. До 1905 г. состав Совета сохранялся.

[379] Геннерт А. И. — гласный Думы, член комиссии по обследованию Третьяковской галереи.

[380] Боткин Евгений Сергеевич — лейб-медик, брат С. С. Боткина (см. прим. 197).

[381] Ермолова Мария Николаевна (1853—1928) — знаменитая трагическая актриса, вдохновенная исполнительница героических ролей (Жанны д'Арк, Эстрельи, Федры), любимица радикальной и либерально настроенной интеллигенции. Серов писал ее портрет в 1905 г. (фойе Малого театра в Москве).

[382] Перов Василий Григорьевич (1833—1882) — крупнейший представитель идейного реализма в русской живописи 60—70-х годов. „Трапеза" (1875, Гос. Третьяковская галерея).

[383] „Жупел" — журнал политической сатиры 1905 г., после 3 номеров закрытый цензурой; в качестве иллюстраторов в нем работали художники круга „Мир искусства" — Серов, Билибин, Добужинский и др.

[384] Борисов-Мусатов Виктор Эльпидифорович (1870—1905) — художник круга „Мир искусства"; его декоративные панно пронизаны пессимистической романтикой.

[385] „Новое время" — реакционная газета, издававшаяся Сувориным; употребляется здесь Серовым в качестве символа реакции.

[386] Федотова Гликерия Николаевна (1846—1925) — знаменитая бытовая актриса Малого театра, прославившаяся исполнением ролей в пьесах Островского. Наряду с бытовыми, она исполняла трагические и комические роли. Оставила сцену в 1905 г., как раз в тот период, когда ее писал Серов, но продолжала пользоваться в театре влиянием, как носительница традиций реалистической школы (портрет Серова в музее Малого театра в Москве).

[387] Венецианов Алексей Гаврилович (1780—1847) — один из родоначальников реалистической школы в русской живописи.

[388] Варнек Александр Григорьевич (1782—1843) — художник-портретист, ученик Левицкого и Щукина, академик.

[389] Федотов Павел Андреевич (1815—1852) — художник своеобразного бытового жанра с сильным сатирическим оттенком реалист, блестящий колорист. Речь идет о его картине „Разборчивая невеста" (Гос. Третьяковская галерея).

[390] Очевидно, идет речь о пейзаже рано умершего талантливого художника Федора Васильева (1850—1873).

[391] Щербов Павел Егорович (р. 1866) — карикатурист, примыкавший к художникам круга „Мир искусства".

[392] 2-я Государственная дума, разогнанная указом 3 июня 1907 г., изменившим закон об избирательном праве.

[393] Боткин С. С. — см. прим. 197.

[394] Остроухов, женатый на Н. П. Боткиной, состоял членом правления чайной фирмы Боткиных; речь идет о магазине Боткиных.

[395] Матэ Василий Васильевич — см. прим. 155.

[396] Трояновский Иван Иванович — см. прим. 152.

[397] Ландовская Ванда — известная польская пианистка. Исполняла произведения XVIII в. на клавесине. (Рисунок Серова из собрания И. С. Остроухова репродуцирован в монографии Грабаря.)

[398] „Демон поверженный" (1901 г.) куплен был Галереей за 8000 руб.

[399] Памятник Гоголю в Москве, работы Андреева, при участии архит. Шехтеля.

[400] Морозова Маргарита Кирилловна — вдова М. А. Морозова.

[401] Савинов Александр Иванович (р. 1881) — художник. Окончил в 1908 г. Академию художеств по мастерской Д. Н. Кардовского и был командирован за границу. За годы революции перешел на педагогическую работу. Состоит профессором Академии художеств.

[402] Серебрякова Зинаида Евгениевна (р. 1885) — художница круга „Мир искусства". „Автопортрет" 1907 г. (Гос. Третьяковская галерея).

[403] Пимоненко Николай Корнилович (1862—1911) — академик живописи, жанрист, склонный к анекдотической трактовке сюжета. Фамилия употреблена Серовым в качестве символа бездарности.

[404] Остроумова-Лебедева Анна Петровна (р. 1871) — художница круга „Мир искусства", график, живописец и гравер.

[405] Протокол заседания Совета Третьяковской галереи.

[406] Штраус Рихард (р. 1854) — современный немецкий композитор, модернист, охотно бравший для своих опер потрясающие, пронизанные чувственностью, сюжеты. „Саломея" — опера Штрауса на текст О. Уайльда в переработке Гофмансталя.

[407] Уайльд Оскар (1854—1900) — английский писатель-модернист, ярчайший представитель эстетики буржуазного индивидуализма „конца века".

[408] При расколе „Союза русских художников" на два лагеря обе стороны вели активную агитацию. Часть художников, связанных личной дружбой с мирискусниками, по характеру творческого метода тяготели к московским импрессионистам, отсюда — колебания К. Коровина.

[409] Совет Третьяковской галереи.

[410] Обераммергау — местечко в Баварии, где раз в десять лет местные жители разыгрывали мистерию „Страсти Христовы" (Les passions).

[411] Трояновский Иван Иванович.

[412] Грабарь Игорь Эммануилович (р. 1871) — живописец, искусствовед, историк искусства, музейный деятель;

в 90—900-х годах примыкал к группе „Мир искусства", но отличался от типичных мирискусников реалистическими и нео-импрессионистическими тенденциями своего творчества.

[413] Оленин Алексей Николаевич (1763—1843) — президент Академии художеств, писатель по вопросам искусства, художник, личный друг баснописца Крылова.

[414] Ге Николай Николаевич (1831—1894) — исторический живописец, портретист. Портрет Петрункевича 1893 г. (Гос. Третьяковская галерея).

[415] Станиславский Константин Сергеевич (р. 1863) — организатор, режиссер и актер Московского художественного театра, ныне народный артист СССР. В последние годы своей жизни Серов сблизился с Московским художественным театром, рисовал его крупнейших деятелей: Станиславского, Качалова, Москвина.

[416] Ugo Ojetti — итальянский художественный критик, весьма сочувственно отзывавшийся в прессе о русских художниках круга „Мир искусства".

[417] „Пенаты" — дача И. Е. Репина в Финляндии.

[418] Нордман-Северова Наталья Борисовна — вторая жена Репина.

[419] Андреев Леонид Николаевич (1871—1919) — беллетрист, драматург, популярнейший писатель эпохи реакции, типичный представитель символизма 900-х годов в литературе. Ярый шовинист во время империалистической войны, он занял резко враждебную позицию по отношению к Великой Пролетарской революции и умер в эмиграции.

[420] Autoritratto — автопортрет.

[421] Фишер Карл Андреевич — известный в Москве фотограф.

[422] Адрианов — градоначальник гор. Москвы. Письмо к приставу, о котором идет речь, приведено в Приложении 4-м.

[423] San Sebastian — испанский порт на Атлантическом океане, имеются интересные памятники архитектуры.

[424] Fuenterrabia — испанский городок в 17 километрах от Сан-Себастьяна, интересен своим зодчеством в стиле готики и Ренессанса.

425 Толедо — главный город провинции Толедо, крупный художественный центр Испании, в прошлом резиденция королей. Толедо богат памятниками зодчества в стиле готики, эпохи Возрождения и мавританском (эпохи господства мавров VIII—XI вв.).

426 Тархов Николай Александрович (1871—1930) — русский живописец, работавший в Париже и в своем творчестве преломлявший влияния французского импрессионизма и неоимпрессионизма. Серов ратовал за приобретение его картин в Третьяковскую галерею.

427 El Greco (ок. 1547—1614)—крупный испанский художник XVI—XVII вв., своеобразное искусство которого проникнуто утонченной католической мистикой, болезненным экстазом.

428 Журнал „Аполлон" (1909—1917 гг.) — СПб., ред. С. Маковский, изд. Ушков. Орган воинствующего идеализма в искусствознании, пропагандировавший нео-классицизм и неоампир и знакомивший русскую публику с новейшими художественными течениями Запада и России.

429 „Материнство" (Гос. Третьяковская галерея).

430 Боткина Софья Михайловна, — жена Петра Дмитриевича Боткина, известного коллекционера, оригинал портрета Серова.

431 Лемерсье Карл Августович—владелец выставочного зала в Москве, Салтыковский пер. д. 8 („Галерея Лемерсье"), принимал поручения по организации выставок.

432 В Рим собирались экспонаты на предстоявшую международную выставку в связи с юбилейной датой 50-летия итальянского королевства. Серову была предоставлена целая комната для его работ.

433 Кипренский Орест Адамович (1782—1836) — портретист и пейзажист, крупнейший художник-романтик первой половины XIX в. Серов, как член Совета галереи, ездил осматривать предложенные к покупке портреты, якобы принадлежащие кисти Кипренского.

434 Добужинский Мстислав Валерианович (1875)—1936) — живописец, график, иллюстратор книги, декоратор,

типичный художник круга „Мир искусства". После революции — белый эмигрант.

[435] Сомов Константин Андреевич (р. 1869)—типичный художник круга „Мир искусства", живописец, график, иллюстратор. Белый эмигрант.

[436] Анисфельд Борис Измайлович (р. 1878) — живописец и декоратор круга „Мир искусства".

[437] Гучков Николай Иванович — гласный Московской городской думы.

[438] Стеллецкий Дмитрий Семенович (р. 1875)—художник круга „Мир искусства", живописец, график, декоратор, преломлявший в своем творчестве стилизаторские течения 90—900-х годов, черпая сюжеты и формальные принципы из древнерусского искусства по преимуществу.

[439] Сарьян Мартирос (р. 1880) — крупный художник-ориенталист, член группы „Голубая роза", яркое дарование декоративного характера; после революции удостоен звания народного художника Армении.

[440] Выставочный русский павильон на Римской выставке был построен архитектором Щуко в классическом стиле Камерона.

[441] Вилла Боргезе в Риме расположена в живописной местности, среди садов, в ней находятся богатейшие собрания античных и современных высококачественных произведений скульптуры и фрески Росси.

[442] Великая княгиня Мария Павловна (р. 1854) с 1909 г., после смерти мужа великого князя Владимира, состояла президентом Академии художеств.

[443] Немирович-Данченко Владимир Иванович (р. 1858) — драматург и режиссер, вместе с К. С. Станиславским основал Московский художественный театр.

[444] Местрович Иван — сербский скульптор, обративший на себя внимание своей скульптурой на Римской выставке; самый выставочный павильон, в виде мавзолея национальным героям Сербии, был выстроен по его проекту и украшен его барельефами и статуями.

445 „Если уже короновать кого-либо на Капитолии за нынешнюю выставку, так это именно его и только его" — писал А. Бенуа о В. А. Серове в связи с Римской выставкой („Речь", 1911 г., № 128).

446 Гогарт Уильям (Hogarth, 1697—1764)—английский живописец и гравер, острый рисовальщик, преследовавший своим ярко сатирическим искусством социально-дидактические задачи.

447 Рейнбот, назначенный московским градоначальником, и Короткий, его помощник, — известные душители революции 1905 г. Серов иронизирует, поздравляя Москву с такими „отцами города".

448 Рисунки к басням Крылова Серов начал в 90-х годах и впоследствии неоднократно к ним возращался, переводя рисунки на новые листы, добиваясь все более и более выразительных образов.

449 Муратов Павел Павлович — искусствовед круга „Мир искусства", специалист по итальянскому искусству, после Октября — белоэмигрант.

450 Портрет Монны Лизы Джиоконды Леонардо да Винчи — великого художника Возрождения — был похищен из Лувра в 1911 г. и найден через два года в Италии.

451 В газете „Утро России" от 20 сентября № 215 была помещена заметка: „В Третьяковской галерее" о результатах обследования на основе заявления гласного Московской городской думы И. С. Кузнецова о неправильном приобретении картин Советом, который поощряет художников одного только направления. В следующем № 216 той же газеты за подписью „Гюль" помещено интервью с Серовым, который в качестве члена Совета указывал, что инкриминированные Совету действия (непокупка картин „Московского товарищества художников") освещены не совсем верно, хотя не отрицал, что из московских работ покупалось главным образом с выставок „Союза русских художников" и „Передвижных".

452 Идет речь о развеске в Третьяковской галерее. Под „Гамаюнами" Серов, очевидно, подразумевает „Сирина" и „Алконоста" В. Васнецова, принесенных в дар Галерее в 1908 г.

[453] Алексеев Федор Яковлевич (1753—1824) — живописец-пейзажист, особенно прославившийся видами Петербурга.

[454] Яковлев Михаил Николаевич (р. 1880) — художник.

[455] Лоран Жан Поль (р. 1838), „Последние минуты императора мексиканского Максимилиана".

[456] „Летучая мышь" — театр-кабаре Балиева.

[457] Ключевский Василий Осипович (1841—1911) — русский историк, профессор Московского университета, либерал, лекции, труды и личные беседы которого имели большое влияние на Серова и других художников круга „Мир искусства".

[458] В 90-х годах Савва Мамонтов, прокладывавший Архангельско-Вологодскую железную дорогу, устроил экспедицию с целью освоения Севера. В ней участвуют Серов, К. Коровин, Поленов и другие художники, которые должны были писать там этюды и делать зарисовки природы и быта.

[459] Серов был избран в академики только в 1898 г. (собранием Академии художеств от 15 апреля 1898 г.).

[460] Савинский Василий Евменович (р. 1859), художник. Ученик и последователь П. П. Чистякова. Долгие годы состоял преподавателем и профессором Академии художеств.

[461] Нурок Альфред Павлович — один из активнейших членов кружка, а затем объединения „Мир искусства", сотрудник сатирического журнала „Pipifax", журналист — один из организаторов „Вечеров современной музыки".

[462] С писателем Антоном Павловичем Чеховым (1860—1904), который близко знал и любил Левитана, журнал „Мир искусства" вел переговоры о статье памяти художника.

[463] Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) — журналист, публицист, основатель реакционнейшей газеты „Новое время" и большого издательства.

[464] Буренин Виктор Петрович (1841—1926) — поэт, критик, фельетонист, один из основных сотрудников „Нового времени", злобствующий представитель реакции, в своих газетных писаниях пользовавшийся неблаговидными, подчас клеветническими методами. За резкие выступления против „Мира искусства" Дягилев ударил его по физиономии цилиндром.

465 Переплетчиков Василий Васильевич (р. 1863),

466 Под флагом журнала „Мир искусства“ и под тем же названием организовывались художественные выставки, объединявшие художников модернистов и противопоставлявшие себя Товариществу передвижных выставок и академическим. Общее руководство принадлежало С. П. Дягилеву. В состав выставочного комитета от петербургских художников входил А. Бенуа, от московских — В. А. Серов. 22 января 1899 г. открылась первая международная выставка „Мир искусства“, 22 января 1900 г. — вторая, 10 января 1901 г. — третья, 9 марта 1902 г. — четвертая, которая была перевезена и в Москву (открылась 15 ноября 1902 г.), 13 февраля 1903 г. — пятая и т. д. После перерыва выставочная деятельность „Мира искусства“ возобновилась в 1910 г.

467 Стасов Владимир Васильевич (1824—1906) — крупный публицист и художественный критик, горячий пропагандист искусства передвижников, в области музыки—композиторов „могучей кучки“. Боролся с эстетикой и художественной практикой „Мира искусства“, ратовал за недопущение выставок Дягилева в стенах Академии художеств.

468 Помещение музея барона Штиглица в Петербурге.

469 Суриков Василий Иванович (1848—1916) — великий реалист, автор историко-эпических полотен „Боярыня Морозова“, „Утро стрелецкой казни“ и др.

470 Залеман Гуго Романович (1859—1919) — скульптор академического направления.

471 Уистлер Джемс Аббот Мак-Ниль (1834—1903) — американец, живописец. Серов намекает на статьи Грабаря об иностранных художниках, помещавшиеся в хронике журнала „Мир искусства“.

472 Кравченко Николай Иванович—художник и критик, работал в художественном отделе „Нового времени“.

473 Нестеров Михаил Васильевич (р. 1862) — крупный художник раннего модерна, обращавшийся к религиозной тематике по преимуществу. После Октябрьской революции доминирующая его тема — портрет реалистического характера.

[474] Великий князь Владимир Александрович (1847—1909), с 1876 по 1909 г. президент Академии художеств.

[475] Старинный дом графа Сологуба в Москве на б. Поварской ул. (ныне — ул. Воровского), который А. Бенуа желал осмотреть.

[476] Петергофский номер журнала „Художественные сокровища России" 1902 г.

[477] 2-я выставка „36", открывшаяся 26 декабря 1903 г. в Москве, сконцентрировавшая московских художников в противовес группе Дягилева, — составила основное ядро „Союза русских художников".

[478] Светославский Сергей Иванович (р. 1857) — художник-пейзажист.

[479] Курбатов Владимир Яковлевич — искусствовед круга „Мир искусства".

[480] Сабанеев Евгений Александрович (р. 1847) — академик архитектуры, преподаватель истории искусств Высшего художественного училища при Академии художеств.

[481] Ге Николай Петрович — племянник художника Ге, журналист.

[482] Рисунок для открытки на тему о наборе рекрутов в эпоху русско-японской войны (два варианта 1904 и 1906 гг.).

[483] См. письмо А. Бенуа Серову от 3/II 1910 г. № 253.

[484] Малютин Сергей Васильевич (р. 1859) — портретист-иллюстратор (сказки и былины), один из основных деятелей „Талашкина".

[485] Коненков Сергей Тимофеевич (р. 1874) — скульптор.

[486] См. письма Серова Д. И. Толстому (№№ 219—222).

[487] „Синий бог"—балет в декорациях Бакста, музыка Reynaldo Hahn. Пери (La Péri)—балет, музыка Paul Dukas.

[488] „Мучения св. Себастьяна" — драма Габриэля д'Аннунцио; роль Себастьяна исполняла Ида Рубинштейн.

[489] Аннунцио Габриэль д' (р. 1863) — крупный итальянский поэт, писатель, драматург буржуазной Италии эпохи империализма, отразивший в своем творчестве крайний индивидуализм, аморализм, эстетство модернизма, ныне активный фашист.

490 „Жизель“ — балет, музыка Адама, поставленный в антрепризе Дягилева в декорациях А. Бенуа.

491 Фокин Михаил Михайлович — балетмейстер Мариинского театра и антрепризы Дягилева в Париже.

492 Матэ Ида Романовна — жена гравера В. В. Матэ.

493 Беклемишев Владимир Александрович (1861—1920) — скульптор, профессор, а с 1900 по 1905 г. ректор Академии художеств.

494 Турчанинов Александр Николаевич (р. 1838) — адвокат, тов. председателя и председатель Совета присяжных поверенных.

495 Речь идет о смерти В. В. Стасова.

496 Бруни Александр Александрович (1860—1911) — с 1902 г. архитектор СПб. дворцового управления.

497 Условия, на которых В. А. Серов принимал на себя руководство мастерской, следующие: он работает по вольному найму, ведает только своей мастерской, участвует только на экзаменах, где обсуждаются работы его мастерской, пользуется неограниченным правом принимать или не принимать учащихся в мастерскую, пользуется правом по истечении двухгодичного периода представлять к удалению тех, кого удалить найдет необходимым.

При баллотировке „условий“ Серова в собрании Академии 17 окт. 1907 г. 20 членов против 4 нашли их неприемлемыми, противоречащими уставу Академии, 4 воздержались, и кандидатура Серова отпала (см. дело Серова, архив Академии художеств, ЛОЦИА).

498 30 октября 1909 г. Совет Академии и Высшего худож. училища по рассмотрении работ учеников мастерской П. П. Чистякова — Анисфельда, Евстафьева и Карпинской отказали им в выдаче дипломов на звание художников. После протеста проф. Кардовского, Матэ и др. по распоряжению президента Академии дипломы были выданы.

499 Визель Эмилий Оскарович — художник (р. 1865), состоял в то время хранителем академического музея.

500 Бродский Исаак Израилевич (р. 1884) — заслуженный деятель искусства, орденоносец, в те времена начинающий художник. Идет речь об его картине „9 Января“ 1905 г.

[501] Общество поощрения художеств.

[502] Бернштам Федор Густавович—архитектор художник, состоял в то время чиновником особых поручений при президенте Академии художеств.

[503] Матэ Мария Васильевна — дочь художника.

[504] Стоюнина Мария Николаевна — начальница частной гимназии ее имени в Петербурге.

[505] Андреев Яков Димитриевич—гравер, инспектор Академии художеств.

[506] Тихов Виталий Гаврилович (р. 1876); получил звание художника и заграничное пенсионерство от Академии художеств за картину „Купальщицы".

[507] Толстой Иван Иванович, граф, вице-президент реформированной Академии художеств. В 1905 г. ушел в отставку.

[508] Великий князь Владимир Александрович, президент Академии художеств, командовал войсками, расстрелявшими демонстрацию рабочих 9 января 1905 г.

[509] Александр Александрович [Мосолов]—начальник канцелярии министерства двора.

[510] А. И. Левитан, брат художника, устроитель посмертной выставки И. И. Левитана.

[511] Голубкина Анна Семеновна (1864—1927) — скульптор, училась в Париже у Родена, посещала Училище живописи и Академию, среди художников „Мира искусства" отличалась реалистическими тенденциями и социальной тематикой.

[512] Сафонов Василий Ильич (1852 — 1918) — пианист, композитор, дирижер, с 1889 г. директор Московской консерватории.

[513] См. письмо Серова к Остроухову № 120 и прим. 363

[514] Петровское — подмосковное имение кн. Голицына.

[515] Ульянов Николай Павлович (р. 1875)—портретист, театральный декоратор, график.

[516] Дочь В. А. Серова, Ольга Валентиновна, подавала прошение на Высшие женские курсы.

[517] Кн. Ливен А. П. — оригинал портрета Серова, написанного в 1909 г.

518 В 1910 г. О. В. Серова ездила с отцом к больному брату в Нормандию в г. Берк, где тот находился в санатории. В. А. Серов за это время ездил в Париж и в Рим.

519 См. прим. 216 и 408.

520 „Гнутые звери“ —скульптура И. С. Ефимова.

521 Бенуа Александр Николаевич.

522 „Павильон Армиды“—балет, музыка Н. Н. Черепнина, в декорациях Бенуа давался в антрепризе Дягилева в Париже.

523 В программу дягилевских балетов было включено одно действие из оперы Бородина „Князь Игорь“ („Половецкие танцы“).

524 См. письмо Серова к Остроухову № 157.

525 Портрет Серова „Ида Рубинштейн“ вызвал оживленную дискуссию. Репин считал портрет недостойным большого художника. Были протесты против помещения его в музей.

526 Портрет композитора А. Н. Серова.

527 В 1889 г. в Академии были раскрыты хищения и злоупотребления; в результате обследования весь состав Правления с секретарем П. Ф. Исеевым был смещен.

528 Портрет С. М. Драгомировой, которую Серов писал одновременно с Репиным.

529 Терещенко — киевский сахарозаводчик и меценат.

530 Надежда Ильинична — дочь И. Е. Репина.

531 Толстая Софья Андреевна — жена Льва Николаевича Толстого, ее портрет писал Серов.

532 Савва И. и Сергей Саввич Мамонтовы.

533 Репин Юрий Ильич (р. 1875) — художник, сын Ильи Ефимовича.

534 Остроухов Илья Семенович (см. прим. 30 и 57).

535 Стахович Михаил Александрович — друг семьи Толстых, орловский помещик, член Гос. Совета.

536 Ковалевский Максим Максимович (1851 — 1916) — крупный ученый, историк, социолог, умеренный либерал, основатель партии „демократических реформ“.

537 „В то время, т. е. в начале апреля, Лев Николаевич заказал художнику Вал. Серову мой портрет масляными красками.

Я позировала почти ежедневно, и портрет, начатый прекрасно, Серов потом испортил. Да и позу он мне, живой и бодрой, придал какую-то мне несвойственную, развалившуюся. Всего было 19 сеансов, и, когда Серов решил, что портрет окончен, он просил дать ему 800 руб. вместо вперед уговоренных 600 р. Это показалось нам странно и неделикатно“ (С. А. Толстая, „Моя жизнь“).

Действительно, Серов, назначив сначала шестьсот рублей, исполнив портрет, предложил заплатить ему больше, так как работа взяла больше сил и времени, чем художник предполагал.

538 Позен Леонид Владимирович — почетный член Академии художеств. Скульптор-любитель.

539 Т. е. с вице-президентом Академии И. И. Толстым.

540 Куинджи Архип Иванович (1842—1910) — крупнейший пейзажист конца XIX в.

541 Лобойков Валериан Порфирьевич (р. 1861)—с 1894 г. секретарь Академии художеств.

542 Бенуа Альберт Николаевич (р. 1852)—брат Александра Бенуа, художник-пейзажист, мастер акварели, академик.

543 Бенуа А. Н. „История живописи в XIX в. Русская живопись“. СПб., изд. т-ва „Знание“.

544 В № 3 за 1902 г. журнала „Мир искусства“ помещена заметка Д. Философова „Софокл и Эврипид на Александринской сцене“, где речь идет о постановке античной трагедии Эврипида „Ипполит“, которая шла в декорациях Бакста.

545 Теляковский Владимир Аркадьевич — директор императорских театров.

546 Черепнин Николай Николаевич (р. 1873) — композитор, один из дирижеров антрепризы Дягилева, автор музыки балетов „Павильон Армиды“ и „Нарцисс“.

547 Гиппиус Зинаида Николаевна (р. 1869) — поэтесса, беллетрист, литературный критик, яркая представительница символизма; после Октября—белоэмигрантка.

548 „Новый путь“ — религиозно-философский реакционный журнал, в котором главную роль играли З. Н. Гиппиус,

Д. Мережковский, Д. Философов (1903—1904 гг. Спб., ред.-изд. П. П. Перцов, в 1904 г. ред. Философов).

549 „Демон". Врубеля был первоначально куплен В. В. фон Мекком.

550 „Сецессион" — название объединения немецких художников, организовавшегося в борьбе с официальным академическим направлением в искусстве. В берлинском „Сецессионе", организовавшемся в 1899 г., руководящую роль играли Либерман, Слефохт, Коринт.

551 Либерман Макс (р. 1849) — художник, крупнейший представитель немецкого импрессионизма.

552 По приказу императора Вильгельма министр культуры потребовал от выставочного комитета представления списка художников и проектов перестройки выставочного помещения на личное рассмотрение Вильгельма.

553 В этом заявлении Серова нашла свое отражение та обостренная борьба, которая велась внутри Училища живописи, ваяния и зодчества между реакционной частью профессуры, поддерживаемой кн. Львовым, и новаторами, к которым принадлежал Серов.

554 Т. е. для журнала „Мир искусства".

555 Петровичев Петр Иванович (р. 1874) — художник.

556 Кузнецов Павел Варфоломеевич (р. 1878) — живописец, один из основателей и характерных художников „Голубой розы".

557 Сапунов Николай Николаевич (1880—1912) — живописец, театральный декоратор.

558 Жуковский Станислав Юлианович (р. 1873) — пейзажист, культивировавший мотивы дворянской усадьбы.

559 Чирков Александр Иннокентьевич (1876—1913) — пейзажист.

560 Якунчикова Мария Васильевна (1870—1902) — художница круга „Мир искусства".

561 Обер Артемий Лаврентьевич — скульптор-анималист, выдвинутый „Миром искусства".

362 Гинцбург Илья Яковлевич (р. 1859)—русский скульптор, ученик Антокольского, представитель позднего „передвижничества“, формально членом Товарищества, как и Антокольский, не состоял.

363 Цорн Андерс (1860—1920) — знаменитый шведский живописец, портретист, скульптор, гравер, оказывал влияние на художников русского импрессионизма.

364 Идет речь о царских и великокняжеских портретах Серова, которые Дягилев добывал у собственников для выставки.

365 Рубо Франц Александрович — профессор, руководитель батальной мастерской Академии художеств.

366 Самокиш Николай Семенович (р. 1860) — живописец, рисовальщик, гравер, обращавшийся к военно-патриотической тематике.

367 „Götterdämmerung“, „Гибель богов“, опера Вагнера, б. Мариинский театр, декорации Александра Бенуа.

368 Для „Современного искусства“ Бенуа и Е. Лансере делали эскиз интерьера столовой.

369 Валгалла — мифический дворец бога Вотана, в котором обитают павшие герои.

370 Брунгильда — валкирия, дочь Вотана, образ из вагнеровских опер.

371 Аполлон — в греч. мифологии — бог искусств.

372 Гриценко Любовь Павловна — вторая жена Л. Бакста.

373 Тенишева кн. Мария Клавдиевна — коллекционер предметов искусства, субсидировала журнал „Мир искусства“, хозяйка известного имения Талашкино, где были организованы кустарные художественные мастерские, работавшие по эскизам крупнейших художников модерна.

374 С. П. Дягилев и Д. В. Философов, которые были двоюродными братьями.

375 Билибин Иван Яковлевич (р. 1876)—художник круга „Мир искусства“, график, иллюстратор русской сказки и былины, декоратор.

376 В 1905 г. Дягилев развернул в помещении Таврического дворца в Петербурге историческую выставку портретов рус-

ских и работавших в России иностранных художников XVII — XX вв.

[577] Портрет работы Серова, изображавший великого князя Михаила Николаевича в тужурке.

[578] Матэ Василий Васильевич, у которого Серов обычно останавливался в Петербурге.

[579] „Simplicissimus“ — прогрессивный сатирический иллюстрированный журнал, выходивший с 1896 г. в Мюнхене, — объединял на своих страницах острых рисовальщиков-карикатуристов с яркой социальной тематикой, в 1905 г. в „S.“ помещались злые карикатуры на русский царизм.

[580] Шествие членов „Союза русского народа“ — рисунок Е. Е. Лансере в „Жупеле“.

[581] „Зритель“ — еженедельный журнал политической сатиры, ред.-изд. Ю. К. Арцыбушев, СПб. 1905 г.

[582] Версаль (Versailles) — бывшая резиденция французских королей, пышный дворец и парк, характерный для блестящего искусства эпохи Людовика XIV.

[583] См. телеграмму № 5.

[584] Рослен Александр (Roslin), — французский портретист, швед по происхождению. В 1776 — 1777 г. посетил Петербург и исполнил несколько портретов царицы и представителей русской аристократии.

[585] Портрет Е. А. Карзинкиной написан был непосредственно после исторической выставки портретов. Стилизованный в духе старых мастеров портрет Карзинкиной был отражением этого увлечения Серова старыми мастерами.

[586] Судейкин Сергей Юрьевич (р. 1883)—живописец и театральный декоратор, участник выставок „Мир искусства“ и „Голубая роза“.

[587] Явленский А. Г. (р. 1884) — художник-импрессионист, жил и работал в Мюнхене.

[588] Яремич Степан Петрович (р. 1869)—живописец, историк искусства, музеевед, деятель по художественному образованию.

[589] Шервашидзе А. К. — художник-декоратор, художественный критик (журнал „Искусство“ 1905 г.).

[590] Сарджент (Sargent) Джон Сингер (1856—1925)—американский живописец, модный в то время портретист.

[591] „Разгогенистый“, т. е. в стиле Гогена (Gauguin P.—1848—1903), знаменитого французского живописца и скульптора, искусство которого отличалось своей экзотической тематикой и декоративизмом.

[592] Ларионов Михаил Федорович (р. 1881)—живописец-импрессионист, в дальнейшем один из членов „левых“ художественных объединений „Бубновый валет“, „Ослиный хвост“, автор теории „лучизма“.

[593] Луговская-Дягилева Т. А. — художница круга „Мир искусства“.

[594] Милиоти Николай Дмитриевич (р. 1874) и Василий Дмитриевич — художники, активные члены группы „Голубая роза“.

[595] Уткин Петр Саввич (1875—1934) — автор стилизованных и символических пейзажей, член „Голубой розы“.

[596] Гончарова Наталия Сергеевна (р. 1883)—художница, представительница так называемых „левых“ течений в живописи 900-х годов XX в.

[597] Рябушинский Николай Павлович — сын крупного московского капиталиста и издателя газеты „Утро России“, редактор-издатель журнала „Золотое руно“.

[598] „Золотое Руно“ — ежемесячный журнал (орган символистов), посвященный вопросам искусства и литературы; редактор-издатель Н. П. Рябушинский. М. 1906—1909 гг.

[599] Бальмонт Константин Дмитриевич (р. 1867) — поэт модернист, ныне белоэмигрант. В 1905 г. Серов нарисовал его портрет.

[600] В 1905 г. Л. Андреев предоставил свою квартиру для заседания ЦК РСДРП, в связи с чем подвергся некоторым репрессиям. В письме намек на свеаборгское восстание 1906 г. Боязнь новых репрессий побудила Андреева уехать за границу.

[601] Семирадский Генрих Ипполитович (1843—1902) — крупный художник, своим искусством оживлявший в конце XIX в. академические традиции в живописи.

602 В августе 1908 г. А. С. Голубкина обратилась в Училище живописи, ваяния и зодчества с просьбой принять ее сверх комплекта в Училище для усовершенствования в рисовании. В. А. Серов выступил в качестве ходатая по делу А. С. Голубкиной. Попечитель училища — московский генерал-губернатор Гершельман — в ответ на отношение директора Училища кн. Львова уведомил последнего, что ходатайство Голубкиной не заслуживает уважения.

Как явствует из письма Серова, негласным мотивом отказа была политическая „неблагонадежность“ Голубкиной. Серов, возмущенный капитуляцией Училища перед генерал-губернатором, подал в отставку и, не взирая на уговоры, своего решения не переменил (см. дело Голубкиной в архиве Училища живописи. Архив Третьяковской галереи).

603 Якулов Георгий Богданович (1884—1928)—художник и театральный декоратор.

604 Головин Александр Яковлевич (1863—1930)—художник театра, портретист, член группы „Мир искусства“.

605 Богаевский Константин Федорович (р. 1872) — живописец, литограф, иллюстратор, создатель своеобразного стилизованного пейзажа.

606 „Голубая роза“ — московская художественная выставка 1907 г., объединившая художников, творчество которых было окрашено символизмом и исканиями декоративного характера.

607 Бромирский Петр Игнатьевич (1884—1919)—скульптор стилизаторской ветви „Мира искусства“, участник „Голубой розы“.

608 Фон-Визин Артур Владимирович (р. 1882) — художник, член „Голубой розы“.

609 Матвеев Александр Терентьевич (р. 1878)—скульптор, выставлялся на выставках „Мира искусства“, в 1907 г. — „Голубой розы“.

610 Крымов Николай Петрович (р. 1884) — живописец-пейзажист.

[611] Стасов Дмитрий Васильевич (р. 1828) — брат В. В. Стасова, известный присяжный поверенный, первый председатель Совета присяжных поверенных, земский деятель.

[612] Гиацинтов Владимир Егорович (1858—1933) — искусствовед, состоял инспектором Училища живописи, ваяния и зодчества.

[613] Телеграммы № 11—12 переданы издательству С. А. Детиновым.

[614] В. А. Серов и К. А. Коровин руководили портретной мастерской Училища поочередно, работая по месяцу. Заболевшего Коровина по его просьбе заменил Пастернак.

[615] Елисейские поля, проспект в Париже (Champs Elisées), где находится Елисейский дворец — резиденция президента Республики. Салон Елисейских полей — т. е. выставка художников официального направления.

[616] Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844—1908)—выдающийся русский композитор, автор „Снегурочки", „Садко" и др. опер, а также ряда симфонических произведений, романсов и т. д. Дягилев, инсценируя „Шехеразаду" Корсакова, и в ряде других случаев, использовал метод музыкального монтажа, что вызвало острую дискуссию.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Отв. редактор *М. Иоффе.*
Технич. редактор *Э. Блейх.*
Сдано в набор 15/IX 1936 г. Подписано к печати 13 февраля 1937 г. Формат 72×104 см. 1/32 л., 27 1/2 п. л. „Искусство“ № 286, И—1. 6 7/8 бум. л. Тираж 5000 экз. Кол. зн. в б. л. 105984.
Леноблгорлит № 691. Заказ 546
21 тип. ОГИЗа им. Ивана Федорова
Ленинград, Звенигородская 11.

Цена 8 р.

Переплет 2 р.

